

АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

М. И. ФИЛАНОВИЧ

ТАШКЕНТ
ЗАРОЖДЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ГОРОДА
И ГОРОДСКОЙ КУЛЬТУРЫ

ТАШКЕНТ
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ФАН» УЗБЕКСКОЙ ССР
1983

В монографии на основе обобщения письменных сведений и новейших результатов археологических раскопок впервые воссоздается история культурного освоения территории современного Ташкента, зарождения в его пределах первого поселения городского типа, прослеживается процесс постепенного становления и развития городской культуры, обосновывается ее возраст в пределах 2000 лет. По материалам исторической топографии микроаазиса Ташкента исследуется процесс перемещения столичного центра Чача и закрепление за Ташкентом роли столицы с VI—VIII вв. н. э., а также путь развития города в эпоху развитого средневековья.

Для историков, археологов и всех интересующихся древней историей Средней Азии.

Ответственный редактор
доктор исторических
наук *А. А. Аскарлов*

Рецензенты
кандидаты исторических наук *Э. У. Усманова*
и *Г. В. Шишкина*

Ф $\frac{0507000000-2353}{М 355 (04)-83}$ 26-83

© Издательство «Фан» Узбекской ССР, 1983 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Изучение городов вообще и Средней Азии в частности — одна из главных проблем советской исторической науки. Не случайно разработкой различных ее аспектов занимаются специалисты разных отраслей знаний — археологи, историки, этнографы, демографы, социологи, экономисты и др.

Возникнув на заре цивилизации как продукт определенной стадии исторического развития оседлоземледельческих обществ, город во все времена представлял собой более подвижную часть общественного организма и всегда был лидером общественного развития, средоточием и отражением и наиболее ярких его достижений и самых глубоких противоречий, исследование которых позволяет понять закономерности и особенности развития самого общества. «...Города представляют из себя центры экономической, политической и духовной жизни народа и являются главным двигателем прогресса»¹. «Основой всякого развитого и товарообменом опосредствованного разделения труда,— писал К. Маркс, — является отделение города от деревни. Можно сказать, что вся экономическая история общества резюмируется в движении этой противоположности»².

Ташкент — один из древнейших городов Средней Азии, заслуживает всестороннего глубокого изучения, так как является не только столицей социалистического Узбекистана, но и крупным культурно-экономическим центром Советского Востока. Его история не только открывает широкие возможности для изучения социально-экономических закономерностей развития городов Востока в эпоху феодализма, но и дает богатый материал для освещения процесса становления социалистического города в крае, не прошедшем капиталистического пути развития. Город революционных традиций, высокоразвитой промышленности, науки, социалистической культуры, город мирных политических инициатив представляет большой интерес для развивающихся стран Востока.

Полное и всеобъемлющее освещение истории Ташкента с марк-

¹ Ленин В. И. Поля. собр. соч., т. 23, с. 341.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23, с. 365.

систско-ленинских позиций имеет, таким образом, не только большое научное, но и общественно-политическое значение.

Однако эта работа не мыслима без предварительного изучения всех доступных исследователю источников и на их основе конкретных фундаментальных разработок отдельных разделов истории, экономики, культуры, науки, искусства, исторической топографии, градостроительства Ташкента, начиная с глубокой древности по настоящее время. Иными словами, создание обобщающего труда по истории Ташкента возможно лишь после того, как мы будем располагать конкретными исследованиями по отдельным периодам его истории.

В последние десятилетия начата плодотворная работа в этом направлении. Так, монография Ф. Азадаева освещает социально-экономическую и политическую историю города середины и второй половины XIX в., т. е. периода, когда феодальный город был втянут в сферу экономики и политики царской России, стал центром колониального управления Туркестана, а вместе с тем объектом прогрессивного влияния передовой русской культуры и революционных традиций. Это был один из наиболее значительных периодов истории города, когда на основе зарождения элементов капиталистических отношений и расширения торговых связей, возникновения фабрично-заводской промышленности и железных дорог в Ташкенте родился и креп рабочий класс со значительной долей коренного населения, начались его первые классовые выступления, подготовившие последующее революционное движение и свержение царизма³.

Развитию социалистического Ташкента посвящен монументальный труд коллектива ученых под руководством Г. Р. Рашидова⁴. В нем освещен наиболее значительный период истории города, когда Ташкент стал центром социалистической индустрии Узбекистана и было положено начало созданию материальной базы социализма в республике, формированию кадров промышленных рабочих, советской интеллигенции.

Однако до настоящего времени нет полного исследования, всесторонне раскрывающего историю зарождения городской жизни в Ташкенте, развитие его на самых древних этапах в пору античности и средневековья. А ведь путь, пройденный городом в отдаленные от наших дней эпохи, составляет его богатое прошлое, тот базис, без изучения которого нельзя понять развитие города позднего средневековья, времени присоединения его к России и объяснить глубинные истоки, обусловившие его роль крупного административного и экономического центра Туркестана. Одна из причин недостаточной изученности кроется в недостатке материалов источников, письменных сведений, сообщений хроник, дорожников, исторических сочинений. Подобные материалы, освещающие древние этапы истории города, предельно скупы, и чем дальше в глубины его прошлого мы будем пытаться проникнуть, тем безнадежнее обращаться к письменным сведениям.

³ Азадаев Ф. Ташкент во второй половине XIX века. Ташкент, 1959.

⁴ Рашидов Г. К. История социалистического Ташкента, т. I. Ташкент, 1962, т. 2, 1966.

В свое время В. В. Бартольд, блестящий знаток письменных источников, один из пионеров изучения среднеазиатских городов, весьма pessimistically отозвался о перспективе написать историю Ташкента, так как полагал, что из всех городов Туркестанского края это возможно сделать только для Мерва, Бухары и Самарканда, в достаточной степени освещенных данными письменных источников⁵. В то же время именно В. В. Бартольд одним из первых понял и оценил огромное значение археологического изучения края, полученных таким путем материалов как равноправного источника для восстановления его истории: без вещественных следов нельзя понять письменных источников и наоборот⁶. Успех в воссоздании истории среднеазиатских городов может принести лишь комплексное использование данных археологии и письменных источников. Это доказала практика последних десятилетий, когда на территории среднеазиатского региона развернулись широкие археологические исследования городов, выявившие ряд общих закономерностей в их развитии в эпоху античности и средневековья, поставившие вопросы изучения истоков урбанизма в регионе, наметившие общую периодизацию городской жизни. Благодаря успешному сочетанию всех видов источников появились капитальные труды по истории Мерва, Бухары, Самарканда, а также не доживших до современности городов — Несефа, Пенджикента, Шахристана (Бунджиката), Нисы, Отрара, городов Хорезма, Семиречья, Ташкентского оазиса и т. д.

Комплексный подход к истории современных городов, имеющих глубокое историко-культурное прошлое, наглядно показывает, какую роль в их жизни играло исторически сложившееся сочетание природно-географических, социально-экономических и политических факторов. Одни из них (например, Мерв — Мары) с блестящим прошлым, с историей, насчитывающей более двух с половиной тысячелетий, позже утратили свою былую историческую славу. Другие, подобно Бухаре и Самарканду, также развиваясь в течение тысячелетий в пределах одной территории (Самарканд) и непосредственно на толщах своих древних культурных отложений (Бухара), стали крупными промышленными, административными и культурными центрами, быстро растущими и сохранившими свое значение до настоящего времени. К такого рода древним городам относится и столица нашей республики.

Другая причина отставания в разработке вопросов древней истории Ташкента — трудности развертывания на его территории археологических исследований. Его современная площадь (более 220 км²) поглотила тот микрооазис, который был колыбелью города, ареной перемещения его исторического ядра. Он в изобилии насыщен памятниками материальной культуры, руинами древних городищ и поселений, но почти все они перекрыты или затерты городской застройкой XIX и XX вв. Постановка археологических раскопок в городе сопря-

⁵ Бартольд В. В. Ближайшие задачи изучения Туркестана. Соч. Т. IX. М., 1977, с. 553.

⁶ Бартольд В. В. Будущее Туркестана и следы его прошлого. Соч. Т. III. М., 1965, с. 308.

жена с большими трудностями, иногда осуществима лишь при расчистке территорий и сносе старых домов. Возможности изучения некоторых исторических мест города подчас приходится ждать долгое время, пока они не окажутся в зоне городского строительства.

Специфика большого города рождает особую методику городской археологии, а результаты исследований приходится собирать по крупицам, не только привлекая факты, но и не упуская из виду косвенные материалы и признаки. Особенно важны и своевременны такие исследования в городе, где социалистические градостроительные преобразования, идущие с огромной быстротой и широким размахом, стирают последние следы древнего прошлого, остатки былой архитектуры и исторической топографии города.

С постановки наблюдений за археологическими находками в городе начались исследования Ташкента, проводившиеся десятки лет. Важность и значение таких работ еще в 50-е годы подчеркивал один из первых исследователей Ташкента М. Е. Массон: «В наши дни, когда государственным планом предусмотрены громадные мероприятия по генеральной реконструкции столицы и при составлении рабочих проектов перепланировки необходимо учитывать сложение здесь в процессе исторического развития специфических особенностей, выявление истории города приобрело особое значение»⁷.

В небывалом масштабе работы по реконструкции Ташкента начались в 1966 г., когда вся страна пришла на помощь городу, пострадавшему от землетрясения, и его территория превратилась в гигантскую строительную площадку. Городскую территорию во всех направлениях прорезали траншеи коммуникаций, коллекторов, отрывались многочисленные котлованы, прокладывались новые трассы улиц, затем первые тоннели метрополитена.

Грандиозный размах земляных работ, в результате которых родился современный прекрасный Ташкент, неизбежно мог поглотить многие памятники его древней материальной культуры. Вот почему созданный по инициативе академика АН УзССР Я. Г. Гулямова Ташкентский отряд Института истории и археологии АН УзССР начал повсеместные работы в местах городского строительства. В настоящее время Ташкентская археологическая экспедиция продолжает их во всех исторических зонах города. Выявлено более 50 наземных памятников, в том числе изучено пять городищ, около 25 замков и поселений, в процессе строительных работ обнаружено большое количество объектов материальной культуры.

К настоящему времени собран большой фактический материал, частично отраженный в печати⁸, характеризующий город Ташкент на всех этапах его развития от древности до позднего средневековья, но

---

⁷ Массон М. Е. Прошлое Ташкента (археолого-топографический и историко-архитектурный очерк).— Известия АН УзССР, 1954, № 2, с. 106.

⁸ Наиболее крупные коллективные монографии: Древний Ташкент. Ташкент, 1973; Древности Ташкента. Ташкент, 1976; У истоков древней культуры Ташкента. Ташкент, 1982.

главным образом позволяющий осветить наиболее отдаленные этапы его истории, о которых умалчивают письменные источники.

В данной работе обобщены наиболее важные результаты многолетних археологических исследований на территории «Большого Ташкента», проведенных Ташкентской экспедицией.

Использованы и проанализированы также данные археологических наблюдений, раскопок и обобщений исследователей прошлых лет, дополняющие наши материалы. Мы попытались привлечь все доступные сведения разновременных письменных источников, относящихся к региону Средней Сырдарьи, Ташкентскому оазису и городу Ташкенту, проанализировав их в свете данных археологического изучения.

На основе исследования комплексного материала источников возникает ряд проблем, в числе которых вопросы истории собственно города Ташкента — определение его возраста, истоков городской культуры, путей сложения городского организма, особенностей развития на различных этапах — переплетаются и встают в зависимость от некоторых общих вопросов среднеазиатской археологии, в первую очередь таких, как генезис, хронология и периодизация археологических культур Ташкентского оазиса. Этим вопросам отведено определенное место на том основании, что в пределах Ташкента изучен памятник, своеобразная археологическая «билингва», стратиграфическая колонка которого представляет развитие двух древнеземледельческих культур оазиса — бургулюкской и каунчинской, а на других объектах города продублированы отдельные ступени этой колонки.

Вопрос же хронологии и периодизации этих культур, особенно Каунчи, как известно, имеет свою историю и до сих пор еще не решен. В связи с рассмотрением его на ташкентских материалах неизбежно обращение к истокам древнеземледельческих культур оазиса, источникам и путям урбанизации, вопросам взаимодействия контактирующих на территории Ташкента оседлых и кочевых культур, к феномену «консервативно устойчивой каунчинской общности», характеру культурного синтеза и интеграции на разных хронологических этапах.

Основное же внимание в работе уделено зарождению и этапам становления города и городской культуры на территории Ташкента от возникновения первого оседлого поселка до сложения городского организма. Рассмотрены также вопросы периодизации городской жизни и перемещения основного городского ядра в пределах ирригационного микрооазиса.

Данные исследований памятников Ташкента проливают некоторый свет на вопросы структуры города эпохи раннего и развитого средневековья и роли города в системе округи и отчасти типологии, социально-топографической характеристики округи. Формой общественного сознания в древности была система культовых представлений и связанная с ней обрядность и формы строительства. Материалы изучения Ташкента позволяют проследить развитие некоторых форм идеологических представлений населения.

Результаты исследований, использующиеся для рассмотрения ука-

занных вопросов, получены на территории Ташкента не только в процессе работ, связанных с зонами строительства, но и в ходе археологических раскопок, предпринятых со специальной целью выявления времени, характера и динамики культурно-ирригационного освоения Ташкентского микрооазиса, определения места его изначального городского ядра.

В изучение древней истории Ташкента большую лепту внесли все члены Ташкентской археологической экспедиции — первый начальник Ташкентского отряда В. А. Булатова, члены экспедиции Л. Л. Ртвеладзе, Э. В. Ртвеладзе, Д. Г. Зильпер, Л. Г. Брусенко, [Д. П. Вархотова], В. И. Спришевский, М. Р. Касымов, У. И. Исламов, У. Алимов, И. А. Ахраров, Ш. Р. Пидаев, О. А. Папахристу, А. А. Грицина, П. Валиев, В. Карасев, художники Р. Кривошей, Д. Файзирахманов, А. Задоя, фотографы Э. Юлдашев и С. А. Давыдов, помощники в организации раскопочных работ шоферы Я. Нигматов и М. Умаров, М. Ходжимуратов.

Архитектурная документация по городищам Шаштепа, Кугаитепа и Актепа Юнусабадскому составлена группой ленинградских архитекторов под руководством Л. Л. Гуревича.

В составе Ташкентской экспедиции наряду с постоянным составом археологов в разное время работали специалисты смежных наук — нумизматики, антропологии, геоморфологии, палеоботаники и почвоведения, палеозоологии. За ценные консультации и представленные в его распоряжение материалы автор искренне благодарен Г. Ф. Тетюхину, Т. К. Ходжайову, Т. Н. Худайбердыеву, У. Абдуназарову, Т. Казаковой.

ВВЕДЕНИЕ

ИСТОРИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ТАШКЕНТА И ИСТОРИОГРАФИЯ ВОПРОСА

Изучение Ташкента в археологическом плане началось со второй половины XIX в. Несколько ранее предпринимались попытки составить очерки истории города по отрывочным и немногочисленным упоминаниям о Ташкенте в средневековых письменных источниках. Первая попытка принадлежит есаулу Телятникову, оставившему рукопись «Взгляд на Ташкент с начала прошедшего столетия по 1840 год». Последовавшие за этим статьи и публикации — И. В. Ханькова в примечании к «Поездке Поспелова и Бурнашева в Ташкент в 1800 г.», Д. И. Эварницкого «Краткая история города Ташкента» в «Путеводителе по Средней Азии от Баку до Ташкента в археологическом и историческом отношении (1893 г.)», А. Шишова «Исторический очерк Ташкента» в «Сборнике материалов для статистики Сырдарьинской области, т. XI (1904 г.)», В. С. Гаевского «Историческая справка о Ташкенте (1907 г.)» — наряду с данными источников содержат представления о прошлом Ташкента, основанные на легендарных сведениях. Как отметил еще в 1954 г. М. Е. Массон¹, чаще всего авторы находились под впечатлением легенды об Иски Ташкенте, согласно которой древний Ташкент находился на берегу Чирчика в 40 км от современного города, в который жители перешли еще до арабского нашествия, якобы, в связи с какой-то катастрофой. До того момента, гласила легенда, жизни на территории современного Ташкента не было.

Даже в 40—50-е годы XX столетия в ряде работ исторического, архитектурного порядка и путеводителей повторялись утверждения о застойности в развитии Ташкента, столетиями не менявшего своего облика в период XV—XVII вв. Город характеризовали как второстепенный, провинциальный².

Первые очерки о Ташкенте определялись уровнем развития знаний того времени, но они положили начало изучению истории Ташкента. Ко второй половине XIX в. восходит и начало археологической деятельности на его территории представителей (образованной части)

¹ Массон М. Е. Прошлое Ташкента, с. 105.

² Полупанов С., Яралов Ю. Ташкент. М., 1949, с. 5; Лавров В. А. Градостроительная культура Средней Азии. М., 1950, с. 112.

русских чиновников, военных, интеллигенции; почти все они жили в Ташкенте, где размещались учреждения Управления Туркестанского генерал-губернаторства: административные, финансовые, военные и большинство учебных заведений. Край привлек внимание и ученых-востоковедов, посещавших его в разное время после присоединения к России. Повышение интереса русской науки к Средней Азии, ее прошлому и настоящему, ее культуре, быту населяющих ее народов обусловило появление ряда ценных трудов и открытий, ставших одним из прогрессивных последствий присоединения Туркестана к России.

Первые шаги на археологическом поприще носили характер собирательства, коллекционирования древностей, публикации заметок о них в местной печати. Не только местные археологи-краеведы того времени, но и многие крупные специалисты-археологи дореволюционного времени оставались «вещеоведами» и не шли дальше описания находок. Однако именно благодаря стараниям этих энтузиастов, фиксировавших место происхождения той или иной находки и ее характер, мы получаем в настоящее время большое количество информации по археологической карте Ташкента, его исторической топографии, многие элементы которой безвозвратно утрачены. На уровне знаний сегодняшнего дня они находят свою интерпретацию и пополняют фактологическую базу для выявления древней истории города. Таков «Очерк археологических изысканий в Туркестанском крае до учреждения Туркестанского кружка любителей археологии» (1896 г.) Н. Лыкошина. В нем можно почерпнуть сведения о находках древнейших монет и предметов, в частности бомбовидных сосудов (симобкузача. — М. Ф.) у Чагатайских ворот, кладбищах с домусульманским обрядом погребения (оссуарии), по дороге в сел. Никольское (Луначарское. — М. Ф.) вдоль канала Карасу, а также о раскопках бугра Шортепа и курганов с камерами внутри, предпринятых директором гимназии Н. П. Остроумовым на этих территориях (ныне район ул. Циолковского. — М. Ф.) в 1887 и 1893 гг. Есть и подробные описательные отчеты о раскопках, составленные самим производителем работ, но верной датировки и культурной ориентации обнаруженных памятников автор предложить не мог.

В эти же годы в частных коллекциях любителей старины были сосредоточены крупные собрания древних монет и предметов, найденных в Ташкенте, особенно оссуариев, в большом количестве найденных в различных районах города и ближайших окрестностях. Целое кладбище оссуариев обнаружено по берегам Карасу, где эти глиняные гробики стояли группой один к другому. Е. Т. Смирнов, сделавший подборку находок древностей в окрестностях Ташкента, дал первое описание этих ящиков овальной формы с крышками, ручки которых увенчаны изваяниями птиц с распростертыми крыльями или человеческими головками. Описана даже сюжетная сцена: два человека, осененные деревом³. Автор определил обряд захоронения в этих оссуариях не как

³ Смирнов Е. Т. Древности в окрестностях г. Ташкента. — ПТКЛА, I. Ташкент, 1896, с. 10.

классически зороастрийский, а как еретический. Это было самое богатое местонахождение оссуариев за все годы изучения Ташкента вообще. Отдельные находки продолжали попадаться, причем самая ранняя из известных относится к 1871 г. В 70-е годы Ташкент посетил востоковед А. Л. Кун для сбора материалов и коллекций для учебных обществ России. В 1871 г. он выслал в Петербург пятнадцать ящиков с археологическими находками, в том числе один с находками из Ташкента⁴.

В 80-е годы для исследовательских целей в Туркестане побывал Н. И. Веселовский, который вел переговоры с ташкентскими археологами-краеоведами о раскопках близ Ташкента⁵, стремясь подсказать им наиболее важные объекты изучения. Деятельность самого Н. И. Веселовского, носившая в Туркестане характер археологических разведок, оценивается положительно. Он правильно интерпретировал бугры-тепа как оплывшие руины строительных остатков древних жилищ. Однако его раскопочные работы были лишены методички. Эталонным подходом к изучению древностей Туркестана были разведки другого востоковеда — П. И. Лерха, совершившего поездку в Туркестан в 1867 г. и сориентировавшего исследователей на розыск, тщательное описание и сохранение нумизматических, археологических и этнографических памятников.

Облик многих археологических объектов — бугров и памятников старины Ташкента — запечатлели посетившие край художники Д. В. Вележев, В. В. Верещагин, специально интересовавшийся археологией и проводивший небольшие раскопки, и Н. Н. Каразин⁶.

В 90-е годы впервые обследовались и памятники средневекового зодчества Ташкента. Художник Н. Н. Щербина-Крамаренко оставил зарисовки и фото медресе Кукельдаш, Барак-хана, мавзолеев Каффаль-Шаши, Зайнабдина Бобо, Юнусхана⁷.

К собиранию предметов старины приобщались и представители коренного населения города. Активным собирателем древностей и коллекционером был Акрам Аскарлов, привлекавшийся к исследовательским работам Н. И. Веселовским и приобретший опыт в определении мусульманских монет. За оказанные археологии услуги он был награжден серебряной медалью Русского археологического общества⁸.

С 1895 года, после открытия в Ташкенте Туркестанского кружка любителей археологии, который возглавил Н. П. Остроумов, процесс накопления фактов по истории края, в том числе и Ташкента, стал более систематическим и вошел в научное русло. Члены кружка осуществляли сбор материалов обследования памятников и письменных источников, раскопки, переводы. Весьма ценным было то, что члены кружка печатали статьи, отчеты и доклады в регулярно выходившем

⁴ Луinin Б. В. Из истории русского востоковедения и археологии в Туркестане. Ташкент, 1958, с. 25.

⁵ ЗВОРАО, т. VII, 1892, с. 349.

⁶ Луinin Б. В. Указ. соч., с. 36.

⁷ Щербина-Крамаренко Н. Н. По мусульманским памятникам. — СКСО, вып. IV. Самарканд, 1896.

⁸ Луinin Б. В. Указ. соч., с. 42.

с 1896 г. издания «Протоколов Туркестанского кружка любителей археологии». В этом издании одним из первых обобщающих сводов находок в Ташкенте стали упомянутые очерки Н. С. Лыкошина и Е. Т. Смирнова⁹. Причем Е. Т. Смирнов не только описал основные городища Ташкента Мингурюк (Ярмарочный холм), Ханабад, Ногай-курган и др., но попытался их систематизировать и проанализировать. Он отметил одно важное обстоятельство, что по линии ташкентских оросителей Салар-Джунской системы и Карасу сосредоточено очень много древних бугров и насыпей в то время, как по Бозсу ниже водораздела их сравнительно мало¹⁰. Отмеченное им соотношение памятников прослеживается и в настоящее время. Указание Е. Т. Смирнова исключает таким образом объяснение этого факта только последующей утратой объектов в процессе городской застройки. Оно делает более вероятной зависимость этого факта от определенной очередности освоения гидросистем, при которой Салар-Джунская система оказывается наиболее ранней. Кстати, Е. Т. Смирнов считал Салар древнейшим магистральным каналом с водоприемником из Чирчика, а Бозсу — его разводным арыком. К таким же древнейшим ирригационным сооружениям он относил Карасу и некоторые каналы левого берега Чирчика и каналы по р. Ангрен, Кариз, Шаракия, Кан и др.

Е. Т. Смирнов заметил, что сооружения оросительных каналов относятся ко времени постройки сооружений под буграми, расположенными в их зонах. По находкам оссуариев близ многих бугров он также впервые связал эти погребальные объекты с самими сооружениями бугров. В настоящее время подобную взаимосвязь повсеместно в Ташкенте уже невозможно проследить. Он же проанализировал названия основных ташкентских оросителей, связав их с именами полулегендарных лиц доисторической эпохи Средней Азии и терминами «древнеарийского» происхождения: Кайкаус, Заль, Салар. Е. Т. Смирнов первым рассматривал бугры и насыпи как возможный источник для воссоздания истории Ташкентского оазиса и самого Ташкента. Отметив, что нигде не встречено такого большого количества этих объектов, как в Ташкентском районе, он сделал вывод, что в древности площадь оседлости района была намного больше, чем в его время, и густота населения была очень большая. Эта многолюдная область имела и свой главный город, которым считался Ташкент.

Е. Т. Смирнов приводит бытовавшее представление о том, что в древности город был в Иски Ташкенте, а на правом берегу Чирчика их было два. Первая местность такого названия — выше селения Иски Ташкент, вторая — в 5 верстах юго-западнее ст. Ниязбаш в виде следов большого городища на ар. Джун¹¹. Первое предположение автор отбросил, так как не заметил здесь следов городища, которое, возможно, смыли воды Чирчика. Второе он считал вряд ли возможным, поскольку относил городище ко времени не ранее X в.

⁹ Лыкошин Н. С. ПТКЛА, I, 1896, с. 42.

¹⁰ Смирнов Е. Т. Указ. соч., с. 13.

¹¹ Имеется в виду городище Каунчитепа, которое автор, видимо, ошибочно помещает не на ар. Куркульдук, а на ар. Джун.

При уровне знаний того времени ошибка, допущенная Е. Т. Смирновым в хронологии Каунчитепа, вполне закономерна, а по аналогиям с этим городищем он датировал и бугры в пределах самого города, придя на этом основании к ложному выводу о том, что теперешний Ташкент «едва ли древнее времени после нашествия монголов».

Рациональным зерном в рассуждениях Е. Т. Смирнова было переданное им традиционное представление о нестабильном развитии города Ташкента, о перемещении с одной территории на другую.

Большой вклад в дело собирания и накопления для науки материалов по истории Ташкента, помимо Н. С. Лыкошина и Е. Т. Смирнова, внесли также Н. П. Остроумов, Н. Г. Маллицкий, А. А. Диваев, М. С. Андреев, И. Т. Пославский, Н. Маев, А. А. Семенов, В. П. Наливкин, Д. С. Граменицкий и др.

Члены кружка вели систематические разведочного характера наблюдения за буграми (тепа) в Ташкенте, за находками с них, осуществляли их фиксацию. Н. П. Наливкин дал первое обстоятельное описание Актепа, расположенного в 4 км северо-восточнее тогдашнего города, близ одноименного канала (Актепа Юнусабадское.— М. Ф.), отметил наличие в нем сводчатых ходов и указал на его строения из сырцового кирпича и глинобитные стены¹². Д. С. Граменицкий, М. С. Косценец, И. Т. Пославский собрали некоторые сведения о Ханабдтепа¹³.

Как уже отмечалось, силами членов кружка в городе проводились некоторые раскопки. Археологи-любители делали это без какой-либо научной методики, так как в то время даже в официальной археологической науке научно-методические разработки по сути дела отсутствовали. Раскопки эти проводились с различной степенью соблюдения минимальных научных требований, результаты их чаще всего не приводили к точной интерпретации раскопанных объектов, но ценными оказались материалы и итоги, нашедшие отражение в публикациях и до сих пор не утратившие значения, ибо освещают состояние памятников на том отрезке времени.

Показательный пример раскопок того времени — раскопки Н. П. Остроумова в 1896 г. Шаштепа на берегу ар. Ангар (Джун). Типично для того времени сформулирован итог этих работ: обнаружены сложенная из сырцового кирпича остроугольная арка и различные предметы древности, холм некогда представлял сторожевой пост и мог иметь подземное жилище или потаенные ходы к воде на случай осады¹⁴.

Естественно, из такого определения сделать какие-либо выводы о времени жизни и истории сложения памятника невозможно, хотя внимание раскопщика холм привлек своим названием, сходным с древ-

¹² Наливкин Н. П. О курганах в окрестностях Ташкента.— Архив главного научно-производственного управления Министерства культуры УзССР, д. № 34, с. 130.

¹³ Граменицкий Д. С. Заметки о древних урочищах Туркестанского края.— Туркестанские ведомости, 1876, № 12, с. 15.

¹⁴ ПТКЛА, I, 1896, с. 31—35.

ним названием Ташкента (Шаш) и, следовательно, от его раскопок исследователи могли получить какие-то факты по истории города.

Таким образом, первые исследователи памятников Ташкента уже ставили цель использовать результаты археологических раскопок как источник для воссоздания истории Ташкента, наряду с изучением письменных памятников. Получить осязуемые плоды не позволял ограниченный уровень научных знаний об истории материальной культуры края вообще. Обширный фактический материал по истории Средней Азии, в том числе Ташкента, дал на основе изучения письменных источников В. В. Бартольд. Его работы «Туркестан в эпоху монгольского нашествия», «К истории орошения Туркестана», «История культурной жизни Туркестана», статьи являются основополагающими при изучении исторической топографии Шаша в целом и Ташкента в частности. Уже тогда он определил, что город Бинкет, упоминаемый в арабских источниках X в., находился на месте Ташкента и являлся столицей области. Составленная В. В. Бартольдом характеристика города была тогда последним словом в науке¹⁵.

Новый этап исследования города, как и всей Средней Азии, связан с деятельностью созданного при Советской власти Туркомстариса — Средазкомстариса — Узкомстариса (последовательно менявшиеся названия одного учреждения, существовавшего с 1920 по 1928 гг.). В этот период основным направлением была охрана памятников материальной культуры, прежде всего архитектуры¹⁶. Исторической топографией и историей Ташкента в это время занимался Н. Г. Маллицкий, а с 1925 г. и В. А. Шишкин¹⁷.

Детальное археолого-топографическое обследование города проводил М. Е. Массон. С 1924 г. он начал систематические наблюдения за новостройками и городскими земляными работами, осуществлял разведки и раскопки в городе и окрестностях, регистрировал нумизматические и археологические поступления на антикварном рынке¹⁸. Наблюдения М. Е. Массона в сочетании с данными источников и картографическим материалом позволили ему сделать ряд обобщений и важных выводов к схеме города X в., наложенной на современный план Ташкента¹⁹ и оставшейся до настоящего времени важным документом по исторической топографии средневекового города.

¹⁵ Бартольд В. В. Ташкент. Соч. Т. III. М., 1965, с. 499.

¹⁶ Массон М. Е. Краткий очерк истории изучения Средней Азии в археологическом отношении. — Труды САГУ, вып. LXXXI. Ташкент, 1956, с. 16.

¹⁷ Маллицкий Н. Г. Ташкент. — Известия Ташкентской гор. думы, 1915, № 1; Он же. Ташкентские махалля и мауза. — В сб.: В. В. Бартольду. Ташкент, 1927, с. 105—121; Шишкин В. А. О названиях ташкентских махалля. — Бюлл. Ташкентского новгородского исполкома, 1925, № 4, 5; Он же. Дневники за 1925—1926 гг. (личный архив, тетр. № 9).

¹⁸ Массон М. Е. Монетные находки в Средней Азии в 1917—1927 гг. — Известия Средазкомстариса, вып. 3. Ташкент, 1928, с. 280—293; Он же. Монетные находки, зарегистрированные в Средней Азии в 1930—1931 гг. — Материалы Узкомстариса, вып. 5. Ташкент, 1933; Он же. Клад утвари фальшивомонетчика XIV в. под Ташкентом. — Известия Узкомстариса, вып. 4. Ташкент, 1933.

¹⁹ Массон М. Е. и др. Историко-археологическое изучение мавзолея Юнусхана в Ташкенте. — Труды САГУ, вып. 61, 1953, с. 171—199; Он же. Ахангеран.

В работу по исследованию археологических и архитектурных памятников города включился В. Д. Жуков. Под руководством М. Е. Массона, в содружестве с архитекторами Ш. Ратия, Л. Н. Ворониным велись раскопки медресе Барак-хана, обследование тепа Ташкента и его окрестностей, А. И. Тереножкиным и В. Л. Ворониной — раскопки Актепа и наблюдения на Ташкентском канале, Т. Миргязовым — обследование города и тепа, Д. Д. Букиничем — наблюдения за ирригационной системой в городе, М. Е. Воронцом — наблюдения на территории города и в окрестностях, Я. Г. Гулямовым — наблюдения в Ангрене и окрестностях²⁰.

В годы Великой Отечественной войны и послевоенные годы работы по исторической топографии Ташкента и его районов вела под руководством М. Е. Массона кафедра археологии Средней Азии Ташкентского государственного университета им. В. И. Ленина, где читался курс исторической топографии Ташкента и Ташкентского района, велись рекогносцировочные работы на отдельных городищах и в самом городе. В этот период были обследованы территория за Кукчинскими воротами, район кладбища Ходжа ва Ходжа, район у ворот Лабзак, южный район города — Чиланзар (Тешикликтепа, Хастепа, урочище Науза, Козибад, Домбрабад и др.); в восточной части города — так называемые никифоровские земли; за пределами города — Ханабаттепа, Таукаттепа, Ногай-курган, Куганттепа, Ниязбек-кала; обследованы архитектурные памятники: мавзолей Юнус-хана со всем прилегающим комплексом²¹.

Археолого-топографический очерк. Ташкент, 1953, с. 41; Он же. Прошлое Ташкента.

²⁰ Жуков В. Д. Предварительный отчет об археологическом наблюдении над земляными работами в медресе Барак-хана в 1935 г. — Архив ГУ ОПМК, рук. № 15; Букинич Д. Д. Новые данные для истории канала Бозсу. — СОНАТ, 1937, № 6; Воронин Л. Н. и Ратия Ш. Е. Медресе Барак-хана в Ташкенте. — Архитектура СССР, 1936, № 1, с. 67—72; Тереножкин А. И. Памятники материальной культуры Ташкентского канала. — Известия УзФАН СССР, 1940, № 6; Он же. Холм Актепе близ Ташкента (раскопки 1940 г.); Воронина В. Л. Архитектура замка Актепе близ Ташкента по данным работ 1940 г. Обе статьи в ТИИА АН УзССР, т. 1. Ташкент, 1948, с. 71—158.

²¹ Историческая топография Ташкента и историческая топография Ташкентского района. Курс лекций М. Е. Массона на кафедре археологии Средней Азии ТашГУ с 1939 г.; Массон М. Е. Городище Ханабат — Сборник студенческих работ САГУ, вып. 3. Ташкент, 1951, с. 73—87; Массон М. Е. и др. Историко-археологическое изучение мавзолея Юнус-хана в Ташкенте, с. 171—199; Усманова З. Материалы по средневековой керамике г. Ташкента. — Сборник студенческих работ САГУ, вып. 10, 1955, с. 60; Баишев И., Массон В. Археологические разведки в районе Ташкента. — Труды САГУ, вып. XXI, 1956, с. 133; Лунина С., Усманова З. Из археологических наблюдений на Куганттепе близ Ташкента. — Труды САГУ, вып. XXXI, 1956, с. 146; Буряков Ю. Ф. Городище Мингюрюк в Ташкенте. — Труды САГУ, вып. LXXXI, 1956; Буряков Ю. Ф., Зильпер Д. Г. Археологические наблюдения в 1957 году на городище Мингюрюк в Ташкенте. — Труды ТашГУ, вып. 172, 1960, с. 128—146; Лунина С. и Усманова З. Керамика с поселения Ногай-курган близ Ташкента. Там же; Ташходжаев Ш. Средневековый керамический комплекс из шурфа у медресе Кукельдах в Ташкенте. Там же, с. 190—196; Крашенинникова Н. И. К вопросу об изучении древних могильников Ташкентского оазиса. — Труды ТашГУ, вып. 225, 1966, с. 26—33.

Кроме того, в 50—60-е годы работы в городе вели Институт истории и археологии АН УзССР, Главное управление по охране памятников культуры при Министерстве культуры УзССР, Музей истории народов Узбекистана. Эти учреждения изучали памятники архитектуры, осуществляли наблюдение за земляными работами²².

Таким образом, археологические наблюдения, фиксация находок, небольшие раскопки велись на территории города почти постоянно. Собранные в процессе работ материалы и накопленный богатый опыт подготовили прочную научно-методическую базу для широкого научного обследования, объединенного единой программой, которое вошло в задачу Ташкентского археологического отряда Института истории и археологии АН УзССР с 1967 г. С особо широким размахом эти работы проводятся Институтом археологии с 1978 г. на площади города будущего, каким он должен был стать после реконструкции. Отличительную особенность работ последних лет составляет проведение раскопок отдельных памятников на широких площадях.

ФИЗИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ И ГЕОМОРФОЛОГИЧЕСКИЙ ОБЗОР ТАШКЕНТСКОГО МИКРООАЗИСА

Территория современного города Ташкента составляет часть При-ташкентского района, орошаемого р. Чирчик и разветвленной гидро-сетью, питающейся из него. Это часть широкой предгорной равнины, начинающейся от западных склонов и предгорий Тянь-Шаня и полого спускающейся к р. Сырдарья. На западе она ограждена тремя высокими хребтами отрогов западного Тянь-Шаня, разделенного речным протоком в узких ущельях, расширяющегося при выходе в долину в районе Чарвакского водохранилища. Первый хребет — отрог Талаского Алатау — Угамский высоко поднимается над ущельем, по которому несется р. Пскем.

Над южным берегом Пскема нависает второй — Пскемский хребет, отделенный долиной Чаткала от третьего, Чаткальского хребта. У стыка Пскема и Чаткала сливаются одноименные протоки, чтобы дальше, выйдя из тесных гор, вместе продолжать путь по широкой долине в русле Чирчика.

Подобно широкому пологому амфитеатру спускается Чирчикская долина навстречу горячему дыханию Кызылкумов, которое вместе с горами влияет на ее климат. В центре долины климат резко континентальный, но более влажный, чем в Фергане и на юге республики. При жарком сухом продолжительном лете большая часть осадков выпадает весной, меньшая осенью, в общем достигая 300—700 мм в год.

²² Шишкин В. А. Полевые исследования Узбекской археологической экспедиции в 1960 г. Вып. 3. Ташкент, 1962, с. 14. О Мингурюке см.: ИМКУ, вып. 2, 1961, с. 32; ИМКУ, вып. 3, с. 13—14; О Ниязбек-кала см.: ИМКУ, вып. 2, с. 33; Немцева Н. Б. Отчеты и дневники. Архив ГУ ОПМК, 1952, В. И. Спришевский в 1947 г. производил раскопки на городище Тешик-купрюк; археологический материал хранится в фондах Музея.

Зима также более суровая, отличается иногда сильными морозами, заморозки бывают весной и осенью.

По геоморфологическим данным формирование рельефа равнины в ее верхних геологических горизонтах происходит за счет сноса осадков с гор и эоловых процессов в четвертичную эпоху. Этажность современного рельефа внутри города отражает последовательность формирования равнины в течение всего четвертичного периода. Самый ранний этап ее формирования восходит к среднечетвертичному периоду, когда произошло основное накопление лесса на равнине, отложения которого составляют Ташкентскую террасу — высший этаж рельефа равнины с определенной расчлененностью. В пределах современного города он прослеживается в основном в его северо-восточной и западной возвышенной части.

Средний этаж рельефа образует поверхность, отвечающая уровню голоднестепской террасы, формирование которой относят к позднечетвертичному периоду. Поверхность этой террасы плоская, широкой полосой простирающаяся по правобережной долине Чирчика на юге и востоке города. Прослеживается она и в долинах Салара, Бозсу и Каракамыша.

В голоцене сформировались две надпойменные террасы²³ и пойма. Площади этих террас образовались в долинах Каракамыша, Салара и по долине Чирчика. Формирование их рельефа продолжается до настоящего времени, особенно это касается отложенной поймы. Об этом же свидетельствуют и усилившаяся в голоцене тектоническая деятельность, обусловившая резкое возрастание глубинной эрозии. Отмершие площади голоценовых террас, геологически самых молодых, с очень плоской поверхностью, занимают долину р. Чирчик и образуют наиболее низкий этаж рельефа в городе. Молодые террасы местами врезаются в отложения старых (например, Голоднестепской). Примером древнейшего накопления в голоцене может служить долина протоков Каракулдук и частично Джун, идущих в сторону Янгюля вдоль уступа Ташкентской террасы на поверхности Голоднестепской. Здесь уклон поверхности последней, ранее направленный вдоль потока и к руслу Чирчика, сейчас обращен в сторону уступа ташкентской террасы²⁴.

Наиболее наглядным примером террасированного рельефа города служит улица Ш. Руставели и дорога в г. Чирчик. При движении по первой улице от центра к Сергелийскому кольцу слева наблюдается пологий склон в сторону долины р. Чирчик, к поверхности Абайской террасы, а справа — крутой подъем к самому высокому уровню в городе, поверхности Ташкентской террасы. Здесь выделяются две поверхности Ташкентского цикла; наиболее высокая и широко развитая находится в северо-восточной части города. Однако и там есть сеть сухих долин, сопрягающихся с долиной р. Чирчик и образующих указанную этажность рельефа. Профиль дороги, идущей от центра г. Ташкента

²³ Первая надпойменная терраса и пойма составляют сырдарьинский цикл.

²⁴ Тетюхин Г. Ф. У истоков древней культуры Ташкента. Ташкент, 1982, с. 12, рис. 2.

в сторону г. Чирчика, образует волнистую линию, то поднимаясь до уровня высоты ташкентской террасы, то опускаясь до низких надпойменных террас Сырдарьинского цикла.

За последние тысячелетия естественный рельеф микроазиса в значительной степени преобразован деятельностью человека, что коснулось в основном покровной части рельефа. Так, террасообразные поверхности вдоль каналов, особенно в местах их пересечения водораздельными массивами, своим появлением обязаны режиму эксплуатации ирригационной сети.

Следствием эксплуатации ирригационной сети и действия сбросных вод является эрозия почвенного покрова и карстовые образования вдоль Бозсу и Каракамыша. Свое воздействие на рельеф оказало и обживание его участков человеком. Так, по ул. Навои остатки хозяйственной деятельности человека (XI в.) обнаружены в толще лесса на глубине до 7 м от поверхности, на значительно большую глубину преобразована поверхность в связи со строительными работами, эксплуатацией кирпичных заводов и проведением каналов²⁵.

После землетрясения 1966 г. в связи с резким увеличением строительства города рельеф подвергся преобразованию практически на всей территории Ташкента (данные Г. Ф. Тетюхина). В процессе эволюции города следы преобразования поверхности равнины человеком во многих пунктах достигли глубины 8—10 м. К покровному горизонту террас Ташкента приурочены все археологические памятники исторического периода.

При формировании основного рельефа Приташкентского района накопление осадков и повсеместное распространение плодородной почвы на мощных лессовых отложениях с древности создавало здесь благоприятные условия для развития хозяйственной деятельности человека. Этому способствовало также наличие сети хотя и не крупных, но постоянно действующих речек, обеспечивающих потребность в воде. Долины мелких рек и временных потоков характеризуются относительно небольшими уклонами дна и пологими склонами. Все это в целом образует мягкий полого-волнистый рельеф. Даже искусственные сооружения, способствующие расчленению поверхности равнины (древние ирригационные каналы), лишь на отдельных участках образуют врезы, уступы и крутые склоны. Однако расчлененность ограничена в распространении обычно узкими участками преимущественно там, где каналы пересекают водоразделы естественной гидрографической сети.

Геологические и геоморфологические исследования позволяют в определенной степени дифференцировать разветвленную гидросеть равнины, выделив из естественной сети ирригационные каналы, а также различить участки арыков, где они проведены через водоразделы, а где — через естественные долины.

Формирование речной системы всего Приташкентского района относится к неогену, когда дно отступившего моря, оставившего отложения известняка, поднялось. К этому же времени приурочивается усиление

²⁵ Тетюхин Г. Ф. Указ. соч., с. 10.

аридизации, выраженной в сезонности климата²⁶. В то же время р. Чирчик наряду с Келесом и Ахангараном, будучи самостоятельным протоком и разработав широкую долину, пересекла равнину. С поворотом в конце четвертичного периода Палеосырдарьи на восток и прекращением существования этих протоков р. Чирчик превратилась в приток Сырдарьи. В долине Чирчика завершилось формирование речной сети, наиболее разветвленная часть которой приходится на современную территорию Ташкента. Своим наполнением вся эта сеть обязана Чирчику. Выше города вода из этой реки забирается протоком Бозсу и после распределителя идет по Салару, Карасу, Каракамышу, Бозсу—Калькаусу и другим более мелким. Все русла проходят и по естественным долинам и по водоразделам. По мнению геоморфологов, нет ни одного канала на территории города, не проходящего на определенных участках по естественным долинам²⁷. Эти естественные долины с их притоками сквозными линиями членят рельеф города в общем направлении с северо-востока на юго-запад. Крупнейшим является водораздел между Каракамышом и Ащесаем. Через весь город проходит примерно по параллелям водораздел, расчлененный каналами Калькаус и Анхор, третий крупный — между Саларом и Каракамышом, еще один — между Саларом и Чаули и др. Современная поверхность основных водоразделов примерно соответствует первоначальному уровню Ташкентской террасы. Со временем ее формирования связывается максимальное оледенение в горах, увеличившее водонакопление всех рек и протоков, интенсифицирующее разработку долин основными проходившими по этой террасе естественными руслами Ташкентского микрооазиса.

Один из крупных каналов — Салар — на своем пути в основном использует естественную более молодую, чем у Бозсу, долину. Сначала он протекает по поверхности Голодностепской террасы, а примерно на ул. Куйбышева переходит на поверхность самых молодых голоценовых террас. Он менее заглублен, чем Бозсу, и орошает более пониженную по рельефу южную и юго-восточную части большого Ташкента. Каналом местами разработана широкая долина, сопрягающаяся с обширными, многие годы обрабатываемыми под посевы площадями.

Крупные каналы Каракамыш и Нижний Бозсу, протекая по естественным долинам, местами образуют в голодностепских отложениях отвесные каньоны. Канал Бурджар протекает по поверхности абайской террасы.

Как уже отмечалось, в позднеголоценовый период существенную преобразующую роль в рельефе стала играть трудовая деятельность человека, способствовавшая еще большей расчлененности рельефа. Этажность естественного рельефа и связанная с ней разная степень заглубленности естественной гидросети — одна из главных причин определенной этапности ирригационно-культурного освоения микрооазиса Ташкента в процессе земледельческой деятельности. Юго-восточная

²⁶ Тетюхин Г. Ф. Палеогеоморфология территории Узбекистана в четвертичный период. Ташкент, 1978, с. 98.

²⁷ Тетюхин Г. Ф. У истоков древней культуры Ташкента, с. 15.

часть территории, где пролегали долины мало заглубленных протоков Джун — Салар — Карасу, более доступна для использования на орошение и составляет первую очередь такого освоения. Центральная и северо-западная части осваиваются позднее.

В итоге ирригационного строительства вся гидрографическая сеть оказалась включенной в сферу действия каналов. Даже такой водоток, как Чаули, который не использовали как транзитный ирригационный канал, был превращен в сбросной. За время эксплуатации каналов многие из них разработались, приняв форму долин естественных водотоков.

Таким образом, естественная расчлененная гидросеть, сформированная на базе р. Чирчик и врезанная в наслоения всех трех основных лессовых террас, создает основу для развития земледельческого хозяйства в Ташкентском микрооазисе, составляющем органическую часть всего обширного оазиса р. Чирчик. Все трассы водных протоков, создававших с глубокой древности благоприятные условия для занятия скотоводством и земледелием, являются сферой притяжения большого числа древних поселений, следы которых в виде бугров-тепа располагаются в их зонах.

Учитывая определенную хронологическую последовательность подключения естественных протоков к использованию в ирригационном хозяйстве и типологические отличительные признаки археологических объектов в их зонах, условно можно выделить две водные системы и принять их за основу в последовательной характеристике археологических памятников микрооазиса. Это водная система Джун — Салар, Карасу с объектами, характеризующими первую и частично вторую очереди освоения земледельцами микрооазиса, и Бозсу — Калькауз — Анхор, памятники которой знакомят с третьей очередью его культурно-ирригационного освоения.

ОБЗОР ПИСЬМЕННЫХ СВЕДЕНИЙ

Ранняя история Ташкента связана с историей древних племен и племенных объединений, сложившихся на территории Средней Сырдарьи, которая нашла отражение в обширной и в значительной степени полемической литературе, анализирующей доступные, но неоднозначные письменные источники. Мы считаем целесообразным воспроизвести некоторые наиболее важные для исследования сведения этих источников, часть которых, казалось бы, непосредственно не относится к собственно городу Ташкенту, однако необходима в осмыслении множества фактических материалов, полученных при раскопках обширной его территории и в определении возраста и принадлежности городской культуры Ташкента. Такой обзор позволит также акцентировать внимание на проблемах, в решении которых определенную роль играют результаты археологических исследований на территории Ташкента.

Знакомство с источниками сразу ориентирует исследователя на поиски ответов на вопросы по истории города не в отрыве, а в общей связи с вопросами истории всего оазиса среднего течения Сырдарьи, а на определенных хронологических этапах — и на более широкой территории. Лишь с учетом диалектического соотношения «город сам по себе и город — часть обширного оазиса» можно понять и интерпретировать сведения письменных источников, установить место г. Ташкента в динамичном процессе развития земледельческой и городской культуры того окраинного района цивилизованной ойкумены Средней Азии, каким являлся Чач.

Древнейшие письменные сведения об обитавших на обширных территориях правобережья Сырдарьи племенах относятся к середине I тысячелетия до н. э. О них повествуют древнеперсидские надписи и античные авторы, начиная с Геродота. Древнеперсидские надписи (бехистунская, накширустемская, персепольская и др.) называют несколько племенных групп кочевых народов, которые можно «поместить» в различных районах Средней Азии. Среднеазиатских кочевников середины I тысячелетия до н. э., которые по утвердившемуся в современной науке мнению считаются прямыми потомками андроновских пле-

мен эпохи поздней бронзы, сложившихся на этих территориях, древнеперсидские источники называли саками»¹. «Саки — они же скифы», — подчеркивает Геродот и сообщает далее, что «персы всех скифов зовут саками»². При общей спорности происхождения этнонима «сак» существует мнение, что он означает «могущественный, сильный, умелый, а саки — могущественные мужи»³.

Из перечисленных в древнеперсидских надписях сакских племен к северу от Сырдарьи исследователи с большим основанием помещают саков-хаомаварга и составную их часть «саков, которые за Согдом»⁴. О последних в одной из персепольских надписей Дария I говорится как о народе, до которого доходят пределы ахеменидского государства. Это саки, жившие за Яксартом, т. е. близ того отрезка р. Сырдарья, который приходится на ее верхнее и среднее течение. Саков-хаомаварга Геродот, Гелланик и другие античные авторы называют амиргийскими⁵.

Яксарт как рубеж, отделяющий саков от согдийцев, называет Страбон⁶, а Птолемей указывает конкретную протяженность границы — от изгибов Яксарта до его истоков⁷. Страбон как будто конкретизирует отдельные племена, двинувшиеся с того берега Яксарта, которыми владели саки, отнявшие Бактриану у эллинов. Наиболее известные из них — асси, паснаны, тохары, сакаравлы⁸. Демодам сообщает, что существовало какое-то конкретное племя, для которого саки были самоназванием. Во времена Демодама (III в. до н. э.) оно проживало в области Яксарта и было ближайшим к персам.

Махабхарата называет среди диких народов, принесших дары по случаю великого жертвоприношения «асвамеда», саков, тохаров и канков. В соседстве с исторически достоверными саками и тохарами также реально выглядят и канки.

Таким образом, территорию Ташкентского оазиса в широком смысле этого понятия занимали, согласно древнеперсидской и античной письменной традиции, племена конфедерации зоякдествленных приводимых групп с приведением всех существующих мнений об отождествлении приводимых источниками их названий см.: Литвинский Б. А. Древние кочевники «Крыши мира». М., 1972.

¹ Геродот. История в девяти книгах, кн. VII, Л., 1972, с. 333.

² Геродот. История в девяти книгах, кн. VII, Л., 1972, с. 333.

³ Bailey H. W. Languages of the Saka. Handbuch der Orientalistik, I, 4, I, Linguistik, Leiden, 1958, с. 133.

⁴ Литвинский Б. А. Саки, которые за Согдом. — ТАН ТаджССР, 1960, т. СХХ.

⁵ Геродот. Указ. соч., с. 333.

⁶ Страбон. География в 17 книгах. Кн. XI, 8, 8. М., 1964.

⁷ Ptolemy. Geography of Claudius Ptolemej. New York, VI, 12, 1, 1932.

⁸ Страбон. Указ. соч., с. 2.

⁹ Григорьев В. В. О скифском народе саках. Спб., 1871, с. 342.

некоторое противоречие. С одной стороны, хозяйство саков — кочевое скотоводство — подразумевает и подвижный переносной тип жилища, вместе с тем говорится о каких-то убежищах постоянного типа — пещерах, которые могли быть зимними стоянками. Приведенное описание не исключало у заяксартских саков стационарных поселений с примитивными жилищами, что не определяло, однако, главной направленности образа жизни племен и не повлиало на общую историческую традицию, считавшую саков кочевниками.

Историки походов Александра Македонского также свидетельствуют, что в его время р. Сырдарья оставалась границей между кочевой степью и земледельческими районами: правый берег населяли саки, левый — согдийцы. Они различались еще и тем, что на левом берегу располагалось несколько городов, в числе которых был Кирополь, оказавший наибольшее сопротивление греческим завоевателям¹⁰.

Античная историческая традиция приписывает появление первых городов на правом берегу Яксарта градостроительной деятельности эллинов. Так, Демодан — полководец Селевкидов (перв. пол. III в. до н. э.) предпринял поход на крайний северо-восток в район Средней Сырдарьи, перешел реку и на правом ее берегу, якобы, основал город, названный в честь селевкидского царя Антиоха I Сотера Антиохией за Яксартом. Это первое упоминание о городе на территории Ташкентского оазиса.

Еще более глубокий временной пласт, повествующий о жизни и взаимоотношениях оседлого и кочевое населения среднеазиатского региона, можно проследить в «Авесте», где сакские племена названы турами, выступающими в качестве врагов оседлых иранцев. О данайских турах, упоминающихся в Яштах, существует гипотеза В. И. Абаева, широко поддержанная другими исследователями, согласно которой эти племена отождествляются с яксартскими саками¹¹. Из анализа некоторых эпизодов, связанных с Заратуштрой, Б. А. Литвинский заключает, что некоторые роды туров были под сильным влиянием оседлоземледельческих племен¹². Учитывая разновременность сложения частей и текстов «Авесты», следует обратить внимание на деталь, выясняемую из Яшта, посвященного богине Анахите, а именно первое древнейшее упоминание о резиденции туранских вождей Кангхе (Канге) «высокой и священной», т. е., видимо, не столько в смысле области, сколько о политическом и религиозном центре какой-то группы туранских племен.

Таким образом, сформировавшаяся в среде оседлых племен Средней Азии авестийская традиция положительно решает вопрос о возможности наличия на территории, занятой турами-саками, городов, как порождения местной автохтонной культуры. Локализация авестийской Кангхи, предложенная С. П. Толстовым — «Кангха — Хорезм»¹³,

¹⁰ Арриан. Поход Александра. IV, 2, 4. М.—Л., 1962.

¹¹ Абаев В. И. Скифский быт и реформа Зороастра. Archiv Orientalni, XXIV, 1956, № 1, с. 44, 45.

¹² Литвинский Б. А. Древние кочевники..., с. 150, 156.

¹³ Толстов С. П. Древний Хорезм. М., 1948.

в последнее время подвергнута критике. Наоборот, предложение В. В. Бартольда, помещавшего страну Кангху в среднем течении Сырдарьи, находит все больше подтверждений и сторонников среди исследователей.

При близком рассмотрении скудных в общем сведений письменных источников о территориях к северу от р. Сырдарья, бесспорным остается предположение о том, что в середине I тысячелетия до н. э. они были заняты племенами саков-туров. Есть при этом и некоторые намеки на то, что не все саки вели равно кочевое хозяйство и соответствующий образ жизни. Сведения о жизни в пещерах, указание на связь некоторых сакских родов, чтящих Зороастра, с земледельцами указывают на наличие в массе кочевников групп, ведущих оседлое хозяйство, развитие которого неизбежно должно было привести к зарождению городской культуры и городов. Наибольшее значение для нас имеют сведения о размещении на правом берегу Сырдарьи заяксартских саков и среди них племени канков, а также «намекы» на существование у них в последней трети I тысячелетия до н. э. городских пунктов — прежде всего Кангхи и затем Антиохии Заяксартской. Строительство последней Демодамом можно воспринимать как некое символическое деяние, известие же об этом, видимо, — своеобразное выражение явления общего распространения на север влияния эллинской культуры.

О зарождении городов в Ташкентском оазисе в эпоху античности, помимо греческих авторов, свидетельствуют и другие письменные источники, доносящие до нас и новый круг топонимов и этнонимов для этой территории, сопоставлению и отождествлению которых также посвящена обширная научная литература. Начиная со второй половины II в. до н. э., этногеографическая ситуация Средней Азии и вопрос существования в отдельных ее областях городов освещается китайскими источниками.

Для второй половины II в. до н. э. в них впервые упоминается Кангюй, находящийся между Даванью (Фергана) на юго-востоке или юге, усунями (племена Семиречья) на северо-востоке, Большими Юэджи (кушанами) на западе и дахя на юго-западе¹⁴. В противовес Давани, жители которой вели оседлую жизнь, занимались земледельческим хозяйством, имели города, Кангюй в источниках представлен кочевым владением. Образ жизни его населения одинаков с юэжжичами и народом Яньцай, соседствующим с ним на северо-западе.

Вопрос об этнической принадлежности кангюйцев широко обсуждается в литературе. Существует ряд гипотез, в том числе отождествление Кангюя с кауауи (люди капна) или жителями Яксарта Птолемея (Маркварт)¹⁵. Последняя находит большую поддержку исследователей (Б. А. Литвинский, Е. Пулльблэнк, А. С. Кляшторный и др.), так как основывается на обнаружении прямого эквивалента в списке сакских

¹⁴ Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, II. М.—Л., 1950, с. 149.

¹⁵ Markwart G. Geography of Claudius Ptolemy. Transl. into English and ed. by E. G. Stevenson. New York, 1932, p. 144.

племен греко-римских источников написания Кангюй в восточных источниках. Совпадает и географическое расположение этих племенных групп, локализующихся на Средней Сырдарье.

Таким образом, кангюйцы, — видимо, племенная группа, часть сакских племен, обитавших за Яксартом и составивших ядро государства, дав ему название Кангха. Возможно, это были указанные выше яксарты или канки.

В восточных источниках Кангюй описывается как этноним и в то же время как политическое образование II в. до н. э. Как этноним он, скорее всего, приложим к определенной небольшой территории, племенному владению канков. Как политическое образование он означал пеструю конфедерацию племен, объединенных под эгидой вождей канков (дома Кан) и занимавших на вершине своего могущества территории Приаралья и Междуречья.

Ни у кого из исследователей не возникает сомнений, что авестийская Канкха — это Кангюй, однако по вопросу локализации их мнения существенно расходятся, хотя большую поддержку получило размещение Канкхи — Кангюя в среднем течении Сырдарьи. Авестийская Канкха, как считает Маркварт, — это государство саков Чача¹⁶ с городом также Канкхой — столицей этого государства. В передаче китайских источников это название звучит как Кангюй или Кандзюй.

Как военнополитическое объединение сакских племен Кангюй сложился, возможно, еще до II в. до н. э. Канки как племя существовали еще раньше. Тогда понятно, почему источники употребляют «Кангюй» и как политический и как этнонимический термин. Вначале союз был небольшим и Кангюй признавал над собой власть юэчжийцев (т. е. на юге одно время зависел от Кушан), а на востоке хуннов. Однако источник подчеркивает, что Кангюй обладал сильным войском. Постепенно на протяжении II в. до н. э. — II в. н. э. он стал могучим государством, в зависимость от которого попали многие его соседи, в том числе Яньцай, отождествляемое сейчас с сармато-аланским союзом¹⁷ племен, Янь, т. е. сарматы Приуралья, а на западе он выступал могучим союзником Давани в ее войне против Китая; тогда появление его войск существенно повлияло на исход войны.

Источники постоянно подчеркивают независимую политику Кангюйской державы по отношению к Китаю¹⁸.

Называя Кангюй кочевым владением, хроники тем не менее указывают на наличие в нем городов, как и в зависящем от него владении Яньцай, народ которого «живет внутри глиняных стен»¹⁹. Называется столица Кангюя город Битянь, располагающийся в центральном ядре государства — стране Лоюени, видимо, бывшей родовым владением канков. В одном источнике город помещают близ озера Тяньчи²⁰.

¹⁶ Кляшторный С. Г. Древнетюркские рунические памятники. М., 1964, с. 172.

¹⁷ Литвинский Б. А. Кангюйско-сарматский фарн. Душанбе, 1968, с. 18.

¹⁸ Бичурин Н. Я., Указ. соч., с. 185.

¹⁹ См. Литвинский Б. А. Кангюйско-сарматский фарн... с. 19, 20.

²⁰ Кюнер Н. Р. Китайские известия о народах Южной Сибири. Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961, с. 174.

Правитель не жил там постоянно, так как имел еще летнюю резиденцию. Последнее подчеркивает полукучевой характер государства и передвижение его ставки.

В отношении названия летней резиденции предпринята попытка локализовать ее на основе лингвистического анализа. Восстановив форму звучания топонима, обозначающего местность ее расположения, Е. Пуллейблэнк пришел к выводу, что он передает название Яксарт, а наименование самой резиденции сопоставляет с Бинкетом²¹ (столица Шаша в X в.). Более точных данных, подтверждающих такое отождествление, в письменных источниках нет. Что касается Битяни, то его локализация не менее проблематична. Если исходить из тождества авестийской Канкхи и Кангюя, то можно предположить, что Битянь находился на месте столичной резиденции, города Канкхи.

Где бы ни располагались названные городские пункты, анализ источников и особенно лингвистические исследования, видимо, позволяют локализовать их в пределах одного ограниченного региона, который был основным ядром раннего Кангюя, т. е. на среднем течении Сырдарьи.

По сообщению источников ханьского времени, Кангюю подчинялись пять малых владений, во главе которых стояли свои, зависимые от ставки правителя. Это Сусе, Фуму, Юни, Ги, Юегянь, т. е., видимо, подчиненные участники Кангюйской конфедерации. В каждом был свой главный город одноименного с владением названия. По поводу их локализации мнения исследователей в основном расходятся. С. П. Толстов, опираясь на письменные источники, сопоставляет их следующим образом: Сусе — Кеш на Кашкадарье, Фуму — Кушания на Зарафшане, Юни — Шаш, Ги — Бухара, Юегянь — Хорезм (Ургенч)²².

А. Н. Бернштам, привлекая в качестве источника результаты своих археологических исследований, помещает Юни в Ташкентском оазисе, Сусе — на среднем течении Сырдарьи и Арыси, Фуму — на территории от Яны-Кургана до Казалинска, Ги — в низовьях Сырдарьи, Юегянь — в Хорезме²³.

При общем расхождении в локализации этих владений только сопоставление Юни с Ташкентским оазисом и Юегяня с Хорезмом, как будто, не вызывает сомнений. Первое в связи с довольно точным географическим его определением вблизи р. Йоша (этим термином в китайских источниках обозначалась р. Яксарт — Сырдарья) и сведениями этих же источников, что позднее на месте Юни было владение Ши. Попутно отметим, что сложилась необычайно устойчивая историографическая традиция называть рекой Шаша только Сырдарью, хотя в оазисе есть и другие протоки. Позднее источники, особенно арабоязычные, демонстрируют это особенно ярко.

²¹ Pulleyblank E. G. The consonantal system of oldchinese, 2. AM, N. S., vol. IX, pt. II, London, 1962, p. 219, 220

²² Толстов С. П. По следам древнехорезмийской цивилизации. М., 1948, с. 144.

²³ Бернштам А. Н. Историко-археологические очерки Памиро-Алая и Центрального Тянь-Шаня.— МИА, 1952, № 26, с. 216.

Для нашего исследования существенно отождествление владения Юни с Ташкентским оазисом. Это касается главного города, так как его местонахождение в I в. до н. э. нельзя определить только на основании письменных сведений и их сопоставления. Первым сопоставил Юни с Ташкентом М. Е. Массон²⁴ в то время, когда из-за небольшого масштаба археологического исследования в оазисе и г. Ташкенте результаты его еще не могли быть вескими аргументами в решении вопроса. С учетом работ в оазисе за последние годы предложена локализация Юни на городище Канка (Ю. Ф. Буряков)²⁵. Вопрос, однако, остается спорным, и определенную роль в его решении сыграют результаты планомерных исследований в пределах оазиса и самого г. Ташкента.

В качестве крупной державы Кангюй просуществовал до III в. н. э., затем в источниках появляются сведения об увеличении количества владений на бывшей его территории, т. е. о распаде Кангюйской конфедерации. По некоторым данным, в том числе нумизматическим, и археологическим, есть основания судить о вхождении в состав Кангюя в первых веках нашей эры согдийских территорий и о продвижении на юг главной ставки правителя Кангюя. Высказано мнение о переносе ее со среднего течения Сырдарьи в бывшее малое владение Сусе, т. е. Кашкадарью²⁶. Широко признано предположение о том, что в первых веках нашей эры Кангюй подчинил себе обширные области в Приаралье и Среднеазнатском Междуречье²⁷. Последнее же упоминание о Кангюе, уже как о мелком владении — результате распада былой империи — относится к V в. н. э.

В период распада и упадка державы в китайских источниках появились топонимы Ши и Чжешн, как наследника Кангюя. Впервые здесь этот термин назван для V в. н. э. в связи с географическим описанием края. В источнике говорится, что Чжешн есть древнее владение Кангюй²⁸. Этим, как кажется, подчеркивается факт максимального сокращения Кангюйской державы в период крушения ее мощи, когда границы ее свелись к территории первоначального родового владения канков — стране Лоюени. Источник как бы подтверждает, что территория Ши, или Чжешн, была главным ядром империи. Когда появился топоним, переданный таким звукосочетанием, точно установить невозможно. По данным иранских источников, в III в. н. э. он уже существовал, являясь самоназванием оазиса. В надписи сасанидского царя Шапура I (262 г.) на «Каабе Зороастра» среди перечня пределов Сасанидского государства и областей, куда, якобы, распространялась власть иранских царей, названы горы Чача²⁹. Последнее на-

²⁴ Массон М. Е. Прошлое Ташкента... с. 107.

²⁵ Буряков Ю. Ф. Историческая топография Ташкентского оазиса. Ташкент, 1975, с. 35.

²⁶ Массон М. Е. Распространение монетных находок чекана династии Сасанидов на территории советских республик Средней Азии.— История иранского государства и культуры. М., 1971, с. 226.

²⁷ См.: Литвинский Б. А. Кангюйско-сарматский фарн, с. 23.

²⁸ Бичурин Н. Я. Собрание сведений..., с. 364; Кюнер Н. В. Указ. соч., с. 178.

²⁹ Sprengling M. Third Century Iran. Sapur and Kartir. Chicago, 1953, p. 7.

звание идентично Ши, или Чжеси. Источники более позднего времени (VII в. н. э.) свидетельствуют о том, что это владение в первых веках до нашей эры — первых веках нашей эры лежало к северу от Ферганы (т. е. это месторасположение Кангюя — М. Ф.). Следует ли отсюда, что уже во время этих династий оно называлось Ши? Этого нельзя сказать определенно, слишком большой хронологический разрыв отделяет данное сообщение от описываемых событий, а древний источник об этом молчит. Сообщение источника VII в. н. э. несколько запутанно и противоречиво: указывая, что Кангюй — это Ши, Чжеси, он называет главным городом владения Чжеси, находящийся на месте, ранее принадлежавшем городу Юни Малого владения Кангюя, а на юго-запад от него есть река Йоша (Сырдарья), а на юго-восток — большая гора, производящая «жемчужный камень»³⁰.

При попытке анализа и конкретного сопоставления топонимов в этом сообщении, учитывая некоторую хронологическую дистанцию между ними, напрашивается такой вывод. Это сообщение можно понять лишь в том случае, если признать, что Юни и родовое владение Кангюй, оно же позднее Ши, располагались на единой обширной территории и были настолько близки в культурно-историческом плане, что воспринимались поздними китайскими источниками как единое целое. Тогда, очевидно, название Ши — Чач (в арабской передаче Шаш) обозначало слившиеся владения Кангюй и Юни, употреблявшиеся с III в. н. э. как географический и политический термины, конкретно определяющие среднее течение Сырдарьи и Ташкентский оазис. Результаты археологических исследований на этой территории добавляют к этому определению еще и культурное единство.

Сложнее обстоит вопрос с отождествлением столицы этого объединенного владения — Чжеси или просто Ши. Дословно понимая источник, его нужно было бы поместить на месте Юни. А вот в вопросе отождествления самого Юни свое слово могут сказать лишь результаты археологического изучения как на территории «большого Ташкента», так и всего оазиса с привлечением письменных источников другого рода — рунических надписей и арабоязычных сочинений.

Определенную группу источников, в которых можно найти сведения по истории Ташкента преарабского времени и событиям арабского завоевания Средней Азии, составляют памятники древнетюркской рунической письменности, прежде всего историко-биографические тексты и памятные надписи по классификации С. Г. Кляшторного³¹. Это надписи Коньюкука, Кули чура, погребальные памятники с надписями в честь правителей Тюркского каганата Кюль-тегина и Бильге-кагана (первая треть VIII в. н. э.), найденные в Орхоне (Монголия). В них содержатся отрывочные сведения о взаимоотношениях Тюркского каганата с центральными и северными областями Средней Азии, в частности Чачем, о западной границе каганата в разные периоды и крайней территории расселения тюркского народа и Кенгу-Тарбане.

³⁰ Бичурин Н. Я. Указ. соч., с. 313.

³¹ Кляшторный С. Г. Древнетюркские рунические памятники, с. 53.

С. Г. Кляшторный, проанализировавший чачские топонимы, упоминающиеся в надписях, уточнил ранее выдвинутую интерпретацию, например, значения Сырдарьи — Яксарт, как жемчужной реки. Именно такое название приведено в тюркских текстах, а ранее в китайских. В обоих текстах название является переводом местного сакского термина Яксарт, искаженного в китайской транскрипции Йоша и обозначающего среднее течение реки³².

Прямое отношение к ташкентской истории имеет разбор топонимов Кенгу-Тарбан и Тарбанд. Последний как название города некоторые исследователи применяли к руинам городища Мингурюк в Ташкенте, т. е. принимали за столичную резиденцию правителя Шаша начала VIII в. н. э.³³ Таким образом, вопрос о локализации Тарбанда связан с вопросом о месте столицы Шаша в эпоху раннего средневековья. Орхонские надписи содержат неоспоримые данные о том, что Кенгу-Тарбан — это местность, обозначавшая предел, до которого доходили тюркские завоевания на западе, граница расселения тюркского народа.

С. Г. Кляшторный убедительно показал, что Кенгу-Тарбан отождествляется с Тарбандом, упоминаемым впервые арабскими источниками (ал-Белазури и ат-Табари) в связи с взятием в 712 г. арабским полководцем Кутейбой Самарканда. Царь Согда тогда обратился к царю Шаша, жившему в Тарбанде, и тот во главе множества воинов пришел ему на помощь. Однако Кутейба разбил их и обратил в бегство. Таким образом, Тарбанд — резиденция правителя Шаша в 712 г. Он в свою очередь идентичен Турарбанду, упоминаемому арабскими географами и являющемуся одним из наименований города и области Отрар за Сырдарьей³⁴. Таким образом, убедительно выстроенная цепочка, начальное звено которой — Кенгу-Тарбан, а конечное — Отрар, не оставляет сомнений в том, что Тарбан — Тарбанд, столица Шаша, никакого отношения к г. Ташкенту не имеет, а означает главный город области того же названия к северу от Ташкента. В таком случае, что такое Тарбанд? Временное местопребывание правителя Чача или его постоянная столичная резиденция?

Как явствует из источников, столичную резиденцию Чача пред-арабского времени все же следует «помещать» в Ташкентском оазисе. Арабские авторы, повествующие о событиях VIII в., упоминают области Шаша и Отрара то в отдельности, то чаще в связи друг с другом; в последнем случае Отрар выступает как составная часть, подчиненная Шашу. Размещать там постоянную столицу Шаша нелогично. Поиски же ее в самом Шаше затруднены тем, что арабские источники не

³² Там же, с. 74, 75.

³³ Массон М. Е. Ахангеран, с. 41; Буряков Ю. Ф. Городище Мингурюк в Ташкенте. — Труды САГУ, археология Средней Азии, 1956, с. 131; Буряков Ю. Ф., Зильпер Д. Г. Археологические наблюдения в 1957 г. на городище Мингурюк в Ташкенте. — ТашГУ, новая серия, вып. 172. Ташкент, 1960, с. 143.

³⁴ Бартольд В. В. К истории орошения Туркестана. Соч. Т. III. М., 1965, с. 223; С. Г. Кляшторный доказал идентичность Турарбанда Фарабу и Отрару, ссылаясь на Якерта. См.: Кляшторный С. Г. Древнетюркские рунические памятники, с. 158.

называют для этого времени ни одного конкретного города в области Шаш. В свое время это и привело к ошибочной локализации Тарбанда в Ташкенте.

Решить эту проблему с помощью только письменных источников возможно лишь частично и то с привлечением более ранних сведений и материалов по истории области в X в. и нумизматических данных. Об этом времени до нас дошла обширная географическая и историческая литература, составившая золотой фонд арабоязычной историографии. Сочинения и дорожники, энциклопедические своды (Ибн Хордадбега Кудамы, ал-Истахри, Ибн Хаукаля, ал-Мукаддаси, ал-Идриси, ал-Масуди, персидский аноним «Худуд ал-Алем») сообщают о большом числе городов Шаша, сразу представляющего своеобразным урбанистическим феноменом. Естественно, что такого развития градостроительства в области достигло не сразу, а города существовали и ранее, в том числе столица. В качестве последней для IX—X вв. называется город Бинкет, само название которого говорит о древности происхождения этого топонима, уходящего корнями в местный древнеиранский лингвистический пласт.

В. В. Бартольд отмечал, что при описании Туркестана географы X в. приводят много названий городов и селений, оканчивающихся на «кет» и «кед», главным образом для областей Сырдарья, Ангрена и Чирчика³⁵, т. е. для Ташкентского оазиса. Этот корень сохранил древнеиранский термин кедэ — дом, как в хорезмийском кат. Сохранение такого анахронизма в топонимике северных районов Средней Азии не только возвращает нас в первоначальную этнолингвистическую среду сакского населения этих районов, но, видимо, намекают и на древность образования здесь многих селений и городов. Слово кет и кент, забытое местным иранским населением, перешло в турецкие наречия. Таким прошедшим через века представляется и наименование города — Бинкет.

В источниках X в. Бинкет описывается как крупный торгово-ремесленный центр, густо населенный, в изобилии снабженный водой и процветающий. Он называется также просто Шаш. Это ясно из того, что последнее название встречается в источниках и как имя целой области *مدینه* и отдельного города *بدر* (например, в дорожнике Кудамы). Тождественность последнего с г. Ташкентом первым показал Френ, проанализировавший географическое сочинение Катиба Челеби («Семи климатов») и другие исторические документы³⁶.

В. В. Бартольд же сопоставил Бинкет с территорией «старого города» Ташкента³⁷, что затем подтвердил М. Е. Массон³⁸ и признало большинство исследователей. Однако следует подчеркнуть, что окончательно решить этот вопрос без привлечения результатов археологи-

³⁵ Бартольд В. В. История культурной жизни Туркестана. Соч. Т. II (1). М., 1963, с. 210.

³⁶ Тизенгаузен В. А. О саманидских монетах.— ТВОРАО, ч. I. Спб., 1855, с. 34, 35.

³⁷ Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Соч., т. I. М., 1963.

³⁸ Массон М. Е. Прошлое..., с. 110.

ческих исследований в самом городе Ташкенте и во всей области невозможно.

Тождество Шаш—Бинкет для IX—X вв. подтверждают и нумизматические данные. В Бинкете функционировал монетный двор, поставивший, видимо, большое количество саманидских монет на рынки Мавераннахра. И хотя часть монет чеканилась близ серебряного рудника Чача, название которого выбивалось на монетных кружках, название аш-Шаш чаще всего встречается на саманидских монетах³⁹. Наряду с ним местом чеканки проставлялся также Бинкет. Известны два дирхема с названием Мадинат аш-Шаш (т. е. столица Шаша)⁴⁰. Следовательно, монетные надписи также свидетельствуют о существовании города — мадины Шаша. Предпринятые Б. Д. Кочневым и И. Г. Добровольским анализ и сопоставление их с фельсами Йахьи б. Асада убедительно доказали, что под тремя разными названиями (Бинкет, Мадинат аш-Шаш и аш-Шаш) фигурирует один и тот же монетный двор, размещавшийся в г. Бинкете. Это очень важное дополнение к письменным источникам, подтверждающее, что к одному и тому же городу, а именно столице области Шаш в X в., прилагалось три названия — мадина Шаша, Шаш и Бинкет. Сам город локализовался на месте Ташкента, подтверждением чему служат данные о сравнительной величине городов, указанных в источниках, и расстояниях между ними. Где же располагалась столица Шаша предрабского времени?

Сопоставляя письменные данные, можно согласиться с О. Г. Большаковым, что, как и в IX—XII вв., ею был Бинкет⁴¹, который арабы в то время именовали и Шашем и мадиной Шаша. Эти последние названия очень хорошо сопоставляются с транскрипцией Ши и Чжеши и, кроме того, объясняют кажущееся противоречие источников, что Чжеши был на месте Юни. На самом деле противоречия нет: если арабы именуют всю обширную область и ее главный город одним названием, то это, как показано выше, отражает действительно существующую систему топографических обозначений в эпоху раннего средневековья. Можно добавить, что Нумиджкет назывался по имени области Бухарой, Кят — Хорезмом. Более того, именовать город по имени области — древняя традиция Средней Азии. В данном случае указание источника следует понимать так, что и город, и владение Ши прежде называли Юни.

Итак, бесспорно, что мадину Шаша эпохи раннего средневековья, как и город X в., можно локализовать на месте Ташкента, но это лишь одна сторона вопроса. Если принять во внимание только анализ арабских письменных источников и сопоставление их с описанием резиденции Ши Сюань Цзяня, можно так же ошибиться, как О. Г. Большаков, полагавший, что Бинкет VII в. н. э., был там же, где Бинкет IX—

³⁹ Тизенгаузен В. А. Указ. соч., с. 34.

⁴⁰ Добровольский И. Г., Кочнев Б. Д. Монеты с именем Саманида Йахьи б. Асада. — ИМКУ, вып. 17. Ташкент, 1982, с. 195.

⁴¹ Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г. Средневековый город Средней Азии. Л., 1973, с. 195.

X вв., и пренебрегший информацией, полученной при археологическом исследовании города⁴², так как есть и другая сторона вопроса — где конкретно на территории г. Ташкента располагалась мадина Шаша в преарабскую и последующую эпохи. Как и с локализацией Юни в решении вопроса не обойтись без материалов археологических раскопок. И еще, если по комплексным данным источников столицу Шаша можно поместить в Ташкенте, то как объяснить резидирование правителя Шаша в 712 г. в Тарбанде?

По нашему мнению, ясность в этот вопрос вносит текст одного согдийского документа из архива Деваштича с горы Муг, в котором оценивается политическое значение Тарбанда в начале VIII в. Это донесение Деваштичу от его посла Фатуфарна, направленного в Чач (Шаш). Согласно прочтению В. А. Лившица, в нем говорится, что еще до прибытия посла в Чач, тудун заключил соглашение с Тарбандом и получил (там) все земли⁴³. Титул тудун носил в то время правитель Чача. Из текста донесения ясно, что правитель Чача, желая подчеркнуть законность и значение акта присоединения к своим владениям земель Отрара, которые, видимо, считал исконно чачскими, временно перенес туда резиденцию из мадины Чача, и здесь его застали события, связанные с осадой арабами Самарканда. Подобное продвижение резиденций восточных государей по мере присоединения к их владениям завоеванных или возвращенных земель — не единичный пример в истории. В связи с этим кажется несостоятельным построенное на двойственности резиденций предположение В. А. Лившица о наличии двух одновременных правителей Чача, из коих один, якобы, был наместником китайского императора или восточно-тюркского кагана (тудун) с резиденцией в Тарбанде, а второй — местным маликом с резиденцией в Чаче (мадина Чача)⁴⁴. Никаких указаний в источниках на этот счет нет. Известно лишь, что в то время тудуном Чача был тюркский князь Мохэду-тутунь (713—739? гг. н. э.), еще, видимо, именовавшийся и «царем Чача». Такую оценку Тарбанда подтверждает и последняя расшифровка согдийских надписей на чачских монетах.

За последние годы широких археологических исследований в за-сырдарьинских областях начал подбираться нумизматический материал, позволивший выделить местные монетные чеканы с конца античности до раннего средневековья и поставить на повестку дня вопрос изучения нумизматики Чача. Особое место в этих чеканах занимают серии монет, образующим звеном которых является изображение разъяренного хищника (лев) с задранной хвостом и монеты с династийным знаком-тамгой в виде «вилочки» или «трезубца», принадлежащие собственно чекану Чача⁴⁵.

⁴² Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г. Указ. соч., с. 196. С локализацией О. Г. Большакова логично не соглашается Ю. Ф. Буряков. См.: Буряков Ю. Ф. Историческая топография Ташкентского оазиса. Ташкент, 1975, с. 64.

⁴³ Лившиц В. А. Согдийский посол в Чаче (документ А-14 с горы Муг). — СЭ, 1960, № 2, с. 96.

⁴⁴ Там же, с. 100—101.

⁴⁵ Смирнова О. И. Каталог монет с городища Пенджикент. М., 1965, с. 130, 131; Она же. Сводный каталог согдийских монет. М., 1981, с. 50—58.

Самую распространенную группу, датированную VII — первой половиной VIII в. н. э., составляют медные монеты с изображением на лицевой стороне указанного хищника, а на оборотной — чачской тамги в окружении согдийской надписи, транскрибированной как $\gamma\omega\beta\omega \text{ tgn}\beta'$ (č). Первое слово означает титул, следующее за ним ранее читалось как место чеканки и в наборе знаков предполагался топоним Тарбанд⁴⁶. Однако в настоящее время сама О. И. Смирнова отклоняет это прочтение⁴⁷, а В. А. Лившиц по характеру фонетического построения надписи считает возможным читать его как имя собственное правителя⁴⁸. Таким образом, в этой группе монет можно видеть эмиссию некоего $\text{tgn}\beta \text{ č}$ — правителя Чача, а не партию с указанием их чеканки в Тарбанде.

Последнее подтверждается и тем, что раннесредневековый чекан Тарбанда — Отрара сейчас проясняют обнаруженные монеты, отличающиеся от чачских изображениями на оборотной стороне тамг в виде отдельных рунических писем или их сочетаний⁴⁹. На лицевой же стороне и чачских и отрарских монет дано изображение льва, переданного более реалистично, в связи с чем О. И. Смирнова считает эти монеты чуть более ранними, чем чачские. Выделенные чеканы указывают на несомненное родство местных правящих династий в обеих областях и на большую зависимость от тюрков Отрара. Нельзя не отметить сообщение рунических источников о Кенгу Тарбане как крайней области их господства на западе. Возвращение же земель Тарбанда Чачу явилось, видимо, законным актом воссоединения родственных владений. Образ льва, объединяющий известные чеканы правителей Тарбанда и Чача, играл какую-то особую роль в геральдике чачских владений, и, возможно, права О. И. Смирнова, поставившая вопрос, не является ли лев гербом города Чача, т. е. мадины Чача, тем более что изображение хищника на ташкентских монетах повторялось и в XI, и XVI вв.

Итак, столичным городом Чача преарабского времени была мадина Чача, она же Ши, или Чжеши, Чжеси, которую по данным письменных источников можно разместить на территории современного Ташкента. Археологическое исследование в оазисе также подтверждает этот вывод⁵⁰.

Тарбанд же был временной резиденцией правителя Чача в момент продвижения арабов к Самарканду; пребывание там царской ставки вызвано внутренними политическими причинами, взаимоотношениями Чача с тюркским каганатом. Вполне возможно, что уже в это время мадина Чача именовалась Бинкетом — древним иранским топонимом, который, однако, впервые встречается в источниках лишь для обозначения города IX—X вв., т. е. все три названия (Шаш, Мадина Шаша и Бинкет) прилагались к ней еще до появления названия

⁴⁶ Смирнова О. И. Очерки по истории Согда. М., 1970, с. 182—183.

⁴⁷ Смирнова О. И. Сводный каталог..., с. 51.

⁴⁸ У истоков древней культуры Ташкента. Ташкент, 1982, с. 187.

⁴⁹ Смирнова О. И. Сводный каталог..., с. 53.

⁵⁰ Бурыков Ю. Ф. Историческая топография..., с. 64.

Бинкет в источниках. При общем решении вопроса о названии столичного города Чача и его локализации, как отмечалось, встает вопрос о более конкретном размещении его в пределах Ташкента, который поможет разрешить лишь другой вид источников — материалы археологического исследования в городе.

Дорожники и иные исторические документы приводят обширный список городов Шаша, расположенных на двух караванных путях из Согда, с указанием расстояний между ними, большинство из которых с успехом отождествлено исследователями с существующими городищами и изучаются археологами⁵¹. Несколько пунктов, расположенных вокруг Бинкета, входили в Ташкентский микроазис, и в настоящее время их поглотил современный город. Страна Шаша и Илака (по Чирчику и Ангрену) особо отмечается арабскими авторами. И в ней, «подобных которой нет ни в Хорасане, ни в Мавераннахре по многочисленности соборных мечетей (т. е. пунктов городского характера. — М. Ф.), возделанных селений, по обширности и обилию построек»⁵², город Бинкет выделялся как самый крупный, многолюдный и в изобилии снабженный водой.

Надо полагать, что наряду с названием Бинкет уже в X в. начало употребляться и название Ташкент. Самое раннее его упоминание встречается в труде «Индия» ученого XI в. Абу Райхана Беруни⁵³. Причем автор истолковывает его как «каменное селение» от тюркского таш — камень и кент (канд) — селение, город. Как это первым заметил М. Е. Массон⁵⁴ здесь явно искаженное народной этимологизацией слово Шашкент (канд), т. е. город Шаш. В тексте Беруни обращает на себя внимание кажущийся на первый взгляд странным смысл фразы: «Разве ты не видишь, что Шаш взято из названия этого города на тюркском языке, а именно «Ташканд», т. е. Беруни ошибочно выводит название (более раннее) Шаш из более позднего Ташканд. Ошибку ученого можно объяснить только тем, что в его время оба названия употреблялись одинаково часто, поэтому было трудно сказать, какое из них возникло раньше. В появлении и распространении тюркского эквивалента Шашу или Шашканду сказались, видимо, постепенная тюркизация и, наконец, полная смена языков в Сырдарьинском регионе. Процесс этот интенсивно проходил в эпоху раннего средневековья, обусловленный тесными связями и прямой зависимостью региона от Тюркского каганата, и затем еще более усилился с вхождением его в государство тюрок-караханидов.

Употребление обоих терминов «Шаш» и «Ташканд» в XI в. засвидетельствовал другой ученый — филолог Махмуд Кашгарский, от-

⁵¹ Об отождествлении пунктов дорожников и исторической топографии Ташкентского региона см.: Массон М. Е. Ахангеран; Буряков Ю. Ф. Историческая топография Ташкентского оазиса.

⁵² Абу-л-Касым ибн Хаукаль. Пути и страны, перевод Е. К. Бетгера. — Труды САГУ, археология Средней Азии, IV. Ташкент, 1957, с. 23.

⁵³ Абу Райхан Беруни. Избранные произведения. Т. II. Ташкент, 1963, с. 271.

⁵⁴ Массон М. Е. Прошлое..., с. 106.

метивший существование еще одного названия города — Таркан⁵⁵, которое, однако, в будущем не использовалось. В официальных документах и на монетах Ташкент начинает фигурировать с XIII в.⁵⁶

При истолковании названия «Ташкент» высказано довольно много версий, в том числе выводящих его значение из существующего в народе предания о богатыре Таше, покорившем город и давшем ему свое имя, от слова Тазикиент, т. е. «город тазиков» (арабы), от ташкарикент, т. е. внешний город, и т. д. Все они не выдерживают критики, так как по сути являются искусственными построениями.

Единственно верным, основанным на древней этимологической традиции, можно считать объяснение, данное еще Беруни (Ташкент — это город Шаша) и в настоящее время подтверждаемое анализом всех категорий письменных источников. Примечательно значение слова «камень», связанного в цепочке этимологических расшифровок с городом и всем регионом. Ташкент (каменный город) — это Шашкент. Шаш в передаче китайских источников — Ши (иероглиф Ши означает камень). В источниках V в. есть прямое указание, что Ши — это Кангюй, т. е. территориальный преемник владения Кангюй. Интересно попытка Е. Пуллейбланка этимологизировать сам термин «Кангюй» на основе «тохарского» *kanp* — камень⁵⁷. Вполне очевидно, что это слово, входя в состав топонимов, обозначающих как область, так и отдельно город в ней, употреблялось не в прямом смысле. Вероятно, этим подчеркивалась крепость, стойкость, мощь государства Кангюй и его народа. Уместно вспомнить наиболее признанное истолкование этнонима саки как «могучие мужи», наследником которых на присырдарьинской территории в свою очередь стал Кангюй.

Таким образом, по письменным источникам наиболее ранними городами правобережья Сырдарьи в районе ее среднего течения, названия которых фигурируют в последней трети I тысячелетия до н. э., были полулегендарная Кангха — столица одноименного государства, Антиохия Заяксартская, Битянь — столица Кангюя и Юни — главный город малого владения Кангюя. Из них непосредственное отношение к Ташкенту может иметь только Юни, позже с ним был связан Шаш (он же мадина Шаша, Шашканд, Бинкет, а также Чжеси или Ши). Значительную поправку в общее число ранних городов и в их расположение вносят археологические исследования. Для самого Ташкента результаты этих исследований в конечном итоге служат единственным материалом, позволяющим ответить на вопросы, где располагались локализованные на месте Ташкента древние городские пункты, когда зародились, кому принадлежит лидерство в возрасте и значении, как проходил динамичный процесс развития и территориального перемещения столицы региона и ее городского ядра.

⁵⁵ Махмуд Кашгарский. Девону Лугатит турк, т. I, Ташкент, 1960, с. 414; т. III, 1963, с. 164.

⁵⁶ Бартольд В. В. История культурной жизни..., с. 83—84.

⁵⁷ Pulleyblank E. G. The consonantal system. 2, p. 264.

ХАРАКТЕРИСТИКА АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ ТАШКЕНТА

Естественная разветвленная гидросеть ташкентского микрооазиса — надежная и обеспеченная основа для развития земледелия с разной степенью развития техники ирригаторства, начиная от примитивных его форм с использованием заболоченных низин поймы Чирчика и отходящих от него протоков до усложненных, включающих прокладку каналов и выпрямление природных русел.

Все археологические памятники микрооазиса в черте «большого Ташкента» распределены по водным системам Карасу — Салар — Джун и Бозсу — Анхор — Калькауз. Ташкентские «тепа», обтекаемые новгородской застройкой или частично скрытые ею, возвышаются среди домиков и полей окраин города, тушеваются под теснящими их двориками старого города или выступают между многоэтажными зданиями растущих микрорайонов. И хотя «городская» топография памятников значительно затрудняет выявление их типологии и типологического изучения, выделено три основных категории объектов (рис. 1).

Первая категория — городища с возвышенным ядром — цитаделью, вокруг которого располагаются два поселения — одно более возвышенное, другое слабо выраженное в рельефе, без признаков внешнего вала. Ко второй категории относятся городища с выделенной в рельефе возвышенной цитаделью внутри пониженного шахристана с четким подпрямоугольным абрисом, очерченным валом внешней оборонительной стены. Третья категория — поселения неукрепленного типа с высокой пирамидальной цитаделью, вокруг которой располагается слитый либо расчлененный массив застройки.

Различные по площади городища первого типа тяготеют в основном к водной системе Карасу — Салар — Джун, продолжая в пределах ташкентской территории цепочку аналогичных памятников Янгиюльского района¹. Наиболее значительными в этой системе являются Шаштепа, Кугаиттепа (иначе Ногай курган), Пазилтепа, Мингурюк, Таукаттепа, Карабаштепа; Бузгонттепа, Шортепа и Чильдухтарантепа.

¹ Григорьев Г. В. Отчет об археологической разведке в Янгиюльском районе УзССР в 1934 г. Ташкент, 1935, с. 13—27; Буряков Ю. Ф., Касымов М. Р., Ростовцев О. М. Археологические памятники Ташкентской области. Ташкент, 1973, с. 50—59.

Из указанных типологических групп последняя выпадает как представляющая всхолмленную территорию без следов укреплений. Чильдухтарантепа (по ул. Ульяновской), как показали исследования, представляет собой остатки большого могильника, оставленного племенами скотоводов эпохи поздней степной бронзы (вторая половина II тысячелетия до н. э.) с захоронениями в ямах в сопровождении гру-

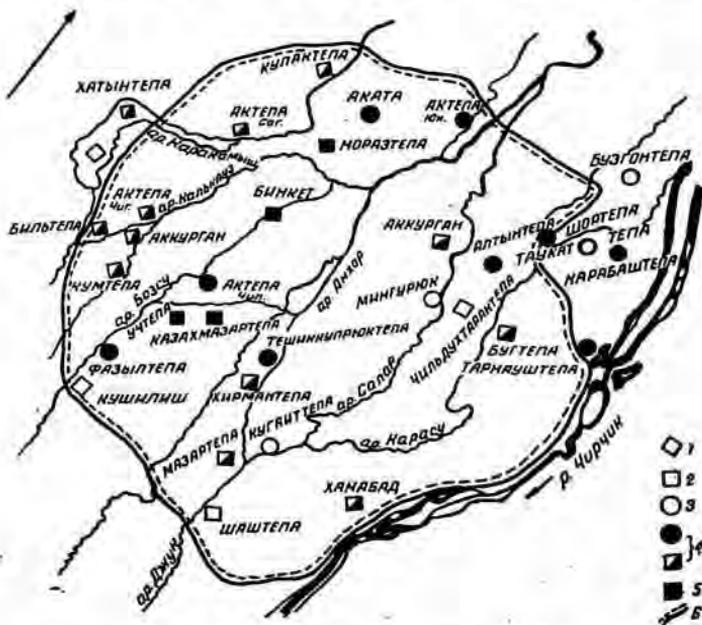

Рис. 1. Схема расположения археологических объектов в ташкентском микрооазисе. 1—памятники эпохи камня и бронзы; 2—древнейшее оседлоземледельческое поселение; 3—первая очередь освоения; 4—вторая; 5—третья очередь освоения; 6—граница современного города.

боленной плоскодонной керамики кострового обжига, бус и бронзовых украшений². Таким образом, этот памятник относится ко времени, когда по территории Ташкента проходили племена эпохи бронзы. На протоке Каракамыш сохранились следы разветвленного сезонного становища этих же племен. Здесь, в Серкали, собрана керамика ручной выделки, плоскодонная, орнаментированная крупным рубчатым штампом³.

Отдельные признаки пребывания племен культуры степной бронзы отмечены еще в ряде пунктов в Ташкенте⁴ и свидетельствуют об

² Булатова В. А., Филанович М. И., Зильпер Д. Г. Древний Ташкент, 1973, с. 5.

³ Рахимов С. Стоянка эпохи бронзы Серкали.— ОНУ, 1970, № 6, с. 41—42.

⁴ Следы временных стоянок отмечены в урочищах Ачкикуль и Янаарык. Ташкенбаев Н. Х. О морфологических признаках каракамышского палеолитического материала.— В сб.: ИМКУ, 1969, вып. 8, с. 11.

интенсивном освоении ими пространства Ташкентского оазиса в доиригационный период, до появления здесь оседлых поселений.

Ташкентские тепа исследовались и во внеочередном экстренном порядке, когда им угрожало уничтожение при городском строительстве, и выборочно по плану исходя из их научной значимости. При явном недостатке, а порой и полном отсутствии письменных источников изучение ташкентских археологических памятников особенно важно, так как позволяет воссоздать древнюю и средневековую историю города. В связи с этим объекты рассматривали в стратиграфическом плане, некоторые из них стали опорными пунктами для планомерных раскопок на широких площадях. Представленное ниже описание итогов работ следует степени изученности объектов. На результатах исследования опорных пунктов следует остановиться подробнее. Ранее опубликованные памятники освещены вкратце.

ОБЪЕКТЫ В ЗОНЕ ПЕРВИЧНОГО ОСВОЕНИЯ ГИДРОСЕТИ МИКРООАЗИСА

Шаштепа — древнейшее оседлое поселение

Одним из главных опорных пунктов раскопок стало городище Шаштепа. Выделенная в процессе изучения его стратиграфическая колонка комплексов стала эталонной для ранних этапов развития материальной культуры в Ташкентском микрооазисе.

Городище расположено в южной части современного Ташкента на берегах протока Джун, крупного канала, вытекающего из Салара недалеко от слияния с Бурджаром и впадающего в Бозсу. Шаштепа состоит из холма цитадели высотой 18—19 м и двух поселений, прослеживаемых в настоящее время в западном направлении от него. Первое поселение, мощность слоев которого почти равна высоте цитадели, отделено от нее неглубокой ложбиной и отличается крутыми обрывистыми склонами. Первое поселение с цитаделью (площадь 1,8 га) отделено каналом Джун от второго внешнего, отличающегося более пониженным рельефом (табл. I, А).

Территория внешнего поселения на правом берегу Джуну, интенсивно осваиваемая под современную застройку, частично скрыта кирпичным заводом, местами занята домами, так что свободны лишь незначительные по площади останцы, на которых сохранились преимущественно нижние культурные отложения. Общая площадь сохранившейся части городища около 300—250 м². Раньше она составляла около 25 га. Впервые исследователи обратили внимание на памятник еще в конце прошлого столетия: в 1896 г. Н. П. Остроумов провел там раскопки⁵. Траншеей прорезали цитадель городища и вырыли три-мн-ных галереи.

Как отметили исследователи, траншея прорезала какие-то кладки и выявила стрельчатую арку. Найдены обломки керамики, два изобра-

⁵ Протокол заседания ТКЛА от 26 августа 1896 г.

жения барана, куски железа, стекла, грузила, кости животных. Исследователи не дали датировок памятника, но определили его как сторожевой пост с подземным зданием.

В 1934 г. памятник обследовал Г. В. Григорьев, отнесший его к типу архаических городищ с вышками на мысах террасы Чирчика, вынесенных к водному протоку⁶. Небольшие зачистки им обреза траншеи 1896 г. выявили сплошной культурный слой и кладки огромного строения, представляющего ряд параллельно идущих галерей со сводами, видимо, образовавших основной массив вышки — цитадель. Г. В. Григорьев, ссылаясь на анализ письменных сведений, интерпретировал здание как подземный храм саков и весь памятник датировал сакским временем⁷.

В 1956 г. археологические наблюдения на Шаштепа провела Н. И. Крашенинникова в связи с тем, что функционировавший здесь кирпичный завод интенсивно разбирал землю со второго поселения⁸. Специальных раскопок не проводили, а собранный из разрушенного культурного слоя материал в виде керамики, каменных изделий, очажных подставок в форме бычьих голов, костей и пр. свели в общую таблицу с предметами, добытыми из обреза холма-цитадели и датировали III—V вв. н. э., цитадель отнесли к преарабскому времени.

Лишь в 1970 г. была предпринята попытка стратиграфического изучения городища, когда на южном склоне цитадели Г. Дадабаев заложил шурф, доведенный до глубины 8 м⁹. Тогда выявили комплекс материала нижнего слоя, интерпретированный авторами как относящийся к бургундской культуре, верхняя граница которой определена ими II—I вв. до н. э.¹⁰

Раскопки Ташкентской экспедиции 1978—1982 гг. предприняты на бугре цитадели Шаштепа сначала в виде траншеи (8×4 м²), развернутой затем в стратиграфический раскоп 1 (84 м²). Он дал картину стратиграфической последовательности накопления 12-метровых культурных отложений от лессового материка до верха бугра. Затем к северо-западу от раскопа 1 на половине площади цитадельного бугра был заложен раскоп 2 на площади около 900 м², в котором на нескольких уровнях проследили последовательность сложения архитектурно-строительного ядра цитадели сырцового здания нижнего горизонта и выделили комплексы материала. В юго-восточной части бугра разбит раскоп 3 на площади около 300 м², в пределах которого оскрутурена часть цитадели поздних этапов жизни памятника и выявлены некоторые детали планировки нижнего комплекса.

В итоге работ на всех трех раскопах удалось проследить слож-

⁶ Григорьев Г. В. Указ. соч., с. 22, 43.

⁷ Там же, с. 35.

⁸ Крашенинникова Н. И. Археологические наблюдения на Чаш-тепе. ТашГУ им. В. И. Ленина, вып. 172. Ташкент, 1960, с. 150.

⁹ Буряков Ю. Ф., Дадабаев Г. Памятники античного времени в Ташкентском оазисе.— В сб.: ИМКУ, вып. 10, 1973, с. 40.

¹⁰ Буряков Ю. Ф., Дадабаев Г. Указ. соч., с. 40.

ние, развитие и смену шести хронологически последовательных археологических комплексов, характеризующих весь период жизни памятника¹¹.

Самый ранний культурный горизонт на раскопе 1, залегающий на материковом лессовом грунте обреза третьей Чирчикской (Голодно-степская) террасы, довольно четко выделяется стратиграфически и по составу археологического материала. Он полностью принадлежит бургулюкскому культурному комплексу, занимающему полутораметровое отложение XXI—XXIII ярусов (Шаш 1)¹² (табл. 1, Г, 7). Культурный слой состоит из характерных наслоений зольно-органического характера с лессовыми прослойками.

На всей вскрытой площади расчищены остатки трех наслаивающихся друг на друга в течение долгого времени и потому плохо сохранившихся земляночных жилищ, характерный набор керамики и изделий из камня (табл. I Д, Л). Наиболее четко прослеживаются контуры одной землянки неправильного полуовального очертания (3,15×3,8 м) с очагом у стенки. Полы землянок ровные, покрытые тонким слоем светло-серого растительного тлена, оставшегося, вероятно, от соломенного покрытия. Яма нижней землянки прорезала некоторое подобие лессового вала, который, возможно, когда-то был искусственным сооружением, окружавшим на ранних этапах жизни земляночное поселение, затем утратил свое значение и был сnivelирован разросшимся поселком. Кроме полуземляночных жилищ, выявлены ямы, видимо, хозяйственного назначения, отличающиеся меньшим (1,1—1,2 м) диаметром, заполненные серо-золистыми и зеленоватыми органическими отложениями с керамикой, предметами из камня и костями животных. Остатки землянок, ямы и лессовый вал нижнего горизонта перекрыты слоем темной золы и культурным слоем золисто-органического характера. В этот слой врезается дно вышележащей землянки с очагом, относящейся ко второму культурному горизонту, занимающему XX—XVIII ярусы. Характерная структура этого культурного слоя — чередование лессовых прослоев и органических массивов, в которые вклиниваются зольные линзы. Отличается этот горизонт от нижнего и керамическим набором, в который входит ряд компонентов, позволяющих считать весь комплекс переходным от бургулюкской культуры к раннему Каунчи.

Расчищенные в обоих горизонтах полуземляночные жилища, несмотря на плохую сохранность, сопоставимы по очертаниям, размерам, глубине подземной части, наличию остатков очагов с раскопанными на поселениях вдоль обоих берегов реки Ахангаран¹³. Стерильность поселений позволила раскрыть здесь несколько десятков землянок и хо-

¹¹ Полевые работы проводил В. И. Спришевский с участием У. Алимова, П. Валиева и А. А. Грицины, О. Папахристу и С. Акчурной.

¹² Отсчет ярусов (по 50 м высотой) производили от репера, за который принята самая высокая точка вершины бугра.

¹³ Дукане Х. Бургулюкская культура.— В кн.: Древности Туябугуза. Ташкент, 1979, с. 48 и сл.; Он же. Бургулюкские объекты в долине Ахангарана.— В кн.: Древняя и средневековая культура Чача. Ташкент, 1979, с. 41 и сл.

зайственных ям, дающих представление о характере жилища и хозяйственной деятельности населения Чача и могущих служить надежным материалом для сравнения. По последним результатам исследований они датированы IX—VII вв. до н. э.¹⁴ Сопоставимость открытых на Шаштепа землянок с поселениями по Ахангарану — первый главный признак бургюлюкского комплекса Шаштепа.

Возвращаясь к описанию стратиграфии памятника, необходимо отметить еще один существенный признак. Конец XVII яруса является четким стратиграфическим разделителем нижних горизонтов от последующих, так как с этого уровня фиксируется подошва обводной стены и связанного с ней архитектурного комплекса. Описание строительных остатков будет дано ниже, при описании раскопа 2. Обводная стена в пределах Р 1 возведена на нижнем зольно-органическом культурном слое и сохранилась в высоту на 4 м (до X яруса).

От уровня подошвы стены в начале XVIII яруса до середины XV яруса отмечено накопление довольно плотного слоя лессового цвета с небольшим количеством находок, под ним на полу, связанном со стеной, залегал зольник до 0,3 м толщиной. Примечательно, что по характеру и составу керамический материал из этих отложений, как и из тела самой стены, примыкает к нижележащему так называемому переходному слою. Таким образом, по стратиграфическим данным возведение обводной стены не следует слишком отдалять от времени накопления подстилающего ее слоя.

Выше середины XV яруса до середины XI в раскопе 1 прослеживается плотная масса срезанной стены из пахсы с перекрывающей органической прослойкой вверху. Причем оба эти слоя примыкают к верхушке обводной стены, подтверждая тот факт, что внешняя стена функционировала длительное время и использовалась по назначению, видимо, и в пору Каунчи, образуя со срезанной стеной коридор (ширина до 1,8 м). Выше середины XI яруса параллельно ему была возведена перекрывающая пахсовая стена, сохранившаяся в высоту на 1,25 м.

В последующее время и пахсовая стена, и гребень обводной были снивелированы кладкой из сырцового кирпича размером 50×30×8—9 см, а выше ее, чередуясь, залегали две прослойки с культурными остатками и два слоя кирпичной сырцовой кладки из кирпича размером 36×24×10 см, перекрываемые слоем лесса почти без материала. Из-за особенностей первоначального рельефа верхние слои вскрыты в северо-восточной части раскопа лишь на небольшом участке и из-за большой насыщенности архитектурно-строительными остатками дали незначительное количество археологического материала. Наиболее интересны стратиграфия и содержимое трех глубинных горизонтов, так как на значительной площади они обнажены только на раскопе 1.

Самый массовый материал этих горизонтов — керамика. Основную массу фрагментов составляет керамика бургюлюкского типа. Она

¹⁴ Там же, с. 48; Дуке Х. Туябугузские поселения бургюлюкской культуры. Ташкент, 1982, с. 57, 71.

представлена чистым комплексом нижнего горизонта (Шаш I), господствует в среднем (Шаш II) и все еще присутствует в отложениях, связанных с обводной стеной (Шаш III).

Вся эта керамика вылеплена от руки на матерчатом шаблоне и ленточным способом с последующим заглаживанием. На внутренней поверхности сосудов проступают отпечатки ткани. Керамика делится на грубо лепную и более тонко выделанную. Преобладают сосуды розового черепка разных оттенков с умеренным добавлением белых гипсовых частиц, крупинки кварца или без примесей. Черепок разной степени пористости. Обычно ангобное покрытие — светло-кремовое или розовато-кремовое. Поверхность заглажена, в отдельных случаях залощена. Примерно треть сосудов составляет группа с ярко-красным покрытием, переходящим в марганец, чаще всего открытых форм, окрашенных снаружи и внутри. Крашенные сосуды чаще залощены до блеска.

Преобладающее число сосудов круглодонны, единичные фрагменты принадлежат формам с плоским дном. Из всей массы керамики выделено восемь фрагментов со следами росписи или красной полосой по венчику. Роспись в виде полос, косой штриховки и видимо, треугольников нанесена на светло-красный или кремовый ангоб кроваво-красной краской. Некоторое дополнение к расписным фрагментам дают черепки, полученные при раскопках 1970 г.¹⁵

В комплексе керамики выделяются следующие основные формы: крупные — корчаги, горшки, крышки с цилиндрической ручкой; меньшие — горшки, котлы с широким сливом под венчиком, миски, чаши. Встречено несколько единичных фрагментов: верхняя часть грубой миски грязно-желтого цвета с резко подчеркнутым валиком под венчиком (рис. 2, 77), часть венчика горшочка желтоватого цвета с блестящим ангобом, клювообразно свисшим наружу венчиком и ярко-красной лощеной полосой под ним (рис. 2, 78), фрагмент светло-кремовой чаши с перехватом стенки (рис. 2, 101).

Кроме хозяйственной посуды, в комплексе нижнего горизонта отмечены плоские овальные жаровни, изготовленные из светлой глины с добавкой крупных кварцевых частиц, неглубокие, с заостренным краем. От подобных предметов каунчинской поры они отличаются большой громоздкостью и массивностью. Найден и миниатюрный сосуд-курильница диаметром 15 см. Помимо розовой и красной керамики, в нижнем комплексе встречено восемь невыразительных фрагментов серо-глиняной, причем на стенке одного круглого сосуда четко видны следы ленточного способа изготовления.

Керамический комплекс второго культурного горизонта и третьего, связанного с ранним этапом функционирования обводной стены, состоит в основном (1056 фрагментов) из отмеченных сосудов, однако вверх от яруса к ярусу насыщается новыми формами. Часть из этих форм, хоть и нарастает, в пределах рассматриваемых горизонтов не становится господствующей. Другая часть присутствует в слое, не по-

¹⁵ Буряков Ю. Ф., Дадабаев Г. Указ. соч., рис. 4.

лучая дальнейшего развития, но указывая на ряд важных событий, сопутствующих накоплению этого культурного отложения. Учитывая эти моменты, комплекс второго культурного горизонта определен как переходный.

Одна из новых форм, появившихся в XX ярусе, сосуд серо-черного, довольно плотного черепка, с мелкими белыми частицами и неровной пятнистой поверхностью, заглаженной и залощенной иногда до блеска. Фрагментов этих сосудов 167 шт. Они принадлежат горшкам и котлам с намеченной горловиной и простым валикообразным, слегка отогнутым венчиком, на плоском дне, иногда с двумя горизонтальными ручками, посаженными на плечики (рис. 2, 90, 92).

В XX ярусе впервые встречен другой тип серо-черной керамики, насчитывающий во всем горизонте 28 фрагментов и три археологически целых сосуда. Они в изломе темно-серого, почти черного цвета, черепок пористый с большой добавкой мелких белых крупинок типа талька. Обжиг неровный, костровый, отчего поверхность покрыта желтовато-коричневыми и черными пятнами, без лощения. Яйцевидной формы горшки и почти цилиндрическая с простым венчиком кружечка целые (табл. I, E). У горшков обычно простая, слегка отогнутая закраина, плоское дно. Возможно, у некоторых были ручки, прикреплявшиеся, как можно судить по одному фрагменту, к плечу. Диаметры горловин и донца примерно равны. Следует отметить, что эти сосуды невыгодно выделяются среди бургулюкской керамики ухудшенным качеством выделки и обжига.

К числу новых форм горизонта относится кувшин — широкогорлый, с округлым венчиком. Выделан от руки из розового теста хорошего качества ровного обжига, снаружи покрыт светлым серовато-кремовым ангобом с бурыми потеками. Есть разновидность кувшина без потеков с розово-лиловой внутренней поверхностью, серым наружным ангобом и процарапанным орнаментом в виде прямых борозд, перемежающихся волнистой линией (рис. 2, 33).

В комплексе фиксируется появление чаш, сделанных на круге. Они розового плотного черепка, без добавок, с кремовым внешним ангобом. Характерный признак их силуэта — перегиб стенки, либо четко обозначенный ребрышком, либо намеченный и подчеркнутый двумя или тремя бороздками (табл. I, Ж). Края простые, слегка скругленные.

Определенную группу составляют сосуды типа глубоких мисок такого же цвета черепка и светлого серовато-желтого ангоба со слегка вогнутыми внутрь заостренными краями и плавным перегибом стенки. Отмечен фрагмент миски с прямыми стенками и плоским краем. Появилась форма хумчи с отогнутым, заovalенным венчиком.

В XIX ярусе второго горизонта встречена форма горшка с дрсевой в пористом черепке сероватого покрытия, с вертикальной ручкой-проушиной, захватывающей венчик. Верх сосуда закончен. Наверху ручки отсутствует характерная для Кауни вмятина (табл. I, 7).

В XVII ярусе (третий культурный горизонт) впервые появилась форма крупной миски (диаметр до 30 см) серовато-желтого цвета с

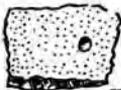
<i>Строительный период</i>	<i>Культурный горизонт</i>	<i>Ярус</i>	<i>Металл</i>	<i>Камень</i>	<i>Терракота</i>
	<i>Шаш IV</i>	XII- -XIV			
		XV			
<i>I строительный горизонт</i>	<i>Шаш III</i>	XVI			
		XVII		 	
	XVIII		 		

Рис. 2

Керамика

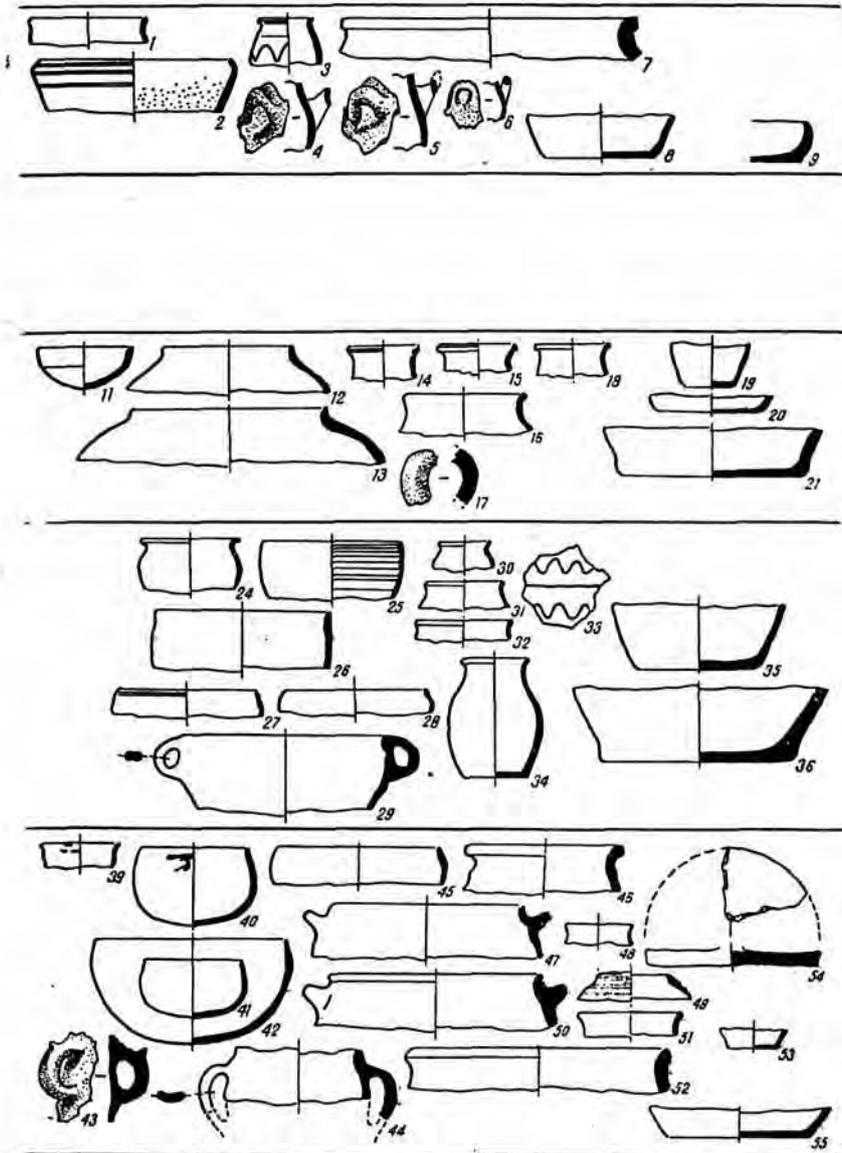

Рис. 2 (продолжение).

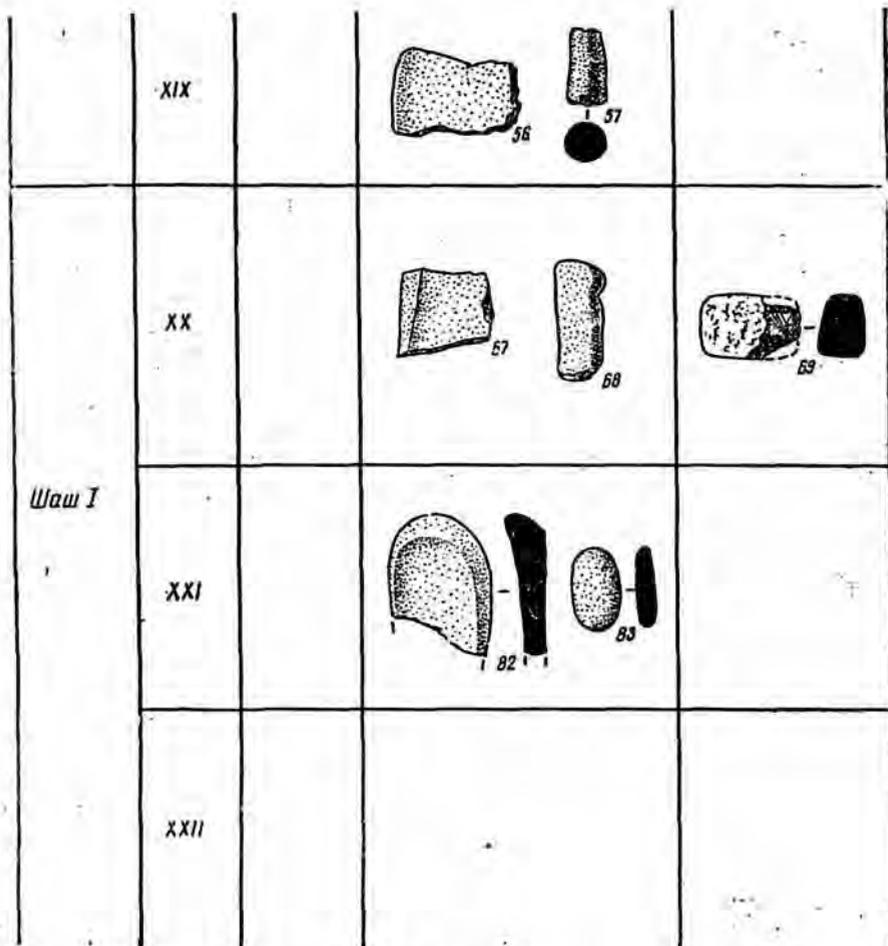

Рис. 2 (продолжение).

перегибом стенки и двумя кольцевыми уплощенными в сечении ручками, прикрепленными к верху венчика (рис. 2, 29). В этом же ярусе зафиксирована форма тонкостенного горшочка, сделанного на круге, черепок темно-красный с кремовым ангобом, изящно выгнутой стенкой и отогнутым широким венчиком (рис. 2, 24). Здесь же встречаются фрагменты плоских донцев массивных хумов, с отпечатками ткани на внешней стороне донцев.

Во втором горизонте продолжали появляться сковороды, жаровни с беловатым ангобом, приобретшие круглую форму и не столь тяжеловесные, как бургулюкские. Здесь же впервые отмечен обожжен-

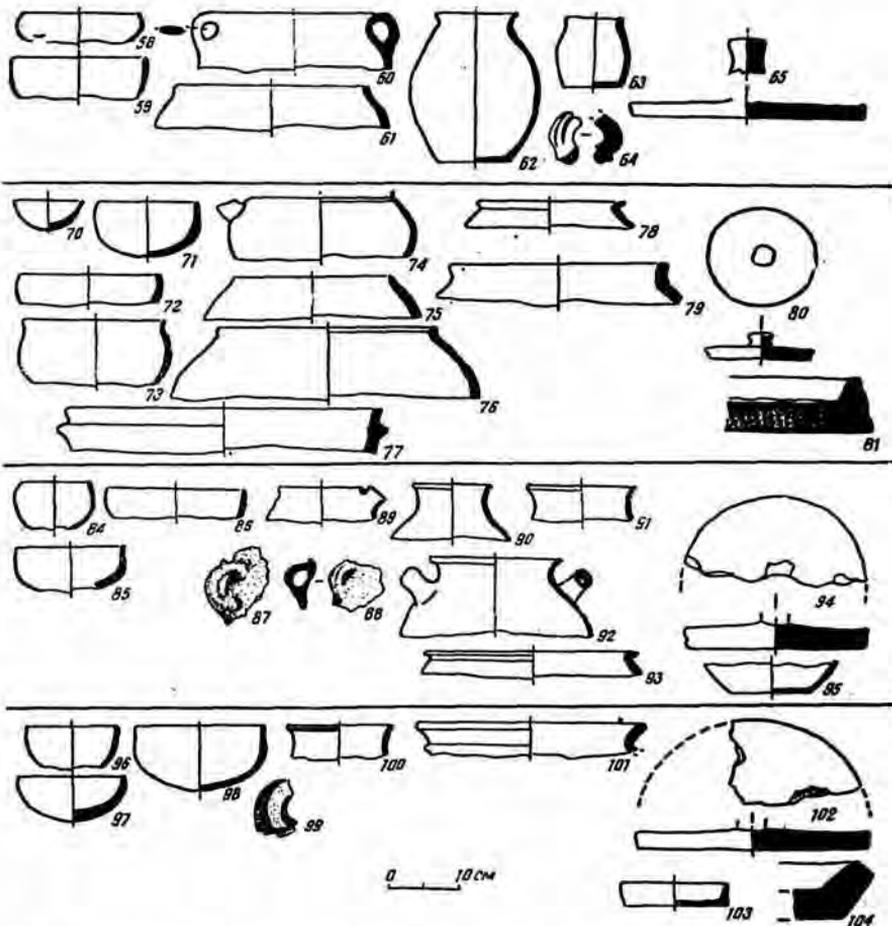

Рис. 2. Шаштепа. Стратиграфическая колонка по материалам раскопов 1 и 2.

ный пятнами трапециевидный кирпич (размером $15 \times 11 \times 7,5$ см), относящийся к так называемым очажным подставкам (рис. 2, 69). Кроме названных форм, в переходном комплексе зафиксированы единичные фрагменты сосудов, которые можно считать привозными, так как они не получили развития в последующих слоях. Это три фрагмента стенки кубка или чаши очень хорошей выделки на круге, покрытого красным ровным ангобом с лощением. Сосуд использовался вторично, так как после того как он разбился, рваную кромку заточили под бортик. Второй фрагмент красноангобированного сосуда с круга принадлежит чашевидному кубку (XIX ярус).

Следует отметить и фрагмент стенки сосуда с серовато-желтым ангобом, сформованного на круге (XVIII ярус). В тесте видны мелкие белые примеси, черепок в изломе двухцветный из-за недообжига. Последнее обстоятельство, возможно, указывает на местное изготовление сосуда. Внутри сосуд закопчен, форму восстановить трудно, предположительное его назначение — курильница.

В переходном комплексе (XVIII ярус) найден фрагмент стенки сосуда пористого «бургулюкского» черепка, покрытого ровной красной краской, с ручкой со шпеньком, как бы прообразом зооморфного налепа. Особняком стоит и фрагмент лепного сосуда розового плотного черепка с орнаментом в виде широкой полосы и линии мелких вдавленных точек под ней, оставленных гребенчатым штампом (табл. I, Ж).

Кроме керамики, вторым характерным признаком всех выделенных горизонтов являются многочисленные изделия из камня. Это прежде всего большое количество ладьевидных зернотерок из крупнозернистого камня, набор продолговатых форм пестов и терок, крупных терочников с сильно сношенными рабочими краями (табл. I, Л). Встречен также культовый объект — выточенное из камня изображение фаллоса. Изделий из металла выявлено очень мало. Кроме невыразительных обломков бронзовых изделий (уплощенных и круглых стерженьков), в XX ярусе обнаружена железная пластинка длиной 6 см, в XVII ярусе — железный ножичек с коротким черешком, треугольным сечением лезвия и горбатой спинкой (табл. I, О).

Последовательность стратиграфического залегания всех трех культурных горизонтов и отсутствие периода запустения позволяют предположить и их хронологическую неразрывность.

Весь характерный набор форм керамического комплекса нижнего горизонта, включая и сероглиняные и отдельные фрагменты плоскодонных сосудов, по всем морфологическим признакам относится к бургулюкскому типу. Как известно, бургулюкскую культуру открыл А. И. Тереножкин на трассе Ташкентского канала на протоке Бургулюк в форме земляночных жилищ, керамики и отдельных предметов¹⁶. Он разделил ее на два этапа, отнеся к первому лишь отдельные случайные бронзовые изделия, а ко второму — основной комплекс с лепной круглодонной керамикой, землянками, хозяйственными каменными изделиями и датировал всю культуру VI—IV вв. до н. э.¹⁷

Основываясь на несомненных аналогиях, мы могли бы сопоставить комплекс нижнего горизонта Шаштепа со вторым этапом бургулюкской культуры по А. И. Тереножкину, однако исследователи отмечают отсутствие в ней железных изделий¹⁸ и ряд морфологических отличий в комплексе керамики Шаш I. Учитывая отсутствие железа в материалах бургулюкских поселений Туябугуза, Х. Дуке передатировал культуру, выявив ее несомненное генетическое родство с другими

¹⁶ Тереножкин А. И. Памятники...

¹⁷ Тереножкин А. И. Согд и Чач. КСИИМК, XXXIII, 1950, с. 153—155.

¹⁸ Дуке Х. Бургулюкская культура. Древности Туябугуза, с. 87.

культурами расписной керамики эпохи поздней бронзы Средней Азии, и отнес к IX—VII вв. до н. э.

На Шаштепа присутствие железа в нижнем комплексе доказано правда невыразительными фрагментами. При определении хронологии этого комплекса следует учесть, что Шаштепа — первый многослойный памятник с четкой стратиграфией, дающей картину непрерывного перерастания бургулюкского комплекса в последующий. Ряд мелких морфологических признаков отличает керамику нижнего комплекса от классического бургулюкского.

Общезвестно резкое преобладание (до 99%) в бургулюкском комплексе неорнаментированной посуды в отличие от расписанной красным рисунком. В комплексе Шаш I эта диспропорция еще разительнее, причем те незначительные примеры с росписью демонстрируют общее обеднение орнамента: это в основном полосчатая штриховка. Вместо красно-коричневого и коричневого цветов росписи применяется только красная по светлому фону. В неорнаментированной посуде произошла окончательная стандартизация форм за счет общего их сокращения и утверждения единой формы ручек и крышек. Основные формы — круглодонные котлы, горшки, миски; исчезли бочалообразные и банковидные сосуды. В котлах и горшках из всего разнообразия ручек в виде уплощенных горизонтальных площадок, намеченных подковок, вертикальных плоских выступов с отверстием, раструбообразных полых вертикальных налепов сохранились лишь горизонтальные плоские ручки. Та же трансформация отмечена для крышек с дугообразными ручками и в виде полого внутри выроста; они заменены вертикальными сплошными цилиндрами. Отметим также ряд указанных выше выпадающих из комплекса фрагментов. Ближайшие аналогии они находят в керамике Ферганы, городища Шурабашат, датированного V—I вв. до н. э.¹⁹ Распространенную черту росписи этой керамики — полосчатую штриховку и оттяжку красной полосой края горловин — мы находим в описанном выше венчике кувшина, раструбообразным очертанием профиля также схожего с шурабашатскими, и в стенке с росписью²⁰. Аналогии в Шурабашате находят также чаша с перегибом стенки и вертикальная круглого сечения ручка²¹.

Указанные отличия позволяют отнести нижний горизонт Шаштепа не к классическому комплексу Бургулюка, а к завершающей стадии развития культуры, что косвенно позволяет разбить всю культуру на этапы, не отрицая датировку первого IX—VII вв. до н. э. Комплекс Шаш I — основной для выделения второго этапа, фиксирующий верхнюю временную границу бытования всей бургулюкской культуры. По материалам Шаштепа этот завершающий этап можно отнести к

¹⁹ Заднепровский Ю. А. Древнеземледельческая культура Ферганы. М.—Л., 1962, с. 169.

²⁰ Заднепровский Ю. А. Указ. соч., табл. XLVII, 21, 22.

²¹ Там же. Табл. LXIII, 18—21; Он же. Археологические памятники южных районов Ошской области. Фрунзе, 1960, рис. 8, 2, 3.

VI—IV вв. до н. э. Отличие материалов второго культурного горизонта — в появлении новых типов керамики, сопутствующей бургулюкской.

Одна из разновидностей нового типа керамики — серо-черные и приземистые горшки с лощеной поверхностью и ручками. В публикациях материалов других памятников Ташкентского оазиса они отсутствуют. Нескольким фрагментам этого типа и один археологически целый сосуд есть в коллекциях керамики Самаркандского музея из раскопок Г. В. Григорьева Каунчитепа. Однако не известно, в каких слоях она обнаружена. Видимо, об этом же типе керамики пишет Л. М. Левина, ссылаясь на материалы Г. В. Григорьева. Аналогичная керамика обнаружена на городище Актобе 2 в обоих строительных периодах. Количество ее в этих комплексах незначительно²².

Поскольку на городище Каунчитепа отмечен слой с материалом бургулюкского типа, не исключено, что часть черно-серой керамики с белыми включениями (толченые раковины) в тесте была обнаружена вместе с ней в слое переходного типа. О наличии подобного слоя на городище пишут последующие исследователи²³. Это тем более вероятно, что на внутренней части двух фрагментов стенок керамики из музея обнаружены следы отпечатков, свидетельствующих о сходной с бургулюкской технике выработки посуды.

Наличие этих сосудов в одном слое с бургулюкскими на Каунчитепа как будто подтверждается обнаружением в 1979 г. единичных фрагментов в шурфе на цитадели²⁴. На данном этапе исследования трудно определить происхождение этой черно-серой керамики с лощением, поскольку она не имеет аналогий в других синхронных или более ранних памятниках Средней Азии. Некоторое отдаленное сходство прослеживается с типом так называемой черно-лощенной керамики из памятников шурабашатского типа Ферганы, однако последняя часто украшалась процарапанным орнаментом²⁵.

По ташкентским материалам прослеживается ее дальнейшее развитие и эволюция форм в комплексе Каунчи, так как она присутствует в отложениях, перекрывающих переходный слой Шаштепа. В последних котлы несколько трансформировались: при сохранившейся выработанности горловины и простом венчике ручки стали более уплощенными в сечении и приобрели очертание мыска (табл. I, Ж). У вытянутых горшков большую профилировку приобрела отогнутая закраина.

Другая разновидность серо-черной керамики — горшки с белыми примесями в более пористой черепке плохого кострового обжига, с заглаженной поверхностью, присутствующие в переходном комплексе, — сходны по формам и технологии с подобными предметами из

²² Левина Л. М. Керамика нижней и средней Сырдарьи в I тысячелетии н. э. М., 1971, с. 96.

²³ Бураков Ю. Ф., Дадабаев Г. Указ. соч., с. 48.

²⁴ Материалы получены Е. Усовой.

²⁵ Заднепровский Ю. А. Древнеземледельческая культура, с. 28.

захоронений могильника, принадлежащего особо выделенной культуре в долине Жанадарьи (Сырдарьинская дельта), датированной IV—II вв. до н. э.²⁶, определенными формами керамики Чирикбада в Хорезме IV—III вв. до н. э.²⁷, которые сами исследователи сопоставляют с сарматскими. Некоторое сходство в формах наблюдается в керамике Тасмолинской культуры Центрального Казахстана V—III вв. до н. э.²⁸ Явные параллели можно провести с сосудами из могильников прохоровской культуры сармат Приуралья²⁹ и Поволжья³⁰ IV—II вв. до н. э.

Керамика захоронений Увакского и Мечетсайского могильников сходна по целому ряду признаков: яйцевидная форма со слегка оттянутой горловиной, рыхловатое тесто с примесью шамота и дресвы и особенно талька, мергеля или ракушек, костровый обжиг, придававший поверхности светло-коричневую или серую окраску с черными пятнами, черный излом черепка, заглаженность поверхности, иногда с лощением. Следует упомянуть и распространенную форму железного ножа с горбатой спинкой, идентичного шаштепинскому, являющемуся одним из ранних примеров находки ножей такого типа в Средней Азии, распространенного здесь в более позднее время³¹.

Как отмечалось, в комплексе присутствуют фрагменты «импортной» керамики. Обломки красноангобированной лощеной прекрасной выделки посуды с круга быстрого вращения могли быть привезены из раннеантичного Согда³². Обломок стенки круговой красноангобированной чаши с загнутым внутрь бортиком (со стершимся ангобом) может происходить из Ферганы, где эта форма была распространена в первых веках до нашей эры³³. Того же происхождения и времени может быть фрагмент стенки крашеного сосуда с ручкой, увенчанной шпеньком³⁴. Подобное завершение ручки известно и для джетысарской культуры нижней Сырдарьи, где также распространена красная окраска стенок³⁵. Примечательна тенденция к удревнению джетысарской культуры³⁶. Учитывая количественное (1056 фрагментов) соотношение бургулюкской керамики в слое и форм (39 фрагментов) пред-

²⁶ По устному сообщению Л. М. Левиной и Б. И. Вайнберг.

²⁷ Толстов С. П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962, с. 152.

²⁸ Маргулан А. Х., Акишев К. А. и др. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966, рис. 61.

²⁹ Смирнов К. Ф. Сарматы на Илеке. М., 1975, рис. 23, 11, 28, 7, 33, 6.

³⁰ Мошкова М. Г. Памятники Прохоровской культуры.—САИД, 1963, 1—10, табл. 7.

³¹ Смирнов К. Ф. Указ. соч., с. 65, 89, 165.

³² Шишкина Г. В. Керамика конца IV—II вв. до н. э. (Афраснаб), Афраснаб III. Ташкент, 1974, с. 44.

³³ Заднепровский Ю. А. Указ. соч., табл. Б.

³⁴ Там же, табл. XLIX, 9—11.

³⁵ Левиная Л. М. Указ. соч., с. 16, рис. 3, 27.

³⁶ Большинство джетысарских городищ теперь удревнены до середины I тысячелетия до н. э.; Левиная Л. М. Среднеазиатские связи джетысарской культуры в первой половине I тысячелетия н. э.—В кн.: Культура и искусство Древнего Хорезма. М., 1981, с. 171.

каунчи, все перечисленные признаки и аналогии, а также стратиграфию залегания, переходный комплекс Шаштепа можно датировать III — самым началом II в. до н. э. (таблица).

Смешанный характер комплекса свидетельствует, во-первых, о возможных культурных проникновениях в Ташкентский оазис в довольно бурный в политическом отношении период, основным явлением которого стало начало больших передвижений и миграций племен, движущихся через районы нижней и средней Сырдарьи на юг, в глубинные оазисы Средней Азии. Несомненно, что на противоречивом, на первый взгляд, составе комплекса сказалось влияние нескольких

Количественное соотношение типов керамики в нижних культурных горизонтах Шаштепа

Ярус	Бургулюкская керамика						Серо-черная		Серо-черная с лощением		Каунчи I		Импорт	
	расписная		крашенная		без красного ангоба		абс.	%	абс.	%	абс.	%	красно-лощенная с круга	с круга
	абс.	%	абс.	%	абс.	%								
XXIII—XXI	5	0,4	249	19	1077	81	—	—	—	—	—	—	—	—
XX—XVIII	3	0,2	400	24	1056	66	38	1,7	167	9,8	39	2,3	1	2
XVII—XV	—	—	9	4	97	58	5	2	16	9	51	28	3	—
Обводная стена	—	—	19	15	78	70	5	4	6	5	7	6	—	—

культур. Во-вторых, это влияние, вероятно, фиксирует обстоятельства и самый начальный этап формирования новой культуры, которая на основе местной автохтонной бургулюкской, но с участием некоторых привнесенных компонентов в итоге оформилась в качественно новое явление — каунчинский культурный комплекс. Основными факторами влияния здесь представляются связи с культурами сарматского круга, Ферганой, нижней Сырдарьей, культурой усуней.

В последующих отложениях Шаштепа полностью изживаются описанные выше формы черно-серой керамики, зато все более формируются набор признаков будущей каунчинской культуры. Основные формы керамики, ставшие при дальнейшем развитии определяющим характерным признаком культуры Каунчи, можно назвать уже по материалам второго и третьего культурных горизонтов Шаштепа (табл. 1, Ж). Это керамика розового и красноватого плотного черепка с беловато-кремовым и сероватым ангобом, в основном лепленная от руки, есть и небольшой процент круговой. Из разнообразия обломков кувшинов в слое можно выделить форму широкогорлого кувшина с невысокой шейкой, вариантами простого отогнутого венчика, с ручкой в верхней части плечика, непропорционально широким по сравнению с горлом устойчивым дном, украшенным потеками красноватобурой краски и процарапанным орнаментом в виде прямых и волнистых полос.

Другим определившим комплекс типом сосудов следует назвать чаши с наметившимся перегибом стенок и округлым вертикальным венчиком, чаши с загнутым внутрь венчиком, крупные миски с перегибом стенки и кольцевой ручкой под венчиком. Следующая форма — груболепной с шамотом в тесте горшок с ручкой-проушиной, в которую переходит закраина, черно-серый котел с двумя горизонтальными ручками на плечиках. В этой же керамике выделяются хумча из светло-розовой глины с вариантами простого отогнутого венчика и хум на плоском дне со следами подкладки из ткани, сковорода-жаровня; является плоская крышка с петельной ручкой, украшенная пальцевыми вдавлениями.

Некоторые переходные формы, сопоставимые с шаштепинскими, выделены в двух шурфах на Каунчитепа из слоя, также трактованного переходным³⁷; это одноручный кувшин с потеками, фрагмент фляги и др.

В переходном слое Шаштепа отсутствует форма кружки и очажная подставка зооморфного типа. В качестве подставок здесь употреблялся трапецевидный кирпич. Отсутствие сосудов с зооморфными налестями, кружек и характерных бараньих подставок примечательно и составляет существенное качественное отличие третьего культурного горизонта Р I Шаштепа от Каунчи. Как показывает исследование каунчинских материалов, предложенное Г. В. Григорьевым разделение Каунчи на две ступени предполагает именно такое отличие. Прав А. И. Тереножкин, предположивший, что стадии Каунчи I как части классического каунчинского комплекса не существует вообще, однако была ступень, предшествующая классическому комплексу Каунчи, определявшаяся качественным своеобразием, долгое время бывшим не ясным³⁸. По нашему мнению, данные по Шаштепа вкупе с материалами из шурфов Каунчитепа в какой-то степени наполняют вещественным содержанием ступень, предшествующую классическому Каунчи. Со временем формирования последнего с грани нашей эры, определенным некоторыми исследователями (А. И. Тереножкин³⁹ и Б. А. Литвинский), можно согласиться⁴⁰.

Шаштепа — первый памятник, где достаточно отчетливо удалось вычленить комплекс переходного типа от Бургулюка к Каунчи, хотя некоторые материалы и признаки его ощущаются в опубликованных материалах по памятникам Ташкентского оазиса — Кендыктепа, бургулюкских поселений Ахангаран, Каунчитепа.

По оазису этот комплекс пока не выделен и не изучен. Стратиграфия раскопа I Шаштепа в какой-то степени восполняет пробел, однако для характеристики общих процессов этнокультурного развития Ташкентского оазиса этих материалов недостаточно. Они должны быть получены и на сходных по стратиграфии с Шаштепа памятниках

³⁷ Буряков Ю. Ф., Дадабаев Г. Указ. соч., с. 48, 49.

³⁸ Тереножкин А. И. Материалы бургулюкской и каунчинской культур в зоне Ташкентского канала. — В кн.: Древняя и средневековая культура Чача, с. 24.

³⁹ Тереножкин А. И. Согд и Чач, с. 158.

⁴⁰ Литвинский Б. А. История и культура, с. 47.

<i>Строительный период</i>	<i>Культурный горизонты</i>	<i>Ярус</i>	<i>Металл</i>	<i>Терракота</i>
IV	Шаш VI	III-IV		
		V		
III	Шаш V	VI		
		VII		
		VIII		

Керамика

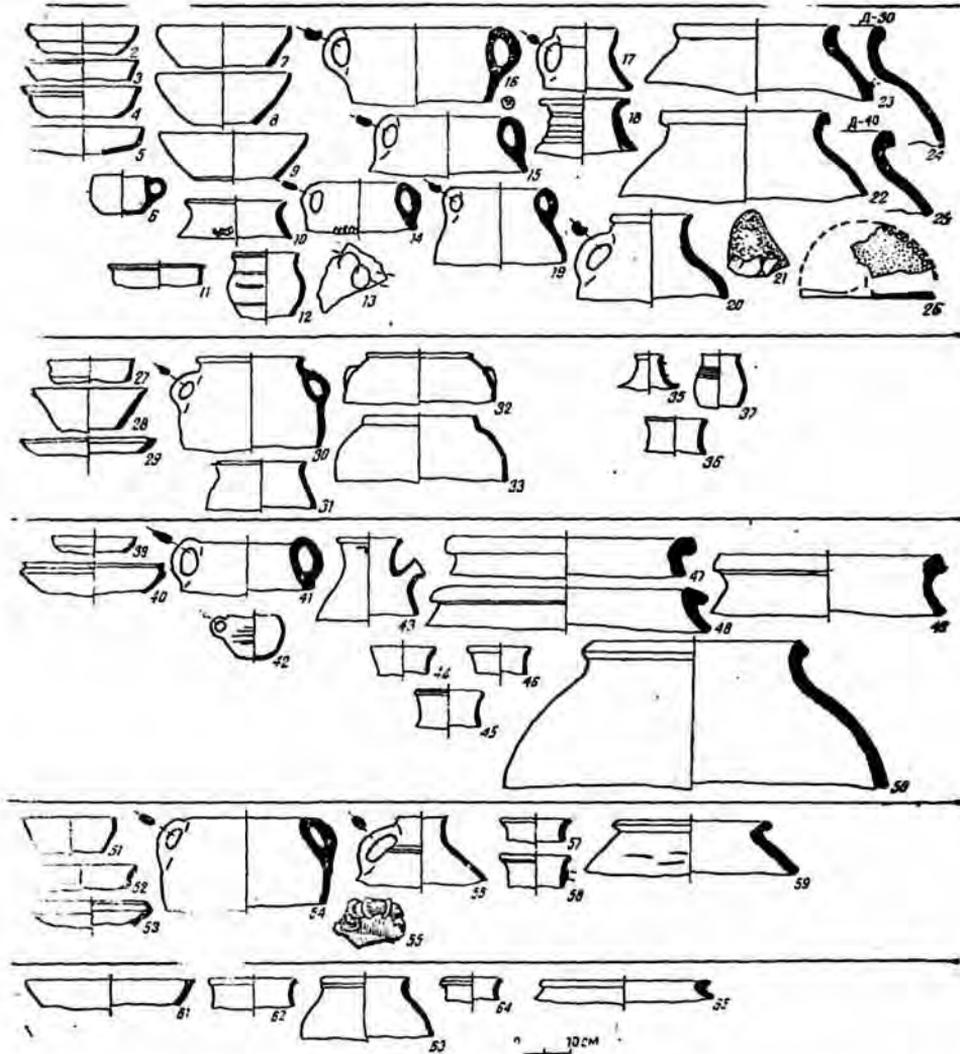

Рис. 3. Шастепа. Стратиграфическая колонка по материалам раскопа 1 и 2 (продолжение).

оазиса, для чего есть все предпосылки. Комплекс третьего культурного горизонта Шаштепа следует считать завершающим этапом переходного периода от бургулюкского комплекса, предшествующим классической культуре Каунчи, и датировать II—I вв. до н. э.

Раскоп 2, заложенный по всей площади северо-восточной половины цитадели, и раскоп 3 в южной части позволили выявить пять основных строительных горизонтов, фиксирующих поэтапное сложение массива цитадели. Первый горизонт включает внешнюю оборонительную стену и возведенный одновременно с ней внутренний комплекс помещений (рис. 4, а). Стена и основной комплекс, расчищенный на 1/4 часть первоначальной площади, слагавшийся несколько строительных этапов, начинаются с конца XVII — начала XVIII ярусов. Уже на первом этапе возведено сооружение по четко заданному плану; его можно представить в виде креста, вписанного в неправильный круг около 60 м в поперечнике (табл. I, Б). Расчищен северо-восточный сектор крестообразного здания (полностью помещения № 1 и 2 и частично № 3, 4, 5).

Здание возведено из двух рядов пахсовых блоков (1,05×1,0 м), перемеженных тремя рядами кирпича; помещения перекрыты кирпичными полуэллиптическими сводами, выложенными наклонными отрезками. В высоту оно сохранилось до 4,5 м. Использован кирпич 60—58×30—28×9—10; 50×35×10; 40—41×40—41×9—10 см с некоторым варьированием в размерах.

Центральную часть здания составляет несколько параллельных помещений (частично ооконтурены помещения № 3, 4, 5), упирающихся

Рис. 4. Шаштепа. *а*—общий вид части раскопанного здания древнего строительного периода; *б*—фасад здания, украшенный стреловидными прорезами.

торцами в перпендикулярно расположенное помещение № 2, сообщавшееся проходами с помещениями № 3 и 1. Свообразный планировочный акцент сделан на последнем, расположенном в северной лопасти «креста». Арочный вход в эту замкнутую комнату ($3 \times 2,5 \text{ м}^2$) со сводом, двумя световыми проемами (ширина 0,3 м), выходящими во двор, оформляет со стороны помещения № 2 своеобразный архаичного облика сводчатый «портал», выложенный из трапециевидных кирпичей (60×35 — 32×25 — 22×10 —12 см). На стенах внутри комнаты видны следы окраски красной охрой.

Окружавшая комплекс на этом этапе стена одинарна, с выходами наружу, очевидно, в башенные утолщения, наличие которых ощутимо в рельефе. В кладке стены употреблен кирпич неустоявшихся размеров ($40 \times 30 \times 9$; $50 \times 30 \times 12$; $48 \times 39 \times 10$; $45 \times 30 \times 8$; $44 \times 25 \times 9$; $46 \times 30 \times 9,5$; $50 \times 30 \times 9$; $45 \times 26 \times 8,5 \text{ см}^3$), переслоенный пластинами пахсы от 4—10 до 15—20 см. Стена прослежена на 120 м.

На втором строительном этапе по всей площади двора уровень пола был поднят до 1 м за счет накладки пахсы или рядов кирпича. Затем на этом уровне выведено внутреннее кольцо кладки толщиной до 1,7 м, в результате чего образовалась внешняя стена с коридором, перекрытым сводом и разделенным на отсеки, многие из которых глухие, стены их также окрашены в красный цвет.

Следующие перестройки выразились в возведении к северу от помещения № 1 стены с тремя стреловидными прорезями. Аналогичная стена возведена и в южной части постройки. Затем последовательно усилена внешняя стена добавочной продольной пристройкой и отгорожена часть двора. Вдоль двух внешних фасов помещения № 1 при подъеме уровня двора был вбит частокол, видимо, поддерживавший легкий навес. Сохранился ровный ряд гнезд от кольев.

Здание пережило и внутренние перестройки, при одной из них частично кирпичной кладкой забутовано помещение № 2, а на полу уложено большое количество булыжных камней. Стратиграфический разделитель в конце XV яруса четко прослежен во всем комплексе. Выше этого уровня меняется характер наполнения помещений. Это в основном зольно-органический слой, на котором лежали упавшие своды коридоров.

Весь комплекс представляет монументальное сооружение с развитыми строительными конструкциями и является самым ранним уникальным в Ташкентском оазисе.

В нижнем строительном горизонте Шаштепа в пределах одного архитектурного сооружения выделено несколько строительных этапов и два стратиграфически разделенных комплекса керамического материала. Накопление на первоначальном полу укладывается в комплексе Шаш III, выделенном на раскопе 1, а содержимое слоя золистого органической структуры от низа XV яруса до середины XII яруса включительно настолько отличается от него, что его можно выделить в самостоятельный комплекс Шаш IV. Набор керамических форм включает кувшины с потеками (преобладающая форма), груболепные закопченные горшки с двумя вертикальными проушинами от венчика, чаши с перегибом стенки, жаровни-сковороды, крышки с пальцевыми вдавлениями, хумы и хумча, кружки грушевидной и шаровидной формы с вертикальными ручками от венчика, очажные подставки в виде голов быков (табл. I, 3).

Керамика соответствует формам этапа Каунчи II, выделенного по городищу Каунчи Г. В. Григорьевым⁴¹, Каунчи I по Л. М. Левиной, комплексом ранних слоев Актобе²⁴².

Второй строительный горизонт фиксируется после некоторого запустения первоначального сооружения, выразившегося в обрушении здания, проседании его сводов и накоплении большого количества натеков в провалах внутривосточного обводного коридора и помещений комплекса. Это, по-видимому, произошло в конце периода, характеризующегося комплексом Шаш V. На разровненных строительных остатках возникла новая постройка, стены которой, хоть и опирались по внешнему контуру на древние останцы, планировкой и общим абрисом в корне отличались от первоначального сооружения. На овальный кон-

⁴¹ Григорьев Г. В. Каунчи-тепа. Ташкент, 1940, с. 14.

⁴² Левина Л. М. Керамика нижней..., рис. 59 (1—336); Максимова А. Г., Мерцнев М. С., Левина Л. М., Вайнберг В. И. Древности Чардары, Алма-Ата, 1968, рис. 19, 21, 23, 25.

тур сооружения первого строительного горизонта сверху лег четкий прямоугольник цитадели нового периода. Ширина внешней стены этого прямоугольника, сложенной из пахсы на гребне старой обводной, около 4 м. Подошва ее прослеживается в северо-западном и юго-восточном участках (Р 1 и Р 2) на уровне границы XI и XII ярусов. В пределах того же периода она была усилена изнутри пристройкой (ширина 1 м), внутреннее пространство разбито на помещения.

В последующий период остатки помещений заложили мокрой глиной, они снивелировались и скрылись в толще пахсовой платформы, прослеженной по всей площади раскопа 2. Возвышалась лишь внешняя стена цитадели. С уровня грани IX и X ярусов фиксируется третий строительный горизонт, включающий остатки пахсовых стен и пристройки к ним, разбросанные по всей площадке, но не дающие четкой планировки. На уровне начала X яруса в раскопе 2 встречено два мощных зольно-органических скопления, заполнивших вырубленное в пахсе помещение и углубление-яму, давших довольно полный комплекс керамики. Однако стратиграфически их накопление не соответствует третьему строительному горизонту, так как они сложились в результате вырубки части пахсово-кирпичного массива и платформы. На этой платформе, вобравшей остатки третьего строительного горизонта, возведен новый комплекс мощных пахсово-кирпичных стен: наибольшей (до 6 м) шириной отличается внешняя кладка, образующая прямоугольник цитадели. Характерная особенность строительства в этом горизонте — наращивание мощи внешней стены за счет добавочных кладок изнутри, сокративших внутреннее пространство крепости и расширивших оборонительную стену настолько, что наверху образовалась обширная площадка, видимо, для установки машин метательной артиллерии. Как показали расчистки по этому горизонту, на раскопе 3 въезд на цитадель осуществлялся с юго-запада по пандусу, поднимавшемуся вдоль южного фаса. Пандус устроен, вероятно, в это время или несколько раньше, и там, где пролегла его поверхность, уничтожились все остатки древнейшей оборонительной стены первого строительного горизонта. По внешнему контуру прямоугольник цитадели приобрел в этом строительном горизонте размеры $30,5 \times 21,5$ м², при внутреннем устройстве $21,5 \times 13,9$ м².

Строительные остатки всех трех горизонтов (со II по IV) цитадели занимают три с лишним метра страты отложений памятника, т. е. столько же, сколько занимает один нижний строительный горизонт. Это свидетельствует о значительно возросшей интенсивности градостроительства в следующий за Шаш IV период. Об этом говорит и различие культурных комплексов. Так, в архитектуре нижнего горизонта довольно резко ощущались изменения в составе признаков, характеризующих комплексы Шаш III и Шаш IV, а в отложениях II—IV горизонтов из-за скудности материала такого четкого движения уловить невозможно. Единственно, что может составить их культурную характеристику — содержимое двух скоплений материала, в

основном керамики, в зольно-органических отложениях названного выше вырубленного помещения и ямы. По стратиграфии они связаны с четвертым строительным горизонтом, занимая VI—IX ярусы, т. е. по относительной периодизации срок их накопления связан с концом периода, фиксируемого II, III, IV строительными горизонтами, и отделен от комплекса Шаш IV некоторой лакуной, не заполненной вещественным материалом. Видимо, в процессе дальнейших вскрытий на раскопе 2 она будет заполнена. Учитывая эту неполноту нижней страты, мы условно выделяем комплекс Шаш V, включающий строительные остатки цитадели II—III—IV горизонтов и набор керамических форм из вырубленного помещения и ямы. Набор включает кувшины, горшки с вертикальными проушинами, хумы и хумчи, корчаги, миски, крышки с петельками-ручками, сковороды-жаровни, кружки с зооморфными и кольцевыми ручками и характерные очажные подставки в форме голов быков, украшенных вмятинами пальцев (табл. I, 9). Весь набор находит широкие аналогии в комплексах керамики Каунчи II, встреченных на памятниках Ташкентского оазиса⁴³, Чардары⁴⁴, северо-западной Ферганы⁴⁵.

Все сосуды делятся на две группы: довольно грубо вылепленные от руки из теста с примесью дресвы или шамота плохого обжига и тщательной ручной выделки из тщательно отмученного теста хорошего обжига; к первой относятся кухонные котлы с вертикальными проушинами-ручками, горшки, жаровни, крышки. Ко второй — кувшины, кружки, миски, чаши, хумы и хумчи.

Комплекс намного полнее набора форм комплекса Шаш IV, что можно объяснить неравномерностью вскрытия площади горизонтов, и хотя Шаш IV выбран с меньшей площади, в нем, например, большее количество горшков с горизонтальными ручками.

Как явствует из стратиграфии Шаштепа, комплекс Шаш IV не отличается полнотой. В более представительном виде формы этого комплекса получены из нижнего горизонта Кугаиттепа и Мингурюка.

В результате изучения верхних отложений цитадели Шаштепа выявлен еще один (V) строительный горизонт и связанный с ним набор керамических форм. В это время прямоугольник стен цитадели надстраивался по периметру кирпичными стенами с уровнем полов примерно на грани IV и V ярусов. На этом же уровне выявлены обломки внутренних стен и пристроек, планировка которых не восстанавливается из-за нарушения слоя поздним обживанием, в частности врезанными помещениями и прорытым подземным ходом с тщательно выведенным из кирпича коробовым сводом. Это остатки VI строительного горизонта памятника. Характеризуя керамический набор, связанный с V горизонтом, следует отметить продолжение развития в нем форм

⁴³ Буряков Ю. Ф. Древности Туябугуза, с. 101.

⁴⁴ Максимова А. Г., Мерциев М. С. и др. Древности Чардары, с. 115, табл. I, II, V, VI.

⁴⁵ Левина Л. М. Керамика нижней..., рис. 59, 137, 298; Литвинский Б. А. Керамика из могильников Западной Ферганы. М., 1972.

классического каунчинского комплекса и появление новых черт и форм, не свойственных ему. Продолжали бытовать хумы, хумчи с клювовидным или овальным очертанием венчика, кувшины, миски, чаши, приобретшие большую вариабельность и усложненность профилей венчиков. Появился хум с ярковыраженной шейкой.

По-прежнему распространена форма кружки, однако преобладающей стала шаровидная форма с петлевой ручкой на середине борта, стабильны в комплексе котлы из грубого с дресвой теста, вертикальными ручками, крепящимися либо от закраины, либо на плечиках. При этом они часто украшены жгутовидными налестками, своеобразной репликой бараньего знака. Продолжают бытовать плоские крышки с пальцевыми вмятинами и сковороды-жаровни. Основная масса сосудов украшена тамгавидными разнообразными знаками. На стенках крупных сосудов иногда видны следы бурых потеков. В комплексе отмечен и характерный для Каунчи II предмет в виде продолговатой плоски, разделенной на три продольные канавки, и роговидный кирпич — пережиток бычьей подставки (табл. I, К).

Наряду с развитием черт Каунчи II в комплексе появилось большое количество сосудов, изготовленных на гончарном круге. Это прежде всего кувшины с раструбообразной горловиной и отогнутой закраиной. Определенный процент среди них занимают сосуды с характерным рифлением горла, что свойственно кувшинам джетыясарского комплекса памятников нижней Сырдарьи⁴⁶. Новую черту в комплекс вносит набор тонкостенных чаш хорошей выделки, отличающихся сложным перегибом стенки. Ближайшие аналогии эти сосуды находят в керамике Ферганы IV—VI вв. н. э.⁴⁷

Новой формой становится и кувшин с широким горлом, украшенным волнистым орнаментом, и одной горизонтальной отходящей от края ручкой, нижней конец которой опущен на крутое плечико тулова. Сюда же следует отнести шаровидный котел с тонкими стенками, прямой или отогнутой закраиной и горизонтальными скобовидными ручками.

Впервые здесь найден предмет типа плоского блюда или столика-дастархана, украшенного вдавленным орнаментом. Эти формы типичны для керамики Согда, Ферганы и в широком плане Мавераннахра VII—VIII вв. н. э. Они и определяют датировку комплекса V строительного горизонта и указывают на влияние общесогдийской культуры на материальную культуру Чача. Комплекс этого горизонта представляется, таким образом, результатом синтеза местного традиционного Каунчи и элементов общемавераннахского единства.

VI горизонт дал поливную и неглазурованную керамику конца X—XII в. (табл. I, У). Таким образом, в результате изучения свиты культурных слоев цитадели Шаштепа на раскопах 1 и 2 построена шкала

⁴⁶ Левина Л. М. Керамика нижней и средней Сырдарьи в I тысячелетии н. э., 1971, рис. 15, 207, 208.

⁴⁷ Горбунова Н. Г. О локальных особенностях в культуре древней Ферганы.— СА, 1970, № 1, с. 78 и сл.

стратиграфических горизонтов, включающих строительно-архитектурные остатки и набор предметов материальной культуры от архаической древности до средневековья. На территории Ташкента Шаштепа — единственный памятник, дающий такую возможность, так что его градация может служить своеобразным эталоном для распределения аналогичных материалов по ступенкам шкалы из других памятников Ташкента, выявления их относительной периодизации. Выделение этих комплексов не только существенно дополняет всю шкалу фактическим материалом, но, дублируя ее отдельные отрезки, уточняет правильность самой шкалы.

Изучение стратиграфии Шаштепа позволяет наметить следующие последовательно сменяющиеся комплексы.

1. Шаш I — набор объектов материальной культуры, характеризующий завершающий период развития бургулюкской культуры в Ташкентском оазисе — VI—IV вв. до н. э.

2. Шаш II — комплекс, дающий сведения о первом этапе переходного периода от бургулюкской культуры к Каунчи — III — самое начало II в. до н. э.

3. Шаш III — архитектурно-фортификационные сооружения I строительного горизонта и комплекс керамики Каунчи I, характеризующие второй этап переходного периода к классическому комплексу Каунчи — II—I вв. до н. э.

4. Шаш IV — комплекс керамики первого этапа Каунчи II. Основанием для выделения его верхней границы служит четко выделенный на памятнике период некоторого запустения, приходящийся на конец бытования комплекса Шаш IV.

5. Шаш V — архитектурно-фортификационные элементы II—IV строительных горизонтов и комплекс керамики второго этапа Каунчи II.

6. Шаш VI — архитектурно-фортификационные остатки V строительного горизонта и комплекс керамики периода VII—VIII вв. н. э. Некоторая лакуна приходится на время IX—X вв. н. э.

7. Шаш VII — строительные остатки VI горизонта и керамический набор конца X—XII вв. Отдельные фрагменты керамики XV—XVI вв. указывают на слабое обживание памятника в это время.

Куганттепа

Городской пункт на берегу Салара. Городище возникло в 4 км выше Шаштепа по течению р. Салар и когда-то входило составной частью в ныне исчезнувшее городище Ногайкурбан. Интенсивная строительная деятельность и размыв слоев водами Салара привели к тому, что в настоящее время сохранилась лишь незначительная часть цитадели и два холма шахристана, сильно подрытые со всех сторон (табл. II, 1).

В 1868 г. Куганттепа отметил В. В. Верещагин, в 1896 г. осматривал Е. Т. Смирнов. Городище многократно посещали любители старины, краеведы, археологи. О нем писали, его раскапывали И. А. Кас-

танье, В. Э. Эгерт, М. Е. Массон, Г. В. Григорьев, В. Д. Жуков, Т. Г. Оболдуева, А. Каххаров и др. В 1954 г. памятник изучали С. Б. Лунина, З. И. Усманова, выделившие на Кугаиттепа культурный слой «поры рабовладельческого общества» и слой XI—XII вв.⁴⁸ В 1926 г. М. Е. Массон зарегистрировал на Ногайкургане подъемную монету варварского подражания чекану Васудевы I⁴⁹.

Раскопочные работы Ташкентской экспедиции (1969, 1972, 1978—1981 гг.) проведены на цитадели и обих холмах с целью изучения стратиграфии этих структурных частей городища, уточнения характера и датировки археологических комплексов⁵⁰ (табл. II, А). Стратиграфическим раскопом пробита толща останца цитадели от вершины до подошвы, лежащей на материке, на общую глубину 13,5 м⁵¹. Раскоп затронул только внешние обкладки цитадели, представлявшие стену из сырцового кирпича прямоугольного (48×24×9 см) стандарта и пахсы с наклонной (уклон до 75°) внешней гранью, ширина по подошве 4 м. Стена уложена на паховую подушку. Датировку этих внешних обкладок определяет комплекс керамики из слоя за стеной, собранной у ее подошвы, и частично из разреза самой стены. Из разреза стены добыта керамика в основном ручной лепки, преобладают формы кувшина, хума, отмечены фрагменты чаш с перегибом бортика. Керамика в общем укладывается в комплекс Каунчи II. Комплекс у подножия стены отличается большим количеством круговой посуды и более высоким общим качеством. Это уплощенные светлоангобированные тонкостенные чаши, выполненные на круге кувшины, на одной стороне которых закреплена уплощенная в сечении ручка, на противоположной — высокий носик, сжатый и поднятый к венчику. Фрагменты стенок кувшинов покрыты марганцево-красными потеками. Всему набору керамики свойствен ряд общих черт с комплексом верхнего слоя Мингурюка, городища Ханабад в Ташкенте. Схож он и с формами комплекса Шаш VI и может быть отнесен к VII—VIII вв. н. э. Этот набор сложился уже во время функционирования внешней стены цитадели. Судя по материалу из разреза, сама стена возведена в период Каунчи II, когда эти слои уже накопились на городище, более узко время ее постройки определить трудно, как и трудно что-либо сказать о возведении первоначальной стены цитадели.

Внешняя стена цитадели надстроена кладкой высотой 3 м и шириной 2 м; около этой стены и в слоях ее заброса собрана глазурованная и неполированная керамика XI—XII вв.

Стратиграфическая картина сложения шахристана Кугаиттепа

⁴⁸ Лунина С., Усманова З. Из археологических наблюдений на Кугаиттепе близ Ташкента.— Труды САГУ, вып. LXXXI, 1956; Они же. Керамика с поселения Ногайкурган близ Ташкента.— Труды ТашГУ, вып. 172, 1960, с. 164—172.

⁴⁹ Массон М. Е. К вопросу о северных границах государства Великих Кушан.— ОНУ, 1968, № 8, с. 21.

⁵⁰ Работы проводили М. И. Филанович, Д. Г. Зильпер, В. Карасев, А. Грицина, Е. Усова.

⁵¹ Частичную публикацию результатов работ см. в кн.: Древности Ташкента, с. 62—63.

выявлена на двух раскопах (Р 1 северного бугра и Р 2 южного). Раскоп 1, включивший расширенный стратиграфический шурф⁶², заложен на площади 264 м² вблизи северо-восточного обрыва бугра шахристана. Верхний горизонт на уровне границы III и IV ярусов (отсчет идет от нулевого репера этого же холма) занят остатками стен помещений из сырцового кирпича (30×15×5 см) с обрывками отмолок пола, заполненных рыхлым слоем с керамикой, включающей фрагменты чаш с узором сграфитто под темно-зеленой глазурью, тагора с овальными ручками, горшков, т. е. характерным материалом XI—XII вв. Здесь же расчищена печь и кладка платформы. Помещения верхнего горизонта погибли при пожаре, о чем свидетельствуют обгорелые балки перекрытия, лежащие на полу, устланном циновкой. Нижележащий горизонт занят постройками с мощными пахсовыми и кирпичными стенами (размер кирпича-сырца 46×25×8 см), оконтурена часть какой-то монументальной постройки овального очертания с пахсовой стеной (ширина 1,1 м), несколько уровней связанных с ней полов свидетельствуют о длительной жизни этого сооружения. Весь этот горизонт связан с обживанием шахристана в раннесредневековую эпоху, что подтверждает характерный набор керамических форм, аналогичный описанному выше комплексу VII—VIII вв. н. э. из цитадели.

Для дальнейшего прохождения слоев шахристана заложили шурф на площади 6,4 м², углубленный до XXI яруса, до уровня материка. В шурфе выявлено еще три горизонта, последовательно занимающих VIII—XII, XIII—XIV, XV—XVI ярусы, от V до VIII яруса обнаружены наслоения, лишённые конструктивных остатков, но по комплексу керамического материала примыкающие к горизонту за овальной пахсовой стеной, прослеженной в раскопе.

Горизонт VIII—XII ярусов включает поднимающуюся с этого уровня мощную стену из сырцового кирпича (50×26×10 см) и связанные с ней три уровня полов, причем на верхнем уровне (в середине X яруса) планировка строения изменилась: была выстроена еще одна стена из кирпича, угол образованного ею помещения вместе с идущей вдоль нее суфой попал в площадь шурфа.

Самый нижний горизонт отмечен мощной стеной, поднимающейся с уровня материка до начала XV яруса, идущей в направлении север—юг. Нижняя часть ее сложена из пахсы, верхняя из кирпича квадратного (40×40×9 см) и прямоугольного (44×22×8—9) стандарта, ширина стены 1,6—1,7 м, в конце XX яруса к ней примыкает толстая обмазка пола и перпендикулярно пристроенная стенка, сохранившаяся на высоту 1,5 м. С этим строительным комплексом, кроме нижнего пола, связаны еще два уровня, на одном из которых в конце XVIII яруса расчищено два подковообразных плоских очага, вероятно, ремесленного назначения.

С этой архитектурой нижнего горизонта и перехлестывающим че-

⁶² Шурф Р 1 слился с ранее заложенным здесь шурфом Г. Дадабаева. Его описание см.: Буряков Ю. Ф. Историческая топография Ташкентского оазиса, с. 58—62.

рез нее слоем XIII—XIV ярусов связаны характерные зольно-органические накопления, свойственные очень многим памятникам каунчинской культуры Ташкентского оазиса и средней Сырдарьи. Они соответствуют структуре слоя комплекса Шаш IV.

В этих слоях обнаружен немногочисленный, но достаточно выразительный керамический материал. Это фрагменты высокогорлых кувшинов с клювовидным венчиком и пластинчатой с желобком ручкой, рифленая горловина сероглиняного кувшина. Хумы и хумча розового теста, лепные, венчики клювовидные, ангоб беловатый. На венчике одной хумчи налеп из четырех пуговичек. Котлы с цилиндрическим туловом, прямым отогнутым венчиком и двумя ручками, опущенными с венчика на плечо. Есть и котлы с горизонтальными нарезными ручками. Крышки к котлам груболепные, украшены пальцевыми вдавлениями. Здесь же найден фрагмент банковидного цилиндрического сероглиняного сосуда. В слое у кладки стены обнаружен фрагмент очажной подставки в виде бычьей головы.

Следует отметить, что раскоп 2 и шурфы, дублирующие стратиграфию Кугаиттепа, дали идентичную картину последовательности и структурного состава накопленный шахристана городища. Так, в шурфе на южном срезе того же северного бугра и в зачистке этого срезе установлено мощное отложение зольно-органического характера с лессовыми прослойками и обгоревшими кусками пахсы, прослеживающимися от материка на высоту до 3 м⁵³. В нем установлено три уровня пола, один с вымосткой из кирпича (44×22×8—9 см), но не прослежены связанные с ними стены. На первом полу найдены два почти целых хума и набор керамики, включающий фрагменты кувшинов, хумчей, котлов, жаровен.

Со вторым горизонтом (мощность 1 м) связана часть жилого комплекса из двух помещений, стены которых выложены из сырца (43×23×8—9 см), уровнем пола и очагом. Керамика отличается от нижнего горизонта. Эта посуда идентична верхнему комплексу цитадели Кугаиттепа и горизонту VII—VIII вв. н. э. на раскопе 1. Третий культурный горизонт связан с остатками жизни шахристана в XI—XII вв.

Наиболее представительный комплекс нижнего культурного горизонта шахристана Кугаиттепа получен в раскопе 2, заложенном на площади 215 м² (площадке № 1 и № 2). На площадке № 2, в шурфе размером 10×3 м², пройдена толща культурных отложений, оказавшаяся однородной зольно-органической структуры от материка до X яруса. Поверхность материка в траншее оказалась с большими перепадами рельефа от XI до XVIII яруса. Общая толща отложений нижнего горизонта, таким образом, составляет 4 м. Как и везде, содержимое слоя составляют керамика и кости различных животных. Примечательно, что в данном шурфе с большим количеством костей мелкого рогатого скота, лошадей, крупного рогатого скота, свиней, верблюдов, ослов, диких животных значительный процент составляли кос-

⁵³ Древности Ташкента..., с. 59 и сл.

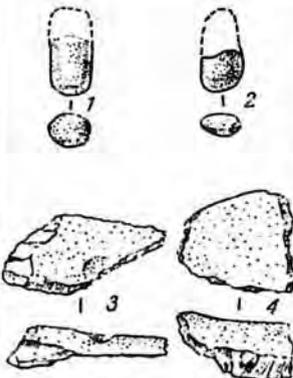
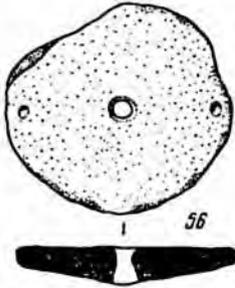
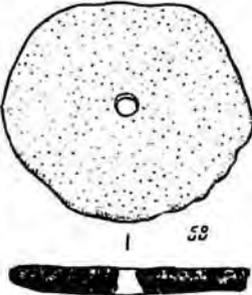
Ярус	Металл	Камень	Терракота
V VI			
XII VIII IX			
XI XII XIV XV			

Рис. 5.

Керамика

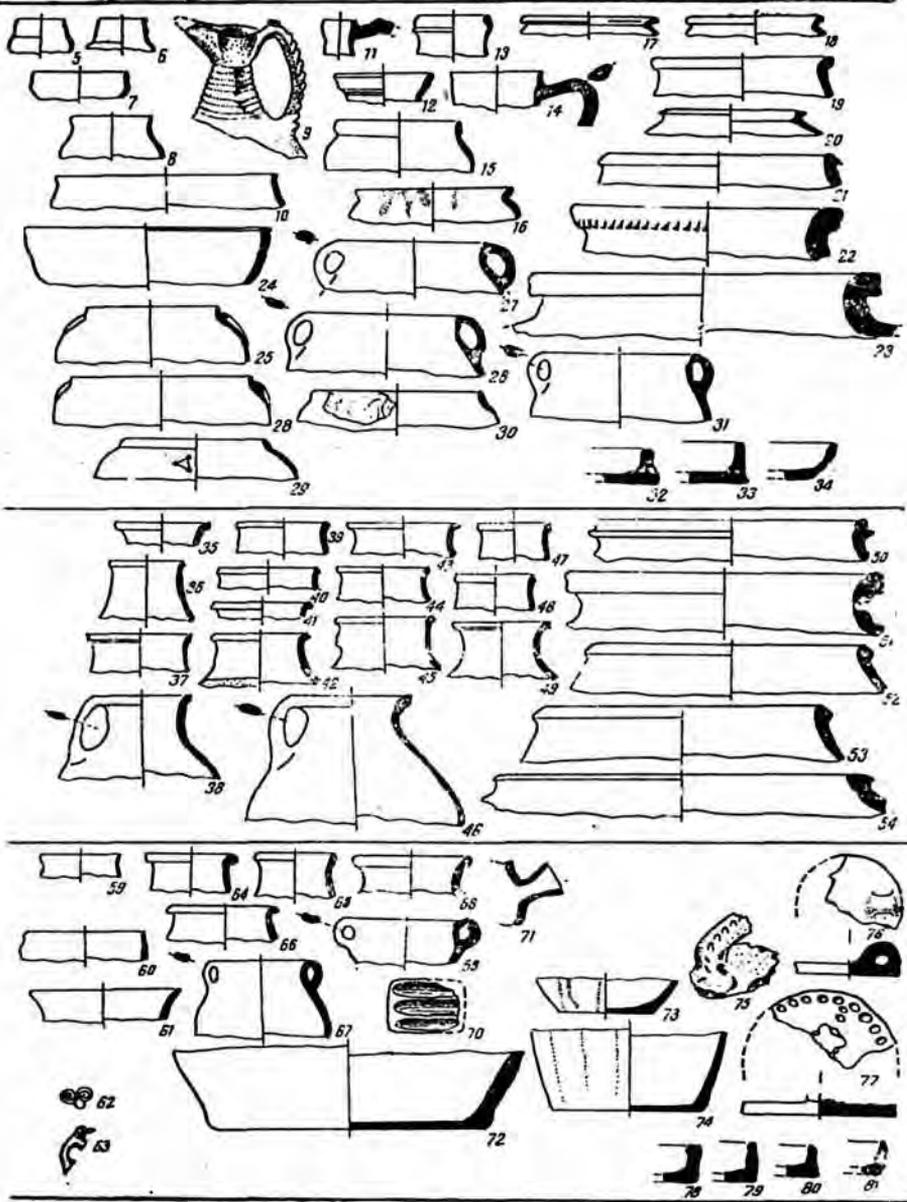

Рис. 5 (продолжение).

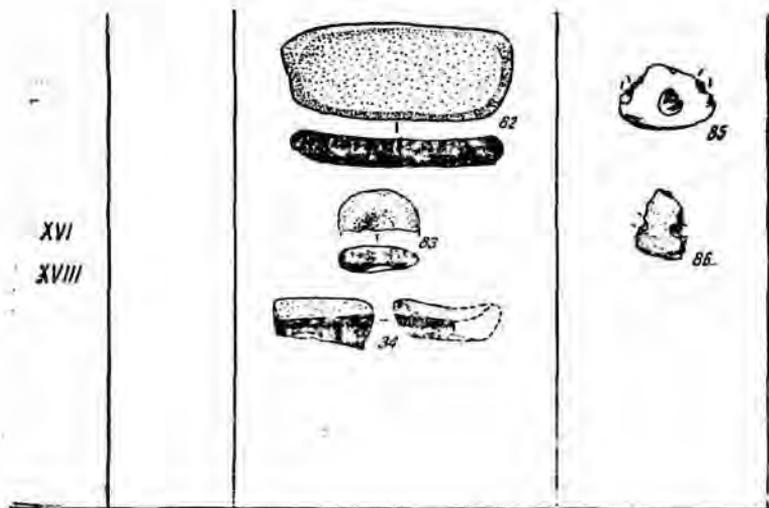

Рис. 5 (продолжение).

ти собаки. В материковом грунте обнаружен целый скелет этого животного, не исключено, что специально захороненный.

Керамический материал из слоя полностью идентичен керамике того же нижнего горизонта всех его обнажений на городище. Весь комплекс делится на столовую, кухонную и посуду для хранения продуктов. Большая часть посуды ручного изготовления. Столовая посуда представлена кувшинами, кружками, чашами, горшками (все во фрагментах) (рис. 5, 59—115). Кувшины характерной грушевидной формы с широким устойчивым дном и следами песчаной подсыпки. Тесто розового цвета, плотной структуры, ангоб беловатый. Венчики слегка отогнуты, довольно стандартны, степень оттянутости краев разная, вплоть до клювовидности профиля, некоторые венчики с прищипленным сливом. Уплощенные ручки крепятся обычно одним концом ниже краев, другим на плечике. Отмечены ручки, украшенные сверху или снизу одной или тремя наклепными пуговичками. Встречено несколько фрагментов стенок кувшинов с потеками коричневато-бурого или красноватого ангоба. Иногда на плечиках кувшинов заметен орнамент прямыми или волнистыми линиями, реже насечками. Уникален фрагмент тулова сосуда, покрытого густо-красным ангобом, на фоне которого не закрашена полоса цвета черепка с нанесенным красным орнаментом, образующим чешуйчатую сетку. Подобный прием не известен в комплексах Каунчи, отдаленную аналогию можно провести с манерой красной росписи шурабашатской керамики Ферганы⁵⁴. На плечике некоторых кувшинов — раструбообразный слив. Кружки, как

⁵⁴ Заднепровский Ю. А. Древнеземледельческая культура Ферганы, табл. XLVII.

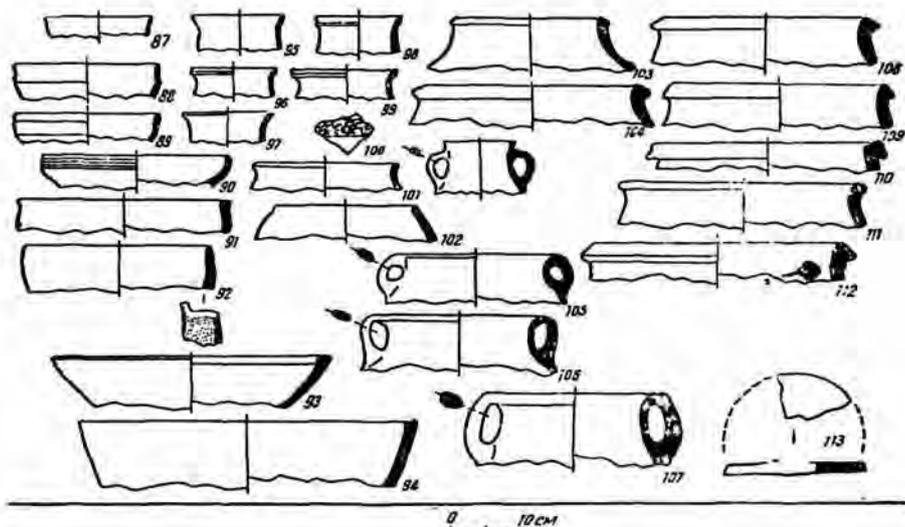

Рис. 5. Кугантепа. Стратиграфическая колонка по материалам раскопа 2.

и кувшины, в основном ручной лепки, однако этот вид представлен незначительным количеством фрагментов. Форма их вытянутая, грушевидная или приземистая, раздутая, венчик острый, прямой, на боку ручка, иногда увенчанная головкой барашка или наклепным завитком, его символизирующим. Есть фрагменты с лошением.

Встречены также крупные сосуды с круглой в сечении ручкой, приподнятой над уровнем закраины.

Меньше представлены в комплексе миски и чаши того же теста, что и кувшины, с розовым и беловатым ангобом. Миски массивные с четкой наружной профилировкой, загнутой вовнутрь закраиной. Чаши с характерным перегибом стенки и простой заостренной закраиной. Распространена форма чаш с двумя кольцевыми вертикальными ручками от края или ниже. Котлы немногочисленны, с клювовидным или четырехугольным профилем венчика. Посуда для хранения представлена хумами и хумчами, сформованными на ткани грубого плетения или песочной подсыпке, снаружи покрыты беловатым ангобом. Венчики в виде оттянутого вниз валика с острым нижним краем.

Кухонная посуда представлена котлами, крышками, жаровнями и отличается от первой группы грубым рыхлым тестом с примесью дресвы и шамота. Котлы наиболее характерной формы, вытянутые, с простой слегка отогнутой закраиной и двумя вертикальными ручками-проушинами, с вдавленной пальцем ямкой наверху или без нее. Орнамент простой, в виде косых насечек круглого или треугольного наклепа на ручках или в виде наклепного жгута. На эти сосуды, как и на кувшины и хумы, часто наносились знаки в виде крестов, свастик,

стрелок и т. п. Все эти формы — характерные ведущие элементы комплекса Каунчи II.

Столь же характерны круглые сковороды, жаровни с низким прямо поставленным или овальным бортом. Крышки в виде круглых дисков с дугообразными или петельными ручками, чаще всего расположенными от края до середины, или ручками в виде стерженька. И крышки, и жаровни из того же грубого теста с дресвой, что и котлы.

Характерный элемент комплекса — очажные подставки в виде стилизованной головы быка с углублениями ноздрей (табл. II, 3). Обычно они орнаментированы пальцевыми вмятинами. Таким образом, в комплексе нижнего горизонта Кугаиттепа представлены все характерные для Каунчи II формы.

Наряду с керамикой встречен круглый (диаметр 4 см) плоский амулет из плохообожженной глины с продольным углублением для продевания шнура (табл. II, Г). На одной его стороне изображен тамгаобразный свастикоподобный знак. Среди прочих находок следует отметить следы производства в виде керамического шлака и крицжелеза, значительное количество зернотерок, курантов, пестов и прочих каменных изделий, в том числе сурматаш.

Весь набор предметов из нижнего горизонта, как и его зольно-органическая структура слоя, имеет широкие аналогии в ареале распространения культуры Каунчи II, отнесенная А. И. Тереножкиным началом бытования к рубежу нашей эры⁵⁵, С. П. Толстовым ко II—IV вв. н. э.⁵⁶, а Л. М. Левиной к III—IV вв. н. э.⁵⁷ Ориентируясь на последнюю датировку в свое время нижний слой Кугаиттепа был отнесен к III—V вв. н. э.⁵⁸

В связи с установлением на Шаштепа полной стратиграфической колонки культур от позднего Бургулюка до позднего Каунчи и выявления в ней комплекса, идентичного нижнему Кугаиту, последний в хронологическом отношении можно определить более точно. Однако этот вопрос целесообразно рассмотреть на материале всех ташкентских памятников.

Возвращаясь к описанию вскрытия площадки № 2 на раскопе 2, следует отметить четкий стратиграфический разделитель нижнего зольно-органического слоя и вышележащего горизонта застройки. Этим разделителем служит нивелирующая пахсово-кирпичная платформа толщиной 0,65 м, тщательно обмазанная глиняным раствором. Территория, на которой заложен раскоп 2, сильно повреждена современными земляными работами, поэтому всю площадь платформы проследить не удалось. Сохранился 20-метровый участок в направле-

⁵⁵ Тереножкин А. И. Рецензия на работу Г. В. Григорьева «Каунчиттепа». — Известия УзФАН СССР, 1940, № 8, с. 84—86; Он же. Памятники Каунчинской культуры. — В кн.: Древняя и средневековая культура Чача. Ташкент, 1979, с. 36.

⁵⁶ Толстов С. П. К вопросу о датировке культуры Каунчиттепа. — ВДИ, М.—Л., 1946, № 1, с. 175.

⁵⁷ Левина Л. М. Керамика нижней..., с. 182.

⁵⁸ Буряков Ю. Ф. Историческая топография..., с. 62.

нии север-юг и 13,5-метровый — восток-запад. Северный край платформы прослежен в виде четкой первоначальной ее границы, все остальные — в виде рваных обрывов, уцелевших при выборе грунта. Расчищенная платформа и связанные с ней строительные остатки составляют часть очень интересного сооружения, по-видимому, весьма специфического назначения.

Открытое пространство платформы было огорожено довольно монументальной стеной из сырцового кирпича прямоугольного стандарта, ширина стены 2,1 м. Сохранился восточный угол этого «двора» и две стены, одна на отрезке 26 м, другая — 10 м. Вдоль одной стены проходила суфа (ширина 2,2, высота 0,3 м) (табл. II, Б).

Первоначально все пространство внутри этих стен было свободным и, видимо, на главной продольной оси его в западной части сохранилась небольшая круглая яма (диаметр 1 м) с чистой мелкой золой; рядом обнаружена баранья лопатка и груболепная курильница на круглой ножке с неглубокой чашей сверху. Поодаль обнаружено очажное пятно с сильно прокаленной поверхностью. Все эти элементы окружались небольшими круглыми гнездами от множества жердей диаметром 5—8 см, некогда поддерживавших какое-то легкое перекрытие или несколько навесов над очажным местом и ямкой с золой. После Шаштепинского здания — это второй пример использования частокола. Бытового керамического материала рядом на платформе не встречено, что вместе с необычностью всего сооружения наталкивает на мысль о его культовом назначении. Навесы над очагами или над землянками известны в Чаче в пору распространения бургулюкской культуры. Прием огораживания жердями места погребения на древнем горизонте под курганами отмечен в сакских захоронениях Уйгарака⁵⁹ и Южного Тагискена⁶⁰. Независимо от того, имитировал ли он каркасные погребальные постройки, он был частью традиционного ритуала и, несомненно, отражал какие-то культовые представления сакского населения Приаралья и низовьев Сырдарьи в VII—V вв. до н. э.

Кроме Шаштепа, для каунчинских памятников пример наличия гнезд от ограждающих жердей мы установили в типичных зольно-органических отложениях городища Кырбуран⁶¹, без какой-либо связи с признаками культовых церемоний. На Куганттепа мы видим попытку оградить очажное место от окружающей среды, хотя сама платформа имела ограждающую мощную стену. К восточной стене сооружения на одной с ним платформе в перевязку с кладкой стены пристроено еще несколько помещений, остатки которых сохранились до ее северного края.

Несмотря на большие разрушения, основные определяющие ха-

⁵⁹ Вишневская О. А. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII—V вв. до н. э. — ТХЭ, VIII, 1973, с. 15, рис. 5.

⁶⁰ Вишневская О. А., Итина М. А. Ранние саки Приаралья. Проблемы скифской археологии. М., 1971, с. 197.

⁶¹ Филанович М. И. Археологическое обследование городища Кыр-Буран (Ташкентская область). — Научные работы и сообщения, кн. 4. Ташкент, 1961, с. 314.

рактер сооружения признаки налицо: вычленяющая его из окружающей застройки платформа, ограждение части ее пространства стеной, ограждение особо выделяемого места, видимо, примитивного алтаря-очага жердевым частоколом, предметы специфического назначения. Все это позволяет считать, что перед нами место культа. В стратиграфическом плане это сооружение занимает средний горизонт раскопа 2.

Третий горизонт связан с продолжением использования подсобных помещений первоначального сооружения, которые, однако, несколько перестраиваются: появляются новые комнаты, но уровни пола этого периода выше культовой площадки на 0,7 м. С этим уровнем связано помещение № 4, размеры которого не установлены из-за нарушения слоя, однако, в нем встречены те же признаки, что на первоначальной культовой площадке, т. е. промазанная поверхность с прокаленным очажным пятном, золой и теми же гнездами жердей. Эти признаки позволяют считать его культовой площадкой второго периода. Территориально она сместилась к востоку от первоначальной и, как указывалось, на 0,7 м стала выше ее уровня. Одновременно с этой площадкой функционировал комплекс помещений на основе старых стен, из которых сохранились остатки девяти комнат. Стены их сложены из прямоугольного (45×24×8—9 см) кирпича, пахсы или комбинированным методом (чередованием прослоек пахсы и рядов кирпича). В помещениях отмечено до трех уровней полов в толще заполнения от середины VIII до конца IV яруса. Жизнь этого комплекса закончилась разгромом и пожаром, судя по слоям обгоревших балок и углей, повсеместно встреченных в раскопе, и погребенному под слоем разрушения костяку мужчины. Комплекс керамики из заполнения помещений под слоем пожара и монета чачского чекана, по ряду признаков относящаяся ко времени не позднее конца VII в. н. э.⁶², позволяют датировать его накопление в пределах VII—начала VIII в. н. э. (рис. 5, 5—59).

Керамика включает формы хумов, хумчей, несколько отличающиеся от таковых в нижележащем комплексе. Как можно судить по целому хуму из помещения 1, была распространена яйцевидная форма этих сосудов с валикообразным венчиком без заостренного края. Стенки покрыты светлым ангобом и зачастую украшены потеками коричневого цвета. На некоторых сосудах процарапаны знаки.

Котлы шаровидные с вытянутым наружу венчиком и четко выступающим ребром, под венчиком налепная ручка в виде горизонтальной скобы. По качеству эти сосуды выше распространенных в каунчинском комплексе, но стилистически тяготеют к нему. То же можно сказать о кувшинах с ручками, прикрепленными чуть ниже венчика. Отмечены кувшины с носиком от плеча, расплюснутым вверх и прикрепленным краем к венчику. Есть кувшины с рифлением горловины, что сближает этот тип с джетысарским комплексом. Оба последних типа кувшинов встречаются в керамике VI—VII вв. н. э.⁶³ Во фрагмен-

⁶² По определению Э. В. Ртвеладзе.

⁶³ Левица Л. М. Керамика..., с. 207, 208.

тах обнаружен горшок с вертикальными петельными ручками от венчиков. Следует отметить группу тонкостенных сосудов с перегибом чуть ниже венчика.

В комплексе есть и груболопная керамика — жаровни и крышки с круглой невысокой ручкой в центре, продолговатые предметы с пальцевыми вдавлениями, являющиеся дальнейшей трансформацией подставок-быков (рис. 6).

Среди прочих находок следует отметить обломки зернотерок, курантов и один целый жернов с отверстием посередине. Наиболее примечательна находка слива сосуда, оформленного в виде головы собакоподобного существа (табл. II, Д, рис. 5). Круглые глаза-налепы, острые настороженные уши выдают в изображенном морду пса. Голова увенчана роговидным выступом, солярным и лунарным знаком, что указывает на сакральный характер изображения, оформлявшего слив оберега, отпугивающего силы зла от содержимого сосуда. Использование образа собаки в качестве оберегающего налепа на питьевых сосудах не единично⁶⁴, но оформление им слива — уникально.

Таким образом, комплекс керамики VII—начала VIII в. н. э. в раскопе 2 в некоторой степени включает формы того же времени из цитадели городища, но больше перекликается с синхронным набором форм из Шаштепа (Шаш VI) и продолжает развитие форм на основе традиций Каунчи II. Вместе с тем отмечается явное влияние джеты-асарского комплекса.

Нижележащий комплекс раскопа 2 с первоначальной и более поздней культовыми площадками, видимо, следует отнести к III—VI вв. н. э. Разгром и пожар в шахристане, выявленные раскопом 1, 2 и приходящиеся на первую треть VIII в. н. э., не надолго прекратили жизнь в городище. Вскоре после этих событий началось восстановление и перестройка стен, фиксируемая на уровне конца IV яруса в раскопе 2.

Старые стены продолжали использовать и в этот период, гребни их надстраивали новой кладкой. На месте первоначальной культовой площадки также возникли помещения (комн. № 10), причем резко изменился характер всего комплекса строений, приобретший вид домовладения рядового горожанина с четким выделением жилых, хозяйственных помещений и комнаты культового назначения.

Жилым было помещение 1 (4,8×3,7 м), пол которого обмазан глиной, а плоское перекрытие поддерживали две колонны, следы которых остались в полу. В помещении обнаружены раздавленная бытовая посуда: хумы, хумчи, котлы, горшки, кувшины.

В помещении 10 (ширина 3,4 м) пол несколько выше, на уровне середины III яруса, и покоится на кирпичной платформе забутовки, поверх которой устроена суфа. Перекрытие комнаты также держалось на деревянных опорах. В забутовку до венчика заглублен хум. На полу расчищен очаг и найдены фрагменты бытовой керамики, котлов, кружек, кувшинов.

⁶⁴ Филанович М. И. Гяур-кала.— Труды ЮТАКЭ, т. XV. Ашхабад, 1974.

ДРУС	МЕТАЛЛ	КАМЕНЬ	ТЕРРАКОТА
IV			

Помещение 4 (ширина 9,2 м) несколько неправильного трапециевидного очертания. Особенность его интерьера — суфы по всем стенам (ширина 0,8 и 1 м) и прямоугольное возвышение — алтарь (1×1,05 м) с сильно прокаленной поверхностью и локализованным местом для возжигания огня. Место входа в комнату предположительно находится в северо-западной стене. В комнате найдены лежащие на суфах каменная терка и эйнохоевидный кувшин с краснолощенной поверхностью. Особое назначение имела замкнутая комната с алтарем для возжигания огня и суфами для сидения вокруг него; по-видимому, такое домашнее святилище огня не было исключительной принадлежностью только этого дома горожанина (рис. 7). Примечательно, что функционирование его относится ко времени после первых арабских походов в Чач, в период внедрения в среду местного населения новой религии ислама.

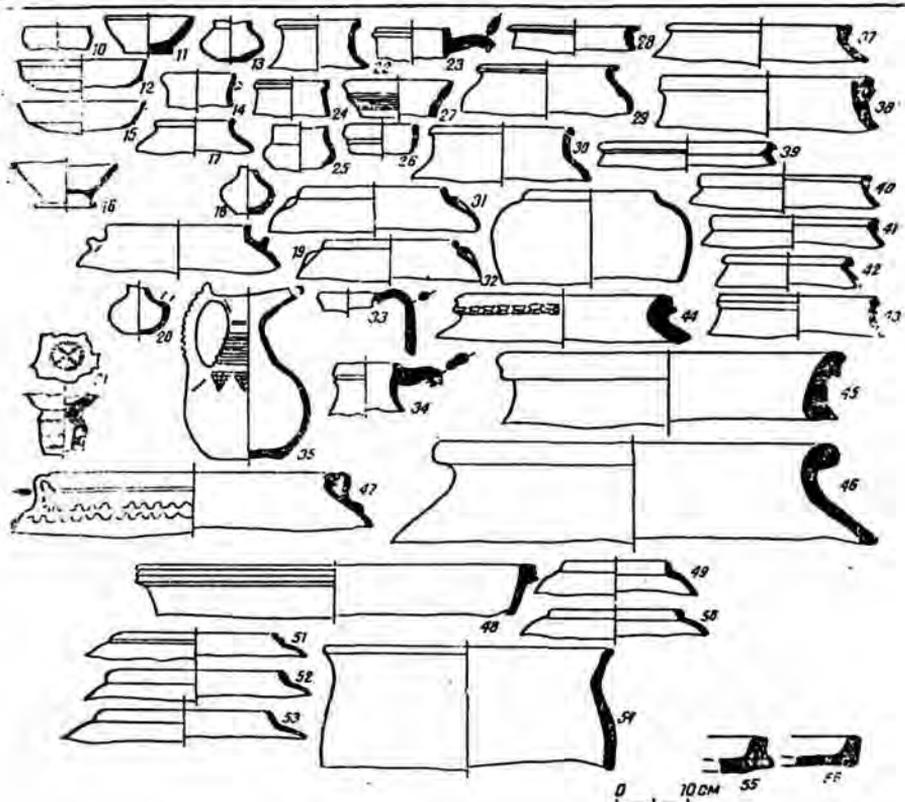

Рис. 6. Кугаиттепа. Стратиграфическая колонка по материалам раскопа 2.

По типу изготовления набор керамических форм, использовавшихся в быту обитателей этого городского дома, примыкает к нижележащему комплексу, сложившемуся до пожара и разгрома в VII—первой трети VIII в. н. э.

Кувшины ручной лепки и с круга. Вместе с широкогорлыми каунчинской традиции сосудами встречается тип с раструбообразным носиком от плеча, прикрепленным сверху к закраине, и отдельные экземпляры с джетыасарским рифлением горловины.

Равноправное место в наборе заняли кувшины, сформованные на гончарном круге, высокогорлые, с венчиками-воротничками. Ручки прикреплены к закраине и с резким перегибом опущены на среднюю вы-

ступающую часть тулова (рис. 6). Как отзвук каунчинской традиции и здесь на верху ручки делали налест в виде стилизованного животного, а носик слегка намечали сдавливанием пальцами горловины. Создавались и сосуды типа тонкостенных кружек с гончарного круга, покрытых красным ангобом. Таким же ангобом покрывались узкогорлые зйнохоевидные кувшины, составляющие характерную группу типично чашковой керамики VIII и IX вв. н. э.

Горшки разнообразны по форме. Отмечены сосуды с невысокой выделенной горловиной, банковидные с прямыми стенками и невыделенным венчиком, формы со сложным венчиком, посаженным на тулово. Сосуды покрыты светлым и розовым ангобом, часты потеки коричневого ангоба. Редко встречается прием орнаментации плечиков горшков прочерченной волнистой линией.

Обнаружен один банковидный цилиндрический толстостенный сероглиняный сосуд, изготовленный на матерчатом шаблоне. Ткань крупного полотняного плетения, на сосуде отпечатались даже бахромы по краю ткани.

Широкое распространение в кухонной посуде получили котлы с округлым туловом, прямопоставленным венчиком и двумя серповидными ручками (рис. 6). Тонкостенные, из глины хорошего промеса с дресвой и известняком. Снаружи покрыты ангобом цвета лесса и потеками коричневой краски. На одном котле прочерчен знак в виде равнобедренного треугольника с малыми кругами по трем вершинам. В кухонном наборе сохранились плоскодонные сковороды-жаровни.

Разнообразны формы хумов и хумчей. Толстостенные крупные грушевидные сосуды сделаны от руки и на гончарном круге, покрыты красным, светлым и потеками коричневого ангоба. Наряду с клювовидными венчиками много четырехугольных и с фестончатой закраиной. Часть венчиков резко отогнута наружу и профилирована. Отдельные экземпляры хумчей украшены по плечикам прочерченными волнистыми линиями.

Верхний горизонт раскопа 2 сильно пострадал от разрушения рельефа, планировочная структура в нем не устанавливается, однако собран некоторый материал, относящийся к XI—XII вв., видимо, последнему периоду в жизни участка с Р 2.

Таким образом, в результате стратиграфического исследования шахристана и цитадели Куганттепа установлено, что время сложения здесь, на берегу Салара, поселения совпало с таковым на Шаштепа комплекса Шаш IV. Выявленный во всех пунктах исследования комплекс нижнего горизонта шахристана связан с характерной зольно-органической структурой культурного слоя и малым включением в него строительных остатков. Нет прямых указаний на то, что ранние постройки цитадели относятся к этому же комплексу. Культурные отложения нижнего горизонта рисуют картину I периода жизни городища, приходящегося на первый этап бытования культуры Каунчи II. Зарегистрированная в 1926 г. М. Е. Массоном в подьеме монета варварского подражания чекану кушанского правителя Васудевы I, воз-

можно, связана с этим периодом, если исключить возможность ее случайного попадания на холмы Ногайкургана.

Второй горизонт шахристана характеризуется строительными остатками из пахсы и сырцового кирпича, включает сложение и функционирование сооружения, связанного с первичной и вторичной культовыми площадками, и составляет второй период жизни Кугаиттепа.

Рис. 7. Кугаиттепа. Общий вид комнаты с алтарем. VIII в.

В составе керамического материала этого горизонта не заметно существенных качественных различий с нижним комплексом. Учитывая это родство, его можно считать вторым этапом Каунчи II. К этому комплексу причисляют изученные остатки цитадели. Оба горизонта относятся к Каунчи II.

Третий горизонт, включающий функционирование помещений на основе старых стен, характеризуется отличительным составом керамического набора, где при наличии новых форм преобладает развитие традиций комплекса Каунчи II. Жизнь шахристана в этот период была нарушена разгромом и пожаром.

При ликвидации последствий этого бедствия произведена реконструкция строений на участке раскопа 2, изменившая не только его планировку, но и назначение. Теперь здесь расположился дом горо-

жанина с характерным для него функциональным разделением помещений.

По характеру материальной культуры он примыкает к предыдущему комплексу VII — первой трети VIII в. н. э., но составляет самостоятельный, 4-й по счету период жизни шахристана, приходящийся на вторую половину VIII в. н. э.

Пятый период связан с жизнью города в конце X—XII в., когда наращивали стены цитадели, а город пережил кратковременный расцвет. Промежуток IX — первая половина X в., почти не представленный материальными остатками, видимо, характеризуется сокращением обжитой территории и определенным упадком жизни.

Городище Мингурюк — древнее городское ядро Ташкента

Городище расположено вблизи железнодорожного вокзала Ташкента на протоке Салар. На картах города XIX в. его руины прослеживались на площади более 30 га. В то время городище включало вышку-замок, примыкавшую к подквадратной цитадели, и всхолмленную территорию собственно города — шахристан (табл. III, А). В настоящее время в результате интенсивного городского строительства, сnivelировавшего и уничтожившего былой рельеф и культурные отложения городища, сохранилась лишь небольшая часть бугра «замка» на территории мебельной фирмы «Шарк». Название городища Мингурюк происходит от громадного урюкового сада, существовавшего здесь на берегу Салара в XIX в. Народное предание размещало на буграх городища кухню мифического царя Турана Афрасиаба в отличие от другого «тепа» — Шахнишин, где якобы помещался его трон.

В 1896 г. городище отметили Е. М. Смирнов и Н. С. Лыкошин, в 1912 г. А. И. Добромыслов. Затем в 20-х годах археологические наблюдения вел М. Е. Массон, а от кафедры археологии САГУ и Института истории и археологии АН УзССР первые раскопки провели Ю. Ф. Буряков, Д. Г. Зильпер, О. В. Обельченко. В 1968—1974 гг. раскопки продолжила Ташкентская археологическая экспедиция (Д. Г. Зильпер).

В итоге всех работ расчищены крепостные стены и башни, сооружения административно-культурного характера в цитадели, часть жилой застройки шахристана. В результате изучения стратиграфии более чем 15-метровой толщи городского ядра выявлена картина непрерывного развития жизни на этой территории, начиная с первых веков нашей эры.

Стратиграфические колонки Шаштепа и Кугаиттепа, взаимно дополняющие друг друга, позволяют спроектировать на них результаты ранее проведенного стратиграфического изучения Мингурюка и прокорректировать датировку полученных комплексов.

Восстановим последовательное их чередование на Мингурюке, попутно отметив, что по итогам работ последних лет выявлена сохранившаяся площадь шахристана (до 15 га) и цитадели (до 0,5 га) и установлено четыре основных периода жизни памятника.

В «замке» на площади стратиграфического раскопа в 269 м² пройдены все напластования до материка (табл. III, Б). Поскольку в отличие от Шаштепа и Кугаиттепа наиболее «звучащим» на Мингуюрке можно назвать период раннего средневековья, начнем описание стратиграфии сверху вниз.

Верхний горизонт раскопа занимали остатки комплекса позднейшего (XI—XII вв.) обживания. В комплексе жилого типа расчищено четыре помещения из сырцового кирпича (42×21×10 см) с остатками хозяйственных ям и завалом плоского перекрытия внутри, образовавшимся после пожара, бушевавшего здесь в конце XII—начале XIII в. Получен выразительный комплекс поливной керамики, включавшей сосуды со скупым декором и широким применением техники сграфитто⁶⁵.

Как это часто бывало в средневековых постройках Средней Азии, верхний комплекс помещений частично использовал более древние стены, относившиеся к раннесредневековому периоду, раскрытому на Мингуюрке в наибольшей полноте.

На «вышке» он представлен фрагментарно сохранившейся планировкой некогда громадного массива помещений разного характера и назначения, занимавшего площадь не менее 60×30 м. Он раскрыт на глубине 2,5—4,8 м от нулевого репера. Стены его сложены из пахсы с разделкой на блоки и сырцового кирпича (47—48×23—24×8—9 см).

В южной части массива вскрыты остатки четырех помещений, свидетельствующих о существовании трех строительных этапов⁶⁶. В окончательном планировочном варианте помещение № 1 (9,8×8,8 м²) предстает как крупная кладовая-хранилище с нишами и суфами вдоль стен и двумя суфами в центре, на которых размещались хумы (табл. III, З). Их обнаружено 25, в одном — обгорелые зерна маша. Помещение № 2 также с суфой вдоль одной стены, украшенное настенной росписью, от которой лучше всего сохранился участок нижнего бордюра из перлов и побегов, перевитых лентой с использованием черной, белой и красной краски. Оно служило длинным киродором, выводившим в парадную, жилую и культовую части здания. От парадной сохранилась часть зала (помещение № 3) с южной стеной (длина 10,7 м), суфой, выдвинутой вдоль нее по центру в виде характерной «эстрады», и следами полихромной росписи стен (табл. III, Г, М).

Во всех помещениях открыта довольно красноречивая картина гибели их в пламени пожара. Рухнувшие верхушки стен лежат на слое сгоревшего и обвалившегося потолочного плоского перекрытия, в котором использовались балки и накат из жердей. Обнаружен след от балочной опоры. Для перекрытия коридоров применены своды. В комнатах найдено значительное количество керамики, медные монеты с квадратным отверстием и железные предметы, в частности черешковые наконечники стрел и половник с длинной изогнутой ручкой.

⁶⁵ Буряков Ю. Ф., Зильпер Д. Г. Указ. соч., с. 131.

⁶⁶ Древний Ташкент, с. 25.

К северу от описанных помещений в разные годы вскрывались «островками» сохранившиеся остатки помещений жилого и культового характера. От помещения № 3, относящегося к разряду парадных залов, на север вел парадный коридор с росписью на стенах. Он вводил и в жилую часть здания. Таково помещение №4⁶⁷ (5,4×5,3 м) с входом в южной стене, отгороженным тонкой стенкой, создающей тамбур. Вдоль западной стены прослежена суфа шириной 1,7 м. Поверхность стен покрыта обгорелой глиносаманной штукатуркой, а на полу обнаружены многочисленные остатки горелых деревянных балок плоского перекрытия.

В северной части предполагаемой площади дворца вскрыт еще один «островок», содержащий примечательный комплекс помещений специфического назначения, от которых сохранились два помещения и часть подводящего коридора⁶⁸ шириной 1,9 и 1,6 м. Непосредственно из коридора можно было попасть в квадратный (7×7 м) зал (помещение № 6) со стенами, выложенными комбинированной кладкой из пахсы и сырцового кирпича. Перекрытие зала, видимо, опиралось на четыре деревянные колонны, от которых остались обгорелые основания. Остатки самого перекрытия также сохранились в завалах на полу. Вдоль четырех стен тянулась суфа (ширина 0,9—1 м, высота 0,5 м), расширяясь в середине восточной стены до ширины эстрады (2,1 м) и прерываясь лишь в проеме входа. На суфах обнаружено большое количество кувшинов—эйнохоя. Центральную часть зала занимало алтарное возвышение с закругленной южной стороной (табл. III, Г). Оно тщательно оштукатурено, наверху обожжено и покрыто слоем чистой золы. В заполнившем зал завале обнаружены фрагменты штукатурок со следами росписи красного, белого, черного цвета, свидетельствующие о живописном оформлении поверхности стен. С юга к залу примыкает небольшое подсобное помещение № 7 с углубленным в пол очагом.

Вскрытый комплекс в сохранившемся виде относится к формам раннесредневекового монументального строительства жилого и дворцового характера. Планировка помещений, одни из которых большие, подквадратные в плане, другие—узкие длинные, со стенами, украшенными живописью, перекликается с планировкой жилых кварталов Пенджикента⁶⁹.

Залы с квадратной планировкой, почетным местом на выдвинутой из суфы «эстраде», алтарем огня посередине, четырьмя колоннами, поддерживавшими перекрытие, и росписью стен весьма характерны для архитектуры богатых домов, дворцов и храмов Согда (Пенджи-

⁶⁷ Помещение № 4 вскрыл О. В. Обельченко. См.: Зильпер Д. Г. Дворцовый комплекс городища Мингурюк в Ташкенте. История и археология Средней Азии. Ашхабад, 1976, с. 167 и сл.

⁶⁸ Раскопки О. В. Обельченко.

⁶⁹ Вороница В. Л. Архитектура древнего Пенджикента.— МИА, 1964, № 124, с. 163.

⁷⁰ Шишкин В. А. Варахша. М., 1963, с. 55, рис. 16; Ставский Б. Я. Раскопки квартала жилищ в юго-восточной части Пенджикентского городища (объ-

кент, Варахша, Еркурган)⁷⁰, Уструшаны (Шахристан, Уртакурган)⁷¹, Хорезма (Топрак кала)⁷², Тохаристана (Хайрабадтепа, Яхшибайтепа, Балалыктепа)⁷³. Наибольшее сходство обнаруживается с внутренней планировкой Красного зала Варахши. Такие его элементы, как квадратная планировка, подковообразная форма очажного возвышения в центре с поверхностью, покрытой чистой золой, наличие суф и «эстрады» и, наконец, полихромная роспись стен, составляют признаки тождественного сходства. В. А. Шишкин предположил культовое назначение Красного зала⁷⁴, что подвергла сомнению Д. Г. Зильпер на том основании, что сюжет росписи на его стенах, представляющий шествие животных и сцены охоты витязей-дихкан на слонах, предполагает его светский характер. Она считает, что возжигание огня на суфе могло служить каким-то ритуальным отправлением во время приемов, пиршеств, праздничных собраний⁷⁵. К сожалению, помещение с алтарем на Мингурюке благодаря сохранности на «островке» оказалось вырванным из окружающих его, а характер смежных комнат мог бы существенно дополнить возможность его интерпретации, как это видно по аналогичному комплексу на Актепа Юнусабадском, о чем пойдет речь ниже.

Следует отметить, что зал с алтарем очень схож с культовым помещением дома на шахристане Кугаиттепа: квадратность плана, суфы по всем стенам, алтарное обгоревшее возвышение в центре. Северная часть помещений комплекса также погибла при пожаре.

Все архитектурно-планировочные решения вскрытых частей комплекса, как и строительный материал (сырцовый кирпич стандарта 1:2 и пахса в сочетании с сырцовым кирпичом), плоские перекрытия, опирающиеся на деревянные колонны, или перекрытия типа «рузан», не противоречат единству принципов среднеазиатского зодчества раннего средневековья.

Таким образом, с точки зрения архитектурно-планировочных приемов этот комплекс «замка» городища Мингурюк становится в ряд выработанных строительных конструкций раннесредневекового зодчества Средней Азии. Сами размеры и многозначный характер помещений комплекса в сочетании с монументальной парадностью и живописным убранством интерьеров свидетельствуют о дворцовом характере. Вскрытый комплекс с настенной росписью в нем — пока единственный в Чаче пример подобного рода сооружений эпохи раннего средневе-

ект VI) в 1961—1959 гг. — МИА, 1964, № 124, с. 165; Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г. Средневековый город Средней Азии. Л., 1973, с. 25 и сл.

⁷¹ Негматов Н. Н., Хмельницкий С. Г. Средневековый шахристан. Душанбе, 1966, рис. 44; Они же. Уртакурган и Тирмизактепа. Душанбе, 1973, с. 13, рис. 6, с. 23, рис. 17.

⁷² Рапорт Ю. А. Некоторые итоги изучения дворца на городище Топрак-кала. — Культура и искусство древнего Хорезма. М., 1981, с. 232.

⁷³ Альбаум Л. И. Балалык-тепе. Ташкент, 1960, с. 113 и сл.; Нильсен В. А. Указ. соч., с. 242.

⁷⁴ Шишкин В. А. Узбекская археологическая экспедиция АН УзССР. — ИМКУ, 1961, вып. 2, с. 32.

⁷⁵ Зильпер Д. Г. Дворцовый комплекс, с. 171.

ковья. Он представляет собой существенный элемент топографии города столичного ранга, каковым, без сомнения, был в тот период Минг-урюк. Располагаясь на холме вплотную к стене цитадели, он господствовал вместе с ней в рельефе городской застройки.

Из собранного здесь вещевого материала прежде всего следует отметить набор форм керамики, изготовленной и от руки и на гончарном круге.

Станковая керамика представлена кружками, мисками, двуручными горшками, кувшинами (табл. III, E). Наиболее характерна форма тонкостенной и толстостенной кружки с прямым бортом и ручкой-петелькой, выполненной на круге быстрого вращения. Подобные кружки характерны для раннесредневековой керамики не только ташкентских памятников (Актепа Юнусабадского и Ханабада), но и для согдийских, в частности Тали-Барзу V, Пенджикента второй половины VII — первой половины VIII в.⁷⁶, раннемусульманского Самарканды.

Выразительны высокогорлые кувшины округлой и яйцевидной формы с пластинчатой ручкой и сливом-вмятиной на противоположной стороне, распространенные, кроме Ташкента, в Согде второй половины VII — первой половины VIII в. н. э.⁷⁷ Плоскодонные тонкостенные миски с перегибом борта в верхней части отмечаются в Чаче вплоть до VIII в. н. э.

Следует отметить тагора, горшки с шаровидным туловом, профилированным венчиком и двумя ручками. Двуручные горшки в бассейне среднего течения Сырдарьи известны⁷⁸, но с более вытянутыми пропорциями тулова и сформованные от руки. Полных аналогий найденной форме пока нет.

Кроме станковой, есть лепная керамика — хумы и котлы для варки пищи. Плоскодонные хумы с широкими или покатыми плечиками, профилированным или подпрямоугольным венчиком, покрытые беловатым ангобом и потеками красно-коричневого, находят широкие аналогии в Шаше и Согде.

Из керамического комплекса выделяется лепной сосуд с широким округлым лощеным туловом, с каннелюрами, с петлевидной зооморфной ручкой. Форма сосуда приближается к типу кружек Пенджикента⁷⁹, подражающему металлическим образцам⁸⁰. Однако в целом прямых аналогий у этого сосуда в среднеазиатской керамике нет, по-

⁷⁶ Григорьев Г. В. Городище Тали-Барзу.— ТОВЭ, т. II, 1940, с. 96; Тереножкин А. И. Раскопки в кухандизе Пенджикента.— МИА, 1950, № 15, с. 91, 92, табл. 41, 13; Бентович И. Б. Керамика верхнего слоя Пенджикента (VII—VIII вв.).— МИА, 1964, № 124, с. 283, рис. 21, 2.

⁷⁷ Бентович И. Б. Керамика верхнего слоя..., с. 270, рис. 6.

⁷⁸ Григорьев Г. В. Келесская степь в археологическом отношении.— Изв. АН КазССР, серия археологическая, вып. 1, 1948; Левина Л. М. Керамика..., рис. 59.

⁷⁹ Беленицкий А. М. Общие результаты раскопок городища древнего Пенджикента (1961—1963 гг.).— МИА, 1964, № 66, с. 129, рис. 23.

⁸⁰ Маршак Б. И. Влияние торевтики на согдийскую керамику VII—VIII веков.— ТГЭ, т. V, 1961, с. 185; Максимова А. Г. и др. Указ. соч., с. 104.

этому его можно считать уникальным образцом прикладного искусства VII—VIII вв. н. э.

Кроме керамики, найдены железные предметы — черешковый ромбический наконечник стрелы и половник с длинной, изогнутой на конце ручкой. Длина наконечника стрелы 7,5 см, боевой части 4,2 см. Такие стрелы находили редко, например, в Чаче на Актепе, в Северной Киргизии в тюркских погребениях VI—VII вв., в согдийском замке VII—начала VIII в. на горе Муг. Существует мнение об их кочевническом северо-восточном происхождении⁸¹ или о возможной связи типа с арабами-завоевателями⁸².

Весь комплекс находок, как и сам дворец, датируется второй половиной VII — первой половиной VIII в. н. э. Гибель его от грандиозного пожара логично увязывается с событиями арабского нашествия и борьбой жителей Чача против завоевателей⁸³.

Ниже уровня этого строительного горизонта лежат слои с зольно-органическими остатками. В пределах раскопа они не связаны с архитектурой: богаты керамикой, значительно отличающейся от керамического комплекса дворца.

В целом для керамики характерно почти полное отсутствие станковой посуды. В большинстве она ручной лепки горнового и напольного обжига. Посуда делится на кухонную, столовую и для хранения продуктов (табл. III, И).

К кухонной керамике относятся большие и малые котлы, жаровни, крышки, очажные подставки, ручки в виде стилизованного животного, округлые или уплощенные с пальцевой вмятиной.

В комплекс входят «рогатые кирпичи», примитивная передача бычьей головы. Поверхность их украшена пальцевыми вдавлениями. Широко известные в каунических материалах на средней Сырдарье, они встречаются также в Шаушукум-тобе, в верхнем горизонте «Большого дома» Джеты-Асар⁸⁴ и в афригидском Хорезме⁸⁵.

Следует отметить светильники в виде чаши на высоком кольцевом поддоне, покрытые беловатым ангобом. Они аналогичны светильникам верхнего горизонта «Большого дома» Джеты-Асар⁸⁶.

Столовая посуда представлена тщательно вылепленными и только изредка подправленными на круге кувшинами, горшками, кружками. Обжиг горновой, равномерный. Сосуды покрыты беловатым и красноватым ангобом, изредка наблюдается лощение.

Кувшины разнообразны. У некоторых под ручкой прочерчен крест.

⁸¹ Ставиский Б. Я. Раскопки жилой башни в кухендизе Пенджикентского владетеля. — МИА, 1950, № 15, с. 98, табл. 39, 16—17; Он же. Раскопки квартала жилищ знати..., с. 171, рис. 32, 2—3.

⁸² Тереножкин А. И. Раскопки в кухендизе Пенджикента, с. 92.

⁸³ Древний Ташкент..., с. 52.

⁸⁴ Левина Л. М. Керамика и вопросы хронологии памятников Джеты-асарской культуры. — В сб.: Материальная культура народов Средней Азии и Казахстана, 1966, с. 57.

⁸⁵ Толстов С. П. Древний Хорезм. М., 1948, табл. 53.

⁸⁶ Левина Л. М. Керамика и вопросы хронологии памятников..., с. 56, рис. 7, 41—45.

Сосуды этого типа широко известны в материалах каунчинской культуры. К краям нижней части уплощенной ручки одного сосуда подлеплены спиральные завитки с насечкой — рога барана. На ручке — круглые налепы-пуговицы. Подобная орнаментация наиболее характерна для памятников типа Шаушукум-тобе⁸⁷ и широко распространена в материалах нижней и средней Сырдарьи⁸⁸.

Для этого комплекса характерны кувшины с высокой горловиной и слегка отогнутым наружу удлинненным венчиком, а также формы с раструбообразной горловиной.

Горшки немногочисленны, с округлым туловом и невысокой горловиной, покрытой полосками рифления. Ангоб светло-коричневый, в верхней части сосуда брызги красного.

Кружки того же типа, что и в горизонте дворца. На некоторых сосудах, особенно на кувшинах, прочерчены знаки.

Зольно-органические слои, интенсивно насыщенные керамикой, перекрывали мощную оборонительную стену и связанный с ней комплекс построек. Стена (табл. III, Б, 8) в разрезе в виде усеченной пирамиды, вверху заканчивается валгангом (ширина 1,7 м) с бруствером (высота 0,9, ширина 0,85 м). Высота стены с внутреннего края 7 м, ширина у основания 0,5 м. Снаружи основание стены подпирается платформой из блоков пахсы, перекрытых по верхней плоскости двумя рядами кирпичной кладки.

По краям стена сложена из пахсы, нерегулярно прослоенной прямоугольным кирпичом, а в центре забита кусками пахсы и кирпича. Прием забутовки внутренних частей оборонительных стен достаточно широко известен в памятниках Хорезма, Согда⁸⁹, однако в Шаше он отмечен впервые.

Судя по стратиграфии, комплекс помещений у оборонительной стены построен несколько раньше нее. Вскрыто три помещения, соединенные между собой дверными арочными проемами (табл. III, 3). В кладке стен наряду с продолговатым (50×25×11 см) использован квадратный (40—42×40—42×11—13 см) кирпич. Южное коридорообразное помещение 1 (6,5×2,7 м) примыкает к оборонительной стене. Ширина стен 2 и 1,75 м. Сохранность их в высоту до 5 м. В западной стене дверной проем с аркой подковообразного очертания (высота 1,8 м, ширина 0,9 м). Помещение, в которое вел этот проем, не вскрыто. Второй дверной проем (высота 1,3 м, ширина 1 м) перекрыт аркой эллиптического очертания. Он соединяет южное помещение с соседним северным. Длина этого помещения около 8,3 м, ширина 1,6 м. Дверной арочный проем в северной стене помещения (высота 1,6 м, ширина 1,1 м) выводит на площадку, вымощенную кирпичом и обрываю-

⁸⁷ Григорьев Г. В. Каунчи-тепе. Ташкент, 1940, с. 16, рис. 17; с. 17, рис. 19; Он же. Келесская степь..., с. 71, табл. X, рис. 72—73; Максимова А. Г. и др. Указ. соч., с. 38.

⁸⁸ Агеева Е. И., Пацевич Г. И. Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана.—Тр. ИИАЭ АН КазССР, т. 5. Археология, 1958, с. 165; Левина Л. М. Керамика и вопросы хронологии памятников..., с. 60, рис. 9, 66—68.

⁸⁹ Нильсен В. А. Становление феодальной архитектуры Средней Азии. (V—VIII вв.). Ташкент, 1966, с. 215—219.

щуюся на склоне. Описываемые помещения перекрыты сводами эллиптического очертания, выложенными наклонными отрезками. В кладке сводов, сохранившихся на высоту до 1 м, использован тот же кирпич, что и в кладке стен, но с добавлением мелкого квадратного (30—32×30—32×8 см).

В восточной стороне северное помещение переходит в небольшую квадратную (2,15×2 м) камеру. С высоты 0,8 м от пола в кладке трех стен камеры сделан постепенный напуск на 1—2 м внутрь, что создает своеобразный «ложный» свод. Камера сохранилась на высоту 2 м. Полы всех помещений покрыты слоем древесного угля и золы, над которыми чередуются зольно-органические слои.

Планировка здания как будто строится на параллельных коридорообразных помещениях, а строительные приемы сближают его как с комплексом цитадели Шаштепа II—I вв. до н. э., так и со многими памятниками Согда, Тохаристана, Уструшаны более позднего времени⁹⁰. Зольно-органическое заполнение помещений роднит Шаштепа с Кугаиттепа, как и керамика из него. В свою очередь облик керамического материала несколько отличается от содержимого слоя над оборонительной стеной. Почти вся посуда сделана от руки, обжиг горновой и напольный (табл. III, Ж).

Кухонная керамика представлена горшками, котлами, крышками. Тесто этих изделий грубоперемешанное с шамотом или дресвой. Наиболее распространены котлы плоскодонные с округлым, несколько вытянутым наружу венчиком, вертикальной ручкой, верх которой украшен вмятиной или пуговичкой. Найдены фрагменты котлов с горизонтальными серповидными ручками, что отмечал Г. В. Григорьев в материалах Каунчи II⁹¹. Крышки плоские, в центре ручка. Своеобразна одна из крышек с ручкой в виде стилизованной головы барана, закрепленной у края. Очажные подставки оформлены в виде бычьей головы.

В столовой посуде наиболее многочисленны кувшины, особенно с широким грушевидным туловом. На противоположной ручке стороне — цилиндрический носик.

Многочисленны и характерны горшки с широким туловом, невысокой горловиной. На плечике сосудов пояс прочерченных крутоволнистых линий по кремовому ангобу.

Кружки разнообразны по форме, с зооморфными и петлевидными ручками, покрыты лощением или брызгами красного ангоба. Следует выделить кружку с округлым туловом, прямой горловиной, петлевидной ручкой с глубокой бороздкой в центре и пуговичкой наверху, характерную для комплекса из поселения Актобе 2 Чардаринского⁹².

Все кружки имеют аналоги, доходящие до полного тождества в материалах поселений и могильников Ташкентского оазиса, средней

⁹⁰ Воронина В. Л. Изучение архитектуры древнего Пенджикента.— МИА, 1950, № 15, с. 190, 191; Негматов Н. Н., Хмельницкий С. Г. Средневековый Шахристан, с. 109.

⁹¹ Григорьев Г. В. Краткий отчет о работах Янгйюльской археологической экспедиции 1937 г., с. 21.

⁹² Максимова А. Г. и др. Указ. соч., с. 60, рис. 25, 5.

Сырдарьи, Ферганы, северных склонов Каратау, в единичных формах, найденных в слое Кобадан III в Южном Таджикистане, Южном Узбекистане, Чуйской долине⁹³. Кружки с зооморфными и петлевидными ручками сосуществуют в материалах Каунчи. Это подтверждают данные из Мингурюка. Нижний же комплекс фиксирует начало их бытования.

Тщательно изготовленные тонкостенные кружечки считались в Шаше характерными для VII—VIII вв. н. э., причем их рассматривали как результат согдийских связей и влияний⁹⁴. Существование подобных кружек в материалах Актобе 2 и нижнем слое Мингурюка и других памятников Ташкента не подтверждает эту точку зрения. Для Ташкентского оазиса устанавливается преемственная связь этой формы с первых по VII—VIII вв. н. э. В Согде же кружки VII—VIII вв. не связаны с керамикой предшествующих веков, и в поисках их прототипа, как считает проанализировавшая этот вопрос Д. Г. Зильпер, возможно, следует обратиться к материалам Чача и прилегающих областей⁹⁵.

Из единичных форм следует отметить следующие: фрагментированный лепной кубок на высокой кольцевой ножке со слабо выраженным перегибом стенки в верхней части кубка. В сборах на городище Шаштепа уже встречалась подобная форма⁹⁶. Чаши же с высоким округлым бортом и загнутым внутрь венчиком примитивной лепки широко распространены в материалах Актобе 2, Шаштепа (начиная с комплекса Шаш III). Найдены верхние части лепных сосудов типа высокогорловых кувшинов с профилированным тройным валиком, венчиком и закрытым устьем. Сосуды закрытого типа, но другой формы известны в материалах Каунчи. Их назначение пока неясно. Посуда для хранения продуктов представлена хумами и тагора.

В целом весь керамический материал нижнего слоя генетически связан с Каунчи II, здесь мы встретили горшки с гребенчатым узором, подставки в виде головы быка, сжатые с боков ручки с желобком, значительное распространение лощения сосудов, формы и орнаментацию сосудов, характерные для комплекса Шаш IV, т. е. первого этапа Каунчи II, к которому, очевидно, относится рассмотренный комплекс керамических материалов и архитектуры. Ориентация на стратиграфию Шаштепа позволяет, таким образом, удревнить нижний слой Мингурюка.

В результате зачистки основания стен описанного комплекса архитектуры получен материал, указывающий на то, что комплексу предшествовал культурный слой, включающий перегоревшее дерево, золу, отмытки галькой и остатки кирпичных стен. Временной разрыв меж-

⁹³ Литвинский Б. А. Кангуйско-сарматский фарфор. Душанбе, 1968; Сорокин С. С. Боркюрбазский могильник.—ТГЭ, т. V, Л., 1961, с. 45 и сл.; Максимова А. Г. и др. Указ. соч., с. 56—60.

⁹⁴ Маршак Б. И. Влияние торевтики на согдийскую керамику VII—VIII веков, с. 180.

⁹⁵ Древний Ташкент, с. 41.

⁹⁶ Крашенинникова Н. И. Указ. соч., с. 155, рис. 4, 11.

ду этим первоначальным культурным слоем и оборонительным комплексом, вероятно, был незначительным.

В результате работ в «замке» и проекции их результатов на стратиграфию Шаштепа наметилось четыре крупных периода жизни, четко отделившихся друг от друга. С первым периодом, синхронным Шашу IV, связано возведение оборонительной стены, коридорообразных помещений, камеры с ложным сводом. Запущение пристенного комплекса, как и на Шаштепе, падает на конец этого периода, а оборонительной стены, видимо, на более позднее время. Невыразительный тонкий культурный слой, на котором возведен оборонительный комплекс, вероятно, относится ко времени, предшествующему Шашу IV.

Ко второму периоду относятся постройки и связанные с ними зольно-органические слои над гребнем былой стены. Комплекс керамики сохраняет преемственную связь с керамикой первого периода, но в нем появляются новые черты. Подставки в виде головы быка приняли форму «рогатых кирпичей». Меньше стало лощеной посуды. Повсеместно украшение сосудов пальцевыми вдавлениями и полосами горизонтального рифления. Появляются сосуды типа ритона. По-прежнему в основном керамика лепится от руки. Хронологически он соответствует комплексам Шаш V и VI.

С третьим периодом связаны материалы дворцовых помещений. Керамика изготовлена на гончарном круге, продолжается жизнь форм, известных в первые периоды, — тонкостенных и толстостенных кружек с зооморфными и петлевидными ручками, мисок, хумов. Широкое пространство получают кувшины со сливами-вмятинами венчиков, исчезают формы кувшинов с широким венчиком-воротничком. Брызги и потеки красной краски в основном сохраняются на крупных сосудах типа хумов, кувшинов. Этот период четко датирован второй половиной VI — первой половиной VIII в. н. э.

Четвертый период связан с помещениями и материалами верхнего слоя, когда после перерыва бугор цитадели был обжит в XI—XII вв. н. э.

В шахристане Мингурюка для выяснения стратиграфии, застройки, уточнения границ городской территории заложено 19 шурфов, два раскопа, зачищены срезы котлованов новостроек. Как правило, около 1 м в глубину от дневной поверхности составляет слой XX в., затем идут глинистые прослойки с фрагментами керамики. Шурфы вдоль южной, восточной и северной границ шахристана дали многочисленный керамический материал III—VIII и XI—XII вв. н. э. Материалы из шурфов в центре шахристана дали более выразительную картину. Здесь под наслоениями XX в. лежат смешанные слои, в которых наряду с керамикой XI—XII вв. встречается материал раннего средневековья. Ниже вскрыты слои с керамикой, характерной для второго периода «замка», залегающие на материке. Характер и интенсивность застройки шахристана выявлены в трех раскопах, заложенных в его центральной части, к северу от цитадели.

В двух раскопах обнаружены лишь остатки монументальных строений, видимо, жилого назначения, и помещений с россыпью железных шлаков на полах.

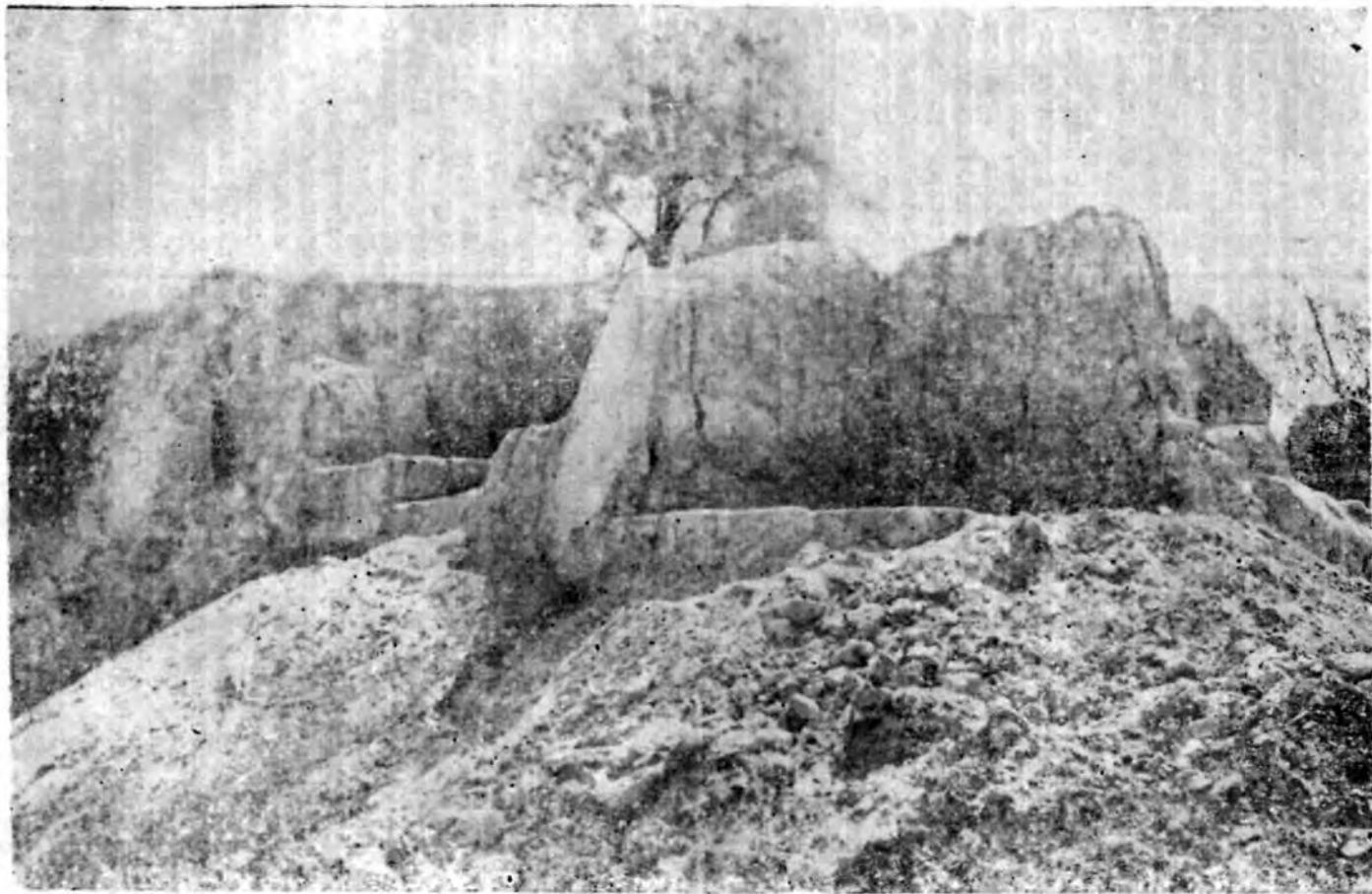

Рис. 8. Мингурюк. Вид жилого дома VII—VIII вв. н. э., раскопанного в шахристане.

Расчищена нижняя часть овальной гончарной печи. Участок на углу ул. Жуковского и Пролетарской дал обильные отвалы гончарного ремесла. Время жизни этих строений определяют несколько монет с согдийскими надписями и квадратными отверстиями в центре. Сопровождающая керамика также подтверждает датировку их VI—VIII вв. н. э.

Третий раскоп, где вскрыто шесть монументальных помещений, позволяет лучше представить характер жилищ этого времени, включавших комнаты с суфами, сообщающиеся проходами (табл. III, Д). Он свидетельствует также об известной тесноте застройки шахристана в раннем средневековье (рис. 8). Все вскрытые здания несут следы того же сильного пожара, уничтожившего помещения дворца в первой трети VIII в. н. э.

Руины жилых домов шахристана также спорадически обживались в XI—XII вв. Лишь отдельные фрагменты керамики IX—X вв. и один бадраб X в. говорят о жизни на городище в это время. Бадраб обнаружен к северу от жилого дома третьего раскопа. Из него получен уникальный для городища комплекс керамики с богатой орнаментацией эпиграфического стилизованно растительного и линейно-геометрического зооморфного характера.

При обследовании прилегающей к шахристану территории к юго-востоку от него были открыты остатки культурных слоев и материал эпохи раннего средневековья, позволившие несколько раздвинуть контуры шахристана, показанные на плане 1871 г. и определившие его площадь в это время превышающей 30 га.

В результате работ на городище можно считать, что здесь на Саларе первоначальное поселение каунчинской культуры возникло в пору начала сложения комплекса Шаш IV и имело, в отличие от Шаштепа, выраженный крепостной характер. Поселение, окруженное мощной крепостной стеной с внутренним коридором, застроено прямоугольниками и коридорообразными помещениями.

Позднее возникшая цитадель прямоугольного типа заняла около 0,5 га, т. е. почти половину площади древнего поселения. Стены цитадели фланкированы башнями, верхняя часть одной из них оригинальной ступенчатой формы. Расстояние между башнями 12 м⁹⁷. Поверху стены проходит свободная галерея, перекрытая сводом. К северу и западу от цитадели слагался шахристан. Водоснабжение его осуществлялось отведенным из Салара магистральным арыком, русло которого четырехметровой ширины обнаружено у северной границы города.

Уже в самом начале существования город пережил потрясения, связанные, очевидно, с военно-политическими событиями. Разрушена внешняя стена цитадели, у башен пробиты бреши. Однако упадок не был длительным, наоборот, наступил новый подъем. Стены цитадели усиливаются дополнительно возведенными стенами, построенными вплитык к первоначальным. В цитадели возводятся помещения с пристенными суфами и сводами, выложенными наклонными отрезками.

⁹⁷ Буряков Ю. Ф., Зильпер Д. Г. Указ. соч., с. 142.

Шахристан плотно застраивается. В городе развиваются гончарное и железообрабатывающее ремесла. На заброшенной старой крепостной стене возводятся монументальный дворцовый комплекс, датируемый второй половиной VI — первой половиной VIII в. н. э. Это, несомненно, время общего расцвета жизни города и его связей с сопредельными областями, о чем свидетельствуют согдийские монеты.

В археологическом материале и архитектуре первых трех этапов жизни города отмечается преемственность культурных традиций. Но для поры расцвета городской жизни в VII—VIII вв. н. э. характерно все большее единство с сопредельными областями — Согдом, Уструшаной, Тохаристаном.

Гибель города, приходящаяся на первую половину VIII в., связана с антиарабской борьбой, опустошениями и пожарами, сопровождавшими все карательные походы арабов.

Единичные керамические фрагменты IX—X вв. и бадраб X в. свидетельствуют о том, что обживание города, прервавшего жизнь в VIII в., началось лишь IX в., причем западная территория бывшего города отошла в это время под мусульманское кладбище⁹⁸. Скудность материалов и ограниченность культурных отложений XI—XII вв. указывают на то, что пункт на Мингурюке восстановился вновь не как городской организм, а лишь как незначительное поселение. Окончательно его жизнь была прервана в начале XIII в.

Таукаттепа и Бузгонттепа — неукрепленные поселения с мощной цитаделью

Таукаттепа — городище восточной группы археологических памятников Ташкента, расположено вблизи одноименного арыка, впадающего в Карасу. Состоит из вышки (высота 9 м) и обширного поселения вокруг нее.

В 1929 г. А. А. Потапов отметил это городище при обследовании части памятников окрестностей Ташкента. В 1940 г. И. Байшев и В. Массон обнаружили на нем керамику XI—XIII и XV вв. и отнесли памятник к типу средневековых замков с укрепленным двором. В 1957 г. тепа обследовали В. Белоусов и Ю. Буряков, выявившие материал IV—VII вв. н. э.

Ташкентская экспедиция избрала памятник объектом изучения в связи с расположением его в более древней оросительной системе, для выявления стратиграфической последовательности культурных отложений, хронологического стратификационного деления комплексов объекта и установления времени возникновения первого поселения. Работы носили стратиграфический характер и сосредоточивались в трех пунктах⁹⁹ (раскоп и два шурфа).

Полную картину стратиграфического наращивания культурных отложений от материка до вершины «вышки», показали материалы из

⁹⁸ Древний Ташкент, с. 49.

⁹⁹ Раскопки на памятнике проводили Д. Г. Зильпер (1970 г.), Ш. Р. Пыдаев, О. А. Папахристу (1978 г.).

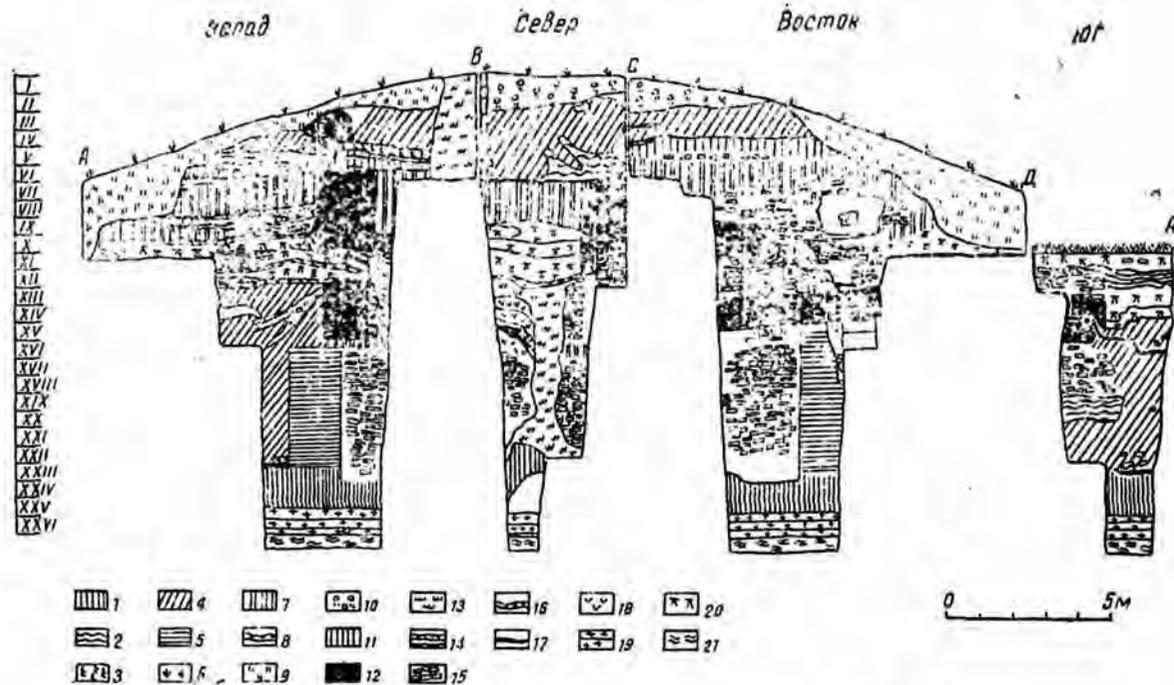

Рис. 9. Таукат'епа. Развертка стенок стратиграфического шурфа № 3:

1—уплотненная темно-коричневая земля; 2—уплотненная светло-коричневая земля; 3—уплотненная светло-коричневая земля с включением обломков сырца; 4—завал; 5—монолит из хорошо промытой глины с включением мелкой гальки и песка; 6—рыхлая светло-коричневая земля; 7—уплотненная коричневая земля; 8—прослойки уплотненной темно-коричневой земли со следами натоптанности; 9—оплыв; 10—рыхлая коричневая земля; 11—уплотненная т-мно-коричневая земля с включением гальки; 12—пахса; 13—гумус; 14—прослойки уплотненной органической трухи беловатого цвета со следами натоптанности; 15—скопление галечника; 16—очаги; 17—золевые прослойки; 18—яма № 1; 19—суглинок; 20—уплотненная светло-коричневая земля; 21—материк.

шурфа № 3 (19×4 м) на южном склоне, пробившего культурную толщу в 12,5 м. Выявлено пять культурных слоев, включающих по несколько строительных этапов (рис. 9). Примечательно, что основное ядро вышки составлял строительный комплекс с монументальной архитектурой, начинавшейся непосредственно с материковой поверхности — первый культурный слой. Наиболее ранний строительный период (XVI—XXIII ярусы) включает мощную стену из сырцового кирпича (45×35×10; 45×30×10 см), сохранившуюся на высоту 4,1 м, покоящуюся на уплотненной грунтовой платформе с включением мелкой гальки. Затем к ней пристроили пахсовый монолит шириной 1,5 м. Связанный с этой стеной пол находится в начале XXIII яруса, на нем вблизи стены расчищен овальный очаг; с нижним периодом его объединяет единственный фрагмент котла с простым венчиком и дрсевой в тесте; из тела кирпичной стены извлечены четыре золотые круглые нашивки с двумя дырочками посередине.

Второй период, строительные остатки которого занимают XIII—XV ярусы и связаны с двумя уровнями полов, отличаются также интенсивными ремонтными работами с использованием сырцового кирпича (52×30×10; 42×30×8 см).

Второй культурный слой включает три строительных периода. Первый (XI—XII ярусы) лишен ярко выраженных архитектурных элементов, больше характеризуется лессовыми и зольными прослойками. Второй — фиксируется в VII—X ярусах и включает часть пахсовой стены (ширина 1,80 м), ориентированный с запада на восток с несколькими ремонтами и уровнями полов. Третий прослежен в слое V—VI ярусов и представлен пятью уровнями полов, хорошо читающимися на западном срезе шурфа.

Третий культурный слой зафиксирован в III—IV ярусах и включает архитектурные остатки двух стен помещения, сложенных из пахсы, вперемешку с сырцом.

Наличие в стратиграфическом разрезе верхних слоев керамики XII и XIV—XV вв. позволило выделить на городище Таукаттепа соответственно датированные четвертый и пятый культурные слои. Керамика трех первых культурных слоев хронологически подразделяется на три группы.

Первая группа, выявленная в нижнем слое, состоит в основном из посуды закрытых форм, изготовленной вручную из теста с примесью дресвы, шамота, песка, изредка извести. Различаются сосуды для хранения продуктов, столовые и кухонные. Хумы и хумчи, сформованные на песчаной подсыпке, имеют характерно оттянутый венчик с острым ребром нижнего края, реже валик с плоской площадкой наверху (рис. 10).

Столовая посуда: кувшины, миски, кружки — также ручной выделки.

Кувшины широкогорлые (рис. 10, 12, 13) с клювовидным несколько отогнутым наружу венчиком, высоким горлом, плавно переходящим в яйцевидное тулово на плоском широком донце.

Черепок в изломе розового цвета. Внешняя поверхность покрыта

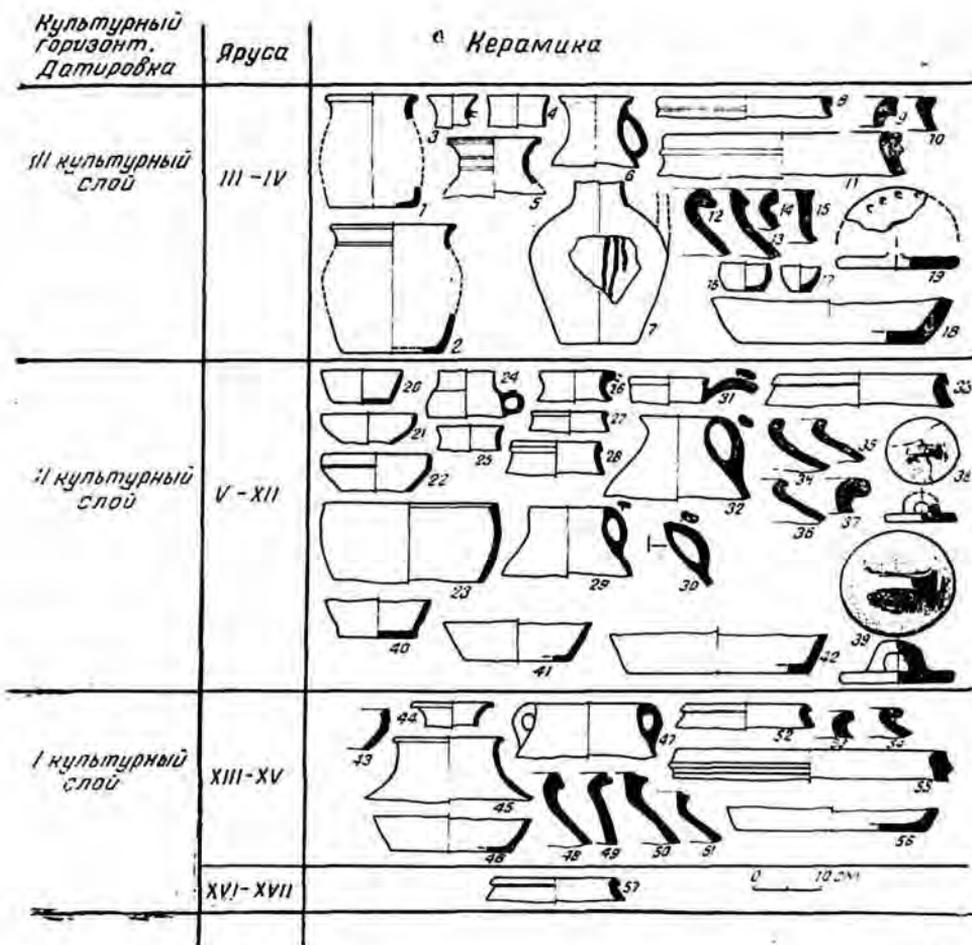

Рис. 10. Таукайттепа. Стратиграфическая колонка по материалам шурфа № 3.

светлым ангобом. Миски с полусферическим туловом и утолщенной закраиной. Кружки, характерные для нижнего комплекса, — грушевидные с высоким чуть оттянутым наружу горлом, кольцевыми ручками на широкой части тулова или с имитацией зооморфного налепа.

Все перечисленные керамические формы находят прямые аналоги на таких памятниках в пределах Ташкента, как Шаштепа (Шаш IV и V), Кугайттепа (I и II периоды), Мингурюк (комплекс нижнего и среднего слоя) и укладываются в рамки типизированного комплекса

Каунчи II. За пределами Ташкента наиболее близкие параллели дают материалы Каунчитепа¹⁰⁰, курганов из окрестностей Кавардана¹⁰¹, Актобе 2 в Чардаре¹⁰², нижнего горизонта Джетыасара¹⁰³.

Кухонную посуду нижнего слоя составляют котлы, горшки, крышки. Не отмечено жаровен, что, видимо, объясняется неполнотой набора. Все формы также представлены в комплексе Шаш IV и V и двух нижних комплексах Кугаиттепа. Керамика второго культурного слоя несколько отличается от материала нижнего. Несмотря на неполноту комплекса, все же надо отметить увеличение числа открытых форм — мисок и чаш. Изготовлены они из того же плотного теста с примесями, поверхность сосудов покрыта светлым ангобом, реже красным и черным.

Хумы и хумчи остались широко представленной формой, у них появился валикообразный профиль венчика. По-прежнему распространены широкогорлые кувшины с округлым в сечении или заостренным венчиком. Появилась новая форма широкогорлого кувшина с горизонтально отходящей от верха и опускающейся на тулово ручкой. В Ташкенте подобные кувшины отмечены в верхнем слое Мингурияка и появляются в первом слое городища Ханабад не ранее VI в. н. э. Известны они также в Согде, Хорасане, Фергане для раннего средневековья. Основная форма мисок — полусферическая с плоским венчиком, чаш — с перегибом стенок. Эта форма чаш — наиболее стойкая в комплексе Каунчи на всех стадиях его развития, что доказывают многочисленные находки этого типа сосудов почти на всех памятниках каунчинского ареала.

В комплексе второго горизонта кухонная посуда представлена только котлами с проушинами. Кроме новой формы кувшина, в нем встречена и новая форма кружки. Это обнаруженный в XI ярусе сосуд со сферическим туловом и цилиндрическим слегка расширяющимся горлом, петлевидной ручкой с пугсвкой-налепом. Поверхность покрыта красным ангобом и слегка залощена. Если все остальные сосуды не только тяготеют к каунчинскому комплексу, но развивают его стилистические традиции, то две последних формы выглядят новшеством. Сами кружки — исконный признак Каунчи, но их сфероцилиндрические формы традиционно воспринимаются в виде, опосредованном развитием в Согде и Фергане в VII—VIII вв. н. э. Обнаружение подобной формы в комплексе II периода Кугаиттепа и на Мингурияке позволяет удревнить начало бытования этого типа в Чаче, где сама форма имеет свои прототипы и линию развития во времени. Видимо, высказанное Д. Г. Зильпер мнение о привнесении ее в Согд из Чача справедливо. Сходство же кружек VII—VIII вв. н. э. отмеченных культурных об-

¹⁰⁰ Григорьев Г. В. Краткий отчет о работах Янгиюльской экспедиции 1937 г., с. 22.

¹⁰¹ Древняя и средневековая культура Чача. Ташкент, 1979, с. 25, рис. 7, 5.

¹⁰² Максимова А. Г., Мерцнев М. С. и др. Древности Чардары..., с. 52—56, рис. 22, 1, 17; с. 61, рис. 21, 9.

¹⁰³ Левина Л. М. Керамика и вопросы хронологии Джетыасарской культуры. Материальная культура народов Средней Азии и Казахстана. М., 1966, табл. 3, 7—8.

ластей, вероятно, объясняется универсализацией культурных комплексов в процессе культурной интеграции и сложения единой культуры Мавераннахра.

Учитывая обнаружение сфероцилиндрической кружки в промежуточном слое со слабым наличием архитектурных признаков, как бы разделяющим строительные остатки I и II культурных слоев, комплекс II слоя нельзя датировать раньше VI в. н. э.

Ориентируясь на колонку Шаштепа и керамический комплекс отмеченных горизонтов Куганттепа нижний слой Таукаттепа с двумя основными строительными периодами можно сопоставить с периодами Шаш IV и V. Верхний хронологический предел слоя определяет отмеченная выше кружка с красным ангобом, а ориентир для нижней даты дают аналогии с комплексом Шаш IV. Более подробно расчленив материал этого слоя из-за неполноты керамического комплекса невозможно, хотя налицо четкое разделение его по строительным остаткам. Причем нижний строительный горизонт с его мощной сырцово-архитектурой по характеру кладки и размеру кирпича очень близок постройкам цитадели нижнего слоя Шаштепа.

В керамике III культурного слоя Таукаттепа преобладают сосуды станковой работы. Тесто изделий красное и розовое, с примесью шамота, дресвы, песка, редко извести. Поверхность сосудов имеет светлый ангоб и заглаженность.

Хумы и хумчи принципиально не отличаются от сосудов предыдущего комплекса.

Некоторое развитие получает традиционная форма каучинского кувшина, приобретшего вытянутое широкое горло с заостренным венчиком-раструбом и утолщенной ручкой. Появились кувшины с раструбообразным горлом с рифлением — дань джетысарскому влиянию. Характерным признаком является появление миниатюрных кувшиночков, продолжают бытовать кувшины с горизонтально стянутой ручкой, опирающейся на тулово.

Отмечена корчага с подтреугольным профилем венчика и ручкой, чего не обнаружено в традиционном каучинском наборе форм, зато нашло аналогии в раннесредневековом Согде, в формах корчаг с ручкой и сливом под венчиком. Иного вида широкая корчага со сливом на плечике — типичное порождение культуры Каунчи, имеющее глубокие корни в местной почве. И это обстоятельство приводит к выводу о проникновении этой формы в соседний Согд на ранних этапах вместе с кангуйским культурным влиянием, а затем ее возвращении в Чач в трансформированном виде в VII—VIII вв. н. э.

Значительный процент в комплексе III культурного горизонта составляют сфероцилиндрические кружки с петельной ручкой.

В кухонной керамике устойчивы прежние традиции, продолжают бытовать котлы с проушинами, крышки с петлевидной ручкой и пальцевыми вмятинами. Примечательно наличие традиционных очажных подставок, потерявших первоначальный облик бычьих голов и приобретших стилизованную форму рогатых кирпичей, украшенных пальцевыми

ми вмятинами. Впервые появляются глиняные столики-дастарханы, со столешницей, украшенной геометрическим орнаментом.

Комплекс III культурного слоя, базируясь на аналогиях и стратиграфии его залегания, видимо, следует отнести ко второй половине VII—VIII вв. н. э. Некоторые материалы, дополняющие выявленную в раскопе стратиграфию, получены еще в двух шурфах на Таукаттепа¹⁰⁴ (один на восточном склоне вышки, другой на поселении). Шурфы не доведены до материка и выявили в основном второй и третий культурный горизонты; на поселении также расчищен слой с материалом XV—XVI вв.

Таким образом, на материале стратиграфического изучения Таукаттепа, хотя и не очень богатом, мы также наблюдали каунчинский комплекс (Каунчи II) в развитии.

Три культурных горизонта памятника, несмотря на некоторый недокомплект материала, демонстрируют его бытование от раннего этапа до изживания, показывают его стойкость и консерватизм, когда с большим трудом ведущие формы керамики трансформируются в русле общего процесса культуuroобразования в рамках Мавераннахра. Свойственное этому комплексу мощное развитие архитектурно-строительного базиса особенно четко выступает в стратиграфии раскопа на вышке. Материалы XI—XII вв. и XIV—XVI вв. указывают на обживание древних руин в эти эпохи.

Бузгонттепа расположен на правом берегу Чирчика в местности Чингельды на восточной окраине Ташкента. Раньше, до разбивки вокруг него современных поселков и планировки территории под посевы, размеры поселения составляли 900×100 м, цитадели 60×30 м при высоте 17 м. В 1949 г. его впервые отметили И. Баишев и В. Массон¹⁰⁵, собравшие при его обследовании керамику, довольно полно представляющую время с XI по XV в. В 1978—1979 гг. Ташкентская экспедиция провела раскопки¹⁰⁶.

В стратиграфической траншее (размер 26×4) в северо-западной части цитадели обнажена 17-метровая толща культурных отложений от уровня материка до вершины (рис. 11). Вся свита подразделяется на четыре культурно-строительных периода. Нижний (XXVII—XXXIII ярусы) составляет на материке небольшая прослойка плотного грунта с включением гальки типа небольшой платформы, над ней идет уже известный зольно-органический слой с выраженными зольными линзами без следов архитектурных остатков. Трех с половиной метровая их толщина в точности соответствует отложениям нижнего горизонта шахристана Кугаиттепа, приближаясь к ней и набором керамических форм из слоя. Здесь также преобладают ручной выделки сосуды: хумы, хумчи, кувшины, кружки, фляги, горшки, котлы, тагора, крышки с пальцевым орнаментом, жаровни знакомого по нижнему слою Кугаиттепа комплекса Каунчи II (рис. 12). Элемент новизны представ-

¹⁰⁴ Описание работ см.: Древности Ташкента, с. 64 и сл.

¹⁰⁵ Баишев И., Массон В. Археологические разведки в районе Ташкента, с. 137.

¹⁰⁶ Раскопки провели И. Ахраров и У. Алимов.

ляет лишь форма горшка с красноангобириванной и слегка залощенной поверхностью, что придает ей особое сходство с сосудами из грунтовых курганных захоронений, известных по находкам и в Ташкенте, и в Ташкентской области. Встречены также два фрагмента кувшинов с гончарного круга с округлым отогнутым наружу венчиком.

Начиная со среднего периода Бузгонтепа предстает в виде мощного сырцового строительного комплекса, всем своим назначением и видом связанного с обороной. От конца XXV яруса до V яруса

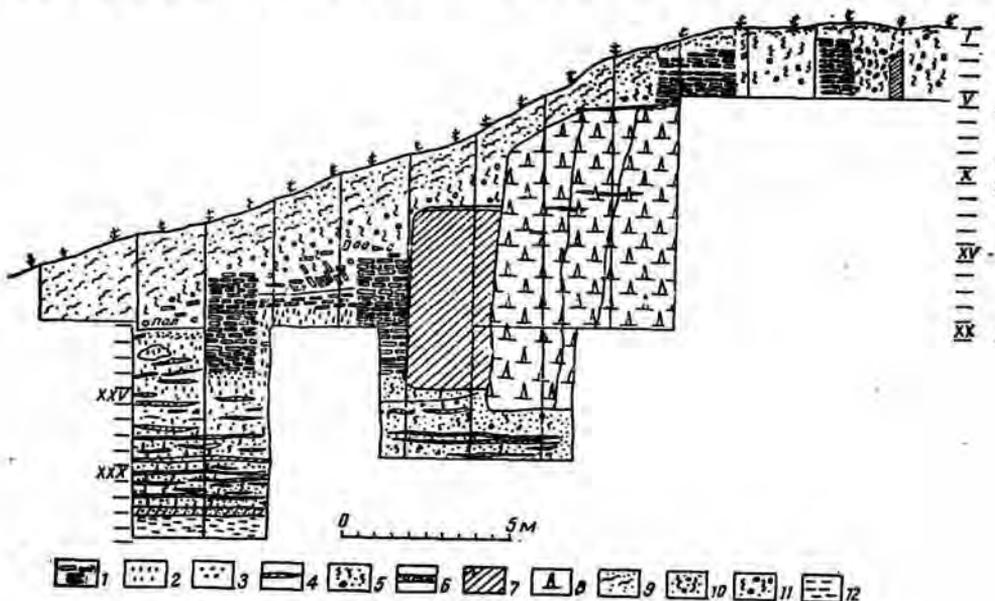

Рис. 11. Бузгонтепа. Стратиграфическая траншея. Профиль восточной стены:

1—сырцовый кирпич; 2—уплотненный лессовый грунт; 3—галечник; 4—зональная прослойка; 5—зольно-органический слой; 6—земля с примесью золы; 7—пахсовая стена; 8—сырцовая платформа; 9—опилы; 10—строительный завал; 11—забутовка с примесью галечника, 12—матрик.

все накопления представлены в раскопе прежде всего кирпичной стеной, ширина которой при прохождении 5,5 м так и не была определена. Возможно, это кладка платформы, разделенная двумя зольными прослойками на три яруса. Если в верхних преобладает прямоугольный ($50 \times 30 \times 10$ —12 см) сырцовый кирпич, то в нижнем ярусе кладки кирпич разноформатный (48 — $56 \times 30 \times 8$ —10; $52 \times 40 \times 10$ см). Стена покоится также на подушке из плотного грунта с примесью галечника. Последний является специфической особенностью памятника, расположенного вблизи галечниковых отложений Чирчика.

После недолгого функционирования платформа была укреплена снаружи паховой стеной (ширина 3 м), поднимающейся с уровня

конца XXIV яруса, необходимость чего была, очевидно, вызвана усадкой платформы, давшей несколько трещин в кладке.

Следующим, третьим строительным этапом следует считать возведение снаружи с конца XXIII яруса еще двух кирпичных стенок по 1,5 м шириной параллельно грани платформы: одной вплотную к паховой пристройке, второй, которая, видимо, выполняла оборонную роль выносной стенки-протейхизмы, на расстоянии трех метров. Этим был образован характерный коридор-ловушка вдоль фасада крепости.

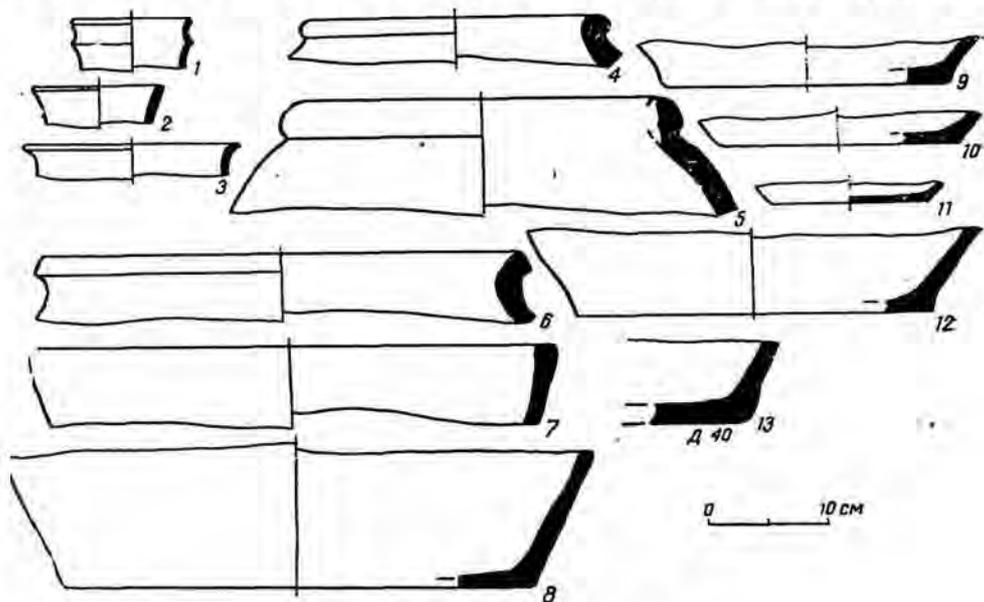

Рис. 12. Бузгонтeпa. Керамика нижнего культурного слоя.

Уплотненный уровень земли с выстилкой сырцовым кирпичом фиксирует последний пол в коридоре на уровне начала XVIII яруса.

Все три этапа строительства укладываются в один средний период функционирования фортификационного сооружения, так как объединены близко расположенными уровнями подошв стен и единством керамического материала. Как и на Кугаиттепа, качественно он един с нижним комплексом, различаясь лишь количественным увеличением некоторых признаков. Так, в частности доминирующей формой здесь стал лепной кувшин с большим разнообразием профилей закраин и ручек, в том числе увенчанных изображением барашка.

В этом комплексе кухонные котлы с дрсевой в тесте в некоторых случаях несут на внешней части донца изображение креста. В набор входят также котлы, крышки, кружки и т. д., характерные для комплекса классического Каунчи II.

Строительные остатки среднего периода погребены под слоем сырцового завала и довольно мощного оплыва. Наверху цитадели, непосредственно на гребне массива платформы, с конца V яруса возвышаются двухметровые кирпичные сырцовые стены третьего периода жизни памятника, но, возможно, в плане строительной последовательности они составляют остатки здания, возведенного наверху платформы одновременно с ней. На это «намекает» отсутствие разделительного накопления между ними. Таким образом, третий период выявляется по комплексу керамического материала, позднее попавшего в заполнение помещений верхнего здания. В комплексе материала, в массе являющегося продолжением развития комплекса Қаунчи, подобно ряду ташкентских памятников, отмечаются некоторые признаки влияния извне. Хумы и хумчи с выраженной шейкой или валиковидным венчиком — один из признаков верхнего комплекса Каунчитепа и Шаша VI. Наличие котлов с вертикальными ручками, кувшинов и горшков с волнистым процарапанным орнаментом керамика комплекса третьего периода Бузгона очень близка набору форм с Актепа Чиланзарского. Среди керамики отмечен и кувшин с типичным джетысарским рифлением горловины. Здесь же найдена очажная подставка в виде стилизованной головы быка с углублением впереди.

Самый верхний горизонт цитадели (четвертый период жизни) связан с функционированием здания в несколько помещений, руины которого выходят на поверхность под дерновой слой. Заполнение его включает материал X—XII вв., судя по характеру обгорелого слоя, прекращение жизни связано с пожаром. В верхних слоях его и в зачистках склона бугра обнаружено значительное количество смешанного керамического материала XI—XVI вв.

Таким образом, принимая во внимание стратиграфию Шаштепа и комплексы Кугаиттепа можно выделить следующие периоды жизни в цитадели Бузгонтепа.

I период жизни соответствует сложению комплекса Шаш IV. В это время поселение не имело цитадели и трудно сказать, было ли оно укреплено стенами. Строительных остатков в отложениях не обнаружено.

II период сопоставляется с Шаш V с его мощным строительством. В начале периода фиксируется возникновение мощного фортификационного ядра — крепости, неоднократно достраивавшейся и укреплявшейся. Как внушительный сторожевой форт существовал этот пункт на выходе к Чирчику у самой границы Ташкентского оазиса с кочевой степью. Он, очевидно, должен был охранять не только поселение, раскинувшееся у его подножия, но и населенные пункты микрооазиса с северо-востока.

III период — VII—VIII вв. н. э. В этот период крепость сохраняла свое оборонное значение. С точки зрения развития материальной культуры на поселении продолжал развиваться комплекс, характеризующийся стойкими традициями Каунчи, в чем его отличие, например, от Мингурюка. Бузгонтепа — один из немногих объектов, где в конце этого периода не отмечено следов пожара.

IV период — X—XII вв.— единственное из всех объектов здание этого времени, где зафиксированы следы пожара и разрушения. Новое обживание заброшенной при этих обстоятельствах цитадели наступило лишь в XV в.

ОБЪЕКТЫ ВТОРОЙ ОЧЕРЕДИ ОСВОЕНИЯ МИКРООАЗИСА

Актепа Юнусабадское — памятник урбанизированной культуры преарабского времени

Расположенный на одноименном арыке, вытекающем из Бозсу, памятник относится к группе объектов третьей типологической категории. В научную литературу Актепа Юнусабадское введено как Актепа у Абразивного завода (в публикации результатов раскопок, проведенных на нем в 1940—1941 гг. А. И. Тереножкиным¹⁰⁷).

Холм Актепа, ранее располагавшийся на колхозных землях в 4 км северо-восточнее Ташкента, в настоящее время вошел в черту города. С юго-запада к нему подступает рабочий поселок Абразивного завода, постройки которого выходят к обрывистому берегу арыка Актепа, с юго-востока расположены дома колхозного поселка. К северу от памятника за последние годы выросли обширные микрорайоны жил-массива «Север», продолжающего расширяться к югу, на территорию Актепа.

В публикациях 1940—1941 гг. фигурирует сам холм со двором, где были сосредоточены раскопки, и два бугра, примыкающих к нему с запада и северо-запада, не тронутых исследованием. Однако этими элементами не исчерпывается топографическая ситуация окрестной территории, насыщенная всхолмлениями разной высоты, тяготеющими к центральному бугру и занимающими в общей сложности (с разделяющими их низинами, спланированными под посевами) площадь около 100 га. В обнажениях некоторых всхолмлений видна кладка из сырого кирпича и пахсы, а на поверхности встречаются черепки глиняной посуды раннесредневекового облика.

Центральный бугор состоит из «вышки» в форме усеченной пирамиды высотой около 21 м, пониженной террасы и еще более пониженного шлейфа, вытянутого в северо-восточном направлении почти на 90 м так называемого «двора», окруженных крепостным валом и рвом, засаженным теперь туковыми деревьями (табл. IV, А).

¹⁰⁷ Тереножкин А. И. Раскопки холма Актепе близ Ташкента в 1940 г.— Известия УзФАН, 1941, № 3; Воронина В. Л. Элементы архитектуры замка близ Ташкента по данным археологических работ 1940 г.— Известия УзФАН, 1941, № 3; Тереножкин А. И. Холм Ак-тепе близ Ташкента (раскопки 1940 г.).— Труды института истории и археологии, т. 1, 1948; Воронина В. Л. Архитектура замка Актепе близ Ташкента по данным работ 1940 г.— Труды Института истории и археологии, т. 1, 1948; Она же, Элементы архитектуры замка Ак-тепе близ Ташкента по данным археологических работ 1941 г.— Труды Института истории и археологии АН УзССР, 1955, вып. 7.

Первое описание памятника привел В. Л. Наливкин¹⁰⁸. Раскопки А. И. Тереножкина, хотя и значительные по объему, носили рекогносцировочный характер. В результате их установлено, что бугор скрывает остатки крепостного сооружения V—VIII вв. н. э., включающего замок-кешк и огороженное стеной пространство двора с мелкими постройками. Замок выстроен на естественном возвышении, увеличенном пахсовым стилобатом. А. И. Тереножкин выделил два периода строительства и два этажа самого здания.

В процессе работ 1940—1941 гг. выявлены некоторые элементы планировки центрального сооружения на бугре и особенности архитектуры, подробно проанализированные В. Л. Ворониной. Остались невыясненными границы и внешний контур здания, место входа в кешк, планировка восточной его части, неполностью раскрыта композиционно-планировочная роль «вышки» и др.

Работы, проведенные на городище Ташкентской экспедицией, уточнили представления о его стратиграфии и планировке, этапности и этажности здания на бугре, общей топографии городища¹⁰⁹. Исследования проводили в восточной и западной частях замка для уточнения стратиграфии и планировки, увязки архитектурных и культурных остатков разных горизонтов бугра, уточнения количества строительных периодов и этажей кешка. К востоку от «вышки», которую далее будем именовать донжоном, расчищена площадь, осуществлен стратиграфический срез вдоль южного склона бугра и заложена траншея по этому же склону до подошвы. В юго-восточной части замка, в пределах стены обводной галереи, на площади около 40 м² обнаружен культурный слой мощностью 1—1,5 м, содержащий материал конца XI—XII в. (табл. IV, П, Р). Обнаруженная в слое пахсовая стена, пол которой находится на уровне конца VI яруса¹¹⁰, перпендикулярно подходит к донжону и опирается в его наклонную внешнюю стену, сложенную из мощных блоков пахсы. Содержание слоя рядом со стеной в верхнем уровне характеризует оплыв, ниже завал с включением жженого кирпича (29×14×4 см³) и керамикой с преобладанием глазурованных фрагментов блюд и пиал с желтой глазурью по белому ангобу и рисунком, выполненном в красном, коричневом и зеленом цвете. Встречены также фрагменты сосудов открытых форм на кольцевом поддоне, покрытых темно-зеленой поливой с процарапанным орнаментом. Посуду сходного типа отметил А. И. Тереножкин на вершине донжона и в верхнем слое завалов на полу обводных галерей¹¹¹, достоявших в первоизданном виде до нашего времени. Подобная керамика вообще типична для ташкентских памятников конца XI—XII в.

¹⁰⁸ Наливкин В. П. О курганах в окрестностях Ташкента. Архив ГНПУ Мин. культуры УзССР, дело № 34, 1886; Григорьев Г. В. Отчет об археологической разведке в Янгйульском районе УзССР в 1934 г. Ташкент, 1935, с. 15.

¹⁰⁹ В работах 1972—1974 гг. участвовали М. С. Мерцнев, М. И. Филанович, Д. П. Вархотова, А. А. Сухарева. С 1976 г. они ведутся постоянно М. И. Филанович, Э. Юлдашевым, Э. В. Ртвеладзе при участии химиков-реставраторов А. А. Абдуразакова, Ш. Ильхамова, В. Рузанова.

¹¹⁰ За реперную точку принята верхушка донжона.

¹¹¹ Тереножкин А. И. Холм Ак-тепе..., с. 106—107.

С VII яруса в пределах площади раскопа пошли культурные отложения периода раннего средневековья, связанные со строительством и функционированием замка. Обнажены и окомтурены мощные пахсовые и сырцовые стены (размер сырца $48 \times 25 \times 8-9$ см³) восточной части замка. В южной части стратиграфического среза уровень пола стен этой застройки находится в начале XVIII яруса.

На участке раскопа, примыкающего к восточной стене донжона, стратиграфическим срезом обнажена свита слоев. Здесь исследовано чередование культурных отложений в заполнении 7,5-метрового пространства между склоном донжона и западной стеной помещения 12. Срезана и часть южного обрыва донжона. Как выяснилось, он сложен из крупных пахсовых блоков высотой 1 м. В плане донжон — прямоугольник со сторонами $23 \times 21,5$ м. Он поднимается с начала XVIII яруса, достигает сейчас высоты 8,7 м и воспринимается как сооруженный единовременный массив с помещениями внутри. Массив-донжон встроен в юго-западный угол прямоугольника, окруженного стеной с обводной галереей, отчего южный и западный его склоны, примыкающие впритык к стене, отвесны, а северный и восточный, обращенные к свободному пространству, имеют откосы до 75°.

Верхние слои в стратиграфическом срезе за восточным откосом донжона занимал довольно рыхлый завал строительных остатков и оплыв, с фрагментированными терракотовыми деталями наружной декорировки здания: ступенчатые зубцы, круги с вырезанными секторами и л-образные знаки (табл. IV, К). А. И. Тереножкин обнаружил подобные элементы с западной стороны донжона. Находки их подтверждают, что слой оплывов образовался за счет разрушения верха донжона, украшенного отмеченными терракотовыми фигурами, и господствующая над местностью вершина замка имела вид, близкий к изображению кешков на Анниковском серебряном блюде и настенных росписях VII—VIII вв. н. э.

Ниже уровня строительных оплывов в разрезе отмечен мощный слой пахсового и сырцового завала с прослойками золы, слой мелкокомковатой структуры и уплотненная прослойка глины, похожая на уровень обживания, затем вновь зольные прослойки. Пол помещения зафиксирован в конце XVII яруса, на нем отмечен очаг. От пола до основания в начале XVIII яруса пахсовой стены помещения 12 прослежена глиняная прослойка с угольками. Стена покоится на плотно сбитой пахсе, видимо, стилобата.

Для полноты стратиграфической картины на участке опущена борозда № 1, пересекая южную обводную галерею и дошедшая внизу до подошвы холма. Под слоем оплыва повсюду на склоне оказался плотный массив, состоящий из чередования пахсы и сырцового кирпича. Траншея разрежала коридор галерей, проходившей вдоль южного фаса бугра и впервые отмеченной А. Тереножкиным. Коридор южной галерей от замка свода до пола занимал часть XIX яруса по XXIII, т. е. высота его была около 2 м. Ниже шла мощная пахса, затем кирпичная кладка, в которой обнаружен коридор еще одной нижней галерей, идущей параллельно верхней, в 8 м южнее ее. Он занимает часть XXX яру-

са до XXXIII, высота коридора 1,6 м, ширина 1,8 м. Нижний ярус галереи первый исследователь не нашел. Обнаружена грань наружной стены всего сооружения, шедшая в уровне нижней галереи отвесно до подошвы, зафиксированной в конце XI яруса. Толщина внешней стены нижней галереи, таким образом, составляет 2 м. На этом же уровне начинался берег рва в двух метрах от низа стены замка (табл. IV, Б).

Для стратиграфического исследования западной части бугра проведена борозда № 2, спущенная по западному склону бугра. Небольшие расчистки в ее верхней части затронули вершину донжона, где в 2 м от реперной точки обнаружен уровень пола и часть северной стены комнаты самого верхнего яруса башни. От нижнего яруса той же башни, частично раскопанного А. И. Тереножкиным, он отделен слоем пахсовых блоков и сбитой глины. Уровень обильно засыпанного углем пола с ярко выраженными следами гибели в огне принадлежит тому ярусу застройки, который был последним в жизни замка и погиб при пожаре. В завале внутри верхнего помещения и в осыпи с него найдено несколько небольших фрагментов штукатурки стен с остатками росписи, видимо, сюжетного характера (по синему фону — белые и желтые детали в черном контуре), что указывает на парадность оформления верхних помещений башни. Это второй пример обнаружения в Ташкенте настенных росписей после дворца Мингурюка.

Траншея прошла через нижний этаж башни (зал со сводами, как его называет В. Л. Воронина при описании результатов раскопок 1940—1941 гг. А. И. Тереножкина)¹¹², ниже его пересекла западный отсек обводной галереи и спустилась до подошвы здания. Здесь повторилась стратиграфическая картина южного фаса: в толще пахсового массива с кирпичными прослойками обнаружен коридор нижнего пояса галереи, сохранивший начало свода, свободный от забутовки и заполненный завалом. Открыта и поверхность наружного фасада замка. На западном фасаде линия нижней галереи располагалась к верхней на 2,5 м ближе, чем на юге. Обнаружение галереи на западном и южном фасах позволило предположить ее прохождение и по восточной, а возможно, и по северной стороне.

Стратиграфические данные из траншеи подтвердили, что весь бугор Актепа принадлежит исключительно архитектурно-строительному комплексу без каких-либо ранних подстилающих слоев.

Исследования 1940—1941 гг., в результате которых были раскрыты верхняя галерея, часть помещений башни-донжона и планировка помещений к северу от него, и работы последних лет, обнаружившие нижний пояс галереи и планировку зданий к востоку от донжона, позволяли довольно полно представить структуру всего сооружения и этапы его планировочного развития во времени.

Прежде всего выяснилось, что перед нами незаурядный памятник фортификационного и строительного искусства своего времени, отличающийся поразительной сохранностью своих пахсово-кирпичных сырцовых конструкций, воплотивший, во всяком случае на последнем эта-

¹¹² Воронина В. Л. Элементы архитектуры..., с. 143.

пе развития, достижения передовой строительной и инженерной мысли эпохи. Он, несомненно, являет типичный пример замка-крепости, с характерной для нее планировочной разбивкой внутреннего пространства на комплексы, отвечавшие основным задачам подобного рода сооружений: функции обороны, административного центра, жилья правителя, места сосредоточения гарнизона и хозяйственно-продовольственного обеспечения на значительный срок.

Как установлено, сооружение возведено на естественном лесовом холме с небольшой нивелировочной пахсовой платформой наверху. Рельеф холма в определенной степени определил характер архитектурно-планировочного решения постройки. Она как бы охватывает его, спускаясь по всем склонам. В основе планировки — квадрат размером около 80×80 м². На первом этапе жизни комплекса возведен основной квадрат, опоясанный двумя ярусами сводчатой галереи (табл. IV, В). Ширина нижней, пол которой проходил в середине южного фаса в 3,5 м от подошвы всего здания, 1,8 м. Уровень пола коридора постепенно поднимался против часовой стрелки (перепад в точках примерно середины западного и южного фаса составляет 1,8 м), что позволяет предположить прохождение в виде нерезкого пандуса, спирально охватывающего квадрат и выводящего, возможно, во двор, примыкавший к северному фасаду каре.

Пол галереи верхнего яруса (ширина ее до 2 м при высоте сохранившегося замка свода в 2,3 м) также повышается в направлении против часовой стрелки. Она охватывает квадрат размером 50×50 м², внутри разбита перегородками на отсеки с узким проходом, что диктовалось правилами обороны для задержки прохождения по коридору большой массы людей. На углах галерею замыкали выходы в угловые круглые башни (полностью раскрыта юго-западная) с внутренним диаметром 3,5 м. Башня сложена из пахсовых блоков, перекрыта куполом, лишена бойниц и проемов. Галереи, проходившие в толще пахсово-кирпичной кладки, видимо, придавали сооружению снаружи зиккуратоподобный облик. Крыша галереи нижнего яруса, очевидно, служила террасой-площадкой с выходом на нее из верхней галереи (прослежено два таких выхода (табл. IV, Е) вблизи башен)¹¹³. Из верхней галереи есть выход в несколько узких коридорообразных помещений ($5 \times 2,1$ м²), составляющих часть планировки внутри квадрата. Облик их необыкновенно суров: отсутствие суф, очагов, световых проемов отрицает их жилое назначение. Видимо, они предназначались для хранения запасов продовольствия. Каковы были жилые комнаты этого яруса, сказать невозможно, ибо весь этот горизонт погребен под верхним ярусом застройки. Нельзя пока и судить о наличии подобных казематов, связанных с нижней галереей, как и о наличии угловых башен в самом нижнем ярусе.

Уже в первом периоде сооружение, видимо, имело выход во двор, который, будучи обведен оборонительным валом нечетких очертаний, примыкал к нему с севера. Вход во двор осуществлялся с юго-запада

¹¹³ Воронина В. Л. Указ. соч., с. 142, рис. 1.

через проем ворот, настолько узкий (1,3 м), что в него с трудом смог бы въехать один конный. Подъем к воротам шел, видимо, вдоль западной стены по пандусу. Со стороны двора перед проемом ворот было небольшое лабиринтообразное сооружение, включающее комнату-тамбур (4,4×4,3 м), из которой коленчатый коридор шел вдоль внутреннего фаса западной стены в сторону основного здания; к северу от проема ворот впритык к крепостной стене располагалось помещение кордегардии с неплохо сохранившимся крестовым сводом (4,2×3 м), открывавшееся в двор проходом (ширина 0,7 м). Стены и свод комнаты выложены из сырца (48×24×10 см), стандарт которого использован во всех конструкциях крепости. Предвратный комплекс впоследствии неоднократно перестраивали и ремонтировали, что определялось особой ролью такого узла обороны, как ворота (табл. IV, Д). О напряженных моментах его истории говорит нарочно разрушенная кладка стен предвратного тамбура. Последний период функционирования комплекса определяется найденной на утрамбованном полу монетой — арабским фельсом VIII в. н. э.¹¹⁴ (из-за плохой сохранности более точно монета не определяется).

Первый период жизни крепости завершился радикальной перестройкой внутриквартального комплекса. Казематы, у которых была разобрана верхняя часть свода, доверху забутованы плотно сбитой глиной, проходы между ними заполнили только рыхлым завалом. То же произошло и внутри угловых круглых башен. Применяв таким образом древний, широко распространенный на Востоке прием сооружения стилобатов на образовавшейся его поверхности, пришедшейся на начало XVIII яруса, древние строители выстроили новый комплекс помещений (табл. IV, Г). Второй строительный период включал мощную башню-донжон, вдвинутую в юго-западный угол бывшего квадрата. Башня, занявшая примерно 1/4 его площади, придавала сооружению особую монументальность и величие. Нижний этаж ее заняло идущее вдоль западного фаса помещение, крытое сводом, укрепленным балками, открывавшееся через узкий сводчатый коридорчик на север (зал со сводами). Из него в глубь башни выходили три коридорообразных комнаты, занимавшие, очевидно, всю ее основную площадь. Входы в комнаты оформлены великолепно выполненными из сырцового кирпича полуциркульными арками, слегка утопленными в зеркальную гладь пахсовой поверхности стены, разделенной на квадратные блоки. Тщательно и красиво выполненные конструкции из простейшего материала (кирпич и пакса) создают своим сочетанием и манерой исполнения удивительный эффект «присутствия стиля».

На этом этапе в башне, видимо, был второй этаж, потом утраченный. Никаких признаков его, кроме слишком большой толщины стен первого этажа, нет. Уже на этом этапе в планировке сооружений квадрата намечилось четкое деление на три основных части, сохранившиеся вплоть до гибели памятника.

¹¹⁴ По определению Э. В. Ртвеладзе.

Первая подчеркнута господствующая над всей окружающей застройкой часть — башня-донжон. Хоть подошва ее лежит на уровне начала XVIII яруса, пол нижнего этажа приподнят над ней на 2,5 м, так что выходить из башни на расположенную перед ней небольшую площадку-дворик (пом. № 7) можно было только по пандусу. Парадные и жилые комнаты донжона, видимо, были наверху и, возможно, их убранству принадлежат некоторые фрагменты штукатурок с росписью, найденные в завале. Фасады донжона, очевидно, его верхняя часть, были украшены в стиле своего времени отмеченными выше терракотовыми деталями архитектурного декора. Подобный способ оформления фасадов дворцово-крепостных сооружений в эпоху раннего средневековья зафиксирован также в древнем Таразе¹¹⁵ и Ак-Бешиме¹¹⁶. Реконструировать их размещение на фасаде позволяют изображения крепостей и замков на изделиях торевтики (в частности Аниковского блюда) и настенных росписях Пенджикента, Варахши¹¹⁷.

На фасаде двухэтажного кешка на Аниковском блюде нижний пояс фриза составляют терракотовые завитки, во втором и третьем поясе помещены круги с крестообразным вырезом, зубцы обычно завершают верхушки стен.

К северу от башни-донжона, в северо-западном углу квадрата, постепенно оформился очень интересный комплекс помещений, которые по характеру архитектуры и интерьера можно назвать парадно-культовым. Он лежит к западу от главного входа в крепость, найдяшегося в северном фесе квадрата на главной оси. Вход оформлен аркой и длинным, ведущим в глубь комплекса коридором, заканчивающимся второй аркой. Первые его помещения построены одновременно с башней, о чем говорит единый уровень их подошв — начало XVIII яруса¹¹⁸. В одном из помещений под полом А. И. Тереножкин обнаружил клад из шести монет, представляющих варварское подражание драхмам сасанидского царя Пероза (459—484 гг.). По мнению первооткрывателя, они позволяют считать, что замок Актепа возник не позднее V в. н. э. Мы считаем, что первый строительный период можно отнести к самому началу V в. н. э., монеты же больше датируют забутовочные работы: они являются литыми копиями варварского подражания разным типам монет Пероза довольно грубой работы с воспроизведенными надчеканами. По мнению М. Е. Массона, выпуск подражаний типа кружков Пероза особенно распространен в государстве эфталитов после большого притока сасанидской монеты в ка-

¹¹⁵ Массон М. В., Пугаченкова Г. А. Гумбез Манаса. М., 1950, с. 110.

¹¹⁶ Қызласов Л. Р. Остатки замка VI—VII вв. на городище Ак-Бешим.— СА, 1958, № 3; Он же. Археологические исследования на городище Ак-Бешим в 1953—1954 гг.— Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции. М., 1959, с. 233.

¹¹⁷ Нильсен В. А. Указ. соч., с. 310.

¹¹⁸ А. И. Тереножкин дает полное описание этого комплекса и считает его вторым этажом замка первого периода (см. Тереножкин А. И. Холм Актепе..., с. 129—130).

честве выкупа и дани Ирана в связи с его разгромом эфталитами¹¹⁹. Видимо, выпуск двойных копий, обнаруженных на Актепа, относится к грани или самому началу VI в. н. э. и датирует этим временем начало работ по перестройке крепости, т. е. начало второго строительного периода. Весь характер застройки пространства к северу от донжона резко от него отличается прежде всего отсутствием сводчатых перекрытий и иными в связи с этим пропорциями помещений. В кладке больше использован кирпич, чем пахса. Первоначально главным планировочным элементом на этом участке была квадратная комната (№ 5) или точнее, обособленное кубическое купольное здание ($8,2 \times 7,7$ м²) с необыкновенно толстыми (2,5 и 2,7 м) стенами и небольшим ($2,7 \times 2,7$ м) внутренним пространством. Постройка ориентирована по странам света с выходом на восток. Внутри вдоль трех стен проходит суфа, выстланная, как и пол, сырцом. У входа закопчена стена, что указывает на нахождение здесь некогда светильника или курильницы. Комната перекрыта куполом на поясе примитивных тропов. Снаружи постройка облицована сырцовым кирпичом, кладка как бы берет весь куб в футляр, на юге переходящий в кладку стены, впритык подходящей к откосу донжона. После облицовки здание приобрело вид куба, суживающегося кверху. Вероятно, на каком-то этапе второго периода кубическое здание стояло на свободном дворе, но постепенно стало «обрастать» застройкой. Возможно и другое предположение, что одновременно с ним были построены помещения 2 и 3, связанные с купольным строением функциональной зависимостью. За время существования они несколько перестроились, возникли комнаты 1, 4, 8, обхватившие центральную постройку с трех сторон, и сложился целый комплекс необходимых с точки зрения некоей идеи функционально связанных помещений, характер которого правильнее всего будет определить как культово-поминальный. В таком законченном виде он предстает на последнем этапе функционирования, перед гибелью крепости. Он отделен от восточной части крепости мощными пахсовыми стенами входного коридора.

На последнем этапе вся постройка северо-западного угла крепости состояла из двора, купольного здания, обстроенного одноэтажными помещениями с плоской крышей. Двор (пом. 7), который, судя по следам двух стоек, имел навес, служил для выхода из помещений башни-донжона (на него спускались по пандусу) и прохода через помещение 3 на крышу галереи верхнего яруса. Помещение 3 ($7,3 \times 7,3$ м) угловое с тремя выходами — на террасу над верхней обводной галереей, во двор и в коридор, ведущий в глубь культовых помещений.

Вдоль всех незанятых проходами стен шла широкая суфа, потолок опирался на две колонны, расположенные по оси. Интересны деревянные базы этих колонн, в виде многогранников с выступающими шишками, поставленных на квадрат¹²⁰.

¹¹⁹ Массон М. Е. Распространение монетных находок чекана династии сасанидов (224—651 гг.) на территории советских республик Средней Азии. — Труды ЮТАКЭ, XV. Ашхабад, 1974, с. 149.

¹²⁰ Воронина В. Л. Указ. соч., рис. 10.

В завалах помещения обнаружены фрагменты цветных штукатурок. И планировка, и убранство позволяют считать помещение 3 одновременно и храмом, и залом типа михманханы. Из помещения 3 узкий коридорчик выводил к помещениям 2, 4, 6 и 8. Первое помещение почти квадратное (5,1×5,3 м), обладает примечательными признаками. Вход его отгорожен от коридора дополнительной стеной, создающей небольшой тамбур. Вдоль трех стен проходят суфы (высота 0,3 м), а центр помещения занят возвышенным (до уровня суф) полуовальным алтарем (1,8×1,4 м), тщательно оштукатуренным, со слегка вогнутой поверхностью и углублением для огня. На западной и восточной стенах, сложенных из пахсы и кирпича, обнаружены ряды гнезд для балок перекрытия. На западной стене 10 сохранившихся гнезд расположены на высоте 1 м, а на восточной — на высоте 1,3 м от поверхности суф¹²¹. Гнезда фиксируют наличие антресольного перекрытия, которое В. Л. Воронина¹²² реконструировала плоским, нависающим над самым очагом, а Л. Л. Гуревич, по нашему мнению, с большим основанием считает шатровым, высоко поднимавшимся над пламенем¹²³. Следующая комната (1) ничем не примечательна, как и комната 4, расположенная южнее, кроме того, что 4, видимо, выполняла роль вестибюля перед входом в купольное здание. Здесь же перед входом располагалась прямоугольная шахта колодца шириной 2 м, пробивавшая пахсовое основание и уходившая в толщу холма. Сначала она шла отвесно (ширина 2 м), затем с глубины 6 м начинался ступенчатый ход, винтообразно по часовой стрелке уходящий в глубину. Назначение его пока не ясно, ступени не стертые, что указывает на его неиспользование. Из помещения 4 колечатый проход выводил в обособленный отсек, состоящий на юге из двух небольших помещений — 6 и 8. Помещение 6 (3,5×2 м) типа крошечной каморки, обведено по двум стенам суфами, почти в центре расположен очень большой для нее сложный очаг (в виде подпрямоугольного постаментов размером 1×0,6 м и собственно очага восьмеркообразной формы), рядом место для котла, вырытая яма, ниша и небольшой угловой очаг. Перед каморкой второе небольшое помещение 8 (3×2,5 м) с очагом-нишей в южной стене. Обе комнаты связаны. Если помещение 8 больше похоже на жилище, то помещение 6 можно было бы принять за кухонное, при этом несколько смущает странной формы очаг посередине.

В. Л. Воронина, интерпретируя назначение описанных помещений, признает возможность культового использования только за купольным, все же остальные считает жилыми, а предположение С. П. Толстова об алау-хана на Джанбас-кале считает неверным. В настоящее время подобная интерпретация не может считаться исчерпывающей.

¹²¹ Описание помещений северо-западной части крепости дано по рабочим чертежам А. И. Тереножкина 1941 г., оставленным у автора с согласия производителя работ.

¹²² Воронина В. Л. Указ. соч., с. 145.

¹²³ Гуревич Л. Л. К интерпретации ленджикентских «капелл». Тезисы докладов конференции «Культурные взаимосвязи народов Средней Азии и Кавказа с окружающим миром в древности и средневековье». М., 1981, с. 46.

так как в процессе накопления археологических знаний получены новые факты, конкретизирующие планировочные особенности культовых сооружений эпохи раннего средневековья. Особенно интересны результаты исследований в Согде (Пенджикент, Кафыр-кала, Варахша, Гардони-хисар, Урта-курган), Тохаристане (Балалыктепе и др.), Уструшане (Кала и Ках-Каха 2), Джанбас-кала в Хорезме, Шаше (Канка) и самом Ташкенте (Мингурюк, Куганттепа), выявивших парадно-культурные зоны в цитаделях, замках, домах горожан, чаще всего состоящие из трех комнат. В этом плане комплекс из цитадели Актепа представляется одним из самых выразительных. Центральное купольное здание с мощными стенами, видимо, выполняло роль храма-мавзолея, где хранились останки предков правителя, т. е. было наусом, в котором находились оссуарии, а все окружающие помещения были составными частями поминального храмового комплекса, основное место в котором занимало святилище огня с вечно горящим пламенем. В литературе уже описывались храмы огня у современных зороастрийцев¹²⁴, почти во всех деталях совпадающие со структурным составом комплекса Актепа. Примечательно, что снаружи эти храмы не выделялись из общей рядовой застройки. Внутри — два культовых помещения, в одном из них находятся молящиеся, в другом, удаленном от входа, хранится неугасимый огонь, над которым был символический купол, кроме потолка комнаты. В храме обычно имеется кухня для приготовления ритуальной пищи, чулан для дров и жилище жреца. То же основное деление святилища типа «агниари» отмечается у современных парсов Индии. Агниари сочетает камеру для огня «адурриан» и помещение для общественных жертвоприношений — даре мехр. В адурриане огонь горит постоянно, за ним следят только жрецы. В жертвоприношениях участвуют и светские лица, и жрецы (по 5—10 человек); во время церемонии горит огонь, зажженный от вечного¹²⁵. Огонь стоит в вазе перед большим столом для приготовления ритуального напитка (хаомы), здесь же сосуды для жертвенной пищи. О зороастрийских обрядах Хорезма пишет Беруни, упоминая «дома огня», где по определенным праздникам, например, в честь Митры, происходят сборища верующих для участия в совместной ритуальной трапезе. В этот день люди собирались вокруг горящих жаровен и ели хлеб, испеченный с жиром. В другой праздник — агам — согдийцы собирались в «домах огня», чтобы есть кушанья из муки, масла и сахара (богурсак)¹²⁶.

В комплексе цитадели Актепа помещение 3 можно сопоставить с помещением для ритуальных сборищ светских лиц и жрецов, на которые, видимо, выносились курильницы с огнем. Помещение 2 — непосредственно целла, святилище неугасимого огня, укрытое от дневного света и огражденное не только физически, но и символически

¹²⁴ Ссылка на описание М. Бойс в ст.: Вишневская О. А., Рапопорт Ю. А. Следы почитания огня в средневековом хорезмском городе. — Этнография и археология Средней Азии. М., 1970, с. 107.

¹²⁵ Gröpp G. Die Function der Feuertempels der Zoroastrier. — Archeologische Mitteilungen aus Iran, n. F., 1969, Bd2, Berlin, с. 147—170.

¹²⁶ Беруни. Избранные произведения, т. 1, с. 254, 257.

шатровым внутренним перекрытием из жердей. Кроме этого символического, было и настоящее плоское перекрытие, расположенное выше. О том, как это было в действительности, лучше всего свидетельствует сохранившееся подобное цитадельное святилище Канки того же времени, где наряду с гнездами от внутреннего шатра сохранился выше лежащий ярус балок настоящего перекрытия. На постоянно горящий огонь указывает прокаленность поверхности жертвенника в одном локализованном углублении. Сам алтарь подковообразный, видимо, строго канонизированный (Мингурюк, Канка). Огромные размеры самого жертвенника-алтаря, чем отличаются и алтари Мингурюка и цитадели Канки, намекают на то, что он служил не только для поддержания горевшего в нем огня, но, возможно, и для использования его в качестве стола для приготовления ритуальных напитков, раскладки жертвенной пищи и проведения совместных трапез более избранного круга из обитателей крепости.

Комнату 6 можно сравнить с кухней для приготовления ритуальной пищи в очаге антропоморфной формы, а комнату 8 — с жилищем обслуживающего святилище жреца. Поддерживаемый в храме ритуал возжигания огня, очевидно, имел поминальный характер, так как в цитадели святилище огня соседствует с наусом-мавзолеем. В комплексе Актепа ярко проявилось соединение династического или родового культа предков с поклонением огню, зажженному в честь основателя рода или династии правителей Актепа. Множество примеров таких синкретичных святилищ, отмеченных в некоторых деталях планировки, но единых в воплощении идеи, отмечаются в разных регионах Средней Азии не только в эпоху раннего средневековья, но и в начале господства ислама. Они подтверждают универсальность выработанных представлений и воплотившего их ритуала, равно отправляемого в крупных храмовых центрах, дворцовых комплексах, замках и в домах простых горожан.

Даже беглое рассмотрение структурного состава застройки северо-западного угла цитадели показывает неверность утверждения В. Л. Ворониной о бытовом назначении обоих помещений с очагами и самих очагов. Высказанное ранее предположение В. А. Нильсена о культовом его назначении и приведенные им доводы кажутся более убедительными¹²⁷. Новые факты и примеры, полученные археологией о «домах огня» и о бытовании антропоморфных очагов даже в первые годы ислама,¹²⁸ лишь добавляют новые аргументы в пользу культового истолкования разбираемого комплекса.

Третью часть застройки квадрата цитадели, оформившуюся в тот же второй период, составляет комплекс помещений на восток от входного коридора. В планировочном отношении он отличается и от башни и от помещений культового центра. Здесь выявлено девять помещений, отличающихся монотонностью планировочного ритма: длинные коридорообразные помещения вытянуты в меридиональном и широт-

¹²⁷ Нильсен В. А. Становление феодальной архитектуры Средней Азии, с. 132—133.

¹²⁸ Вишневецкая О. А., Ряпопорт Ю. А. Указ. соч., с. 107.

ном направлениях. Меридиональные помещения 9 и 11 узкие, сложенные из пахсовых блоков; одно (11) с суфами вдоль стен, на которых обнаружены фрагменты хумов и три донца этих сосудов с нижней частью, углубленной в суфу. Помещения освещались проемами окон в южных торцовых стенах и открывались проходами в противоположных торцах в помещении 10 с устроенным вдоль стены длинным ящиком, отгороженным кирпичной стеночкой шириной в один кирпич. Помещение 10 выходило в узкий коридор-распределитель, один проем с остатками деревянного косяка двери выводил из него в помещение 13, другой в помещение 15. Комнаты 13 и 14 расположены, как и 10, перпендикулярно комнатам 9 и 11. Во всех помещениях, кроме 15, отмечено наличие второго антресольного этажа в виде гнезд балок, светового проема верхнего этажа в помещении 9, рухнувшего при пожаре антресольного перекрытия и съехавших в проходы блоков стен верхнего этажа. Стратиграфия завалов в комнатах позволяет воспроизвести картину пожара, гибели и заброса комнат этой части цитадели. Следует отметить, что в этой части пожар особенно свирепствовал, стены обгорели докрасна. Междуэтажное перекрытие состояло из простого наката из ветвей и камыша, уложенных на толстые несущие балки и залитых сверху жидкой глиной, т. е. использован способ, доживший в устройстве плоских крыш в местном народном жилище до современности. Слой сгоревшего перекрытия обычно покоится непосредственно на полу, выше идет слой сырцового разрушения и, как в помещении 13, осевший, сползший свод верхнего этажа; выше в некоторых комнатах (9, 11) идут слои хозяйственного мусора, оставшегося от периода последующего обживания руин. Все проходы в помещениях перекрывались жердями средней толщины и забирались деревянными дверями, следы рам от них встречались в нескольких местах. Первоначально восточная группа помещений сообщалась с северо-западным арочным проходом между помещениями 15 и 1, но позже его заложили, и место нового входа пока не найдено. В устройстве помещений использованы сырец и пахса, в северном конце помещения 15 на полу обнаружена вымостка из специально сформованных жженных плиток (34×17—20×2 см), положенных на ганчевом растворе.

Если систему узких коридоров с суфами можно связать с жилищами, то помещения, расположенные от них к югу, определяются как хозяйственные дворы, видимо, частично перекрытые навесами. Во внутреннем дворе, примыкавшем к восточному фасаду донжона, расчищены такие хозяйственные приспособления, как ящики-закрома и хорошей сохранности танур для выпечки хлеба с остатками золы на дне. Подобно вскрытым ранее на Актепа¹²⁹ и многочисленным примерам этого устройства в раннефеодальном Согде¹³⁰, танур сделан из перевернутого хума с отбитым дном, вкопанного в землю и обложен-

¹²⁹ Тереножкин А. И. Раскопки холма Актепа, с. 55, рис. 4.

¹³⁰ Подбор аналогий см.: Якубов Ю. Раннесредневековые бытовые очаги из поселения Гардонн Хисор. Жилище народов Средней Азии и Казахстана. М., 1982, с. 118.

ного с боков прокалившейся докрасна глиной. Верх тонура оформлен заподлицо с поверхностью суфы.

В хозяйственном дворике с тонуром особенно четко прослежена картина внезапного разрушения и последующего пожара: вокруг суфы разбросаны зернотерки и высыпана большая куча муки.

Ярко выраженную хозяйственную функцию несло помещение 12 в юго-восточном углу крепости. Это также был дворик с остатками пяти пристенных очагов, расположенных в ряд, суфой и специальным устройством в виде двух ящиков (размеры $3,3 \times 2,1$ м² и $2,1 \times 1,7$ м²) с бортом 0,5 м высоты. В последнем прорезано два шелевидных отверстия, обеспечивающих сток из них в специальный резервуар ($1,6 \times 1$ м²) в полу с хумом, вкопанным в его дно до венчика. Пол и стены ящиков до борта обмазаны ганчем и покрыты жжеными плитками.

Использование жженных плиток в раннесредневековом строительстве — редкое явление. Они встречены в кладке сооружений дворца и шахристана Топраккалы¹³¹, в облицовке зернохранилищ в домах горожан Пенджикента¹³². От последних актепинские закрома существенно отличаются. Зернохранилища Пенджикента представляют собой помещения без дверей, а актепинские приспособления — открытые отсеки с невысоким бортом. Видимо, их использовали в качестве давяльни для получения сока из винограда и изготовления вина и щербета. Подобные признаки отличают винодавяльни с времен античности¹³³. Если загородные дома, оборудованные винодельнями, в устройстве которых мы видим те же главные функциональные признаки (оштукатуренный ганчем резервуар, углубленный в пол, и платформа давяльни со стоком в него (в Пенджикенте) были связаны непосредственно с сырьем из виноградников, то устройство давяльни в крепости — пока уникальный пример (рис. 13). Она отличается размерами, особой монументальностью и деталями устройства.

Таким образом, по планировке и внутреннему устройству вся раскопанная часть восточных помещений крепости связывается с подсобно-хозяйственными функциями. Это было скопление хумхан: кухня и хозяйственные приспособления по обслуживанию владельца и гарнизона крепости. Антресольный этаж над хранилищем, возможно, занимали помещения для обслуживающего персонала крепости и охраны. Все помещения сооружены на одном уровне с башней и культовым комплексом в пределах одного строительного периода, на протяжении которого можно выделить в качестве большого этапа перестройку башни, когда ее нижний этаж был забит глиной и образовал новую платформу под верхнюю застройку, следы которой сохранились до настоящего времени. Новый ярус, видимо, также был оформлен как парадно-жилая часть. В таком перестроенном виде крепость простояла

¹³¹ Городище Топраккала. М., 1981, с. 46.

¹³² Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г. Указ. соч., с. 45.

¹³³ Гайдукевич В. Ф. Виноделие на Боспоре.— МИА, 85, 1958, с. 352 и сл., рис. 6, 42а.

Рис. 13. Актёпа Юнусабадское. Общий вид раскопанной винодавьльни. VIII в. н. э.

Несколько фрагментов с этого горизонта принадлежат сосудам типа кувшинов и кружек каунчинского облика, вылепленных от руки.

Набор форм верхнего горизонта характеризуется множеством признаков, отличающих его от каунчинской посуды. Прежде всего почти вся посуда изготовлена на гончарном круге. Удивляет почти полное отсутствие кувшинов, несколько фрагментов от них принадлежат сосудам с потеками на тулове и ручках, сосудам с ручками, горизонтально отходящими от горловины. Отмечены кувшины с раструбообразным горлом до венчика и с рифлением. Зато явно преобладающей формой в комплексе можно считать кухонные котлы с округлым туловом и скобовидными наклепными ручками, а также сосуды типа корчаг с подпрямоугольным сечением венчика. Распространена и форма хума с манжетовидным, валикообразным и клювовидным венчиком. Столь же многочисленны в наборе кружки двух типов: грушевидная с ручкой-кольцом на тулове и шаровидно-цилиндрическая с такой же ручкой. Все эти типы посуды находят самые близкие параллели в наборе посуды верхнего горизонта Мингурюка и Ханабаттепа, а также в керамических комплексах Согда VII—VIII вв. н. э., отличаясь от ряда ташкентских памятников, где в этот период продолжают бытовать традиции каунчинского комплекса.

В заполнении помещений крепости найдено довольно много железных предметов: однолезвийных ножей, кинжалов, трехлопастных черешковых наконечников стрел, наконечник копья, железный топор и серп. Встречены зернотерки и жернова (табл. VI З, М). Из подолок интерес представляет найденная в помещении 3 фигурка слона из камня и серебряный перстень с камешком-глазком из горного хрусталя; подобные перстни были распространены в Пенджикенте VII—VIII вв. н. э.¹³⁵

Уникальной находкой остается обнаруженный А. И. Тереножкиным в раскопе во дворе фрагмент терракотовой плитки с портретным изображением пожилого бородатого мужчины (табл. IV, Л). Отгиск штампа доносит до нас не только этнический тип жителя Чача VII—VIII вв. н. э., но и яркий образ мудрого, властного человека, незаурядной личности своей эпохи.

Наибольший интерес представляет также сам архитектурно-строительный комплекс цитадели, довольно полно сохранивший облик архитектуры своего времени и, как указывалось, типичную структуру замков. Сооружения этого вида, широко распространенные в социально-топографическом пейзаже всех среднеазиатских регионов эпохи раннего средневековья, знаменовали собой укрепление феодального класса земельной аристократии. Укрепленное жилище — родовое гнездо этой землевладельческой знати, где сосредоточивался, кроме жилых и парадных помещений, и храмовый комплекс для отправления обрядов культа родовых предков, — было местом притяжения окружающих его селений, как бы сбегавшихся к его подножию. Концентрацию

¹³⁵ Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г. Указ. соч., рис. 51.

таких массивов, в отношении которых замок играл роль цитадели, мы наблюдаем и на Актепа. Под влиянием внутреннего развития производства и торговли весь связанный комплекс замка и селений шел по пути превращения в город, однако процесс прервали арабское нашествие и разгром.

Архитектурно-строительный комплекс цитадели показывает ряд черт общей урбанизированной культуры Согда. Прием разбивки внутренней планировки на длинные коридорообразные помещения отмечается во многих памятниках Согда и Тохаристана от замка на горе Муг до цитадели Варахши. Вместе с тем следует отметить, что устройство храмов огня также находит параллели в этих областях. Подобные сооружения — обязательная принадлежность цитаделей; они входят в парадно-культовую часть крепостных комплексов, дворцов и богатых домов. Роднит актепинскую цитадель с этими областями и использование росписей в декоре интерьеров, изготовление баз колонн чисто согдийского образца, как это видно из сравнения с базами колонн на оссуариях из Самаркандского Согда (Биянайманских, Иштыханских). Довершает это сходство и керамический комплекс. Однако комплекс цитадели Актепа — все же порождение чачской архитектурно-строительной школы и в конечном итоге его культурных традиций.

Общая планировочная схема крепости не имеет прямых аналогий ни в одном синхронном памятнике Средней Азии. Наиболее близка по общему принципу разбивки постройка Чалдывар в Киргизии с ее обводной галереей, угловыми круглыми башнями и планировкой внутриквadrатного пространства¹³⁶, а также замок Чильхуджра в Уструшане. Тот же принцип выдержан в цитадели Ханабада в Ташкенте; прямоугольник, разбитый на узкие параллельные коридоры, обведенные коридором, замыкающимся на углах башнями. Его мы увидим в миниатюре в более ранней постройке Актепа Чиланзарского — квадрат с обводным коридором и угловыми полукруглыми башнями. В определенной трансформации мы встречаем его в раннесредневековых постройках — замках Беркуткалинского оазиса Хорезма¹³⁷. Особенно близок менее всего распространенный здесь тип укрепленной квадратной усадьбы VII—VIII вв. н. э. с угловыми башнями, где жилища башня-донжон встроена в угол усадьбы.

Тот факт, что этому принципу следует все лучше всего изученные сооружения в Ташкенте, уже свидетельствует о его традиционно местном развитии. Принцип построения сооружений в виде квадрата, обведенного галереей с округлыми башнями по углам — характерный признак строительной школы, сложившейся в Чаче и отчасти в Уструшане.

То же можно сказать о выработанных в Чаче особенностях конструкции храмов огня. Это прежде всего устройство внутреннего символического шатрового перекрытия из жердей над алтарем известного и в раннесредневековом Согде, но в Чаче, по нашему мнению, можно най-

¹³⁶ Бернштам А. Н. Постройка Чалдывар по реке Манакельды в Центральном Тянь-Шане. — Архитектура республик Средней Азии. М., 1951, с. 248.

¹³⁷ Неразник Е. Е. Сельские поселения афригидского Хорезма. М., 1966, рис. 15.

ти исходную форму развития этого приема — в жердевом ограждении алтарной части культовых площадок (Кугаиттепа).

Исконные чачские черты проявляются в Актепа, правда слабо выраженные, в наборе керамической посуды замка. Таким образом, весь комплекс цитадели Актепа Юнусабадского второго периода жизни (VI—VIII вв. н. э.) традиционно чачский в основе тем не менее является собой развитие более высокой урбанизированной культуры, идущее в русле общесогдийской культуры. Цитадель и частично прилегающее к ней поселение продолжали в какой-то мере использоваться в XI—XII вв., когда галереи крепости и некоторые помещения были еще пригодны для жилья, о чем говорит значительное количество находок материальной культуры.

Актепа Чиланзарское — храмовый комплекс домусульманского Ташкента

Памятник расположен в нижнем течении Бозсу¹³⁸, близ площади Актепе; сохранил лишь часть поселения и замкового бугра высотой до 15 м (табл. V, А). При раскопках бугра выявлено шесть крупных строительных горизонтов, отражающих возникновение и существование шести самостоятельных зданий и сооружений¹³⁹, остатки сырцовых конструкций нижнего первого вошли в тело монолитной платформы более позднего здания, планировку и облик которого можно представить с достаточной полнотой, поскольку оно сохранилось до половины сводов перекрытия первого этажа, т. е. на 4,5 м.

Здание второго строительного периода представляло почти квадрат (12,5×12 м) по верху с четырьмя угловыми овальными башнями по углам и входом на западе (табл. V, Б). Сохранились остатки трех башен овальной формы (5,6 м в малом диаметре) с шестью плоско перекрытыми бойницами-прорезями (ширина 15 см). Как и внешняя стена замка, башни сложены из пахсовых блоков, верхушки и перекрытия выведены из сырцового кирпича (47×26×8—9 см³). Внешний контур здания унаследован от более раннего периода. В северо-западной лучше сохранившейся башне выявлен ярус шелевидных бойниц. Сгоревшие остатки дерева в нижней комнате башни позволяют предположить существование деревянного настила в башнях на уровне бойниц, обеспечившего подход к ним. Следы огня обнаружены и в коридоре первого периода, причем сильно обгорела поверхность стены. Внутрибашенные комнаты перекрывались сводом, выложенным наклонными отрезками. Из всех сохранившихся башен коридоры вели в три помещения здания. Коленчатый коридор (ширина 0,8 м), выводивший из юго-восточной башни в помещение I, — самый длинный, поскольку проходил в толще прижатых друг к другу стен, составлявших южный фасад здания. Толщина всех трех стен 4,5 м, необычна даже

¹³⁸ Как на один из перспективных объектов раскопок на тепа обратил внимание А. И. Тереножкин (Тереножкин А. И., Савельев Г. К. К археологическим раскопкам под г. Ташкентом. — Известия УзФАН, Ташкент, 1940, № 8, с. 84).

¹³⁹ Описание раскопок см.: Древний Ташкент, с. 114 и сл.

для очень мощных раннефеодальных замков; это объясняется тем, что первоначально между двумя стенами, вдоль фаса, проходил узкий коридор, позже забутованный, с устройством в нем лестницы на верх. Помещение 1 (4,8×2,4—2,5 м), перекрытое сводом, вмещало с уровня пола построенный позже куб кирпичной кладки (высота 1,5 м) с площадкой, откуда эта лестница и начиналась. От планировки верхнего этажа не сохранилось следов, только в северной фасадной стене здания по этому уровню есть проем окна (ширина 0,3 м), вероятно, освещавший комнату, расположенную над помещением 3 нижнего этажа.

Помещение 2 (4,7×2,2—2,5 м), расположенное параллельно первому, также перекрыто сводом. Оно сообщалось с северо-восточной башней через коридорчик (ширина 0,75 м) со стрельчатым сводом, врезанный в угол комнаты. В какое-то время коридор из башни был перегороден стенкой со стороны внутрибашенного помещения на высоту 0,8 м, а наверху осталась форточка-продух своеобразной грибовидной формы, подобной прорезям оссуариев и башнеобразных терракотовых курильниц. Из помещения 2 в помещение 3 выводил сводчатый проход (ширина 0,5—0,8 м, высота 1,95).

Все пространство комнат и коридорчиков до полов заполнено серой золой с небольшой примесью песка и лесса. Подобный характер заполнения можно объяснить лишь расположением где-то неподалеку, скорее всего на верхнем этаже, очага или алтаря, которые могли служить источником их скопления.

Примечательно, что в помещениях и на полах не встречено никакого материала, проливающего свет на непосредственное назначение здания. Фрагменты керамики и керамические кружки с отверстием извлечены из зольного завала, как и остатки хума с обуглившимся зерном проса.

Таким образом, здание второго строительного периода Актепа Чиланзарского представляло собой квадратное здание с угловыми овальными башенками (табл. V, Б). Внутреннее пространство разбито на три отсека, сообщающихся с башнями. Планировочный принцип и квадрат с угловыми башнями роднит его с цитаделью Актепа Юнусабадского. Оборонительная же система его насыщена защитными средствами: мощными стенами, башнями, бойницами.

Налицо и все архитектурно-строительные приемы, известные среднеазиатским зодчим поры раннего средневековья. Здание сложено из пахсы и сырового кирпича стандартных размеров (48—47×26×8—9 см), использовавшегося в Шаше, Согде, Уструшане, Фергане, Тохаристане в VI—VIII вв. н. э. Башни и стены построены так, что к подножию они утолщаются. Плоскоперекрытые бойницы (по шести в каждой башне, внутри до 30 см высотой, наружу расходятся до 80 см) обеспечивали обстрел у подошвы, хотя там должно было оставаться небольшое мертвое пространство. Сводчатые потолки выведены наклонными отрезками. Своды проходов относятся к типу клинчатых. Свод коридорчика из юго-восточной башни заклинен в замке елочкой. В ближайших к Шашу областях такой прием отмечен в замках Калаи Ках-

каха I, Нау, Теркаш в Уструшане¹⁴⁰. Пример стрельчатого свода есть в одном из замков Беркуткалинского оазиса¹⁴¹.

Учитывая указанные признаки, мы в свое время отнесли его к типу сторожевых замков, военных убежищ, хотя отсутствие бытового инвентаря, следы огня на стенах первого периода, необычность заполнения всех комнат золой и, наконец, специфичность зданий верхнего горизонта не укладывались в это объяснение¹⁴². Более конкретных признаков для иного истолкования назначения башенного здания мы тогда не могли найти.

В связи с обнаружением аналогичного здания в Уструшане на Актепа близ Нау наш замок интерпретируется по-иному. В нижнем горизонте уструшанского Актепа выявлено квадратное здание с четырьмя круглыми башнями по углам, также снабженными бойницами¹⁴³. Здание состояло из центрального обведенного коридором помещения с сырцовым прямоугольным алтарем в середине для огня. Внутренние стены также сохранили следы сильного огня. Планировка здания и алтаря не оставляет сомнения в его принадлежности к «храмам огня». Здесь найдены обуглившиеся зерна пшеницы и проса. Здание датировано IV—VI вв. н. э. Кроме сходства в облике обоих сооружений, объединенных единством внешних форм, признаками подчеркнутой фортификационности, общность прослеживается в характере заполнения помещений золой. Все это позволяет отнести здание к разряду храмов.

Последующие этапы перестройки здания полностью изменили его первоначальную планировку: пристройка ряда помещений и обводной стены с бойницами с севера искажила ее четкий абрис, а последовавшая за этим полная забутовка всего комплекса превратила его в монолитный стилобат 8-метровой высоты, подготовленный для нового строительства. Возведенный на нем новый комплекс помещений также забутовали, что возвысило стилобат до 9—10 м, выступающие же над ним гребешки старых стен конструктивно использовали при возведении на нем здания самого верхнего горизонта. В основе его оригинальной планировки — прямоугольная платформа с возвышающимся на главной оси постаментом, окруженная пахсовой стеной с нишами и четырьмя глухими помещениями в углах. Глубина ниш 2—2,5 м, ширина 2—2,3 м (табл. V, B).

Полностью сохранился северный фасад здания с семью нишами и угловыми помещениями размером 2,7×1,9 м и восточный с пятью нишами. На обрывах бугра расчищены также остатки двух ниш западного фасада и одной ниши южного. Благодаря этому реконструируется общий план нового сооружения и размеры его (табл. V, E). Не ясно лишь место входа, который мог находиться или на западном, или на южном фасаде. Размеры всего здания 38—37×26—27 м, размеры самой платформы с постаментом 26×21 м².

¹⁴⁰ Негматов Н. Н., Хмельницкий С. Г. Средневековый Шахристан, табл. 1, рис. 15.

¹⁴¹ Неразик Е. Е. Указ. соч., рис. 30.

¹⁴² Древний Ташкент, с. 121.

¹⁴³ Пулатов У. П. «Дом огня» в Уструшане.— Раннесредневековая культура Средней Азии и Казахстана. Душанбе, 1977, с. 78.

В таком виде сооружение функционировало долго, пережив пять перестроек, каждая из которых помогала ему сохранять первоначальную планировку. Лишь при четвертой перестройке ниши стали широкими (до 5,5 м) айванами. Столь частые перестройки можно объяснить тем, что на платформе вокруг постаментов нарастал слой органических остатков и золы с костями, кусками зернотерок и керамикой, его заливали глиной, поверхность поднималась и возникала необходимость поднять уровень пола в нишах. Накопившиеся завалы не выбрасывали, а срезали по краям и превращали в новую платформу, к которой пристраивали новую стену с нишами, расположенными по отношению к предыдущим в шахматном порядке; причем под новую стену подкладывали ряд камыша.

Характер органического завала всегда одинаков, как и материала. Лишь в VII ярусе найдены два крупных налета в виде головок баранов с крутозавернутыми рогами и фрагмент перламутровой раковины океанического происхождения. В IV ярусе из этого завала извлечена медная монета с квадратным отверстием чекана тюргшей¹⁴⁴, датирующая его накопление временем не ранее 709 г. начала выпуска этих монет.

Керамический материал верхнего культурного горизонта почти идентичен посуде из нижних культурных слоев, связанных с функционированием раннего здания. Найденная на раскопе посуда делится на сосуды ручной лепки и с гончарного круга. К сосудам ручной лепки, которых большинство, относятся кувшины, горшки, грушевидные кружки, котлы, жаровни. Кувшины с круга отличаются большей тонкостью. Цвет черепка в основном розовый и желтовато-серый, есть и красный (табл. V, Г).

Примечательны курильницы, извлеченные из верхнего культурного слоя. Сделанные на круге, они имеют форму башни со стрельчатыми прорезьями. Эти довольно широко распространенные в Средней Азии в период раннего средневековья культовые предметы использовались и в Шаше.

Как видно из описания, керамика Актепа принадлежит к культуре Каунчи II. Лепные кувшины, чаши близки посуде верхнего горизонта городища Шаушукум-тобе на Чардаре, датированной VI—VIII вв. н. э.¹⁴⁵ и инвентарю Бурджарских могильников и курганов близ станции Вревской¹⁴⁶. Однако следует отметить, что самый массовый материал на Актепа — кувшины с широким горлом — отсутствует в верхнем горизонте Шаушукум-тобе и, наоборот, внесен в таблицу как отличительный признак керамики IV—V вв. н. э.

Наряду с некоторым сходством актепинской посуды с керамикой средних слоев Мингурюка следует отметить отсутствие в ней кружек с петельной ручкой типа пенджикентских, типичных в самом Ташкен-

¹⁴⁴ Определение М. Е. Массона.

¹⁴⁵ Максимова А. Г., Мерцнев М. С. и др. Древности Чардары, с. 116.

¹⁴⁶ Агзамходжаев Т. Раскопки погребальных курганов близ станции Вревской.— ИМКУ, вып. 2, 1961, с. 235.

те для посудного набора Актепа Юнусабадского. Наибольшее сходство проявляется с керамикой Кугаиттепа, Шаштепа, Бузгонтепа. В целом комплекс, как никакой другой в Ташкенте, развивает черты Каунчи без какого-либо постороннего влияния до VIII в. н. э.

В этот отрезок времени укладываются и шесть строительных периодов Актепа Чиланзарского. Здание нижнего горизонта, видимо, можно отнести к IV—V вв. н. э., а верхний комплекс к VII—VIII вв. н. э.

Судя по оригинальной планировке, характеру накоплений на платформе в основном сгнивших органических остатков и костей животных, преобладанию в археологическом материале кружек и кувшинов, зернотерок, курантов, курильниц, верхнее здание нельзя считать жилым или приспособленным для бытовых нужд. Сооружение явно общественного характера. Ничто не указывает на наличие перекрытия над двором, перекрыты были, видимо, только ниши и угловые комнаты. Платформа и постамент находились на открытом воздухе. Возвышаясь над окружающей поверхностью, сооружение стояло вдали от города и крупных селений.

Культовое назначение здания на Актепа представляется наиболее вероятным. Как было отмечено, планировка здания уникальна, что не дает возможности сравнить его с вскрытыми храмовыми постройками периода раннего средневековья на территории Средней Азии и в сопредельных странах. Мы считаем возможным сопоставить его с типом сооружения, описанного источником: «Во владении Ши по юго-восточную сторону резиденции есть здание, посреди которого поставлен престол. В 6-е число первой луны поставляют на этом престоле золотую урну с пеплом сожженных костей покойных родителей владетеля, потом обходят кругом престола, рассыпая пахучие цветы и разные плоды. Владетель с вельможами поставляет жертвенное мясо. Вельможи и прочие садятся... и по окончании стола расходятся»¹⁴⁷. Следует отметить, что везде при употреблении термина «резиденция» китайские источники имеют в виду город. Из приведенного текста явствует, что обязательной принадлежностью храма предков был постамент, вокруг которого совершали обход, а составной частью обряда — жертвоприношения духам и ритуальная трапеза. В описании постамент служит для установки золотой урны с прахом почитаемых предков. Есть сведения, что на постамент или трон ставились также глиняные оссуарии с костями и им поклонялись. Причем над оссуариями укреплялся балдахин. Поклонение оссуариям в Согде и Хорезме, по наблюдениям исследователей, могло сливаться с ритуалом годовых праздников, посвященных духам предков¹⁴⁸ и силам умирающей и воскрешающей природы. Примечательно описание Н. В. Кюнера обряда поклонения этим силам, распространенного на землях Кангюя в V—VI вв. н. э. Приносили жертву небесному духу, а затем начинались семидневные

¹⁴⁷ Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. II, с. 272.

¹⁴⁸ Раппопорт Ю. А. Из истории религии древнего Хорезма. М., 1971, с. 121.

поиски утерянных костей небесного дитя, умершего на 7-м месяце¹⁴⁹. Открытое на Актепа сооружение имеет признаки, связывающие его с поминальным ритуалом, тесно переплетенным с культом плодородия, причем это был автономно стоящий храм в отличие от святилищ в замках и цитаделях.

При прямом указании письменного источника на существование храма предков близ столичного города Чача сопоставление с подобным храмом нашего сооружения вполне вероятно. Сгнившая органика, кости, обнаруженные на платформах, которые не выбрасывались, а утрамбовывались, могли быть остатками жертвоприношений и трапез. Они нарастали, что было причиной поднятия уровней и возведения новых стен с нишами. Возвышенный постамент могли использовать для выставления урны или почитаемого оссуария, вокруг которого совершались обряды. Все действия на площадке проходили на открытом воздухе, и небесное божество присутствовало при этих обрядах. Примечательны находки многочисленных зернотерок и курантов, без сомнения, игравших роль в ритуале.

Раскоп дает некоторые ответы на вопросы, когда и почему было оставлено здание храма. На южном фасае платформы обнаружены вырубленные в кирпичной кладке ямы и ниши с захоронениями человеческих костей. В одной наиболее сохранившейся нише расчищено захоронение костей трех скелетов, крупные кости сложены внизу и прикрыты тремя черепами. Такой обряд известен в Хорезме в зороастрийских погребениях некрополя Миздахкана¹⁵⁰. Там же зафиксировано погребение костей в грунтовых ямах без оссуария. Однако такой тип погребения зороастрийцев в Средней Азии очень редок. В Ташкенте это первый случай.

Погребение в кладке платформы, безусловно, свидетельствует о забросе храма, происшедшем не раньше конца VIII в. н. э. После ряда походов арабов, принесших ислам в Шаш, языческие храмы были закрыты. Однако на примере храма Актепа, как и Кугаиттепа, видно, что это произошло не сразу, прежняя религия еще была сильна и после окончательного заброса здания поклонники прежней религии использовали его как наус для безоссуарного погребения костей. Жизнь вблизи руин древнего «храма» не возобновлялась вплоть до X в., когда вокруг бугра начало складываться селение.

Городище Ханабад — военный и торговый центр раннего средневековья

Расположено вблизи берега р. Чирчик в Сергелийском районе на окраине Ташкента. В поле зрения исследователей холм Ханабад попал после организации Туркестанского кружка любителей археологии,

¹⁴⁹ Кюнер Н. В. Указ. соч., с. 180.

¹⁵⁰ Ягодин В. Н., Ходжайов Т. К. Некрополь древнего Миздахкана. Ташкент, 1970, с. 153.

когда в 1896 г. был упомянут топографом М. С. Костеничем в числе других памятников старины Ташкента на заседании кружка¹⁵¹.

В 1907 г. И. Г. Пославский дал краткое описание развалин городища¹⁵². В том же году с городища был снят схематический план¹⁵³ (табл. VI, А).

Начало специальному археологическому изучению городища положили работы М. Е. Массона в 1934 г. На основании историко-топографического обследования городища 1934 г. и анализа разобренных источников М. Е. Массон отождествил его развалины со средневековым городом Нуджкетом (*نوجکت* у Максиди)¹⁵⁴, откуда происходили лодочники, работавшие на реках Парк (Чирчик) и Хашарт (Сырдарья)¹⁵⁵.

В 1934 и 1949 гг. по микрорельефу еще было можно воссоздать планировку городской территории периода развитого феодализма. Мощностя культурных слоев достигала 4 м¹⁵⁶. Визуальное обследование городища привело к ошибочной датировке его только этим периодом. В статье И. Баишева и В. М. Массона¹⁵⁷ описывается топография города, выдвигается гипотеза о его возникновении на месте поселений лодочников в X—XI вв. и приводится его датировка X—XVI вв.

К настоящему времени культурный слой городища, датируемый IX—XII вв., почти полностью уничтожен. Лишь небольшой останец в центре шахристана и участок в его северо-восточной части, занятый поздним мазаром, свидетельствуют о былом рельефе.

Городище представляет собой квадрат (530×540 м²), окруженный валом былой крепостной стены, в восточном углу которой еще недавно «читалось» возвышение рельефа на месте цитадели.

Цитадель — основной элемент системы городских фортификационных сооружений. На схематическом плане 1907 г. отмечены четыре угловые башни и широкий ров, отделяющий цитадель от городища с северо-западной стороны¹⁵⁸. В современном состоянии она имеет вид невысокого плоского бугра подквадратных в плане очертаний примерно 110×90 см, ориентированного углами по странам света, с овальным выступом в восточном углу. Наибольшая высота ее юго-восточной стороны 5—6 м, северо-восточной 4—5 м. К северо-западу она постепенно понижается и почти сливается с еще заметным рвом (ширина до 25 м).

Для определения последовательности культурных слоев и определения их хронологии в юго-западной части цитадели, в 20 м от северо-

¹⁵¹ Протокол заседания ТКЛА от 26. II. 1896 г. Ташкент, 1896, с. 19.

¹⁵² Пославский И. Г. О находках в Ханабаде и вообще в районе нижнего течения р. Чирчика.— ПТКЛА, год XII. Ташкент, 1908, с. 39—45.

¹⁵³ Остроумов Н. П., Аничков И. В. Описание археологических и нумизматических коллекций, принадлежащих Ташкентскому музею и ТКЛА. Ташкент, 1900.

¹⁵⁴ Массон М. Е. Ахангеран, с. 41.

¹⁵⁵ Худуд ал-алем, рук. Туманского. Л., 1930, л. 246.

¹⁵⁶ У М. Е. Массона указана площадь 13,5 га, В. М. Массон приводит площадь 30,5 га.

¹⁵⁷ Баишев И., Массон В. М. Археологические разведки в районе Ташкента, с. 134.

¹⁵⁸ Массон М. Е. Ахангеран, с. 43.

западного края, заложен стратиграфический шурф¹⁵⁹ (размеры 4×6 м). Общий для раскопа и шурфа репер установлен в северо-восточном углу. Культурный слой здесь достигает 6,8 м (с I по XIV ярусы) с четко выделяющимися тремя культурными слоями, отражающими три больших периода обживания цитадели.

Первый культурный слой в основном приходится на XIII—XIV ярусы, считая с уровня материка до слоя речного песка и гальки, перекрывающего горизонт. Стоит из чередующихся прослоев светло-желтоватой глины с массой костей животных и керамикой, органических остатков зеленоватого цвета и угольков. Общая толщина его в местах наибольшей мощности немногим более 1 м. К нему относится попавший в шурф угол стен какого-то помещения, сохранившихся в высоту на 2,5 м и сложенных из сырцового кирпича (52×26×10 см, 48×9×10 см), в нижней части чередующихся со слоями пахсы.

На глубине конца XIII яруса найден распавшийся медный кружок диаметром около 2 см. В большой массе обнаруженной здесь керамики, в основном представленной стенками, встречается и станковая, и лепная, однако значительно преобладает первая. Есть фрагменты тонкостенных чаш с темно-красным или розовым ангобом и частичным лощением, которые можно отнести к V—VI вв., однако количество их незначительно, и, видимо, керамика этого типа бытует как пережиточная. Характерно, что во втором и третьем горизонте ее почти нет, тогда как немногочисленная в первом горизонте керамика с красными потеками на светло-желтом ангобе на следующих этапах становится ведущей. Среди обнаруженной в первом горизонте керамики отмечается наличие профилированных, прямопоставленных венчиков хумов (диаметр 32—35 см), аналогичных найденным на Мингурюке в слоях VI—VII вв. Идентичны и формы венчиков хумчи с резким перегибом снаружи и широкогорлые кувшины со сливом и вертикально поставленной ручкой¹⁶⁰.

Исходя из аналогий, авторы работы датировали нижний горизонт VI в. н. э. Учитывая его незначительную толщину (от 60 см до 1 м) и то, что второй культурный горизонт, датированный монетами второй половиной VII в. н. э., почти в 2,5 раза мощнее его, датировку первого с полным основанием сузили до второй половины VI в. н. э.

Первый горизонт перекрыт аллювиальным слоем песчано-галечниковых отложений мощностью 30—40 см, которые, видимо, образовались в результате разлива Чирчика, что привело к временному прекращению жизни. Аналогичный слой отмечен в шурфе и в юго-восточной части городища, так что разлив реки был значительным и захватил большие участки городища.

Существует мнение, высказанное на основании археолого-геоморфологических исследований, что наличие на большой площади городища аллювиального песчано-галечникового слоя связано с определен-

¹⁵⁹ Раскопки городища проведены Л. Л. Ртвеладзе и Э. В. Ртвеладзе, Л. Г. Брусенко, М. И. Филанович,

¹⁶⁰ Древности Ташкента, с. 10.

ным опусканием абайской террасы в районе Ханабадтепа на рубеже VI—VII в. Вследствие этого на протяжении не более 50 лет поверхность террасы оказалась сниженной и заливалась высокими среднмаксимальными паводками Чирчика, способствовавшими образованию песчано-галечникового слоя над культурными горизонтами VI в. н. э.¹⁶¹

После недолговременного запустения, вызванного паводками Чирчика, территория цитадели была вновь обжита. Но следующий горизонт шурфа приходится на период наиболее интенсивного обживания и цитадели, и всего городища. Второй слой мощностью более 2 м соответствует началу VI—XI ярусов и по структуре схож с нижним.

Наиболее характерный признак его содержания по сравнению с предыдущим горизонтом — увеличение процента станковой керамики со светло-серым ангобом и потеками, выполненными красной и темно-коричневой красками различных оттенков. Уменьшается количество лощеной посуды.

На уровне VIII—IX ярусов обнаружен фрагмент монеты с квадратным отверстием, надпись не сохранилась. В конце VI яруса отмечена монета с изображением на аверсе всадника, едущего вправо. На реверсе в центре тамга в окружении согдийской надписи. Аналогичная по типу, но, очевидно, иного чекана монета найдена в Пенджикенте¹⁶² и несколько монет — на территории Ташкентского оазиса. На основании анализа этих монет слой датирован Э. В. Ртвеладзе второй половиной VII в. н. э.

Третий культурный горизонт включает плотный глинобитный фундамент верхнего здания. Стены здания толщиной около 3 м сохранились на высоту 2 м. Они сложены из сырцового кирпича 52×26×9 см и 48×24×8,9 см; здесь на разных уровнях найдены монеты правителей Шаша.

В конце VI яруса обнаружена монета диаметром 1,6 см. Л. ст.: почти полностью стертое погрудное изображение правителя, стоящего прямо с легким поворотом влево, заключенное в круг из крупных точек. Об. ст.: в центре вилообразная тамга, слева стертая согдийская надпись. Конец III яруса, монета с д. 0,9 см. Л. ст.: неразличима. Об. ст.: вилообразная тамга. Начало II яруса, д. 1,7 см. Л. ст.: погрудное изображение правителя впрямь. Об. ст.: в центре неразличимая тамга в окружении согдийской надписи. На основании этих монет третий культурный горизонт датирован первой третью VIII в. н. э.

Раскоп (10×5 м) заложен в южном углу цитадели, где при выборке земли для подсыпки дороги обнаружена сырцовая кладка. В результате раскопок полностью выявлена планировка юго-восточного, юго-западного и частично (до половины) северо-западного и северо-восточного фасов цитадели. Кроме того, узкой 20-метровой бороздой пересечен участок двора цитадели с северо-востока на юго-запад, сделан

¹⁶¹ Булатова В. А., Букчинич Л. Л. и др. Анализ тектонических движений исторического времени в районе Ташкента с применением археолого-геоморфологических методов. Современные движения земной коры. Тарту, 1973, № 5, с. 537.

¹⁶² Смирнова О. И. Каталог монет с городища Пенджикент, с. 136—137; Древности Ташкента, с. 12.

стратиграфический разрез крепостной стены. Общая площадь раскопа 1300 м².

Верхний строительный горизонт цитадели по уровню совпадает с третьим культурным горизонтом в стратиграфическом шурфе и датируется одним временем. На данном этапе обживания цитадель в плане была прямоугольником, обнесенным со всех сторон крепостной стеной (ширина до 11 м) с четырьмя угловыми башнями. Внутренняя часть цитадели размером порядка 81×80 м по периметру обстроена узкими прямоугольными помещениями. Размеры помещений почти стандартны: общая длина 12,3 м, ширина 1,8—2 м, ширина выступа 70—80 см, длина прохода 2,4 м, ширина прохода 1,1 м, толщина стен между помещениями 2—2,3 м.

Задней торцовой стороной помещения примыкают к крепостной стене, а противоположной обращены во двор, куда выходит дверной проем (табл. VI, Б). В юго-западной стороне помещения примыкают к длинному узкому коридору, отделенному от них стеной толщиной 2,9 м. Из двух помещений в этот коридор ведут проходы шириной 90 см. Сохранившаяся длина коридора 23,3 м, с разрушенной частью около 40 м, ширина 1,7 м. В один из периодов обживания коридор разделили поперечной стеной на два помещения. Юго-западная стена коридора одновременно была и стеной цитадели. В полностью вскрытом участке цитадели вдоль юго-восточного фаса располагалось 15 параллельных помещений, отделенных друг от друга стеной толщиной 2,1—2,2 м. Из углового помещения 7 в южную башню вел проход шириной 80 см, а из помещений 15, 18, 19, 20 аналогичные проходы вели в стрелковую галерею, проходившую снаружи крепостной стены, ширина галереи 1,15 м.

Аналогичное количество помещений, судя по одинаковым размерам и почти полному совпадению направления стен, располагалось и вдоль северо-западного фаса цитадели. Труднее определить количество помещений с других сторон, так как вдоль юго-западного фаса вскрыто четыре помещения, а вдоль северо-западного три, однако исходя из размеров стен и помещений, на каждой из них должно было находиться по 10—11 комнат. Таким образом, общее количество помещений в цитадели около 50, из них расчищено 27.

Композиционным ядром цитадели был открытый двор (50×31 м) с обращенными к нему дверными проемами коридорообразных помещений. Верхние горизонты культурного слоя двора сложены из плотных однородных отложений земли с включением обломков жженого кирпича, крупной и мелкой гальки, фрагментов керамики XV—XVII вв. Ниже идет слой натека толщиной 15—20 см, образовавшийся, по-видимому, из-за отсутствия перекрытия над двором. Под ним прослежен плотный утрамбованный древний уровень двора, где изредка попадаются фрагменты раннесредневековой керамики VII—VIII вв.

В юго-западном коридоре толщина культурного слоя 90 см. Выявлено два уровня пола: первый соответствует 30 см VI яруса, второй — концу V яруса. Между ними слой рыхлой земли с костями животных и керамикой. На втором уровне, отмеченном угольной прослойкой тол-

щиной 5 см, найден клад из 25 медных монет (табл. VI, И—М). Между уровнем первого и второго пола обнаружен медный арабский фельс второй половины VIII в., что дает ориентир в датировке сооружения.

Толщина культурного слоя в расчищенных помещениях цитадели от 0,5 до 2 м, почти во всех выявлено два уровня пола, разделенных слоем в 0,2—0,3 м. В обоих уровнях утрамбованный слой, камышовая прослойка, древесная труха либо ряд сырцового кирпича. В заполнении помещений слой с фрагментами керамики, костями. В помещении 10 на уровне первого пола найдено 10 целых сосудов разнообразных форм (в том числе курильница) (табл. VI, Д); в помещении 25 вкопан перевернутый хум, выполнявший, возможно, роль тандыра¹⁶³. Уточняют датировку (середина VIII в. н. э.) найденные здесь монеты правителей Чача с хищником на аверсе и виллообразным знаком на реверсе.

Выявленные стены помещений, сохранившиеся на высоту 30 см—1,8 м, выстроены из серовато-желтого плотной структуры прямоугольного сырцового кирпича, уложенного ложком. Кирпич стандартный, размер 48×24×9—10 см при толщине вертикальных швов 4—6 см, горизонтальных 8—10 см. Такой кирпич типичен для многих ранне-средневековых построек Средней Азии¹⁶⁴. В помещении 9 обнаружен клинчатый кирпич (48×35 и 18×7 см), видимо, от кладки арочного проема, по размерам идентичный употреблявшимся в кувинском храме¹⁶⁵. В отличие от стен помещений крепостная стена возведена из пахсовых блоков 81×81 см при толщине швов до 5 см, отполированных со стороны помещения. Только на стенах некоторых помещений отмечен тонкий слой белой штукатурки, нанесенной поверх простой глиносаманной, характерной для стен большинства помещений.

В большинстве помещений отсутствуют керамические находки, обычные в жилых помещениях. В помещении 10, по-видимому, складского назначения, на уровне первого пола, вдоль северо-восточной стены, найдено 10 целых и несколько разбитых сосудов. В помещениях 2 и 25 обнаружено четыре целых сосуда, в других помещениях — лишь единичные керамические фрагменты.

Керамический комплекс цитадели хорошо датирован монетами и суммарно может быть отнесен к первой половине VIII в. Найденная посуда подразделяется на станковую и лепную, причем в количественном соотношении первая, бесспорно, преобладает. Лепная керамика представлена кухонными котлами, кружками со стилизованной зооморфной ручкой-петелькой и курильницей (табл. VI, Д).

Более тщательно сформована курильница, изготовленная из хорошо отмученной глины. Черепок в изломе желтоватый, хорошего обжига. Курильница имеет вид невысокого сосуда на цилиндрической ножке с квадратным основанием и квадратной верхней частью с неглубоким резервуаром. Высота 6 см, основание 5,3×5,3 см, верхняя часть 8×8, резервуар 5,5×5,5 см. Форма сосуда несколько сближается с курильницей из Ток-калы с характерным округлым резервуаром и конической

¹⁶³ Древности Ташкента, с. 17.

¹⁶⁴ Нильсен В. А. Указ. соч., с. 212.

¹⁶⁵ Булатова В. А. Древняя Кува. Ташкент, 1972, с. 57.

опорой¹⁶⁶. В целом же сосуд прямых аналогий в среднеазиатской керамике VII—VIII вв. как будто не имеет.

Станковая керамика более разнообразна, представлена кувшинами больших и малых размеров с одной ручкой, двуручными горшками и горшками без ручек, кружками, чашечками, пиалой, изготовленными на гончарном круге из хорошо отмученной глины. Черепок хорошего обжига, снаружи покрыт светло-желтым ангобом. На кувшинах поверх ангоба нанесены мазки и потеки темно-коричневой и красной красками, что характерно для орнаментации посуды Ташкентского оазиса в эпоху раннего средневековья¹⁶⁷. Кувшины подразделяются на широкогорлые и узкогорлые.

Кувшины, аналогичные широкогорлым, найдены на Мингурюке, Актепа Юнусабадском, Пенджикенте и других раннесредневековых городищах Шаша и Согда.

Узкогорлые кувшины также относятся к числу широко распространенных в то время сосудов. Остальные виды керамики представлены единичными формами. Характерна небольшая кружка с ручкой-петелькой, прикрепленной к середине округлого тулова. Датировка подобных кружек — вторая половина VII — первая половина VIII в., что подтверждают материалы ханабадской цитадели. Типична для этого времени и форма двуручного горшка с шаровидным туловом и прямым профилированным венчиком. На одной из его сторон темно-красной краской нанесен орнамент зооморфного облика. Высота сосуда 11,5 см, диаметр устья 8,6, дна 5, тулова 14 см. Выделяется небольшой сосудик типа пиалы на поддоне с широким бортиком, на который нанесен резной орнамент из равносторонних треугольников. Внутренний резервуар по верхней части выделен валиком, украшенным штампованными кружками. Высота сосуда 2,2 см, диаметр венчика 11, резервуара 7, донца 5,2 см. Аналогии этому сосуду среди среднеазиатской керамики не известны.

В целом же по основным данным описанная керамика находит прямые аналогии в керамике второй половины VII — первой половины VIII в. Согда и некоторых памятников Чача; в Ташкенте — это Мингурюк и Актепа Юнусабадское.

За несколько полевых сезонов на цитадели найдено 37 медных монет. Из них 24 входят в состав клада, пять обнаружено в шурфе, восемь — в различных помещениях. Все они представляют значительный интерес для характеристики денежного обращения Ханабадтепа и датировки объекта в целом.

В юго-западном коридоре цитадели, в третьем культурном горизонте, обнаружены 24 медные монеты правителей Чача, Уструшаны, ихшидов Согда и аббасидского халифата. Время захоронения клада, а следовательно, и датировку третьего культурного горизонта цитадели определяют четко выделенные для Согда монеты ихшида Тургара

¹⁶⁶ Гудкова А. В. Ток-кала. Ташкент, 1964, с. 65, рис. 16, 2.

¹⁶⁷ Левица Л. М. Керамика нижней и средней Сырдарьи в I тысячелетии н. э., с. 185.

(2 шт.), выпущенные между 738—750 гг., и аббасидский фельс, отчеканенный между 757—767 гг.¹⁶⁸

Наряду с керамическим материалом монеты определяют третий период жизни цитадели первой половины VIII в. н. э. Датировку подтверждают и монетные находки из помещений. Это тюркешская монета с тамгой в виде лука со спущенной тетивой и согдийской надписью — государя тюркеш-кагана деньга; монета правителей Чача с парным изображением и тамгой, монета с той же тамгой и хищником на лицевой стороне и, наконец, аббасидский фельс¹⁶⁹.

Собранные археологические материалы позволяют наметить основные хронологические этапы обживания цитадели Ханабаттепа. Начало обживания приходится на вторую половину VI в., хотя трудно судить, была ли в этот период она окружена стенами. По-видимому, в первой половине VII в. территория цитадели, а возможно, и большей части города, некоторое время была оставлена жителями из-за сильных паводков Чирчика. В середине или начале второй половины VII в. цитадель вновь интенсивно заселяется, приходящиеся на этот период культурные слои достигают мощности более 2 м. Во второй половине VII в. территория цитадели преобразована в сооружение военно-оборонительного назначения. При его строительстве над предшествующими слоями уложена глинобитная масса мощностью около 1 м, послужившая фундаментом для верхнего сооружения. Здание цитадели по вскрытому верхнему строительному горизонту имело два этапа обживания, которые по найденным монетам можно датировать второй половиной VII — началом VIII в. (первый этап) и второй половиной VIII в. (второй этап), после чего цитадель начали забрасывать. Характерно, что в этот период забросили почти все фортификационные сооружения в Ташкенте, аналогично и в области, например, городище Намудлыг на территории Илака¹⁷⁰.

Территория цитадели Ханабата не обживалась в саманидский и караканидский периоды, поскольку здесь не найдено ни одного фрагмента керамики этого времени. Новое ее частичное освоение приходится на XV—XVII вв.

Городище Ханабат сохранило по периметру своего квадрата остатки крепостных стен, выступающих на отдельных участках в виде вала высотой до 6 м или фиксируемых только на подошве. Вал северо-западного фаса сооружен из пахсовых блоков, местами сохранившихся на высоту 5,5—6 м. У западного угла над пахсовой стеной прослежена на 15 м кладка из сырцового кирпича прямоугольной формы. На юго-западном фаса она обнаружена в нескольких пунктах по подошве стены.

Структуру помог установить разрез юго-восточного вала, сохранившегося в 100 м от бывшей угловой башни в виде одиноко возвышающегося останца. Развернутый у его подошвы раскоп (50 м²) выявил

¹⁶⁸ Древности Ташкента, с. 24.

¹⁶⁹ Там же, с. 25—28.

¹⁷⁰ Буряков Ю. Ф. Археологические материалы по истории Намудлыга.— ИМКУ, вып. 9, 1972, с. 105.

несколько периодов постройки крепостной стены и часть комплекса помещений, примыкавшего к ее подошве.

Первый период, соответствующий нижнему культурному горизонту шахристана и цитадели, включает первоначальную стену, сложенную из пахсы шириной 7 м по подошве и 3—3,1 м на высоте 4 м, т. е. внешний фас стены скошен, внутренний — отвесный. Впритык к стене пристроено несколько помещений, из них два окуртурено.

В следующем строительном этапе подровняли пахсовый массив, стену и надстроили ее кладкой сырцового прямоугольного кирпича ($43 \times 30 \times 8 - 9$ см³), в результате чего образовался внутренний стрелковый коридор, перекрытый сводом и выявленный на протяжении 4,65 м. Кладка свода, просевшего на завал в коридоре, сохранила структуру: прием возведения наклонными отрезками и использование кирпича трапецевидной формы. Сохранилась часть прорези одной бойницы с оштукатуренными гранями. И стены коридора, и прорезь бойницы сохранили следы пожара, в огне которого, видимо, погибли последние защитники города: раздавленные человеческие костяки обнаружены у подножия стен.

В заполнении коридора найдено несколько фрагментов сосудов и глиняная булла с едва различимым силуэтом человека с каким-то предметом в руке.

Картина пожара и разрушения созвучна зафиксированной в верхнем горизонте цитадели. Однако оборонительные стены пережили этап восстановления вскоре после разрушения. Древнее ядро с коридором было взято в мощный пахсовый футляр, нарастивший стену и внутрь, и наружу, причем наружный фас приобрел ступенчатый профиль (табл. VI, 3). Для Ташкента это не единичный пример оформления фортификационных сооружений. Такова же ступенчатая башня Минг-урюка предыдущего периода. После проведения ремонтных работ стену, однако, вскоре забросили, а ее внешний ступенчатый фас стал местом зороастрийских погребений, о чем свидетельствуют многочисленные находки фрагментов глиняных оссуариев с остатками костей.

Наиболее сохранившиеся из них два ящичка дают представление о характерном облике этих гробиков, распространенных на территории Ташкента в VIII в. н. э. Ящички вылеплены из плотно промешанной глины с примесью дресвы, форма их овальная с обычно орнаментированной лицевой стороной, на которую нанесен процарапанный геометрический орнамент, характерные прорези и наклепные жгуты. Задняя стенка, обращенная внутрь ниши, в которую, видимо, вдвигался ящик, не украшена (табл. VI, Ж, Н, О). Оссуарии закрывались выпуклыми крышками с ручками-навершиями в виде человеческих лиц или фигурок птиц, что, несомненно, связано с зороастрийской погребальной символикой.

По типу и характеру орнамента ханабадские оссуарии примыкают к обширному кругу этих предметов, найденных по всей территории Ташкента еще в прошлом веке и обнаруженных в разных районах обширного оазиса по р. Чирчик и р. Ахангаран.

Тожественное сходство прослеживается с остоданами из Тойтю-

бы¹⁷¹. Мотивы орнамента, навершие в виде птиц и человеческих лиц идентичны. Есть основания считать искусство изготовления и украшения оссуариев в Чаче глубоко традиционным, канонизированным и обладающим ярко выраженными чертами своеобразия, отличающего его от манеры изготовления подсбных предметов в Согде, Хорезме и Хорасане. Наряду с этими областями в Чаче, видимо, существовала самостоятельная оригинальная стилистическая школа производства этих погребальных объектов, а сам обряд оссуарного захоронения был широко распространен в VII—VIII вв. н. э.

Крепостную стену с кладбищем за ней больше не использовали, а при планировке в XV—XVI вв. часть ее снесли.

Как и крепостная стена, комплекс помещений, примыкавших к внутренней поверхности городской стены, прошел те же этапы обживания и запустения. Нижнему строительному горизонту стены соответствует пол двух помещений, отмеченный пахсовой платформой, положенной на лессовый материк. На полу одного помещения накопился небольшой культурный слой, перекрытый кирпичной кладкой с уровнем пола на культурном слое, поверх него обнаружен постамент или платформа, сложенная из сырцового кирпича. Пространство между постаментом и стенами помещения (ширина 0,9—1 м) засыпано пеплом сгоревшего камышового перекрытия. Такой же постамент обнаружен и во втором помещении с теми же остатками сгоревшего перекрытия. В стенах помещения выявлены арочные проемы, впоследствии забутованные кирпичом. В горизонте постамента обнаружено небольшое количество фрагментов керамики, медная пряжка, железный нож и три медных монеты. На л. ст. двух монет в круге из точек погрудное изображение правителя, на об. ст.—разновидность чачской тамги с круговой согдийской надписью¹⁷².

Наиболее значителен следующий стратиграфический уровень, перекрывший постамент и следы сгоревшего перекрытия в первом помещении. По этому уровню оконтурено две стены помещения, сложенные из сырца (размер 43×23×10 см) с включением пахсовых блоков. В завале над полом выявлены скопление керамики и железная ложечка. Керамические формы в массе можно отнести к VII—VIII вв. н. э. Из них наиболее характерны четыре кувшина с краснолощенной поверхностью и оттянутым сливом, несколько чаш с очень тонкими вертикальными бортиками, покрытые снаружи и внутри светло-розовым ангобом и изготовленные на круге быстрого вращения. В большом количестве найдены фрагменты хумов, хумча с темно-коричневыми и красными потеками по серому фону, сосуды типа кринок, кружек с приземистым корпусом, цилиндрическим горлом и круглой ручкой-петелькой (табл. VI, Г). Комплекс полностью аналогичен набору керамических форм верхнего строительного горизонта цитадели. Вне Чача пря-

¹⁷¹ Массон М. Е. К вопросу о взаимоотношениях Византии и Средней Азии по данным нумизматики.—Труды САГУ, новая серия, гуманитарные науки, вып. XXIII, кн. 4. Ташкент, 1951, с. 29—30.

¹⁷² Смирнова О. И. Каталог монет с городища Пенджикент, с. 33.

мые аналогии станковая керамика комплекса находит в керамике Пенджикента, Талибарзу и частично в Семиречье¹⁷³, что подтверждает возможность отнести его ко второй половине VII—VIII в. н. э.

Этот горизонт с керамикой и монетой соответствует второму периоду городской стены со следами пожара и разгрома. Как и на стене, в помещениях он был замурован в толще последующих кладок (суфы). Лежащий же ниже его горизонт с монетными находками, видимо, следует отнести ко времени не ранее конца VI в. н. э. Сама же городская стена, устройство которой, как и строительный материал, и приемы возведения, роднят ее с соответственными фортификационными сооружениями Средней Азии поры раннего средневековья, видимо, была возведена в начале VI или конце V в. н. э., т. е. несколько раньше сохранившегося архитектурно-строительного комплекса цитадели города.

В первой трети VIII в. н. э. городская стена претерпела значительный пожар и разрушения. Позже она была восстановлена, но к концу VIII в. н. э. все же перестала использоваться по назначению и стала местом (своеобразным наусом) оссуарных захоронений. Последняя дата жизни стен — XIII в. н. э. При исследовании шахристана городища Ханабат использовано нарушение его первоначального рельефа, что создало большие перепады и позволило сделать зачистки на значительной протяженности срезов культурного слоя.

Стратиграфию исследовали при помощи заложенного раскопа по кромке обрыва в южной части и зачистки останца под триангуляционной вышкой. В результате получена довольно полная картина последовательности сложения свиты слоев на городище.

Разрез на обрыве длиной до 40 м и вытянут в направлении СВ—ЮЗ. В одном месте разрез доведен до материка (размер шурфа 2×2 м). Общая высота наслоений разреза 8 м и подразделяется на три горизонта. К нижнему относятся остатки жилых помещений с паховыми стенами шириной до 0,1 м, с суфами вдоль них высотой 0,5 и шириной 0,95 м, выложенными из сырцового кирпича 50×25×10 см.

Отмечено интенсивное обжигание этих помещений: в срезах шурфа зафиксировано до трех уровней полов. Нижний сероватого цвета, у двух верхних сильно обгоревшая поверхность, стены помещений также обожжены. Основной материал с полов и из заполнения составляет керамика. Следует отметить фрагменты грубого лепного котла со значительными примесями песка в тесте, кусок жаровни с вертикальным бортиком, обилием шамотных примесей. Этот тип жаровен довольно широко распространен по всей Средней Азии с глубокой древности до X в.¹⁷⁴ Выразительна чашечка с перегибом стенки, плоским дном и ангобным покрытием светло-розового цвета. Аналогичные сосуды встречены в керамике III—IV вв. на городище Варахша, в Казахстане

¹⁷³ Бенцович И. Б. Керамика верхнего слоя Пенджикента, с. 270—279, рис. 17; Григорьев Г. В. Городище Тали-Барзу.— ТОВЭ, т. II, 1940, с. 87; Бернштам А. Н. Чуйская долина.— МИА, 1950, 14, табл. XI, 4.

¹⁷⁴ Воробьева М. Г. Керамика Хорезма античного периода.— ТХАЭ, т. IV, 1959, с. 154, рис. 34, 7; Толстов С. П., Вайнберг Б. И. и др. Кой-Крылган-кала. М., 1967, с. 319, рис. 36, 37.

в слоях IV—VI вв. Чашечки подобной формы широко известны на памятниках каунчинской культуры¹⁷⁵.

Находки в слое указывают на жилой характер помещений и позволяют отнести этот горизонт к V—VI вв. Помещения пришли в запустение, о чем свидетельствует слой высотой 0,7 м, перекрывающий суфу и гребень сильно разрушенной поперечной стены. Нижние отложения слоя состоят из крупного и мелкого галечника с включением речного песка и возможно образовались в результате разлива Чирчика. После длительного запустения помещения обживаются вторично. Пахсовые стены наращиваются сырцовым кирпичом (50×25×10 см), наблюдаются значительные перестройки. Прослежена поперечная стена из сырцового кирпича (42×23×10 см).

Следующий строительный период представлен помещениями VII—VIII вв. Для этого этапа по всей длине разреза четко читаются отличной сохранности сырцовые стены (высотой до 2 м) целого ряда помещений. На полу одного из них расчищен слой пожарища (0,30 м) с кусками обгоревших балок рухнувшего перекрытия, комьями обожженной земли, древесного угля и раздавленными сосудами с сильно закопченными стенками. Комплекс посуды из этого помещения характерен для раннесредневекового времени и представлен хумами и хумча с валикообразными венчиками с острой закраиной, диаметры 32—50 см (снаружи по серому ангобу потеки темно-коричневой краски), кувшинами с ручкой, слегка оттянутым венчиком-сливом, невысоким горлом и яйцевидным туловом с бурыми потеками ангоба, широкогорлыми корчагами с выступом для крышки, по плечикам пояс линейно-волнистого прочерченного орнамента.

В этом же комплексе кружки с приземистым корпусом, цилиндрическим горлом и петлевидной ручкой. Весь комплекс аналогичен керамике верхнего слоя цитадели. Здесь же найдены фрагменты дастарханов на трех ножках с пальцевыми вмятинами у основания, украшенные орнаментом в виде «елочек» и овалов. В VIII—XI вв. подобные дастарханы были широко распространены во многих районах Средней Азии.

На уровне пола найден глазурованный ритон, снаружи покрытый прозрачной зеленой глазурью, изнутри золотисто-коричневой. Резервуар приземистый с низкими стенками в виде раструба. Нижняя часть напоминает по форме фантастического быка с оскаленной мордой. На лбу и хвосте — барочные растительные розетки. Стилистические признаки и технологические приемы уводят нас в Китай эпохи Тан и позволяют считать этот сосуд привозным¹⁷⁶ (табл. VI, 3).

Следующий строительный горизонт датируется первой половиной IX в. С его уровня спускается несколько свалочных ям. В комплексе посуды преобладает неполированная керамика, две глазурованные чаши, относящиеся к наиболее ранним типам поливной керамики Шаша

¹⁷⁵ Максимова А. Г., Мершнев М. С. и др. Древности Чардары, с. 50, рис. 20, 27, 34, рис. 21, 3, рис. 25, 46—48.

¹⁷⁶ Dorothy G. Sheperd. Iran between East and West, East—West in Art. Indiana, 1966, p. 94. tabl. 145.

(табл. VI, E). Сосуды с грубыми стенками, изгибом в средней части; кольцевой поддон на прямой ножке. Глазурь положена на черепок без ангоба, с небольшими наплывами на тыльной стороне сосудов. Орнамент состоит из растительных и геометрических элементов, выполненных сочетанием травянисто-зеленого и сине-зеленого цветов. Контур рисунка для придания четкости обведен тонкой марганцево-черной линией. На одной из чаш асимметрично к центру на бортике изображен ромб, вписанный в квадрат, на другой — две трапециевидные фигуры с растительными элементами внутри; края чаш украшены крупными овальными фестонами.

В слое X—XI вв. сохранились лишь части сырцовых стен, так что представление о нем можно получить только по керамике, извлеченной из нескольких бадрабов, спускающихся с этого уровня.

Некоторое представление о стратиграфии верхних слоев городища дал разрез останца с триангуляционной вышкой. Верхний слой (I ярус) представлен перемещенным насыпным грунтом, в одном месте прослежена часть пола, там же тандыр диаметром 0,6 м. В конце II яруса отмечен пол, выстланный жженым кирпичом (28×15×4 см, 27×13×4, 32×17×4 см). Из этого слоя извлечены фрагменты керамики с орнаментом в виде завитков, нанесенных по белому ангобу под прозрачной лимонно-желтой глазурью.

В небольшом количестве встречены листовидные наверхия от чирагов с граненым резервуаром. Наверхия в форме «сердечка» украшены штампованным растительным орнаментом под прозрачной зеленой глазурью. Такие чираги были широко распространены в XII — начале XIII в. по всей Средней Азии. В конце V яруса зафиксирован еще один уровень пола, выстланный жженым кирпичом (21×21×4 см).

Исследование стратиграфии шахристана вместе с данными, полученными при изучении цитадели и городских стен, позволило наметить следующую периодизацию жизни города на Ханабадтепа: V—VI вв.; первая половина VII в., вторая половина VII—VIII в.; IX—X вв.; XI — начало XIII в.

В первый период в непосредственной близости от р. Чирчик возник населенный пункт, который уже в это время носил городской характер, был обведен квадратом оборонительных пахсовых стен и застроен монументальными зданиями из пахсы и сырцового кирпича. По характеру материальной культуры первых насельников это городское поселение примыкало к памятникам Ташкентского оазиса V—VI вв. (Мингурюк, Кугаиттепа, Актепа Чиланзарский, Қаунчитепа), входя в единый с ними однородный культурный круг Каунчи.

В первой половине VII в. город постигло бедствие, которое, видимо, сопровождалось разливом реки и длительным затоплением городских кварталов. Позже город восстанавливается — построены новые фундаментальные дома, отремонтированы городские стены, в восточном углу на руинах старой застройки возведено оригинальное здание цитадели с угловыми башнями. Городская жизнь интенсивно развивалась, чему немало способствовало местоположение у возможной переправы на торговом пути из Согда в Семиречье. Пока следы город-

ских ремесел не обнаружены, однако косвенные данные свидетельствуют об оживленных торговых связях города, который был не только перевалочным торговым пунктом, но и ремесленным центром. Находки монет не только ташкентских правителей, но и китайских, чекана Уструшаны, Самарканда и других городов очерчивают широкий ареал торговых сношений, пути которых пролегали через столицу Шаха. В археологических слоях есть находки, подтверждающие этот вывод, в частности великолепно выполненный глазурованный ритон восточно-туркестанского происхождения.

Примечательно, что облик материальной культуры города по сравнению с первым поселением приобрел черты, позволяющие сопоставлять ее с верхним слоем Мингурюка и Актепа Юнусабадским, а также с культурой Центрального Согда (Афраснаб, Пенджикент). Бурный расцвет города был прерван в первой трети VIII в. н. э. пожаром и разрушением.

Период IX—X вв. отмечен возрождением городской жизни и интенсивным обживанием территории городища, правда, в несколько меньших пределах, чем в раннее средневековье. Город продолжал существовать в XI—XII вв. и только с началом XIII столетия можно связать его запустение, которое, как и на большинстве центров Шаха и Илака, явилось, видимо, последствием опустошительного монгольского нашествия. Жизнь на руинах в незначительной степени возродилась в XV—XVI вв.

СИНХРОНИЗАЦИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КОМПЛЕКСОВ И ВОПРОСЫ ХРОНОЛОГИИ КАУНЧИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

В ходе раскопок памятников Ташкента получены комплексы археологического материала, прежде всего наборы керамической посуды и строительные остатки, которые благодаря выявленной стратиграфической последовательности их залегания на нескольких опорных памятниках можно сопоставить друг с другом для установления их относительной хронологии. Рассмотрение этих комплексов, относящихся к двум господствовавшим в Ташкентском оазисе на разных хронологических этапах культурам (бургулюкская и каунчинская), затрагивает и проблему абсолютных дат этих культур, еще окончательно не решенную. Для истории Ташкента она приобретает принципиальное значение, так как находится в прямой зависимости от времени появления на его территории первого оседлого поселения и зарождения городской культуры.

Как указывалось выше, изучение Шаштепа дает ценные материалы для решения этой проблемы. Дело в том, что для установления относительной и абсолютной хронологии Каунчи постоянно не хватало памятника, стратиграфическая колонка которого четко и полно представляла бы не только отложения каунчинской культуры, но и подстилающий ее культурный комплекс, на основе которого или в процессе преобразования которого последняя складывалась и формировалась в характерный комплекс. На Шаштепа это устанавливается дос-

таточно убедительно, памятник приобретает роль своеобразного эталона для проектирования на него всего процесса культургенеза в пределах ташкентского микрооазиса и, видимо, в какой-то степени более широкого региона.

Наиболее ранний культурный комплекс в его колонке — Шаш I, выявленный только на Шаштепа. Как уже отмечалось, хронологически он в общем совпадает с Эйлатанским комплексом в Фергане, генетически восходит к нему же, является поздним проявлением бургулюкской культуры и может рассматриваться как заключительная ступень ее развития. В этот комплекс входят руины жилищ и предметы материальной культуры полупустынного поселения оседлых земледельцев и скотоводов VI—IV вв. до н. э. — единственного в пределах ташкентского микрорайона в окружении кочевников.

Комплексу Шаш I свойственна стандартизация форм керамики и уменьшение их количества по сравнению с бургулюкским комплексом Ахангарана, упрощение росписи на сосудах и сведение ее к минимуму, использование железа, большое разнообразие изделий из камня. Основной набор керамических форм: горшки и котлы разных размеров, в том числе с носиками у борта, миски и чаши с простым венчиком, круглые крышки с цилиндрической ручкой посередине, массивные сковороды-жаровни овальной формы, очажные подставки в форме трапециевидного кирпича. Вся посуда вылеплена от руки на матерчатом шаблоне, круглодонная, с примесью белых включений в тесте, поверхность покрыта красно-розовым или красным ангобом, иногда залощена до блеска. Общие пропорции сосудов приземистые, округлые. Редка роспись в виде красных штрихов и полос. При всей примитивности техники изготовления посуда отличается неплохим обжигом и довольно тщательной выделкой.

В комплексе многочисленные каменные изделия, в основном ладьевидные зернотерки с курантами, песты, продолговатые и округлые тернички, ложила.

Поселения с бургулюкским комплексом, составлявшие зону распространения этой культуры в долине Чирчика зафиксированы на Каунчитепа, Чангтепа¹⁷⁷, однако детально не изучались; о сходстве их с Шаш I можно судить лишь по керамическим находкам из слоя. В сравнении с материалами ахангаранского ареала бургулюкской культуры имеются отмеченные отличия в керамическом комплексе. Характер полупустынных жилищ с очагами внутри родствен, но на поселении Шаштепа использование сырцового кирпича не зафиксировано.

Как отмечалось, истоки культурного влияния, ощущаемого и в комплексе Шаш I, и в бургулюкских поселениях Ахангарана, уходят в культуру поздней расписной керамики типа Саразма и Чуста. Это проявляется как в формах сосудов (типа Чуста, Эйлатана), так и в прямоугольном стандарте кирпича, использованного в строительстве домов и укреплений. В Саразме жилые постройки и общественное зда-

¹⁷⁷ Буряков Ю. Ф., Дадабаев Г. Указ. соч., с. 47.

ние выстроены из кирпича $59 \times 29 \times 10$ — 12 , $52 \times 30 \times 10$ см¹⁷⁸, оборонительная стена Дальверзинтепа сложена из плит $55 \times 30 \times 10$ — 12 ; 40 — $42 \times 20 \times ?$ ¹⁷⁹ Ахангаранское поселение бургулюкцев окружено стеной из кирпича 40 — $43 \times 24 \times 12$ см¹⁸⁰.

Если в комплексе Шаш I родство керамики с Ферганой и Согдом прослеживается довольно четко, то в наследовании навыков строительного дела по имеющимся материалам сказать что-либо трудно вплоть до проявления их в комплексе Шаш III.

Наиболее интересен комплекс Шаш II, где в наборе керамических форм и сооружений полужемляночных жилищ с одной стороны прослеживается дальнейшее развитие традиции бургулюкской культуры, а с другой стороны в керамике присутствует ряд отмеченных признаков, отражающих смешение культур.

К последним относится присутствие в комплексе приземистых серо-черных котлов с горизонтальными ручками и лощением, плоскодонных горшков вытянутой формы, серо-черного цвета с пористой поверхностью сарматоидного типа, импорта красноангобириванной лощеной посуды, возможно, согдийского стандарта, фрагментов сосудов джеты-асарского или ферганского (шурабашатский) происхождения.

Состав комплекса указывает на ряд культурных инноваций, проявившихся в Ташкентском оазисе, видимо, не раньше III в. до н. э. и позволяющих предполагать источник их проникновения.

Одним из главных путей проникновения, очевидно, была река Сырдарья, связывавшая земли Ферганы с Приаральем, частично ощущается влияние с юга, возможно, из пунктов более ранней городской культуры Согда. Примечательны проникновения с севера и северо-запада, из низовьев Сырдарьи и со стороны кочевого мира. Присутствие в комплексе Шаш II сосудов сарматоидного типа, видимо, отражает не столько культурные связи и проникновение элементов культуры сармат, сколько прямое присутствие этнических групп, носителей этой культуры, в Ташкентском оазисе. Оно не носило характера определяющего фактора, но, возможно, как-то повлияло на формирование в нем каунчинского комплекса. Субстратом его формирования были местные сакские культуры, прежде всего бургулюкская, испытывавшие тем не менее подобные влияния. Устремление сарматов в Среднюю Азию со II в. до н. э., пришедшее на смену отношениям торговли и обмена, отмечает на материалах культур Южного Урала К. Ф. Смирнов¹⁸¹. Влияние сарматского элемента на формирование среднеазиатских культур каунчинского круга по набору признаков устанавливает Б. А. Литвинский для времени, начиная с грани нашей эры и позднее¹⁸². Причем

¹⁷⁸ Исаков А. И. Раскопки поселения Саразм.— АО 1980, 1981, с. 475.

¹⁷⁹ Спришевский В. И. Оборонительные сооружения эпохи бронзы на территории Узбекистана.— СА, 1972, № 3, с. 228.

¹⁸⁰ Дуже Х. Исследование в зоне Туябугузского водохранилища.— АО 1980, 1981, с. 449.

¹⁸¹ Смирнов К. Ф. Савроматы. М., 1964, с. 288.

¹⁸² Литвинский Б. А. История и культура восточной части Средней Азии от поздней бронзы до раннего железа. Автореф. докт. дисс. М., 1969, с. 64. Он же. Кангюйско-сарматский фарн, с. 110.

ретранслятором его он считает государство Кангюй, объединившее под одной сильной политической властью пестрый конгломерат племен кочевников и жителей контактных со степью оседлых районов.

Ташкентский оазис является таким контактным регионом, и по материалам Шаштепа можно говорить о начале проникновения сюда кочевых элементов, в частности носителей культур сарматского круга, несколько раньше II в. до н. э., уже с начала III в. до н. э. И это не случайно, ибо передвижение народов, в которое были втянуты многие племена, началось задолго до II в. до н. э. Сарматы начали свои вторжения в Скифию в III в. до н. э.¹⁸³ Массовые их передвижения отмечаются по западную сторону Каспийского моря. Они переходили к оседлому образу жизни в благоприятных для этого условиях и там, где уже существовали поселения местных племен.

Видимо, нечто подобное было и в восточном направлении. Часть пришельцев осела в Ташкентском оазисе, постепенно ассимилируясь с местным земледельческим населением бургулюкцев, чья культура была выше. Переходный комплекс Шаш II фиксирует начало изменений внутри местной культуры, качественно еще не проявленных. Процесс формирования нового культурного комплекса проходит в основном в ареале бургулюкской культуры, на ряде памятников (Кендыктепа, Қаунчитепа) в нем выделены, правда не в очень выразительном виде, формы переходного комплекса, что позволяет считать обширный Ташкентский оазис исконной территорией сложения культуры Қаунчи, где автохтонная оседлосакская культура стала основой ее формирования, однако для более широких обобщений этнокультурного процесса в его пределах этих материалов пока не достаточно; они должны быть подкреплены и результатами изучения стратиграфии сходных с Шаштепа памятников оазиса, и данными антропологических исследований.

По антропологическим данным для оазисов Средней Сырдарьи последняя треть I тысячелетия до н. э. была временем бурных племенных передвижений¹⁸⁴, обусловивших значительную пестроту антропологических типов населения правобережья Сырдарьи. С этим согласуется и археологическая информация, вытекающая из анализа комплекса Шаш II. Комплекс Шаш III состоит из трех характерных компонентов: архитектурно-строительного массива, оборонительной стены, отделившей его от поселения, и набора предметов материальной культуры, в основном керамики, с качественно новыми признаками.

Внутренний строительный массив состоит из системы помещений и коридоров, перекрытых сводами, сгруппированных в здание крестообразной планировки. Обводная оборонительная стена, возведенная одновременно с внутренним зданием, придает сооружению круглый абрис. Стена снабжена внутренним коридором, перекрывающимся сводом и разделенным на отсеки поперечными перегородками и, очевидно, выходами в башни.

¹⁸³ Смирнов К. Ф. О начале проникновения сарматов в Скифию. Проблемы скифской археологии. М., 1971, с. 196.

¹⁸⁴ Ходжаев Т. К. Палеоантропология Средней Азии и этногенетические проблемы. Автореф. докт. дисс. М., 1981, с. 18, 19.

Первоначальный архитектурно-строительный комплекс Шаштепа — пока древнейшее и уникальное в своем роде сооружение на всем правобережье Средней Сырдарьи. Он может рассматриваться в плане выявления истоков чачской школы строительства и архитектуры. До него никаких архитектурных остатков в ареале земледельческой бургулюкской культуры неизвестно, кроме оборонительной стены из прямоугольного сырца вокруг туябугузского поселения № 1¹⁸⁵.

Непосредственно за ним по времени следует дворец Актобе 2 в Чардаре¹⁸⁶, датированный не ранее I в. н. э., с которым его связывает неоспоримое единство архитектурно-планировочных строительных принципов. Крестообразная разбивка пространства, замкнутого подовальной в плане внешней стеной, характерная для «дворца» Актобе 2, одинаковая ориентация осей на северо-восток, как и использование сводчатых перекрытий, арок, устройство узких световых проемов, использование в кладке прямоугольного и квадратного кирпича определяют это органическое единство. Это сходство, по нашему мнению, подкрепляет оговорку исследователей чардаринского здания о возможности удревнить датировку до I в. до н. э. При том что здание Шаштепа несколько превосходит чардаринское сооружение по размерам и усложненности планировки, возведение их вдохновлялось, видимо, одной идеей, определившей и сходное общественно-культурное назначение их.

Родственные зданию Шаштепа сооружения возводились на правобережье в верхнем течении Сырдарьи, в Фергане. В северо-западной Фергане идентичное круглое сооружение с крестообразным зданием внутри, гораздо меньших размеров (диаметр 27 м), исследовал Ю. А. Заднепровский на Билавуртепе; он датировал его первыми веками нашей эры¹⁸⁷.

Планировочный принцип, в основе которого лежат вписанные друг в друга круг и квадрат или круг и крест, был широко распространен в эпохи бронзы и на территории протогородских цивилизаций юга Средней Азии, и в среде полуседлого населения степей Приаралья и дельтовых протоков Сырдарьи¹⁸⁸. Обычно его связывают с кругом космологических воззрений и огнепоклонничества индо-иранских племен вообще¹⁸⁹.

Обратившись к конкретным аналогиям, следует отметить особую близость сооружения Шаштепа поздним мавзолеям в Тагискене, сакским погребальным сооружениям в Уйгараке и другим памятникам

¹⁸⁵ Дукэ Х. Туябугузские поселения, с. 20.

¹⁸⁶ Максимова А. Г., Мерцнев М. С. и др. Древности Чардары, с. 71.

¹⁸⁷ Заднепровский Ю. А., Баранов Л. Цитадель Билавуртепа. ИМКУ, вып. 15, Ташкент, 1979, с. 153, 154.

¹⁸⁸ Сарьяниди В. И. Древние земледельцы Афганистана. М., 1977, с. 30, 34.

¹⁸⁹ Толстов С. П., Жданко Т. А., Итина М. А. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1958—1961 гг. Полевые исследования Хорезмской экспедиции в 1958—1961 гг. М., 1963, с. 37, 50; Лелеков А. А. К истолкованию погребального обряда в Тагискене.— СЭ, 1972, № 1, с. 129, 130; Толстов С. П. По древним дельтам Окса и Яксарта, с. 133—134; Кой-Крылганкала—ТХЭ, т. V, 1967, с. 227, 228.

низовьев Сырдарьи. Налицо не только единый планировочный принцип с солярной символикой (круг, разделенный вписанным крестом) и строительные приемы (сочетание пахсы с кирпичом близкого прямоугольного стандарта, использование в кладке камышовых прокладок), но и устройство жердевых конструкций частокола вдоль внешних стен по периметру здания. Особенно близки мавзолен 1 и 2 Тагискена, последний отнесен к античному времени, цилиндрическое здание Чирик-Рабата (III—II вв. до н. э.), так называемые крестовины того же времени, связанные с обрядом трупосожжения, и конструкции мавзолея Баланды 2, сооружения Бабиш-мулла 2¹⁹⁰. Строительные приемы: устройство сводчатых коридоров и характер сводов, арки, окна, стреловидные прорезы, красная окраска интерьеров, имитирующая огонь,—заставляют обращаться к кругу памятников последней трети I тысячелетия до н. э. в низовьях Сырдарьи, включая городища Чирик-Рабат и Бабиш-мулла.

В отличие от названных выше погребальных сооружений здание Шаштепа не несет таких признаков и может рассматриваться как общественное с культовой окраской, т. е. планировочно и функционально связанное с почитанием солнца и огненной стихии. Некоторые параллели в этом плане напрашиваются с Кой-Крылган-калой в Хорезме, сооружением, интерпретируемым как храм погребального и астрального культов¹⁹¹. Сходство не только в том же солярном принципе и наборе конструктивных приемов: своды, арки, аналогичные световые проемы, стреловидные прорезы. Здесь, как и для храмового сооружения, применен принцип планировки, ранее известный лишь для погребальных построек. Кроме того, здание Кой-Крылган-калы — результат влияния древних строительных традиций населения низовьев Сырдарьи и культуры юга, наслоившихся на местное хорезмийское зодчество. То же влияние ощущается в архитектурном комплексе Шаштепа от протогородских культур Бактрии и Согда, ретранслированных культурой поздней расписной керамики. Это может быть прямоугольный кирпич кладок, керамика с бугулюкскими орнаментами или некоторые принципы планировки — круг или квадрат с заovalенными углами (Дашлы 3, Кучуктепа), устройство глухих отсеков в обводной стене с выходами в башни (Дашлы 3)¹⁹², система коридорообразных помещений с наклоненной внутрь поверхностью (Пшактепа), эллиптическая фортификация Афраснаба.

Зафиксированный в Шаштепа прием устройства стреловидных прорезей (рис. 46) был распространен в архитектуре и фортификации Бактрии, Согда, Парфии и Хорезма с раннеантичного времени.

Таким образом, здание Шаштепа, как и, видимо, Кой-Крылган-кала,—продукт взаимовлияния тех же строительско-планировочных традиций, проявившихся в раннеантичное время. Только в Чаче этому

¹⁹⁰ Толстов С. П., Жданко Т. А., Итина М. А. Указ. соч., с. 73.

¹⁹¹ Кой-Крылган-кала..., с. 227.

¹⁹² Сарияниди В. И. Указ. соч., с. 34; Аскаров А. А., Альбаум Л. И., Поселение Кучуктепа, Ташкент, 1972, с. 27, рис. 9.

сооружению не предшествует собственная строительная школа, подобная хорезмийской для Кой-Крылган-калы, и шаштепинское здание можно считать родоначальником школы Чача.

В результате изучения архитектурно-строительного комплекса Шаштепа, родственных ему построек нижней, средней и верхней Сырдарьи получены интересные сведения о направлении культурных инноваций в этом обширном регионе, объединяемом самой рекой. Наиболее ранние проявления архитектурно-строительных приемов и солярной планировки мы находим в нем в зонах сакских культур низовьев и в Джетыасарах¹⁹³. Комплекс Шаштепа и следующий за ним по времени чардаринский фиксируют эти черты в последующую эпоху на среднем течении Сырдарьи. Исследователи сакских городищ отметили их запустение к концу периода IV—II вв. до н. э. и массовый уход населения¹⁹⁴.

На поселении Билавуртепа в Фергане сооружение солярной планировки относится к первым векам нашей эры. Таким образом, распространение инноваций вверх по Сырдарье как будто устанавливается, очевидно, оно не исключает и продвижения этнических групп.

Будучи пока уникальным памятником раннеантичного Чача, нижний архитектурный комплекс Шаштепа — сложное сооружение, в котором своеобразно преломились и строительные традиции древнегородских цивилизаций юга (Бактрия, Парфия, Согд), основным путем проникновения которых, видимо, была издревле известная дорога на юг, постепенно оформившаяся как ветвь «великого шелкового пути» и пролегавшая через Ташкентский оазис.

Комплекс керамики Шаш III характеризуется набором форм, не выявленным в таком сочетании ни на одном другом памятнике Ташкента: выделанные от руки широкогорлые кувшины с ручками, украшенные темно-бурыми потеками с процарапанным орнаментом, чаши с наметившимся перегибом стенки, чаши с загнутым внутрь бортиком, миски с кольцевыми вертикальными ручками, грубоватые котлы с ручками-проушинами, котлы с горизонтальными ручками мыском, сковороды, жаровни, фляга и продолжающие бытовать бургулюкские формы. Комплекс еще не определяет всего многообразия характерных форм Каунчи, здесь присутствуют лишь отдельные элементы комплекса классического Каунчи, весь набор качественно отличается от последнего. Ближайшие аналогии основным его формам можно найти лишь в керамике нижнего слоя Каунчитепа, выделенного Г. В. Григорьевым в первую ступень каунчинской культуры¹⁹⁵, но котел с проушинами Г. В. Григорьев отнес к верхней ступени.

Набор комплекса Шаш III полнее и представительнее выделенного на Каунчитепа, однако, и он не исчерпывает еще всех форм Каунчи I и будет пополняться при расширении площади раскопа. Тем не менее стратиграфически он выделен вполне четко. В целом он не сопостав-

¹⁹³ Левина Л. М. Исследования в Джетыасарском урочище.— АО 1980. М., 1981, с. 438.

¹⁹⁴ Толстов С. П., Ждако Т. А. Указ. соч., с. 77.

¹⁹⁵ Григорьев Г. В. Каунчитепа, с. 33—39, рис. 50.

ляется с комплексом Каунчи I, выделенным Л. М. Левиной, лишь отдельные элементы находят в нем аналогию. Это прежде всего котел с проушинами, миска с кольцевыми ручками, сковорода-жаровня, кувшин с потеками и процарапанным орнаментом¹⁹⁶. В Шаше III отсутствуют кружки и зооморфные налеты, зооморфные подставки (вместо них продолжают бытовать кирпичи), нет корчаг со сливами. По всем данным Шаш III предшествует по времени этапу Каунчи I (в определении Л. М. Левиной) и в целом отличается от него.

Керамический материал комплекса Шаш III собран главным образом в заполнении коридора обводной стены из слоя XV и XVII ярусов, из-под второго уровня пола коридора, отмеченного уплотненной прослойкой.

Над уровнем второго пола из слоя с характерной зольно-органической структурой получен набор керамики классического Каунчи, т. е. комплекс Шаш IV. Этот набор форм существенно дополняется родственными материалами, собранными из слоев той же структуры, залежавших на материке на Кугаиттепа, Мингурюке, Бузгонттепа, что позволяет синхронизировать эти комплексы с Шаш IV (рис. 14).

На Шаштепа эти материалы связаны со старой, уже возведенной в предшествующее время архитектурой, на Мингурюке они накапливались с момента возведения сырцовых построек и крепостной стены, выстроенных полностью на манер архитектурно-фортификационного сооружения Шаш III (узкие коридоры). На Таукаттепа им соответствует также монументальное здание с мощными стенами. Возведение сырцовых построек на этих пунктах отражает процесс дальнейшего освоения гидросети Ташкентского микрооазиса, расширения ареала древнегородской культуры.

Комплекс керамики Шаш IV включает кувшины со сливом и ручкой, котлы с ручками-проушинами и горизонтальным мыском, хумы, корчаги со сливом на борту, кружки грушевидные и шаровидные с зооморфными ручками, жаровни, кринки, украшенные вдавлениями, очажные подставки в виде стилизованных разнообразных голов быков. В комплексе отсутствуют формы бургулюкского типа. В нем продолжают развиваться лишь отдельные элементы, заложенные в комплексе Шаш III, и появляются новые формы. Керамические материалы комплекса находят широкие аналогии в ареале распространения каунчинской культуры и на поселениях, и в могильниках. Ввиду исчерпывающего рассмотрения этих керамических материалов Л. М. Левиной, мы не будем подробно останавливаться на их анализе. Отметим только, что Л. М. Левина изучила в общем материалы, уже собранные и оторванные от стратиграфии памятников, а в случаях, когда такую связь можно было установить, памятники включали лишь отложения каунчинского комплекса, что способствовало разработке относительной периодизации внутри Каунчи, но лишало возможности установить истоки формирования культурного комплекса и абсолютной хронологии культуры.

¹⁹⁶ Левина Л. М. Керамика..., рис. 59.

Археологический памятник

Культура	Дата	Археологический памятник								
		Шаштепа	Кугайт-тепа	Минг-урук	Таукалт-тепа	Бузган-тепа	Айтепа Абусард-сков	Айтепа Чувакзор-сков	Ханабад	Биннет
	XVI в.									
	XV в.									
	XIV в.									
	XIII в.									
	XII в.	ШашVI								
	XI в.									
	X в.									
	IX в.									
	VIII в.	ШашVI								Материк
	VII в.									
Каунчи I Б	VI в.									
	V в.	ШашV								Материк
	IV в.									
Каунчи I А	III в.									
	II в.	ШашIV								
I в.										
Каунчи I	I в. до н.э.	ШашIII								Материк
	II в. до н.э.									
Переходный комплекс	III в. до н.э.	Шаш II								
Бургултук (2 этап)	IV в. до н.э.									
	V в. до н.э.	Шаш I								
	VI в. до н.э.									
										Материк

Рис. 14. Сводная стратиграфическая таблица археологических памятников.

Выделенный Л. М. Левиной набор предметов материальной культуры как этап Каунчи I во всех основных чертах, кроме очажных подставок, соответствует комплексу Шаш IV. Материалы памятников Ташкентского микроазиса не подтверждают установившейся традиции, что подставки с бараными головами относятся к Каунчи I, а с бычьими — составляют отличительную особенность Каунчи II. Неизвестны памятники, где бы стратиграфически четко была установлена последовательность залегания тех и других подставок. Зато существуют конкретные примеры нахождения в слое вместе обоих типов. Так они обнаружены на самом Каунчитепа¹⁹⁷ и на Кендыктепа¹⁹⁸. На территории Ташкента в комплексе Каунчи I нет зооморфных подставок, а быки (независимо от степени стилизации изображения) в комплексе Каунчи II встречаются практически на всем протяжении его бытования. Кажется, что признак присутствия в комплексе тех или иных подставок определяет не хронологическую последовательность развития культуры, а локальную особенность района.

Кангюйская проблема, один из вопросов которой разработка хронологии Каунчинской культуры, не может решаться без четкого определения содержания понятия Каунчи I и Каунчи II.

Как отметил А. И. Тереножкин, разделенное первооткрывателем Г. В. Григорьевым культуры Каунчи на две ступени сразу же поставило их в неравноценное положение¹⁹⁹. Если Каунчи II означало по сути дела классический каунчинский комплекс и с открытием новых материалов и памятников все больше наполнялось конкретным содержанием, то характер и особенности ступени Каунчи I оставались недостаточно ясными. Исследование могильников или памятников только каунчинской культуры не давало материалов для характеристики Каунчи I, а выделенные Г. В. Григорьевым на Каунчитепа признаки были слишком малочисленны и не определяли всего своеобразия этой ступени. Г. В. Григорьев считал главным качественным различителем ступеней наличие в Каунчи II кружек с зооморфными ручками. Все последующие исследователи (А. И. Тереножкин, М. Э. Воронец, Т. Г. Оболдуева, Б. А. Литвинский)²⁰⁰, по-разному решая вопрос хронологической принадлежности этих ступеней, в общем придерживались номенклатуры понятий, предложенной Г. В. Григорьевым. И лишь в громадном исследовании керамики Каунчи Л. М. Левиной, на что об-

¹⁹⁷ Там же, рис. 29.

¹⁹⁸ Буряков Ю. Ф. Историческая топография..., с. 181.

¹⁹⁹ Тереножкин А. И. Памятники Каунчинской культуры.— В кн.: Древняя и средневековая культура Чача, с. 24.

²⁰⁰ Тереножкин А. И. Согд и Чач.— КСИИМК, XXXIII, 1950, с. 159; Воронец М. Э. Археологические исследования 1937—1938 в УзССР.— ВДИ, 1940, № 3—4, с. 335—337. Он же. Отчет археологической экспедиции Музея истории Академии наук УзССР о раскопках погребальных курганов первых веков нашей эры возле станции Вравская в 1947 г.— Труды МИ, I, Ташкент, 1951, с. 54; Оболдуева Т. Г. Курганы каунчинской и джунской культуры в Ташкентской области.— КСИИМК, XXIII, 1948, с. 102; Литвинский Б. А. Джунский могильник и некоторые аспекты кангюйской проблемы.— СА, 1967; № 2, с. 32 и сл.; Он же. Кангюйско-сарматский фарн.

ратил внимание А. И. Тереножкин²⁰¹, вопрос отличия ступеней решен иначе: на Каунчи I перенесены все характерные признаки Каунчи II, Каунчи II стаднально совмещено с джунской культурой²⁰² и обе стали рассматривать как последовательно сменяющие друг друга качественно единые стадии одной культуры Каунчи II, при этом в колонке развития комплекса для Каунчи I не осталось места.

Стратиграфия Шаштепа и установленная по ней последовательная смена комплексов, синхронизация Шаш IV с нижними отложениями трех других объектов Ташкента реабилитируют старую градацию Г. В. Григорьева, установленную на основе стратиграфического наблюдения на Каунчитепа.

Выделенный комплекс Шаш III (Каунчи I) отличается от последующего, включая лишь отдельные элементы Каунчи II. Его сменяет Каунчи II (Шаш IV и Шаш V) — классический каунчинский комплекс, по содержанию равный стадиям Каунчи I и Каунчи II (по Л. М. Левиной).

В результате изучения стратиграфии Шаштепа, Кугаиттепа, Бузгонттепа установлено два этапа его развития, хотя ярко выраженных морфологических признаков различия между ними уловить почти невозможно: в Ташкенте не были распространены подставки с бараньими головами, а быки характерны для обоих этапов.

Основанием для разделения Шаш IV и Шаш V служит четко выделенный в стратиграфии период запустения цитадели Шаштепа, когда довольно продолжительное время комплекс был заброшенным, своды здания и галереи просели и под ними накопился слой натеков.

Следующий за этим период был временем сложения нового строительного-фортификационного массива цитадели с новой прямоугольной планировкой ее здания, нижние руины при этом были не нарушены, а лишь перекрыты свежими кладками. Во время существования и перестройки этого массива бытовал комплекс материальной культуры, мало чем отличающийся от Шаш IV, но с учетом стратиграфии выделенный нами как Шаш V, второй этап Каунчи II, аналогичный по содержанию всей ступени Каунчи II Л. М. Левиной²⁰³. Этот комплекс синхронизируется с материалом второго горизонта Мингурюка, Кугаиттепа и Бузгонттепа, в стратиграфии которых он также четко выделен. На Мингурюке — это начало нового строительства на древней оборонительной стене и набор керамических форм из этого слоя. На Кугаиттепа — это начало сложения архитектурно-строительного комплекса, связанного с культовой площадкой. На Бузгонттепа — возведение первых кладок мощного фортификационного сооружения и керамика, связанная с его функционированием. Керамический набор Шаш V выделен и на Таукаттепа, но в кладках его развитой архитектуры не улавливается столь четкого разделителя, как на других памятниках. Керамический набор форм комплекса Шаш V также отмечен на целом ряде па-

²⁰¹ Тереножкин А. И. Памятники каунчинской культуры, с. 24.

²⁰² Левиная Л. М. Керамика, с. 179.

²⁰³ Там же, с. 182, рис. 59.

мятников практически в пределах всего ташкентского микрооазиса, что указывает на его полное освоение под новые поселения и городские пункты. Характерная особенность комплекса — не только бытование всех форм предыдущего, Шаш IV, но и продолжение использования подставок в виде быков, кувшинов и кружек с налестями в виде барашков наравне со знаками бараньих рогов и их символами. В комплексе очень мало форм красноангобированной керамики, кружек с марганцево-черным покрытием и геометрическим орнаментом, поэтому нельзя ее считать определяющим признаком. Появилась новая форма — курильница на ножке.

Развитие традиций комплекса Шаш V на части изученных памятников Ташкента продолжалось в несколько измененном виде с включением новых форм до конца VIII в. н. э. (комплекс Шаш VI). Но если для времени бытования классического комплекса трудно говорить о действии каких-то процессов культурной интеграции, настолько консервативно устойчиво единство Каунчи II, то уже с середины бытования комплекса Шаш V оно нарушается появлением новых признаков и влияний соседних культурных регионов. Для этого времени в материалах Шаштепа, Кугантепа, Бузгонтепа отмечается появление широкогорлых кувшинов со слегка смятым сливом, отогнутым манжетовидным венчиком и рифлением на горловине, что служит отличительной чертой керамики джетысарского комплекса. Особенно интенсивное проникновение джетысарских элементов на среднюю Сырдарью, по наблюдениям Л. М. Левиной, началось с III—IV вв. н. э., причем исследователь склонна видеть в этом прямое передвижение джетысарского населения²⁰⁴.

По материалам Ташкента самые ранние культурные влияния ареала джетысарцев можно отнести к III в. до н. э., но в то время они имели эпизодический характер. В комплексах Шаш III и Шаш IV признаки таких культурных проникновений не отмечены, зато в комплексе Шаш V они настолько явственны, что действительно позволяют считать их признаками этнических передвижений, внутри среднесырдарьинского населения. Однако территории ташкентского микрооазиса эти движения коснулись немного позднее, чем районов у р. Сырдарьи²⁰⁵. Нельзя согласиться с Л. М. Левиной, пытавшейся связать повсеместное возникновение городищ каунчинской культуры в центральном и юго-восточном районах Ташкентского оазиса с проникновением сюда в III—IV вв. н. э. массы джетысарцев²⁰⁶. В результате изучения материалов ташкентских памятников установлено, что поселения и городские пункты возникли здесь еще до проявления джетысарских элементов в комплексе материальной культуры, этнические же передвижения, фиксируемые на Сырдарье по археологическим ма-

²⁰⁴ Левина Л. М. Среднеазиатские связи джетысарской культуры в первой половине I тысячелетия н. э., с. 175.

²⁰⁵ Древний Отрар, с. 127, 132 и сл.; Буряков Ю. Ф. Историческая топография, с. 130; Максимова А. Г., Мерциев М. С. и др. Древности Чардары, с. 107, 154.

²⁰⁶ Левина Л. М. Среднеазиатские связи..., с. 174.

териалам, связаны, очевидно, с появлением на исторической арене в сырдарьинском регионе эфталитов, хионитов, кидаритов, отмеченным в исторических источниках.

Комплекс Шаш VI фиксирует дальнейшее развитие каунчинской культуры в ташкентском микрооазисе. При общем классическом наборе форм на ряде их отмечены некоторые морфологические отличия. Продолжают бытовать хумы, хумчи, котлы с проушинами, кувшины, кружки, чаши, миски. Появляется новая форма кувшина со сплюснутым носиком-раструбом, поднимающимся от плеча и соединенным с венчиком, округлого котла с серповидными ручками. Кружки в основном шаровидные или с высоким горлом, иногда с катушкообразным налепом наверху. Продолжают использоваться подставки-быки и курляницы на конической ножке. Наряду с джетысарскими распространяются сосуды, прямые аналоги которых дает посуда отрарско-каратауского ареала VII—VIII вв. н. э. Наиболее характерна форма кувшина с вытянутым носиком, ручкой с зубчатой спинкой и туловом, покрытым врезным геометрическим орнаментом, поверхность красноангобириванная с тщательным лощением, по форме похожа на металлическую²⁰⁷. В этом комплексе резко возросло число красноангобириванной и лощеной керамики.

Комплекс Шаш VI дублирован на Кугаиттепа, Бузгонтепа, Актепа Чиланзарском и ряде других, но не на всех памятниках Ташкента. Причем на Актепа Чиланзарском каунчинские архаические черты выступают в наиболее чистом виде. Здесь продолжают бытовать сосуды с зооморфными ручками, а весь комплекс отмечен печатью каунчинского консерватизма. Комплекс Шаштепа VI связан в Ташкенте с распространением первых монетных чеканов. На другой части памятников Ташкента — Мингурюке, Актепа Юнусабадском, отчасти Таукаттепа и особенно Ханабаде — синхронно с Шаш VI развивался резко отличающийся комплекс керамики, в облике которой чувствуется большая близость эталонам согдийской культуры, и прямое влияние последней на культуру ташкентского микрооазиса. Формы кружек пенджикентского типа, чаши, миски, особая форма кувшина не оставляет сомнений в их происхождении. В архитектуре и строительстве указанных памятников также видны аналогии с согдийскими образцами (планировка дворцовых зданий, формы колонн, применение настенной живописи, отчасти оттиски на терракоте). Однако говорить о перемещении в Ташкент масс согдийского населения было бы неверно. Речь может идти о распространении культурных эталонов.

Необходимо отметить, что этот период, завершившийся арабским завоеванием, был временем развития зрелой строительно-архитектурной школы, присущей Шашу и отчасти Уструшане. Характерная планировка, равно применявшаяся для сооружения цитаделей, храмов и замков (Актепа Юнусабадское, Актепа Чиланзарское, Ханабад), основана на квадрате, объединенном поясом одной или больше галерей.

²⁰⁷ Древний Отрар, с. 189, 190.

замкнутых на углах башнями, разбивке внутреннего помещения на узкие казематы с открытым пространством двора в центре. Этот принцип составляет твердый строительный канон Шаша и повторяется в Уст-рушане. Для этого времени в Шаше в классическом виде оформился типизированный комплекс храмовых помещений домов огня, связанных с поминальным культом и возжиганием огня. Принципами шашской школы также можно назвать раннее освоение купольного перекрытия, ступенчатое устройство внешних фасов фортификационных сооружений. Несомненно стилистическое сходство верхнего археологического комплекса Мингурюка и других перечисленных объектов от несущих в верхнем горизонте комплекса Шаш V. Заключается оно прежде всего в более высоком уровне развития элементов материальной культуры и форм строительства этих объектов, в чем сказалось влияние общесоغدийской культуры. Сопоставив и рассмотрев относительно смену культурных комплексов в Ташкентском микрооазисе, необходимо обратиться к их хронологической ориентации.

Вопросы хронологии бургулюкской и каунчинской культур, как и их взаимоотношение и происхождение, все еще остаются спорными. Исследователи выдвигают свои точки зрения, пересматривают прежние представления на те или иные стороны этой проблемы. Однако до настоящего времени из-за неизученности многослойных памятников, например, бургулюкской культуры, невозможно было четко выделить этапы ее развития, определить хронологический диапазон существования и установить верхнюю границу ее развития в Чаче. Из-за отсутствия главным образом полной и четкой стратиграфии каунчинских памятников не удалось окончательно сопоставить с культурными горизонтами те или иные комплексы керамики, определить отправную точку их развития и абсолютную хронологию, четко связать культуру Бургулюка и Каунчи, хотя относительная последовательность их бытования и смена бургулюкского комплекса каунчинским устанавливалась вполне определенно.

Передатировка бургулюкской культуры IX—VII вв. до н. э.²⁰⁸, вполне оправданно базирующаяся на накопленном за последние годы материале изучения вновь открытых культур расписной керамики, увеличила хронологический разрыв между ней и культурой Каунчи по сравнению с датировкой А. И. Тереножкина. Если при датировке бургулюкской культуры А. И. Тереножкиным VI—IV вв. до н. э. и культуры Каунчи I II—I вв. до н. э.²⁰⁹ оказалась белым пятном в периодизации культур Чача ступень, приходящаяся на III в. до н. э., то при передатировке Бургулюка этот разрыв увеличивался до 400 лет. Если же учесть, что нижняя граница каунчинской культуры была поднята до I в. н. э.²¹⁰ или до I в. до н. э.²¹¹, то этот разрыв составляет около 600 лет.

²⁰⁸ Дуканов Х. Древности Туябугуза, с. 89.

²⁰⁹ Тереножкин А. И. Согд..., с. 158.

²¹⁰ Толстов С. П. К вопросу о датировке культуры Каунчи-тепе.— ВДИ, 1946, № 1, с. 175—176.

²¹¹ Левина Л. М. Керамика..., с. 178.

Безусловно, было бы искусственным признать за территорией Ташкентского оазиса, ставшего одним из древнейших очагов развития земледельческой культуры, такое длительное запустение, такой неоправданный регресс. Поэтому исследователи пытались сблизить эти культуры: высказывались предположения о необходимости выделить в бургулюкской культуре несколько этапов и растянуть время ее бытования (Х. Дуке)²¹² или датировать самое культуру более поздним периодом, дотянув ее верхнюю границу до II—I вв. до н. э. (Ю. Ф. Буряков, Г. Дадабаев) и приблизив к началу Каунчи I.

В настоящее время предложена новая датировка верхнего этапа бургулюкской культуры Чача, к сожалению, также неподкрепленная разбором комплекса и результатами стратиграфического исследования памятников (Ю. Ф. Буряков); поздний этап культуры датирован VI—III вв. до н. э.²¹³ Из-за разнобоя в датировках культур и хронологического разрыва между ними некоторые исследователи (Л. М. Левина) отрицают возможность их родства.

В результате изучения стратиграфии Шаштепа, внизу которого лежит бургулюкский комплекс, а наверху Каунчи, выявлена последовательность и, главное, непрерывность развития культур, перерастание одной в другую. Впервые стратиграфически четко прослежено отсутствие какой-либо лакуны в последовательности обживания памятника и развитии земледельческой культуры на территории Ташкента. Появилась возможность предложить периодизацию его культуры на ранних этапах. Нижний культурный комплекс памятника — Шаштепа I (VI—IV вв. до н. э.) — определяет завершающий этап развития бургулюкской культуры на территории Ташкента.

Комплекс Шаштепа II (III — начало II в. до н. э.) — первый этап переходного периода, характеризующийся перерастанием бургулюкской культуры под влиянием привнесенных черт других культур (Ферганы, сакосарматоидного круга и др.) в культуру Каунчи. Как показывают материалы Шаштепа, кроме влияния на генезис каунчинской культуры, можно предполагать и непосредственное этнокультурное участие пришельцев, в частности носителей сарматоидных культур и племен низовьев Сырдарьи, пришедших в движение еще до начала «Великого переселения» племен кочевников, вторгнувшихся в глубинные районы Средней Азии.

Комплексом переходного периода заполняется лакуна между Бургулюком и Каунчи, фиксирующим перерастание первой в начальный этап второй. Обнаружение такого комплекса в Чаче включает его территорию в пределы основного района, колыбели формирования каунчинской культуры, впоследствии составившей городской пласт Ташкента и обнаруженной на всех археологических памятниках в его пределах.

Комплекс Шаштепа III (II—I вв. до н. э.) — второй этап переходного периода, тождественный стадии Каунчи I, характеризующийся на-

²¹² Дуке Х. Древняя и средневековая..., с. 44.

²¹³ Буряков Ю. Ф. Древняя и средневековая..., с. 170.

коплением признаков, предопределивших появление качественно нового комплекса собственно культуры Каунчи (Каунчи II) с грани нашей эры. Первооткрыватель и исследователь культуры Каунчи Г. В. Григорьев при стратиграфическом изучении городища Каунчитепа выделил две ступени этой культуры — Каунчи I и Каунчи II, датировав их, соответственно уровню археологических знаний его времени, первую концом бронзового века и концом II — началом I тысячелетия до н. э., вторую сакским временем VIII—V вв. до н. э.²¹⁴ Позже обе ступени передатировал А. И. Тереножкин и затем С. П. Толстов, отнесший культуру Каунчи I к I—II в. н. э.²¹⁵ А. И. Тереножкин на основании сопоставления каунчинских материалов, полученных в основном во время наблюдений на строительстве Ташкентского канала, с данными стратиграфического изучения согдийских памятников (Талибарзу) Фотнес Каунчи I к II—I вв. до н. э.²¹⁶, ступень Каунчи II он поместил между гранью нашей эры и началом джунской культуры, которую датировал на основе анализа вещей джунского могильника, проведенного Б. А. Литвинским, концом I или началом II в. н. э.²¹⁷

К грани нашей эры отнес начало бытования классического каунчинского комплекса Б. А. Литвинский на основе раскопок и анализа материалов могильников Северной Ферганы²¹⁸.

Несколько омолодила каунчинскую культуру Л. М. Левина, отвергая понятийное деление Г. В. Григорьева и содержание выделенной им ступени Каунчи I и перенесшая ее на классический каунчинский комплекс с тремя этапами: Каунчи I, Каунчи II и Каунчи III. Она датировала их соответственно материалам изучения каунчинских городищ Чардары и пересмотру под углом зрения своей концепции всех керамических материалов каунчинского ареала: Каунчи I — с рубежа или с I в. до н. э. по III в. н. э.; Каунчи II — IV (с конца III в.) по V в. н. э.; Каунчи III — VI — начало VIII в. н. э.²¹⁹

Стратиграфическая колонка Шаштепа и синхронизируемые с ней комплексы других памятников Ташкента восстанавливают стадию Каунчи I как завершающий этап перехода к классическому каунчинскому комплексу.

Признаки комплексов от Шаш I до Шаш IV подтверждают родство бургулюкской культуры и каунчи. В строительном комплексе последней появились приемы строительства и стандарт кирпича культуры расписной керамики. В керамический набор каунчи перешли не-

²¹⁴ Григорьев Г. В. Каунчитепа, с. 39; Он же. Краткий отчет..., с. 9; Он же. Келеская стена в археологическом отношении, с. 49.

²¹⁵ Толстов С. П. К вопросу о датировке..., с. 175, 176.

²¹⁶ Тереножкин А. И. Рецензия на работу Г. В. Григорьева «Каунчитепа». — Известия УзФАН СССР, 1940, № 8, с. 84—86; Он же. Согд и Чач, с. 158; Он же. Вопросы периодизации и хронологии древнейшего Самарканда. — СА, 1972, № 3, с. 96.

²¹⁷ Тереножкин А. И. Древняя и средневековая культура Чача, с. 36.

²¹⁸ Литвинский Б. А. Изучение курумов в северо-восточной части Ленин-абадской области в 1957 г. — Труды АН ТаджССР, т. 103. Душанбе, 1959, с. 122, 126; Он же. Кангюско-сарматский фарн, с. 7.

²¹⁹ Левина Л. М. Керамика..., с. 100, 179, 182, 184.

которые формы бургулюка — крышки, жаровни с низким бортом, очажные подставки. Есть и общие морфологические признаки, в частности цилиндрические сливы, — один из характерных признаков посуды обеих культур. Однако следует отметить, что генетическая связь культур устанавливается главным образом по зафиксированному стратиграфической колонкой Шаштепа постепенному перерастанию, завершившемуся появлением нового качества — комплекса Каунчи.

Если комплекс Шаш II хронологически отнесен к III — началу II в. до н. э., то сменивший его Шаш III приходится на II—I вв. до н. э., что подтверждает выдвинутую ранее А. И. Тереножкиным датировку ступени Каунчи I II—I вв. до н. э. Комплексы Шаш IV и Шаш V по составу можно сопоставить с Каунчи I и Каунчи II (по классификации Л. М. Левиной), однако учитывая качественное отличие Каунчи I, характеризовать как Каунчи IIa и Каунчи IIб, исходя из общего единства культурных компонентов этих ступеней. В относительной периодизации Шаштепа они различаются только по стратиграфии. Нижней датой первого можно считать грань нашей эры. Следует отметить, что Шаш IV не только включает характерные формы керамики каунчинской культуры, но и сопоставляется с материалами Джунского могильника. Первонсследователи могильника датировали его I—III вв. н. э. (Г. В. Григорьев)²²⁰ и III—IV вв. н. э. (М. Э. Воронец и Т. Г. Оболдуева, последняя выделила джунский комплекс в культуру, генетически связанную с Каунчи II)²²¹. Л. М. Левина совместила его с комплексом Каунчи II. Учитывая эту близость, Б. А. Литвинский предложил именовать всю культуру каунчинско-джунской²²². По нашему мнению, джунский комплекс есть проявление каунчинской культуры, не имеющее качественных отличий от классического каунчинского набора признаков. Датирующие же факторы джунского комплекса, особенно фибула *ausissa*, которая, как показал Б. А. Литвинский, могла попасть в захоронение в конце I — начале III в. н. э., убедительно определяют его верхнюю границу.

Прекращение погребений в Джунском могильнике соотносится с периодом запустения строительного комплекса Шаштепа, стратиграфически выделенного на объекте. Возможно, оба явления взаимосвязаны и порождены едиными причинами, приведенными к некоторому обезлюдению Чирчикского оазиса во второй половине III в. н. э.

Исходя из стратиграфии Шаштепа и датировки Джунского могильника, комплекс Шаш IV можно отнести к I — первой половине III в. н. э., что должно соответствовать ступени Каунчи IIa.

Комплекс Шаш V, сменивший в колонке Шаштепа после некоторого перерыва предыдущий, соответствует Каунчи IIб и может датиро-

²²⁰ Григорьев Г. В. Самаркандская экспедиция. — КСИИМК, I, 1939, с. 34; Он же. Келесская степь, с. 59.

²²¹ Воронец М. Э. Археологические исследования 1937—1938 гг. в УзССР. — ВДИ, 1940, № 3—4; Оболдуева Т. Г. Курганы каунчинской и джунской культуры в Ташкентской области. — КСИИМК, XXIII, 1948, с. 102.

²²² Литвинский Б. А. Джунский могильник и некоторые аспекты кангюйской проблемы, с. 32.

вать эту ступень концом III — первой половиной VI в. н. э. Он отмечен на всех изучаемых памятниках Ташкента. Верхняя дата комплекса устанавливается исходя из того, что сменивший его включает некоторые черты, присущие согдийскому комплексу и отаро-каратаускому ареалу. Этот последний комплекс, очевидно, можно отнести к заключительному этапу развития каунчинской культуры, когда консервативность присущих ей традиций начала изживаться под влиянием новых культурных проникновений. Этот этап можно выделить (вслед за Л. М. Левиной) как Каунчи III²²³, но датировать второй половиной VI—VIII вв. н. э.

Сопоставление стратиграфических материалов ташкентских памятников со ступенями колонки Шаштепа позволяет наметить динамику и очередность культурно-ирригационного освоения Ташкентского микрооазиса, судить о направлении движения урбанизации и местоположении основного городского ядра Ташкента на разных хронологических этапах. Как выяснилось, процесс урбанизации распространялся с юга из центральных районов оазиса и берегов Сырдарьи на север. На территории Ташкента раньше всего в него была втянута южная часть современного города, где в VI—IV вв. до н. э. на протоке Джун сложилось первое оседлое поселение земледельцев позднебургулюкской культуры. Оно эволюционировало от общинного поселка до пункта раннегородского типа, сформировавшегося в рамках комплекса Каунчи I. С грани нашей эры полностью осваивается Саларская водная система, где сложилось древнее ядро города, весь культурный комплекс которого целиком относится к культуре Каунчи II и Каунчи III.

ОБЪЕКТЫ ТРЕТЬЕЙ ОЧЕРЕДИ ОСВОЕНИЯ МИКРООАЗИСА

Бинкет — городище под «старым Ташкентом»

Расположено в центральной части старого города в четырех «даха», т. е. четвертях, на которые он делился в XIX в. — Сибзарской, Кукчинской, Бешагачской, Шейхантаурской. Центральное его ядро, которое М. Е. Массон определил как местоположение шахристана и цитадели²²⁴, до сих пор четко выделяется приподнятостью рельефа на стыке четырех «даха». Это возвышенность между улицами Хамзы, Навои, площадью им. Ахунбабаева (Чорсу), Октябрьским рынком и площадью им. Калинина (Иски Джува), занимающая примерно 16 га, из них 15 га приходится на территорию шахристана и 1 га на предполагаемую цитадель (табл. VII, А).

Как отмечалось выше, отождествление городища с упомянутой в арабских источниках столицей Шаша IX—XII вв. Бинкетом, впервые предложенное В. В. Бартольдом, не встретило серьезных возражений и до настоящего времени нет веских доказательств, опровергающих его. Источники сообщают, что город Бинкет этого времени, кроме цитадели и шахристана, включал два рабада — внутренний и внешний²²⁵.

²²³ Левина Л. М. Керамика..., с. 184.

²²⁴ Массон М. Е. Прошлое Ташкента, с. 110.

²²⁵ Абул Касым ибн Хаукаль. Пути и страны, с. 33.

Исследование городища затруднено тем, что вся его поверхность занята плотной застройкой, относящейся в основном к XIX и началу XX в., и значительно разработана под современное строительство. Это определило специфику исследования и его методику, когда сами размеры городища определяли по распространению культурного слоя и археологического материала, обнаруженного в шурфах и зондажах. Сеть их, исчисляемая в несколько сотен, практически покрыла все районы «старого города». Для изучения городища использовали и все виды городского строительства, сопровождающегося отчуждением участков и земляными работами. Изучение таким методом, продолжающееся постоянно параллельно со строительством, выявило основной контур города IX—XII вв. и XIV—XVI вв., позволило приблизительно разместить его структурные части: цитадель, шахристан и два рабада — и ежегодно приносит новую информацию и детали к их характеристике.

Цитадель. Многие из городской топографии, что было доступно еще в 20-х годах нашего века, утрачено, стерто в процессе динамичной реконструкции, быстро изменяющей облик столицы Узбекистана. Это делает наблюдения прошлых лет бесценным материалом для реконструкции структурных частей городища.

М. Е. Массон помещал цитадель в северной части треугольника шахристана, к северу от стадиона «Спартак», между арыками Регистан и Джангоб. При расширении ул. Хамзы он зафиксировал остатки восточной стены цитадели и развалины угловой башни неподалеку от северного входа в Парк им. Пушкина²²⁶.

Ташкентским отрядом заложено шесть шурфов и подчищен 20-метровый разрез траншеи в котловане ресторана «Гулистан». Выявлена полностью нарушенная стратиграфия, слой с перемешанным материалом, в котором преобладали фрагменты керамики XV в., остатки обжигания XIX и XX вв. и в меньшей степени представлены IX—XII вв. Весь этот материал только подтверждает время обживания территории, но ничего не прибавляет к аргументам в пользу размещения здесь цитадели, имевшимся в распоряжении исследователей 20-х годов, кроме того, что топографически выделенное расположение этого района не противоречит такому отождествлению.

Шахристан. На площади предполагаемого шахристана Бинкета заложено шесть стратиграфических шурфов и разрезов, пять из них доведены до размера небольшого раскопа. Ценные стратиграфические и историко-топографические данные к характеристике города IX—XII вв. дало наблюдение за прокладкой ложа Тахтапульского канализационного коллектора, один из отрезков которого (220 м) прошел через холм от Октябрьского рынка до ул. Хамзы позади южных трибун стадиона «Спартак», т. е. перерезал предполагаемую территорию шахристана с запада на восток. В трех местах при зачистке обрыва траншеи были получены наглядные стратиграфические разрезы (ширина 7—9 м). Кроме того, в обрывах траншеи расчищено 46 бадрабов и ям, опущен-

²²⁶ Массон М. Е. Прошлое Ташкента, с. 110.

ных в свое время в лессовый материк, что позволило восстановить в какой-то мере утраченную сейчас свиту слоев на протяжении 220 м.

Современный квартал Гульбазар приподнят над уровнем рынка на 6—8,5 м. Шурфовкой в юго-западной части выявлены наиболее древние культурные напластования. Залегая на лессовом материке, они содержат бытовой вещественный материал середины IX — начала X в. Наибольшей мощности (0,4—0,7 м) слой этого времени достиг в районе к северу от медресе Ходжа-Ахрара (шурф № 1). Полученная из слоя медная монета бинкетского чекана Саманидов 229 г. х. (835—848 гг. н. э.) в комплексе с прекрасной глазурованной керамикой, украшенной преимущественно надписью строгим куфи по белому фону, служит датирующим материалом.

Во всех шурфах и стратиграфическом разрезе в северной части Гульбазара довольно полно представлены отложения XI—XII вв., характеризующиеся, кроме керамики этого времени, остатками строений из жженого кирпича.

Слой XI и XII вв. повсеместно перекрыты мощными напластованиями XV—XVI вв. и только в одном шурфе, на обрыве холма в юго-западной части квартала, удалось зафиксировать отложения конца XIII—XIV в. На остальной исследуемой площади находки и слои этого времени отсутствуют, что позволяет предположить резкий спад городской жизни с конца XII в. и отнести начало частичного обживания пустыющей территории лишь к концу XIII в.

В процессе наблюдений за земляными работами в траншее коллектора и специальными раскопками выявлена довольно сложная стратиграфическая картина. В разрезе 1 ряда с южными трибунами «Спартак» на материке зафиксированы слой и три ствола бадрабов X — начала XI в. (табл. VII, 3). На противоположной стороне холма, в траншее коллектора, обнаружены остатки дома, связанного с этими бадрабами, кладка стен из жженого кирпича (30×17×4 и 27×13×3—4 см), характерная для X—XI вв. Примечательна находка в основании помещения медной монеты конца VIII в. Синхронной монете слоя ни на рассматриваемом участке, ни за его пределами пока обнаружить не удалось. В разрезе траншеи расчищено два бадраба на участке, прилегающем к ул. Хамзы; бадрабы содержат керамику IX в. сероватой тусклой поливы и с характерным расплывчатым бирюзовым орнаментом.

Наличие бадрабов свидетельствует о том, что холм, позже вошедший в шахристан Бинкета, частично был обжит уже в первой половине IX в. Говорить о более раннем его обживании пока нет оснований. Более ранний материал, кроме указанной выше монеты, не встречен на этой территории даже в переотложенном состоянии.

Присутствие культурного слоя X—XI вв. (местами до 1,5 м толщины), залегающего на материке, ощущается на всем протяжении 220-метрового отрезка траншеи коллектора. Выявлены остатки стен, вымосток в сопровождении инвентаря. В одном месте расчищена значительная часть двора или помещения, вымощенного жженым кирпичом, по сопровождающему материалу относящаяся ко времени не ра-

нее XI в., в восточной части холма расчищены следы керамического ремесла с отходами и браком (XII в.).

Стратиграфическую картину последовательности обживания части шахристана, пересеченной траншеей, дополняют данные, полученные при расчистке бадрабов и мусорных ям, стволы которых сохранились в лесовосных обрывах траншей. Из 46 обнажившихся в срезах бадрабов 23 относятся к X—XI вв., два — к IX в., три — к XII в., пять — к XV в., один — к XVI в., остальные — к более позднему периоду. Следовательно, наибольшая интенсивность обживания холма шахристана приходится на X—XI вв. Примечательно расположение синхронных или близких по времени колодцев группами по два или три почти на равном расстоянии, фиксирующее, по-видимому, границы дворов и хозяйств и свидетельствующее о большой скученности жилой застройки этой территории в X—XI вв. Кроме керамического материала, из бадрабов извлечено большое количество стеклянных изделий и металлических поделок. Весь комплекс предметов позволяет судить о разнообразии ремесел и уровне материальной культуры жителей города в X—XI вв. На участке траншей стратиграфически не выявляются слои XIII в. Во всех разрезах и зачистках культурный слой XII в. перекрыт отложениями XIV—XV вв. и прорезан синхронными бадрабами.

Полученные в районе стадиона «Спартак» археологические данные, как и материалы из квартала Гульбазар, позволяют говорить о спорадическом обживании этих территорий с начала IX в. В X—XII вв. здесь, несомненно, располагался город, густо заселенный ремесленный центр. Мощность культурного слоя, характер вещественного материала, в котором преобладает высокохудожественная и, видимо, дорогостоящая поливная керамика, как и возвышенное топографическое расположение, вполне подтверждают отождествление этой территории с шахристаном Бинкета в обозначенных М. Е. Массоном границах. Примечательно, что в другом отрезке траншей коллатора, идущем от ул. Хамзы к Лабзаку, отсутствуют не только бадрабы интересующего нас времени, но и случайные находки. Судя по археологическим данным, городская жизнь на территории шахристана идет на спад с конца XII в.

Сведения о последовательности заселения шахристана получены при изучении его южной части. Исследовался участок, круто обрывающийся к ул. Навои на юге, ограниченный с запада зданием медресе Кукельдаш и с востока городским трамвайным парком.

До недавнего времени южный склон холма в его естественных и исторически сложившихся границах крутыми террасами спускался к руслу Чорсу. Холм сильно срезан при расширении улицы Навои и ее застройке (реконструкция 1960 г.). Здесь при закладке котлована под общежитие «Ташгипрогора» обнажен культурный слой 2—3-метровой толщины. Непосредственно на материке залегает слой XII в. На западном обрыве котлована это очень четкая горизонтальная прослойка темной гумусной земли, с включением жженных кирпичей и керамики этого времени, в юго-западном углу — группа гончарных печей и ям со

скоплениями гончарного брака, шлаков и оборудования печей (штыри, крючки, сепая).

Гончарные печи (их в разрезе семь) имеют обычную для печей Средней Азии X—XII вв. конструкцию²²⁷. Они круглые в плане (диаметр 1,10—1,50 м), с овально-коническим куполом над камерой. Топочный канал под уровнем пода. Над подом по периметру печи идет выступ-полочка (ширина 30 см, высота 50—60) для установки посуды. Над полочкой, в верхней части камеры, два ряда отверстий для штырей.

Изготовленная в этих печах керамика на кольцевых вырезных или плоских поддонах, характерная для конца XII в., делилась на три группы: желтофонная с коричневой росписью, светлофонная с трехцветной росписью (оливковый, зеленый, красный), темно-зеленая и фисташковая с подглазурной гравировкой.

Слой XII в. перекрыт более поздними слоями, накопившимися с конца XII в. При его разное собрана коллекция бытовой и архитектурной керамики XV—XVII вв., дающая представление о высоком техническом и художественном уровне гончарного ремесла в этот период. Белофонная керамика с синим орнаментом отличается большим разнообразием декоративных мотивов. Здесь и ажурные листья папоротника, и причудливые цветочные гирлянды, и розетки на чашах и блюдах, и строгий геометрический рисунок на ляганах и тагора. Интересен фрагмент блюда XV в. с фестончатым венчиком. На его внутренней поверхности среди цветочных гирлянд изображено шествие цапель на взлете.

На территории института «Средазгипроводхлопок» получены новые, существенные данные по топографии шахристана городища. Обнаружен его южный край, по кромке которого выявлена мощная пахсовая гряда протяженностью более 30 м и высотой до 4—5 м, сохраняющая примерное направление запад—восток и похожая только на вал оборонительной стены шахристана. Стена несколько обрыта и попорчена последующим многовековым обживанием, полностью стусевавшим ее; удавливается только пахсовое ядро без четких граней, определить толщину можно только ориентировочно в 4—5 м. В пахсе встречены отдельные фрагменты керамики IX—X вв., а тело останца пробито бадрабами XV—XVI вв., что указывает на заброс и заселение ее гребней в эпоху позднего средневековья. Обнаружение этого вала, примерно ориентированного по кромке южного склона шахристана, фиксирует направление его внешней оборонительной стены, существовавшей, возможно, с X по XIII вв.

В шурфах к северу от института «Средазгипроводхлопок» на материковом грунте зафиксированы отложения плотного спрессованного лесса с фрагментами керамики IX—X вв. На нем с глубины 4,1 м начался слой с включением строительных остатков из жженого кирпича

²²⁷ Лунина С. Б. Гончарное производство в Мерве X—начала XIII в.—Труды ЮТАКЭ, т. XI. Ашхабад, 1962, с. 229, рис. 2, 5; Альбаум Л. И. О гончарном производстве на Афрасиабе в X—XI вв.—В сб.: Афрасиаб, т. 1, 1969, с. 257.

размером 35×17×3 см. Расчищено три стены смежных помещений небольшого дома с остатками очага. Из заполнения помещений и перекрывающего слоя получен керамический материал XI—XII вв. Здесь встречены и черепки сосудов с бирюзово-голубоватой глазурью начала XIII в., широко известные в Согде (Афрасиаб)²²⁸ и находимые в Мерве²²⁹.

Выше описанного слоя, с уровня 3,5 м, зафиксированы отложения без следов построек, но давшие довольно крупный комплекс керамики XV—XVI вв. Вплоть до поверхности они перекрыты культурными остатками XIX—XX вв.

В итоге всех работ вырисовывается историко-топографическая ситуация южной части городища. По результатам исследований 1950 г. выяснено, что порталная часть медресе Кукельдаш и южный его фасад стоит с отступом от лессовой платформы на 5—6 м, а западный фасад спускается по ее склону на территорию рабада, т. е. здесь фиксируется юго-западная граница холма шахристана. Под фундаментами медресе на чистом лессе обнаружена керамика XII в., спорадически встречались фрагменты X в.²³⁰

В 1960 г. в связи с реконструкцией улицы Навои исследован южный фас шахристана на протяжении 360 м. Судя по археологическим материалам этого периода и наблюдениям, южная окраина шахристана обжита с XV—XVI вв., но слабо²³¹. Здесь мы имели дело с еще не уничтоженной реконструкцией частью Ташкента XV—XVI вв., располагавшейся южнее террасы холма с городом X—XII вв. и спускавшейся к ложу протока Чорсу.

Южная граница естественного холма, обживавшегося в X—XII вв., прослеживается на 50 м севернее привычного абриса, отмеченного на планах, здесь она на небольшом участке фиксируется остатками стены.

Раскопки в южной части, как и в других районах шахристана Бинкета, не дали материалов об обживании городища в раннефеодальную эпоху. В это время самым крупным городом на территории Ташкента оставался Мингурюк.

Рабады Бинкета. При археологическом исследовании четырех даха Ташкента в пределах города XIX в. ставилась задача определить по границам распространения культурных напластований IX—XII вв. направление и протяженность рабадов Бинкета. Без специальных археологических работ выполнить эту задачу весьма трудно, поскольку остатки рабадов сnivelированы и перекрыты городской застройкой многих веков. Шурфовкой полностью затронуты все даха²³².

²²⁸ Ташходжаев Ш. С. Художественная поливная керамика Самарканда IX—начала XIII в. Ташкент, 1967, с. 125.

²²⁹ Лунина С. Б. Указ. соч., с. 355.

²³⁰ Древний Ташкент, с. 15; Ташходжаев Ш. Средневековый керамический комплекс из шурфа у медресе Кукельдаш города Ташкента.— Труды ТашГУ, вып. 172, 1960.

²³¹ Древний Ташкент, с. 15.

²³² Подробное описание материалов изучения рабадов см. в кн.: «Древний Ташкент», «У истоков древней культуры Ташкента».

В Кукчинской даха заложено 29 шурфов, в том числе 13 в квартале Калля-хана, примыкающем с запада к Октябрьскому рынку. В большинстве шурфов на лессовом материке залегал слой мощностью до 1,5 м с материалом X—XI вв. Этот слой отмечается повсеместно на территории квартала и с некоторым уменьшением мощности распространяется до арыка Пада-хана. За улицей Лянгар на запад вплоть до Кукчинских ворот выявлено sporadическое залегание культурных остатков X—XI вв. Часто материал этого времени встречается лишь в смеси с керамикой последующих веков.

У южного склона Калля-ханы, на месте недавно функционировавшей мечети Махкама, в двух шурфах зафиксировано древнее русло сбросного арыка по направлению, совпадающему с арыком Регистан, пересекавшим базарную площадь и впадающим в арык Джангоб. На дне обнаруженного русла сосредоточено большое количество вещественного материала (в основном керамики IX—XI вв.), указывающего на время действия арыка. Кроме этого материала, в песчаном дне арыка в изобилии найдены куски керамических шлаков, бракованная гончарная продукция, куски оплавленных стенок печей, сепая, стеклянные изделия. Все признаки указывают на прохождение арыка через квартал, обитатели которого занимались гончарством и, возможно, стеколделением.

В глубине квартала Калля-хана в трех шурфах выявлено древнее кладбище с погребениями в ляхатах, датируемое небольшим чистым комплексом керамики X в. в сопровождении так называемого «черного» дирхема, скорее всего «мусейяби»²³³.

У подножия занятого кладбищем холма обнаружены остатки мастерской для обжига кирпича. Найдены отходы продукции, следы печей, конструкцию которых определить невозможно из-за плохой сохранности.

Таким образом, установлена несомненная ремесленная направленность застройки квартала Калля-хана в X—XI вв. Характерная черта топографии X—XI вв.—расположение кладбищ внутри жилых кварталов (как и на Афраснабе). Для XII в. стратиграфические данные фиксируют sporadическое обживание территорий к западу от шахристана. Наслоения предшествующего периода перекрыты в основном напластованиями XV—XVI или XIX в., а на территории строительства крытого рынка зафиксирован материал и остатки керамической мастерской XIV—XV вв.

Квартал Калля-хана, по-видимому, относился к внутреннему рабаду, данные же к характеристике внешнего рабада получены на западе от него, на участке, с севера и востока ограниченном арыком Кукча, с юга — проспектом Беруни, а с запада — ул. Кургантепинской. На территории будущего квартала заложено 15 небольших раскопов, выявивших трассу средневекового русла арыка пятиметровой ширины и группировавшиеся по его берегам отдельные хозяйства в

²³³ Массон М. Е. К вопросу о «черных» дирхемах мусейяби.— ТИИА АН УзССР, вып. 7. Ташкент, 1955, с. 179.

основном IX—XI вв., в том числе и с признаками гончарных мастерских. Это устанавливается по расчищенным участкам культурного слоя, остаткам построек из жженого кирпича, богатому набору бытовой керамики и стекла, монетным находкам, отходам и отвалам брака керамического ремесла. В отличие от шахристана на этой территории отмечается запустение с XII в. из-за отсутствия вещественных материалов этого времени.

На север от Б-1, в пределах Чигатайского кладбища, расположенного на бугре 4—5-метровой высоты, сохранившем остатки раннесредневекового поселения (VII—VIII вв.), также зафиксированы следы керамического производства X—XI вв. со специализацией по выделке симбкузача.

Вторым раннесредневековым пунктом, поглощенным рабадом Бинкета, можно назвать Хиобантепа, выходящее на проспект Беруни. Здесь обнаружено русло древнего канала с керамикой X в. и культурным слоем IX—XI вв. на его берегу. Убедительный комплекс керамики IX в. получен здесь при расчистке бадраба. Оригинальная зеленовато-бирюзовая роспись под прозрачной глазурью, четкость композиции и рисунка свидетельствуют о высоком мастерстве и индивидуальном почерке бинкетских керамистов уже в эту пору.

Стратиграфические исследования в северной части Кукчинской даха выявили район застройки X—XII вв. Шурфы заложены на остатках некогда большого тепа Шахнишин, с севера обрывающегося к арыку Калькауз, с юга и востока выходящего на арык Кукча, а с запада смыкающегося с тепа Хиобан. В таких границах обнаружен на этой территории культурный слой X—XI вв., местами отмечен материал IX в. Прежде чем холм поглотила городская застройка X—XI вв., здесь над арыком Калькауз стоял дихканский замок, каких немало включала округа Мингурюка, о чем свидетельствует керамика VII—VIII вв. на останце.

Шурфы, заложенные по ул. Коксу и Азад, также выявили слой X—XII вв. и подтвердили существование застройки X—XI вв. к северо-западу от шахристана Бинкета до арыка Калькауз. Обживавшиеся с IX в. территории составили затем в X—XI вв. основное предместье Бинкета. Они орошались главными протоками, которые, как показали стратиграфические исследования, были основными направлениями разрастания рабада. Вспомним замечание Ибн Хаукаля, описывающего Бинкет, о том, что все каналы протекали через шахристан и рабад²³⁴.

Исследования на территории Сибзарской даха позволяют предположить, что в северном направлении также располагался рабад. На участке ансамбля мусульманских культовых сооружений Хазрет-нимам XV—XVII вв. обнаружены два параллельно идущих русла арыков, заброшенных в конце XI в. На их берегах открыты отвалы гончарного и кирпичеобжигательного ремесла. Отходы этих производств извлечены из русел арыков. Характерным датирующим материалом стала ке-

²³⁴ Абу-л-Касым ибн Хаукаль. Пути и страны, с. 33.

радика X—XI вв. В пределах строительства кварталов Ц-17, Ц-18 (вторая очередь) также зафиксирован ряд пунктов с материалом IX—XI вв.

В результате исследований установлено, что северная граница внешнего рабада города X—XI вв., видимо, проходила по арыку Калькауз. На левобережье, почти во всех заложенных здесь шурфах, культурные слои дают керамический материал X—XI вв. Правый берег обжит значительно меньше; слой X—XI вв. встречен лишь в одном из шурфов, а в другом зафиксирован материал XV в. Наличие погребенного культурно-ирригационного слоя этого времени свидетельствует о том, что территория была занята садами и огородами, с вкраплениями редких усадеб и небольших поселений. Как известно, за стеной внутреннего рабада X—XI вв. располагалось поселение, где родился богослов Мухаммед Абу Бакр Каффаль-Шаши, умерший в 976 г. и похороненный здесь же (ныне в комплексе Хазрет-имам).

Стратиграфическое обследование территории к востоку от шахристана Бинкета в Шейхантаурской даха не выявило слоя X—XI вв. На узкой полосе (до 50 м) вдоль восточного обрывистого фаса шахристана обнаружены лишь единичные фрагменты керамики того времени. Наиболее четко это прослеживается на участке траншеи тахтапультского коллектора между ул. Хамза и Лабзак. Самые ранние слои в ее обрезах и бадрабы заполнены лишь материалом XV в. Фрагменты керамики X—XII вв. найдены не в слое и не в бадрабах и лишь косвенно могут свидетельствовать о спорадическом появлении здесь отдельных усадеб той эпохи. Дополнительные исследования в районе Шейхантаурского некрополя дали ту же картину довольно позднего обживания района. Материалы XV—XVI вв. из шурфов и траншей возле мавзолея Юнусхана, Шейхантаура, Калдыргач-бия свидетельствуют об освоении этой территории только в период деятельности некрополя. Материалы обследования обширного района заставляют предположить, что ремесленный пригород Бинкета почти не развивался в восточном направлении и Шейхантаурская даха застраивалась в основном с XIV в.

При стратиграфических работах в Бешагачской части также удалось уточнить границу территории, предположительно занятой рабадом Бинкета. М. Е. Массон примерно наметил ее по сбросному арыку Чукур-купрюк, пересекающему эту часть с востока на запад. При шурфовке этого района установлено, что провести границу рабада можно по другому арыку — Танышахар, проходившему еще в прошлом веке несколько севернее Чукур-купрюка в том же направлении. В настоящее время там находится небольшой арык Тегерман. Во всех шурфах, заложенных на его северном берегу вплоть до арыка Чорсу, отмечен керамический материал X—XI вв. Повсеместно, кроме бугра со зданием ГУМа, он обнаружен в смеси с керамикой XV и XIX вв. в силу нарушения первоначальной стратиграфии поздней застройкой. Тем не менее присутствие этого материала настолько ощутимо, что не вызывает сомнений в существовании здесь слоя X—XI вв. На территории бугра (к югу от шахристана) расчищено несколько бадрабов этого времени.

Разрезы по стенкам котлованов дали довольно сложную картину: преотложенные культурные слои до глубины 2—3 м дают керамику XIV—XVI вв. В треугольнике, где сходятся улицы Самарканд-Дарбаза и Бешагач, и на территории гостиницы «Москва» отмечены бадрабы XV—XVI вв. и культурный слой с отвалом брака керамической мастерской этого времени, куда входят облицовочные майоликовые плитки. Более ранние этапы жизни холма фиксируют только бадрабы X—XII вв., так как слой этого времени уничтожен последующими обживаниями.

Слой с материалом XV—XVI вв. прослежены далее на юг, а в бешагачской части, в районе ул. Караташ, при строительстве художественного училища им. Бенькова обнаружено здание бани конца XV—XVI вв. Расчищенное в местности, ранее носившей название «Иски Урда», здание фиксирует местоположение цитадели позднесредневекового Ташкента, в комплекс построек которой оно, очевидно, входило. Баня, предназначавшаяся для небольшого круга посетителей, построена по обычной планировочной схеме этих построек того времени: с центральным миансараем и группировавшимися вокруг него комнатами и резервуарами для горячей и холодной воды. Ее украшала панель из многоцветных майоликовых плиток, купол оформляла резьба по ганчу на розовом фоне. Здание снабжено развитой системой подпольных обогревных ходов²³⁵. Судя по археологическому материалу, постройка функционировала до XVII в., до которого, видимо, существовала и сама цитадель.

Довольно обжитой участок внешнего рабада оконтурен в районе площади Дружбы народов. В пределах стройплощадки дворца Дружбы народов здесь зафиксировано несколько бадрабов, определяющих местоположение хозяйств X—XI вв. На северо-западной оконечности площади жилмассива Алмазар обнаружены остатки стеклодувной мастерской. От печей сохранились лишь обожженные пятна лесса, но отвалы бракованной продукции, кусков оплавленных заготовок и шлаков характеризуют производство. Восстанавливается довольно полная коллекция изделий из прозрачного, желтого, зеленоватого, синего и марганцево-коричневого стекла, включающая крупные кружки, графины, флаконы и кувшинчики, бокалы, химическую посуду, чаши и приспособления для бешиков (табл. VII, Б). Изделия демонстрируют высокую технику мастеров-стеклодувов, широко применявших для украшений рельефный орнамент, штампованный, гравировочный и вдавленный.

Как и на западном участке внешнего рабада по арыку Кукча, здесь на южной его оконечности фиксируется то же сочетание жилищ-усадеб с разбросанными среди них скоплениями хозяйств и мастерских ремесленников. В районе Камеланских ворот, под участком городской стены и кладбищем XIX в. Аламбердар, обнаружены культурные слои остатков поселения X—XII вв.

²³⁵ Филанович М. И. Новое о средневековой городской культуре Ташкента — ОНУ, 1982, № 3, с. 39.

В результате археологических исследований в Кукчинской, Сибзарской, Бешагачской и Шейхантаурской даха, кроме уточнения границ внутреннего и внешнего рабадов города IX—XI вв., удалось выявить ряд отдельно стоящих кварталов и поселений. Наиболее густорасположенная к западу и северо-западу их часть составляла, очевидно, основную территорию внешнего рабада Бинкета, обнесенного отдельной стеной с семью воротами²³⁶. Эти кварталы и поселения придавали Бинкету вид обширности, сложившийся у всех описывавших город географов X в. Они подчеркивали обилие садов и виноградников около отдельно стоящих домов²³⁷. Тем не менее, судя по археологическим данным, указанные географами X в. размеры Бинкета фарсах на фарсах явно преувеличены. Кроме территории, относящейся к городищу и его рабадам, в пределы современного города попадает ряд пунктов, которые можно характеризовать как элементы округа Бинкета.

В местах большинства ворот стены Ташкента XIX в. установлено наличие культурных слоев IX—XI вв., принадлежавших, видимо, большим и малым селениям, окружавшим этот город. В слоях многих селений найдены остатки различных производств: железодельного, гончарного и других, свидетельствовавших о назначении их как ремесленных и торговых факторий на путях к Бинкету²³⁸. Расположение этих селений у ворот города XIX в. указывает на примерное совпадение направления артерий, ведущих из ворот Бинкета, с улицами позднесредневекового города. Таковы изучавшиеся в разные годы поселения у Тахтапульских, Лабзакских и Кукчинских ворот.

К разряду таких поселений можно отнести сложившиеся с IX в. Норазтепа на пути от Карасарайских ворот, Учтепа, Казахмазартепа на южной дороге из Самаркандских ворот. Это вытянутые вдоль одной улицы неукрепленные селения; два последних специализировались на выделке высококачественной глазурированной керамики.

В средневековую эпоху, особенно с конца X в., обживались и старые пункты — селения у дихканских замков, составивших округу раннесредневекового Мингурюка. Такие центры, как Кугаиттепа, Ханабад, Бузгонттепа, Аката, даже превратились в довольно обширные населенные пункты того ранга, который арабские географы X в. причисляли к разряду городов.

Таким образом, по итогам всех работ следует отметить, что западная часть современного города (город XIX в.) с отдельными замками, поселениями и другими составными элементами топографии округа раннесредневекового города на Мингурюке наиболее интенсивно начала обживаться с начала IX в., когда, вероятно, стабилизировался водный режим и упорядочилась ирригация среднего течения Бозсу. Сплошная интенсивная застройка IX—XII вв. и следы южной городской стены зафиксированы на возвышенности, составляющей ядро городища под «старым городом», шахристане Бинкета.

²³⁶ Абу-л-Касым ибн Хаукаль. Указ соч., с. 23.

²³⁷ Писаревский Л. З. Извлечение из Абу-Абдаллаха Мухаммеда ибн Абу-Бакра ал-Мукаддаси. Рукописный фонд ООН АН КиргССР, инв. № 1820, с. 37—38.

²³⁸ Древний Ташкент, с. 76 и сл.

Наиболее равномерно обжитыми оказались западные и северные территории в непосредственной близости к шахристану в Кукчинской, Сибзарской и отчасти Бешагачской даха с водоснабжением в основном из Калькауза и древнего русла арыка Кукча. Эти территории, видимо, можно сопоставить с основным месторасположением внутреннего рабада города. В этих же направлениях развивался, очевидно, и внешний рабад, включая отдельные пятна застройки и усадебные участки, спорадически распространяющиеся в пределах, примерно соответствующих пространству, окруженному стеной XIX в. Основные дороги, выходящие из ворот рабада, по направлению примерно совпадали с артериями, ведущими к воротам XIX в., и отмечены цепочками располагавшихся на них поселений и небольших городков. Часть их попала, как было показано, в черту современного Ташкента. В плане эволюции городской жизни в пределах Ташкентского микрооазиса мы вправе рассматривать городище под «старым городом» как стадияльного преемника города, перешедшего на эту территорию с Мингурюка.

Итоги работ позволяют констатировать быстрый рост города в IX—X и его расцвет в X—XI вв. На городище и всех поселениях жизнь замирает примерно к концу XII — началу XIII в. С конца XII в. в Бинкете наблюдается постепенное угасание городской жизни и ремесленной деятельности. Сокращается площадь городской застройки, забрасываются многие арыки. Этот процесс спада отмечается и в городах Илака, тесно связанного с Шашем. Однако в XIV—XV вв. некоторые руины оживляются вновь, что, видимо, находится в прямой связи с возрождением Ташкента и оживлением торговли.

Глава III

ИСТОРИЧЕСКИЕ СИЛУЭТЫ ДРЕВНЕГО ТАШКЕНТА

АРХАИЧЕСКИЙ ПЕРИОД

Результаты археологических исследований микрооазиса Ташкента и анализ дошедших до нас письменных источников позволяют воссоздать в общих чертах этапы развития процесса урбанизации, превратившего этот район в крупный очаг городской культуры с локализацией в нем на определенном этапе столичного центра области Чач, наметить периодизацию развития города эпохи античности и средневековья.

С эпохи поздней бронзы территория Ташкента служила ареной передвижений племен-скотоводов, носителей культуры степной бронзы, оставивших здесь могильники и следы кратковременных стоянок. По характеру материальной культуры это были племена адроновско-тазабагъябского круга, ареал распространения которых охватывал огромные пространства степей и долин Казахстана и Средней Азии от Западной Ферганы до Аральского моря. Природные же условия Ташкентского района с разветвленной естественной гидросетью и заболочиваемыми низинами создавали возможность для развития здесь земледельческого хозяйства и расселения на этой территории оседлых групп.

В сферу хозяйственной деятельности этих групп, появившихся на территории Ташкентского оазиса в начале I тысячелетия до н. э., попали прежде всего прибрежные районы р. Ахангаран и Чирчик с их притоками, проходившими в пойменных и надпойменных отложениях с самой мелкой заглубленностью гидросети.

Процесс выделения древних земледельцев из массы скотоводческого населения степей и оседание их на землю, несколько запоздавшее в северных контактных зонах Средней Азии по сравнению с южными районами, произошло не без влияния чустско-саразмского очага земледельческой культуры эпохи поздней расписной керамики. Последний по отношению к территории Ташкентского оазиса явился своеобразным ретранслятором достижений протогородских цивилизаций эпохи бронзы юга Средней Азии. Это влияние ощущается в сложении всего культурного комплекса бургулюкской культуры (формы и техника изготовления керамической круглодонной посуды, использование кир-

пича прямоугольного стандарта, характер бронзовой индустрии, развитие ремесел (ткачество, камнеобработка), развитие культов плодородия).

Поскольку к моменту сложения бургулюкского культурного комплекса в Ташкентском оазисе не было традиции ирригационного орошения, а вещественных следов ирригации бургулюкцев в условиях интенсивного современного использования земель не обнаружено, естественно предположить у них самую раннюю примитивную форму орошения, выделенную Б. А. Латыниным для Ферганы периода развития чустской культуры¹ и Г. Н. Лисицыной² для юга Туркмении поры зарождения земледелия в эпоху энеолита — лиманное орошение с использованием паводковых вод саевых протоков и разработкой под посевы болотистых низин, пониженных участков пойм Ахангарана, Чирчика и их притоков. Однако, допуская перенесение в Ташкентский оазис некоторых традиций более развитых культур юга в составе комплекса поздней культуры расписной керамики и возможные некоторые этнические передвижения в пределах его ареала, можно предположить распространение более прогрессивных навыков орошения в виде строительства небольших сетей каналов.

Возникновение на рубеже II и I тысячелетия до н. э. двух типов хозяйств в Ташкентском оазисе, оседлого земледелия и скотоводства, развитие которых шло параллельно и взаимосвязанно, обусловило все его дальнейшее развитие.

Выделение земледельческих общин — несомненный прогресс в жизни окраинных северных оазисов, так как изменения произошли в сфере производственной деятельности общества и были созданы условия для развития ирригаторства, дальнейшего совершенствования, специализации и дифференциации ремесел, рождения новых ремесленных форм труда, оживления и расширения торговых отношений, что в конечном итоге приводит к возникновению городов.

Признавая при явном родстве культур Чуста и Бургулюка некоторое отставание или «провинциализм» последней, уместно все же поставить вопрос: были ли эти культуры урбанистическими в своей сущности, могла ли бургулюкская культура, развиваясь естественным путем, превратиться в городскую.

В южносреднеазиатских районах культура эпохи крашеной керамики наложилась на протогородскую с развитыми традициями сырцового строительства в возведении стен, жилых построек, крепостей, развитого специализированного ремесленного производства, традициями, впоследствии возобладавшими и определившими развитие городов и городской цивилизации Бактрии и Согды на стадии развития древнебактрийского и древнесогдийского комплексов VIII—IV вв. до н. э.

¹ Латынин Б. А. Вопросы истории ирригации и орошаемого земледелия древней Ферганы. Автореф. докт. дисс. Л., 1962, с. 15; Ю. А. Заднепровский допускает создание чустскими земледельцами небольших оросительных сетей (Указ соч., с. 74).

² Лисицына Г. Н. Становление сельскохозяйственного производства в аридных зонах СССР. — В кн.: Становление производства в эпоху энеолита и бронзы. М., 1981, с. 67.

Проследить в этих районах урбанистические тенденции культуры поздней расписной керамики затруднительно. Наоборот, в Ферганском и Ташкентском регионах, где не было такой подосновы и столь прямого и явного последующего наслоения развитых культурных традиций, каким на юге явился эллинизм, культура расписной керамики была как бы предоставлена естественному развитию, и выявить в ней признаки урбанизма означает определить особенности градостроительного процесса этих регионов.

При наличии разнообразного подхода в исторической науке к понятию «город» тем не менее выработана сумма наиболее общих критериев, определяющих это понятие, и предложена определенная схема эволюции городских пунктов в зависимости от уровня урбанизации.

При определении понятия город наиболее значительными критериями считаются функция концентрации населения, орудий производства, культурного потенциала, организации торговли и ремесла с вытекающими отсюда морфологическими признаками: компактной застройкой, развитием архитектуры и выделением двorca и храмовой постройки³, строительство оборонительных стен. Это последнее качество, определяющее город, имел в виду Ф. Энгельс, когда писал, что «село превращается в город, укрепив себя стенами и башнями»⁴. Этот признак всегда наиболее ощутим при конкретном исследовании того или иного пункта, хотя является только одним из комплекса критериев. Не менее важны для определенных этапов развитие ремесел с товарным уклоном, наличие торгового обмена и письменности.

В каждом конкретно историческом примере в качестве основных выделяются те или иные функциональные аспекты, а сами пункты могут быть центрами сельскохозяйственной округи, торгово-ремесленными пунктами, военно-административными или идеологическими центрами⁵.

Для древневосточных цивилизаций предложена следующая общая схема эволюции городских пунктов: этап земледельческого поселения, город-храм (temple-town), город-государство⁶. Как показали материалы изучения протогородских пунктов юга Средней Азии, в среднеазиатских регионах эта градация в определенной степени приложима для ранних этапов урбанизации⁷.

Поселения чустской культуры Ферганы (само Чустское, Дальверзинское и др.), хотя и состояли из полуземляночных жилищ, были окружены оборонительными стенами⁸. На более позднем этапе развития культуры столичный центр Дальверзинтепа наряду с оборонитель-

³ Массон В. М. Городские центры раннеклассовых обществ.— В кн.: История и археология Средней Азии. Ашхабад, 1978, с. 23.

⁴ Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения, т. 21, с. 164.

⁵ Массон В. М. Алтын-Депе. Л., 1961, с. 105; Пигулевская Н. В. Город Ближнего Востока в раннем средневековье.— ВДИ, 1969, № 1, с. 66.

⁶ Redman Ch. The rise of civilisation, San Francisco, 1978, p. 202.

⁷ Массон В. М. Алтын-Депе, с. 96.

⁸ Заднепровский Ю. А. Древнеземледельческая..., с. 17, 39.

ной стеной включал цитадель, т. е. часть площади поселения, отгороженную дугообразной стеной из сырцового прямоугольного кирпича; поселение же к этому времени застраивалось наземными домами с паховыми стенами⁹.

Эти элементы вместе с достаточно высоким развитием металлургии и ремесел характеризуют поселения чустской культуры, особенно на позднем этапе развития, как протогородские организмы. Дальнейшее их превращение в города происходит на эйлатанском этапе, когда усложняется система фортификационных сооружений, появляются башни с внутренними помещениями. Оборонительные сооружения городища Эйлатан вместе с его жилыми комплексами относятся к этапу, верхнюю границу которого в последнее время считают возможным поднять до III в. до н. э.¹⁰, т. е. по времени он почти смыкается с комплексом Шаш I.

На примере развития чустских поселений можно, таким образом, наблюдать трансформацию общинных поселков в раннегородские организмы.

Раннебургулюкский этап древнеземледельческой культуры Ташкентского оазиса стадияльно совпадает с поздним этапом развития древнеземледельческой культуры Ферганы, но в плане культурных достижений несколько отстает. При довольно высоком развитии ремесла и металлургии строительное дело, искусство фортификации находятся в зачаточном состоянии. Жители полуземляночных поселков бургулюкцев (лучше всего изученных Туябугузских поселений) уже знакомы со строительством из прямоугольного сырцового кирпича одного стандарта, однако для возведения наземных жилищ его еще не используют. Лишь одно поселение Туябугуза обведено оборонительной кирпичной стеной того же очертания, что и на Дальверзине¹¹.

Таким образом, развитие в бургулюкском ареале древнеземледельческой культуры шло по тому же пути урбанизации, что и развитие чустской общности, но с некоторым запозданием, и выявленные в последней элементы раннего города не успели проявиться даже на заключительном этапе развития бургулюкской культуры, в общем оставшейся на уровне земледельческих поселений.

Общность бургулюкцев, занимая первоначально ареал, ограниченный долиной Ахангарана, в процессе развития, введения в орбиту хозяйственной деятельности новых земель постепенно продвигалась на север, осваивая долины протоков Каракульдук и Джун. Каунчитепа, Чангтепа и другие в нижних культурных горизонтах несут отложения поселений бургулюкцев. Поселение Шаштепа, возникшее не ранее VI в. до н. э., — крайний северный пункт распространения этой общности. Оно является также древнейшим и единственным оседлым поселением в пределах Ташкента, его комплекс Шаш I определяет завершаю-

⁹ Заднепровский Ю. А. Цитадель Дальверзинтепа. — АО 1969 г. М., 1970, с. 405.

¹⁰ Оболдуева Т. Г. О датировке стен Эйлатана. — СА, 1981, № 4, с. 194.

¹¹ Дуке Х. Поселения бургулюкской культуры Ташкентского оазиса. Ташкент, 1982, с. 20.

ший этап развития бургулюкской культуры, в общем стадияльно совпадающий с эйлатанским этапом развития древнеземледельческой культуры в Фергане, но отстающий от него в культурном отношении.

Существенную роль в последующем развитии культуры Ташкентского оазиса стали играть с III в. до н. э. этнокультурные проникновения из низовьев Сырдарьи со стороны кочевого мира, впоследствии определившие особенности и своеобразные градостроительного процесса, запечатленные, в частности, в особо бурном фортификационном строительстве. Так что, исходя только из рассмотрения бургулюкского комплекса, хотя и развивающего традиции Чуста, нельзя считать его принадлежащим к городской культуре, однако отдельные урбанистические зачатки в нем усматриваются определенно и найдут явственное проявление только на более поздней стадии развития населенных пунктов в ареале бургулюкской культуры, но в рамках нового культурного комплекса, наиболее четко выявленного на Шаштепа.

Таким образом, бургулюкский комплекс можно рассматривать лишь как основу, на которой не вдруг, а в течение трудного и бурного периода этнокультурных смещений и при известном участии эталонов городской культуры, сложившихся в центральных оазисах Средней Азии и низовьях Сырдарьи, вырастают со II—I вв. до н. э. раннегородские организмы, признаки которых запечатлены в комплексе Шаш III (выделение окруженного стеной ядра, сложение внутри него архитектурно-строительного комплекса, развитие с древности нескольких видов ремесел и развитие торговли). По пути урбанистического развития шли и другие поселения бургулюкской культуры, что подтверждает сложение в пределах старого Туябугузского центра этой культуры пункта городского типа — Кендыктепа, а вне его на протоке Каракульдук — Каунчитепа.

Тот же процесс развития раннегородских поселений с формированием систем фортификации и архитектурно-строительных комплексов, но в несколько более раннее время шел в пограничных оазисах низовьев Сырдарьи и северного Хорезма, что видно на примере сложения мощных крепостных комплексов Джетыасаров¹² и сакских городищ¹³.

В общине бургулюкцев, обосновавшейся на берегах протока Джун, как и в соседних общинах, несколько раньше освоивших берега Ахангарана, основой производственной деятельности и хозяйства было оседлое земледелие, хотя важную роль играло отгонное скотоводство и некоторое значение в экономике сохранили более примитивные формы — охота и рыболовство.

Разветвленность естественной гидросети Ташкентского микрооазиса и малая ее заглубленность в Джунской водной системе, залегающей в Голодностепской террасе, создавала здесь те же условия для ведения земледельческого хозяйства, что и в надпойменных отложениях по Ахангарану. Без сложной ирригационной техники и особых приспособ-

¹² Толстов С. П. По древним дельтам. Окса и Яксарта. М., 1962, с. 186—198; Левина Л. М. Среднеазиатские связи..., с. 171.

¹³ Толстов С. П. По древним дельтам..., с. 80, 165, 170.

лений, пользуясь тем же лиманным способом, можно было выращивать полевые культуры.

На такой же основе организации небольших оросительных сетей строили свою экономику древние земледельцы, носители культур расписной керамики эпохи поздней бронзы юга Туркмении (Яз-1, Анау IV)¹⁴, Узбекистана (Кучуктепа)¹⁵. В настоящее время найти следы каналов или иных форм ирригационной деятельности шаштепинцев невозможно. И хотя почва, видимо, отличалась плодородием, членам шаштепинской общины приходилось прилагать немало усилий для регулирования водного режима протока и равномерного распределения воды по полям. Причем техника изготовления сельскохозяйственных орудий была примитивнее, чем у раннеземледельческого населения юга Средней Азии, где, по данным археологии, в эпоху бронзы для вспашки как будто применялась соха и тягловая сила животных¹⁶. В Ташкентском оазисе почву рыхлили простейшей каменной мотыгой, а жали бронзовым серпом. Образцы обоих орудий найдены при раскопках ахангаранских (туябугузские) поселений бургулюкцев¹⁷. Возможно, жители поселка на Джуне изготавливали уже серпы из железа, хотя бронзовые орудия у них были по-прежнему в ходу. Можно допустить, что первичную обработку полей, возможно, производили примитивным плугом, хотя материальных находок, подтверждающих это, нет, кроме костей лошади, быка и верблюда, может быть, намекающих на использование их в качестве тягловой силы. Исходя из общего уровня развития земледельческого хозяйства, такое же предположение допускает Ю. А. Заднепровский для чустских племен Ферганы. Принимая во внимание более позднее по времени зарождение земледельческого хозяйства здесь, на севере Средней Азии, когда южные земледельцы уже давно овладели навыками пашенного земледелия, и при родственности их культур, внедрение плужной обработки полей в Ташкентском оазисе на заключительном этапе развития бургулюкской культуры в VI—IV вв. до н. э. вполне вероятно.

Собранный урожай зерновых, по-видимому, обмолачивался, как было принято на Востоке с глубокой древности, при помощи скота, растаптывающего колосья на гладком току. Зерно хранили в специальных хозяйственных ямах, обнаруженных не только на Шаштепе, но и на туябугузских поселениях¹⁸, и у древних земледельцев чустской культуры Ферганы¹⁹. Столь же примитивной была и обработка зерна: его растирали в муку на ладьевидных зернотерках, повсеместно встречаемых на Шаштепе. Надо полагать, что жители Шаштепинского поселка выращивали такие же зерновые культуры, что и туябугузцы, и

¹⁴ Массон В. М. Алтын-Депе, с. 91.

¹⁵ Аскарлов А. А., Альбаум Л. И. Поселение Кучуктепа, с. 82.

¹⁶ Аскарлов А. А. Храм первобытных земледельцев на юге Узбекистана.— ОНУ, 1980, № 7, с. 33, рис. 2.

¹⁷ Дуке Х. И. Бургулюкская культура..., рис. 10.

¹⁸ Дуке Х. И. Бургулюкские объекты в долине Ахангарана..., с. 40.

¹⁹ Спришевский В. И. Раскопки Чустского поселения в 1956 г.— СА, 1958, № 3, с. 186; Заднепровский Ю. А. Указ. соч., с. 75.

жители Ферганы. Это ячмень и сорта мягкой пшеницы, которым принадлежала ведущая роль в земледельческом хозяйстве Чустского, Дальверзинского поселений Ферганы, пунктов культуры Сапалли на юге Узбекистана уже в эпоху поздней бронзы²⁰ и которые разводили земледельцы Южного Туркменистана и стран Востока со времен неолита²¹.

Благоприятные климатические условия и изобилие воды способствовали, видимо, и развитию в Ташкентском микроаэзоле огородничества и садоводства. Находки семян огородных культур (в частности, серой тыквы), косточек винограда, персика, абрикоса сделаны здесь для времени первых веков нашей эры, а обнаружение остатков плодовых культур в более ранних слоях на юге Узбекистана²² косвенно подтверждает возможность их выращивания в позднебургулюкскую пору.

На современной стадии изучения вопрос земледельческой направленности развития хозяйства бургулюкцев не вызывает сомнения. На шаштепинском поселении собрано большое количество зернозерок разных размеров, терочников и пестов, использовавшихся при обработке зерновых сельскохозяйственных культур; обнаружены хозяйственные ямы, которые исследователи бургулюкской культуры относят к типу хранилищ продуктов земледелия. Жители поселения занимались и разведением скота. По костным остаткам в слоях установлено, что здесь разводили овец, коз, свиней, коров, лошадей, ослов и верблюдов. Наряду с преобладанием костей мелкого рогатого скота значительны остатки крупного (данные Т. Н. Худайбердыева). Подобный состав с преобладанием овец и лошадей характерен для поселений чустской культуры Ферганы²³, хозяйства усуньских племен²⁴, насельников южного ареала культур расписной керамики (Кучуктепа)²⁵. Такой состав стада свидетельствует о том, что при прочной оседлости и земледелии жители поселка занимались отгонной формой скотоводства, что составляло существенную часть их хозяйственной деятельности. Определенную, но незначительную роль в добывании продуктов питания играла также охота на архаров, джейранов, оленей и кабанов.

Распространенными и специализированными видами ремесел в это время была бронзолитейная и железоделательная металлургия, обработка кости и камня, изготовление из них орудий труда, а также ткачество и обработка кож.

Материально эти виды ремесла засвидетельствованы скупо, особенно металлические предметы: железные и бронзовые стержни, железный нож из слоя с переходным материалом, переотложенные бронзовые удила, трехлопастной наконечник стрелы, но в проекции на более представительный набор металлических орудий труда из поселе-

²⁰ Аскарлов А. А. Древнеземледельческая культура эпохи бронзы Юга Узбекистана. Ташкент, 1972, с. 118.

²¹ Лисицына Г. Н. Орошаемое земледелие эпохи энеолита на юге Туркмении.— МИА, 1965, № 128, с. 135.

²² Аскарлов А. А. Древнеземледельческая культура..., с. 118.

²³ Заднепровский Ю. А. Древнеземледельческая культура..., с. 80.

²⁴ Акишев К. А., Кушаев Г. А. Древняя культура саков и усуней долины реки Или. Алма-Ата, 1963, с. 264.

²⁵ Аскарлов А. А., Альбаум Л. И. Указ. соч., с. 82.

ний туябугузского центра бургулюкцев можно говорить о довольно высоком уровне этих производств. Трудно сказать, изготовлялись ли железные изделия Шаштепа на местном сырье, или уже тогда использовали и ферганские источники.

Отпечатки тканей на внутренней части сосудов с простым полотняным и репсовым переплетением свидетельствуют о развитии этого промысла, как и находки пряслиц, изготовленных из стенок сосудов. Судя по отпечаткам, ткани были толстые, грубошерстные и более тонкие. По аналогии с результатами исследования тканей с поселений чувствской культуры можно предположить использование для ткачества шерсти и лубяных культур²⁶. Прямых указаний на использование в это время хлопка нет, в источниках это сырье впервые упоминается в первой половине I тысячелетия н. э.²⁷

По определенным находкам, в частности выточенному из камня изображению фаллоса, можно составить некоторое суждение о религиозных воззрениях жителей бургулюкского поселка, распространении в среде земледельцев и скотоводов культа плодородия. Зародившийся в эпоху становления производящего хозяйства фаллический культ с соответственной системой обрядовой магии особенно распространяется с развитием земледелия, становясь даже своеобразным стадийным определителем раннеземледельческой направленности хозяйства. У ряда раннеземледельческих народов известны фаллические изображения, воздвигаемые на полях для улучшения плодородия почвы или увеличения поголовья скота. Хлебопашцы зарывали в землю эти изображения как носителей плодоносящей силы²⁸. Видимо, каменные изображения использовали бургулюкцы и кучуктепинцы — носители культуры расписной керамики на юге Узбекистана²⁹. По нашему мнению, сходство культовой обрядности лишней раз подтверждает родственность этих культур.

Как и поселения бургулюкцев раннего этапа, шаштепинский поселок был земляночным, вернее полуземляночного типа, когда легкую кровлю над углубленной в землю частью жилища поддерживали опоры. Надстройки с применением пахсы или кирпича, видимо, если и применялись, то только в очень ограниченном количестве, судя по характеру культурных слоев, в которых явно преобладает зольно-органический состав и незначительно вкрапливаются лессовые массивы. Скопление землянок, возможно, имело некое ограждение в виде земляного вала, вскоре поглощенного разросшимся поселком.

Материалы изучения бургулюкской культуры, в частности поселения Шаштепа, позволяют иначе рассматривать отрывочные сведения, содержащиеся в письменных источниках, об образе жизни саков пра-

²⁶ Коробкова Г. Ф. Отпечатки тканей на керамике.— В сб.: Древнеземледельческая культура Ферганы, с. 232.

²⁷ Бартольд В. В. Хлопководство в Средней Азии с исторических времен до прихода русских. Соч., т. II, ч. I. М., 1963, с. 437.

²⁸ Захаров А. А., Никольский В. К. и др. Атлас по истории религии. М., 1930, рис. 51, 54, 59.

²⁹ Аскарлов А. А., Альбаум Л. И. Указ соч., табл. 21, 8.

вого берега Сырдарьи, отбросить категоричное утверждение античных авторов о том, что земля саков населена кочевниками, не имеющими городов. Часть саков, которых, пользуясь терминологией Геродота в отношении скифов, можно отнести к пахарям в противоположность другой их части (скотоводы), не только имела стационарные поселки, но и окружала их оборонительными стенами. Античные авторы, говоря о жизни саков в пещерах, видимо, имели в виду действительно полуполуземляные жилища, обнаруженные сейчас археологами. Бургулюкский ареал — это перешедшая к оседлому образу жизни группировка заяксартских саков. В этом плане сообщение об основании Антиохии Заяксартской эллинами также можно рассматривать как захват одного из поселений местных земледельцев. Так, в нижнем горизонте городища Канки, которую исследователи считают возможным отождествить по времени с Антиохией³⁰, обнаружены фрагменты керамики бургулюкского типа.

Общество бургулюкцев отличалось от эйлатанцев Ферганы, видимо, и степенью развития социальной структуры. Топография бургулюкских поселков в районе Туябугуза, например, показывает такую территориальную сближенность, что при четком выделении единицы — родового поселка — они все-таки составляют компактную группу — территориальную общину, в составе которой один поселок, вероятно, главенствующего рода, окружен оборонительной стеной.

Исследуемые туябугузские поселения, в том числе выделенное оборонительной стеной, отличаются однородностью планировочной структуры, в общем состоящей из одинаковых полуполуземлянок, одинарных или двоянных, что, вероятно, зависело от размеров семейных ячеек.

Общество бургулюкцев характеризовалось, видимо, патриархально-общинным устройством, еще без ярко выраженного имущественного расслоения, но с выделением главенствующего рода, на котором лежали функции прежде всего военнооборонной организации. Такая структура общества, очевидно, лишь в общей схеме отвечала делению, отраженному в гатах «Авесты», когда род и община и соответственно родовое и общинное поселение уже утрачивали свои кровно-родственные связи и приобретали значение территориального деления. Родственные связи заменялись хозяйственными и территориальными, парная семья, обитавшая в отдельном жилище, становилась основной хозяйственной ячейкой общества. К такого рода общинным поселениям принадлежал, видимо, и поселок Шаштепа.

Основываясь на авестийском делении, можно предположить, что весь ареал бургулюкской культуры в долинах Ангрена и Чирчика составлял «страну» — «дахью»³¹, в данном случае означавшую и географическое понятие, и хозяйственное единство, основанное на земледельческом укладе. Этническое единство также, очевидно, было признаком

³⁰ Буряков Ю. Ф., Филанович М. И. Становление городской культуры Ташкента. — ОНУ, 1979, № 3, с. 51.

³¹ Дьяконов И. М. История Мидии от древнейших времен до конца IV в. до н. э. М., 1956, с. 392.

этой общности, но не определяющим, так как бургулюкцы, являясь частицей саков, сосуществуя с ними в пределах территории Ташкентского оазиса и находясь в переменчивых отношениях (то мирного обмена, то, видимо, войны), входили с ними и в единую этническую общность.

Таким образом, общинные поселки бургулюкцев отличаются от населения эйлатанской культуры, не говоря уже о носителях культуры крашеной керамики на юге, нерасчлененностью социальной топографии, отсутствием цитаделей. У чувствцев процесс расслоения общин и выделения военно-родовой верхушки зашел дальше, судя по выделению на позднем этапе цитаделей³².

Общество бургулюкцев достигло этой ступени несколько позже. Судя по развитию некоторых престижных форм застройки Шаштепа в рамках развития комплекса Шаш III, т. е. со II в. до н. э., социальная дифференциация уже существовала. К этому времени в ареале развития бургулюкской культуры произошли не только социально-экономические изменения, но и этнокультурные смещения, не сопровождавшиеся, однако, большими политическими потрясениями. Старые поселения бургулюкцев, структурно перерожденные, продолжают развиваться в пределах прежнего оседлоземледельческого ареала.

На примере Шаштепа видны качественные изменения структуры поселений; прежде всего в нем выделилось ядро, окруженное кольцом оборонительной стены с коридором и признаками башен и монументальным архитектурно-строительным комплексом внутри кольца. При явном общественно-культурном характере сооружение несло, очевидно, функцию укрепленного идеологического центра и служило местопребыванием главы выделившегося из общины правящего рода.

До проведения раскопок на прилегающем к этому центру поселению невозможно судить о характере его застройки и функциях. Однако материалы исследования ядра определяют его как раннегородской пункт, обладающий рядом морфологических признаков города и примерно соответствующий городу-храму начального этапа урбанизации.

Таким образом, ареал распространения бургулюкской оседло-земледельческой культуры можно рассматривать как наиболее подготовленный предшествующим развитием регион, где раннегородские организмы выросли из предшествующих общинных земледельческих поселков. Поскольку этот ареал фиксирует границы первичной урбанизации региона, именно в его пределах логично поместить область Юни, о которой источники II—I вв. до н. э. говорят как об очаге древнегородской культуры и одном из малых владений, подчиненных государству Кангюй³³.

Выше указывалось, что главный город владения, также именуемый Юни, по сопоставлению с более поздними сведениями о нахождении ранее Юни на месте Ши³⁴, помещался одними исследователями

³² Заднепровский Ю. А. Указ соч., с. 184.

³³ Бичурин Н. Я. Указ соч., с. 186.

³⁴ Там же, с. 313.

на месте Ташкента (М. Е. Массон)³⁵, другими — на городище Канка (Ю. Ф. Буряков)³⁶. Раннегородской пункт Шаштепа, по всей видимости, входил в область Юни.

На роль главного центра этого владения в равной степени могут претендовать и Кендыктепа, и Қаунчитепа, и Шаштепа. Отдать предпочтение кому-то из них можно лишь при достаточной изученности нижних культурных отложений каждого, так как современная площадь городищ не отражает параметров первоначальных пунктов, а при попытке воссоздания их древней структуры в лучшем случае можно говорить лишь о наличии укрепленного ядра.

Пункт Шаштепа, благодаря лучшей изученности его древнейшего ядра, позволяет реконструировать возможную модель «города» Юни: поселение с выделившимся укрепленным ядром, включавшим комплекс административно-культурного порядка.

Городище Канка с его комплексом более развитой городской культуры первых веков до нашей эры располагалось на самой южной окраине бургулюкского ареала. Свой основной строительно-фортификационный и архитектурный потенциал оно накопило в эпоху античности и раннего средневековья (хотя до получения полных данных стратиграфического исследования еще трудно сказать, какой период здесь превалирует) и демонстрировало развитие города столичного ранга, равного которому нет во всем среднесырдарьинском оазисе. отождествление его с Юни, как кажется, умаляет значение этого самого крупного города в регионе и в какой-то степени противоречит письменной традиции, связывающей Юни с Ши. Указание нахождение Юни близ реки Йоша (Сырдарья) не противоречит его расположению в ареале бургулюкской культуры. Как было показано выше, в источниках более позднее владение Ши также связывается с рекой Йоша, т. е. во все времена и при всех ситуациях главной рекой Шаша в источниках считается Сырдарья, ее среднее течение. Это лишает конкретное указание источника на связь Юни с Йоша значения надежного ориентира. Видимо, надо исходить из общего контекста источников: и Юни, и Ши связаны с Йоша, но они связаны и между собой, следовательно, их следует помещать либо на юге, на Канке, либо на севере, в районе Ташкента.

На основании археологического изучения ареала древнейшей земледельческой культуры Бургулюка и главного вывода о формировании в его пределах во II—I вв. до н. э. центров раннегородского типа, а также неоспоримой связи Шаша (Ши) на поздних этапах с Ташкентом наиболее приемлем вариант размещения области Юни в ареале бургулюкской культуры, а города Юни—Ши в северных районах Ташкентского оазиса. Канку—самый крупный город столичного ранга в среднесырдарьинском оазисе—можно скорее рассмат-

³⁵ Массон М. Е. Прошлое Ташкента.— Известия АН УзССР, 1953, № 2, с. 107.

³⁶ Буряков Ю. Ф. Историческая топография древних городов Ташкентского оазиса, с. 31.

ривать как столицу региона и не исключено, что и древнейшей конфедерации племен правобережья Сырдарьи — Кангюя.

Обращает внимание разница в описании Кангюя в восточных письменных источниках со II в. до н. э. по V в. н. э.; в них отражены все стадии развития этого государства. Вначале он описан как слабое кочевое владение, не выделяющееся среди его окружавших, подчиненное юэчжам и хуннам³⁷. При анализе текста источника вызывает некоторое недоверие характеристика его как кочевого, ибо рядом расположенный Яньцай также назван кочевым и в образе жизни сходным с Кангюем. Однако тот же источник указывает на то, что народ Яньцай живет внутри глиняных стен³⁸, т. е. ведет оседлый образ жизни. Последнее можно принять за косвенное доказательство наличия оседлых поселений и в Кангюе. Возможно, прав Б. А. Литвинский, отождествлявший Яньцай (в будущем Аланья) с Приаральем³⁹. Однако ему может соответствовать и район Джетыясаров с его «глиняными стенами», т. е. мощным крепостным строительством⁴⁰. Как видно из источника, Яньцай лежал на северо-западе от Кангюя, а тот в свою очередь к северо-западу от Давани; в таком случае последний должен был находиться в среднем течении Сырдарьи, в Отрарском или Ташкентском оазисе. Вопрос размещения Кангюя и разных аспектах этой проблемы, видимо, еще не раз будет обсуждаться в науке, так как новые варианты конструктивного решения возникают в связи с новыми данными археологии. Пока по итогам археологических работ в Отрарском оазисе, правда при еще не разработанной до конца хронологии, исследователи полагают возможным считать нижней границей его жизни начало I тысячелетия н. э.⁴¹ Если это так, то размещать в нем раннее владение Кангюя не приходится. По тем же причинам это не может быть и Чардара⁴². Напротив, в широком смысле Ташкентский оазис с его обширным ареалом древнеземледельческой культуры выступает как возможное место расположения древнего Кангюя — родового владения канков, а кочевнический характер последнего еще более сомнителен.

Как возможный центр первоначального родового владения можно рассматривать городище Канка с его древнейшими следами оседлого поселения и городским пунктом первых веков до нашей эры. Подобное предположение не противоречит выводу, в основном принятому в науке, о размещении Кангюя в среднем течении Сырдарьи и основывается на хронологическом соотношении древнейших городских центров по Сырдарье. Быстрое опережающее развитие города на Канке в античное время соответствует взлету Кангюя, описанному в источниках: от рядового владения до могучего государства, объединивше-

³⁷ Бичурин Н. Я. Указ. соч., с. 149.

³⁸ Литвинский Б. А. Кангюйско-сарматский фарн, с. 17—18.

³⁹ Там же, с. 18.

⁴⁰ Левина Л. М. Керамика..., с. 12.

⁴¹ Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б. Древний Отрар. Алма-Ата, 1972, с. 203.

⁴² Максимова А. Г., Мерциев М. С. и др. Древности Чардары..., с. 11, 71.

го под своим протекторатом пространства степей и оазисов от Аральского моря до Ферганы. Для этого времени источник называет окружность его земель 9104 ли, численность народа — 600000 человек. Подчеркивается сила его войска и независимая гордая позиция в отношении Китая. Китайские послы доносили, что Кангюй горд и дерзок, китайских чиновников сажает ниже усуньских послов. Столицей или зимней резиденцией назван город Битянь в местности Лоюени⁴³.

Страну Лоюени — родовое владение правителей из дома Кан, — видимо, можно сопоставить с районом обитания канков, племени, упомянутом в Махабхарате, и поместить на территории будущего Илака.

По данным Ю. Ф. Бурякова, Канка в этот период включала цитадель, укрепленную двухъярусной стеной, подквадратного плана территорию двух шахристанов с фортификационными сооружениями античных канонов⁴⁴, мало чем уступающая Самарканду. Только она могла претендовать на роль лидирующего центра столичного масштаба — Битянь. Это был период расцвета и могущества государства Кангюй, когда ему, согласно письменной традиции восточных источников, подчинялись не только пять малых владений — Сусе, Юни, Ги, Фуму и Юсянь, но и Суи, Яньцай, или Аланья; дань платил народ Ань, т. е. и оседлые и кочевые племена. Это государство постоянно сдерживало Китай, посягавший на Фергану и северо-восточные районы Средней Азии, само распространяя влияние на южные области.

Полукочевой характер Кангюйского объединения определял и наличие летней резиденции его правителя, куда сезонно откочевывала ставка. На этот счет выше приводилось соображение Е. Пуллей-блэнка, выводившего путем лингвистического анализа топонима, указанного в источнике, место ее положения близ Яксарта, однако подтвердить это более точными данными невозможно. В источнике сообщается только о том, что от Лоюени до летнего местопребывания владетеля семь дней пути.

В числе областей, связанных с Кангюем, назван Янь⁴⁵, расположенный севернее Яньцай и платящий ему дань пушниной. В свете археологических данных его можно связать с территорией обитания сармат прохоровской культуры, оставшихся на местах своих древних поселений. Они были связаны с Кангюем, Ташкентским оазисом, видимо, не только отношениями данников, но еще раньше культурно-родственными связями. Еще в III в. до н. э. часть их проникла в Приаралье, низовья и среднее течение Сырдарьи, участвуя в качестве компонента в формировании культурного комплекса, в частности Каунчи. Проникновения сарматских этнических групп носили, видимо, больше мирный характер и продолжились еще в первых веках до нашей эры — первых веках нашей эры, что привело (как отмечает Б. А. Литвинский) к сложению в низовьях Сырдарьи сармато-аланской этнокультурной общности, положило начало распространению ее в Закаспии и Северном Кав-

⁴³ Бичурин Н. Я. Указ. соч., с. 184—185.

⁴⁴ Буряков Ю. Ф., Филанович М. И. Указ. соч., с. 51.

⁴⁵ Бичурин Н. Я. Указ. соч., с. 229.

казе и оседанию сарматских групп на окраинных территориях Хорезма, в Приаралье, северных районах бухарского и самаркандского Согда, о чем свидетельствуют материалы изучения могильников на границах Хорезма⁴⁶, Заузбойского плато⁴⁷, Бухарского и Самаркандского оазисов⁴⁸.

Возвращаясь к историко-топографической ситуации Ташкентского района, отметим, что развитие градостроительства и городской культуры в пределах Ташкента (комплексы Шаш I и Шаш III, выявленные при изучении Шаштепа) можно разделить на два этапа. Первый характеризовался существованием и развитием на его территории древнейшего пункта оседлости, общинного поселения ранних земледельцев бургулюкской культуры без выраженных признаков городского порядка, но с развитым ремеслом. Этот пункт можно отнести к догородскому этапу развития оседлой культуры на территории Ташкента, подготовившему почву для рождения города. Во втором периоде на основе внутренних изменений в социально-экономическом строе общества бургулюкцев (выделение родовой знати из общины, дальнейшее развитие ремесел и торговых связей) общинный поселок перерождается в пункт раннегородского характера, типологически сопоставимого с городом-храмом древневосточных цивилизаций. Это происходит на фоне и при участии начавшегося широкого этно-культурного проникновения в Ташкентский оазис со стороны кочевого мира и из низовьев Сырдарьи, где ко II в. до н. э. отмечено обезлюдование старых оазисов, а также под некоторым влиянием эталонов античной городской культуры центральных и южных районов Средней Азии.

ДРЕВНИЙ ЭТАП РАЗВИТИЯ ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВА И ГОРОДСКОЙ КУЛЬТУРЫ ТАШКЕНТА

С начала нашей эры отмечается интенсивное культурно-ирригационное освоение территорий выше по Салару и району Карасу с выходом к р. Чирчик. В пределах этой полосы возник ряд пунктов раннегородского типа и новых сельских поселений, о чем свидетельствуют данные изучения нижнего горизонта памятников Кугаиттепа, Мингюрюка, Таукаттепа и Бузгонттепа. Идентичный характер нижних отложений этих памятников и комплекс материала из них в проекции на стратиграфическую колонку Шаштепа позволяют отнести начало их жизни к I—III вв. н. э. Причем Кугаиттепа и Бузгонттепа имели характер поселений. На Таукаттепа уже для этого времени обнаружен комплекс мощной архитектуры, видимо, ядро поселения. На Мингюрюке

⁴⁶ Лоховец В. А., Хазанов А. М. Подбойные и катакомбные погребения могильника Тузгыр.— В кн.: Кочевники на границах Хорезма. М., 1979, с. 129; Лоховец В. А. Подбойно-катакомбные и коллективные погребения могильника Тумек-Кичиджик. Там же, с. 147.

⁴⁷ Юсупов Х. Ю. Памятники древних кочевников Заузбойского плато (Чолинкыр).— В кн.: Культура и искусство древнего Хорезма. М., 1981, с. 131.

⁴⁸ Обельченко О. В. Лявандакский могильник.— ИМКУ, 1961, вып. 2, с. 104.

зафиксирована оборонительная стена, выделившая городскую территорию и примыкающие к ней узкие перекрытия сводов помещения, которые, как уже отмечалось, составляли, видимо, часть центрального ядра того же типа, что на Шаштепа и Чардарьинском городище Актобе 2. Уже для этого времени отмечались особенности формирования городской культуры Ташкента, предопределенные его расположением в контактной зоне оседлых земледельцев и кочевников, что проявилось в особом развитии фортификационно-строительных форм: мощных крепостных стенах, приемах кладки и возведения сводов, отмечаемом и в районе Чардары, и в низовьях Сырдарьи и составившем основу впоследствии сложившейся своеобразной строительной школы Чача. Уже отмечены основные пути влияния на ее создание по реке Сырдарье от Приаралья до Ферганы, а также с юга из центрального Согда.

В эпоху поздней античности Мингурюк также обладал мощной цитаделью, возведенной в лучших строительных традициях своего времени, с внутривалным коридором и овальными башнями. В архитектуре построек этой эпохи использовались своды, арки различных очертаний, в регионе использовалась купольная конструкция. Среди поселений с цитаделями пункт на Саларе, самый крупный по площади и оформленный оборонительной стеной, мог претендовать на роль главного центра микрооазиса. С городом этого времени можно связать описание столицы Ши Сюань Цзаном, где окружность его приводится в 10 ли (примерно 3 км).

Отмеченные населенные пункты возникали как центры вновь освоенных земельных угодий одной или нескольких общин, управляемых выделившимися из их состава правителями, наделенными военной и организационной функцией и, возможно, жреческими полномочиями.

Судя по сообщению источника о владении Юни, правители таких отдельных пунктов, старейшины, подчинялись главному владельцу, пребывавшему в городе Юни и зависящему от Кангюя.

Вхождение области Юни в такое сильное политическое объединение, как Кангюй, благоприятно влияло на развитие оседлого хозяйства на территории Ташкента. Оно способствовало также дальнейшему развитию градообразования, которое шло здесь параллельно с южными районами Ташкентского оазиса, где в это время, кроме городища Канки, оформился ряд новых городских пунктов, в частности Кавардан, Намудлык и др.⁴⁹

Первые века нашей эры — это время дальнейшего экстенсивного развития земледельческого хозяйства, занимающего все новые массивы плодородных земель, и совершенствования техники ирригаторства.

Жители города на Мингурюке и окрестных селений, по более позднему источнику, сеяли просо и пшеницу, разводили хороших лошадей. Сообщается также, что почва пригодна и для ячменя, риса, гороха; жители изготавливают виноградное вино и водку, кислое молоко⁵⁰.

⁴⁹ Буряков Ю. Ф. Историческая..., с. 187.

⁵⁰ Бичурин Н. Я. Указ. соч., с. 273, 282; Кюнер Н. В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961, с. 97.

В оазисе по-прежнему в стаде домашнего скота преобладали овцы и козы, меньше — крупного рогатого скота, много лошадей. В городе и поселениях вокруг развивались железодельное ремесло, ткацкое, гончарное, обработка камня и кости. Кроме того, ремесленники перерабатывали сырье, получаемое от кочевников степей: кожу, шерсть и т. п. В первые века нашей эры Ташкентский оазис становится важным центром транзитной торговли. Через него пролегла ветвь великого шелкового пути, связывавшего страны греко-римского мира с Китаем, в трассу которой вошли Фергана, Кангюй, Яньцай, т. е. области по Сырдарье⁵¹. Об этом красноречиво свидетельствуют находки в Ташкенте привозных предметов, в частности ханьского зеркала и особенно фрагмента парфянского ритона из слоновой кости I—II вв. н. э., найденного на Шаштепа (табл. I, 18). Оживленная торговая артерия способствовала развитию городской жизни и культуры на территории не в меньшей степени, чем близость внутреннего рынка к кочевникам.

Источники отмечают большую этническую близость населения территории от Давани до Аньси, выразившуюся в родстве языков и внешнем облике жителей, имеющих глубоко посаженные глаза и густые бороды⁵². Эта характеристика подходит и жителям Чача, подтверждается типом лиц правителей, изображенных на монетах этой области, найденных на Канке.

По материалам, обнаруженным на территории Ташкента, можно судить о дальнейшем развитии религиозной идеологии в Чаче и появлении новых форм культового строительства.

Во-первых, по-прежнему в массах населения бытовали культы плодородия и как их проявление почитание священных животных: особое место уделено образам барана и быка. С первым образом стойко связывались представления об охраняющей и очищающей силе, о чем свидетельствуют многочисленные варианты использования самой фигурки и ее символа на посуде. Б. А. Литвинский также убедительно показал связь его с представлениями кангюйского населения о фарне⁵³. Не менее популярен образ быка, стилизованная рогатая голова которого использована в так называемых очажных подставках каунчинцев, видимо, культового назначения. На использование их в роли курильниц намекает сама форма определенной части этих предметов с углублением для горючего вещества. Примечателен генезис этих образов. Если образ быка можно вывести из круга религиозных взглядов древнеземледельческих народов, переданных в районы Сырдарьи посредством культуры расписной керамики, то образ барана связывается с религиозной символикой не только южных земледельцев, но и сарматов-кочевников.

Как указывалось, в районе Ташкента не встречены очажные подставки в виде протом баранов. Здесь с самого раннего времени, т. е. с первого этапа Каунчи II, были распространены бычьи изображения,

⁵¹ Бичурин Н. Я., Указ. соч., с. 167.

⁵² Там же, с. 161.

⁵³ Литвинский Б. А. Кангюйско-сарматский фарн, с. 109.

что можно считать локальной особенностью района. Популярен был и культ, связанный с почитанием солнца, традиционный, упомянутый еще Геродотом, культ скотоводов степей, распространенный и у земледельческих народов. О поклонении солнцу говорят многочисленные глиняные амулеты каунчинцев с изображением светила, иногда антропоморфизированного, или солярных символов креста и свастики. Судя по лунарным символам, видимо, почиталась и луна. Не меньшая роль отводилась культу огня, почитанию обожествленных предков. В I—II вв. н. э. продолжал функционировать храмовый комплекс Шаштепа, связанный с астральным культом.

К III—IV вв. н. э. относятся новые архитектурные формы культового назначения. Наибольший интерес представляет огражденная культовая площадка в шахристане Кугаиттепа с местом для возжигания огня, обведенным частоколом из жердей. Истоки этой формы также следует искать в верованиях скотоводов скифо-сарматского круга, устраивавших огражденные культовые площадки с кострищами⁵⁴.

Тип культового строительства с использованием жердевого ограждения впоследствии повлиял на характер сложения поздних храмов огня с использованием символического жердевого перекрытия над алтарем, а также на формирование открытых огражденных храмов эпохи раннего средневековья в Чаче. К началу V в. н. э. относится и первое храмовое здание закрытого типа, предназначенное для возжигания огня и хранения священной золы, о котором можно судить по сооружению Актепа Чиланзарского. Примечательно, что в этом здании мы видим пример автономных культовых центров своего рода региональных святилищ.

Характерна архитектура Актепинского храма-замка, в которой впервые проявились такие характерные черты чачской строительной школы, как квадратная планировка с округлыми башнями на углах.

В политическом отношении в III в. н. э. происходит резкое ослабление Кангюя. По мнению некоторых исследователей, последние дипломатические связи его относятся к 270 г. н. э.⁵⁵, после чего источники отмечают быстрый распад этого государства на множество мелких владений, появившихся на исторической арене в качестве самостоятельных. Таковым был и Чач, впервые упомянутый в надписи на Каабе Зороастра в 262 г. н. э. Выступив наследником Кангюя, о чем прямо сообщают источники, он, видимо, территориально включил в область раннего родового владения канков и область Юни. Хроника указывает на общее совпадение города Юни с городом Чжеси, или Ши, главным центром области Чач или Ши, примерно с V в. н. э. появившимся на исторической арене. Вся область перешла в зависимость от эфталитов, государство которых в IV в. н. э. стало определяющей политической силой в среднеазиатском регионе, сокрушившей остатки политического влияния Кангюя и довершившей его распад.

⁵⁴ Смирнов К. Ф., Токов С. А. Сарматское святилище огня.— МИА, 169, 1969, с. 69.

⁵⁵ Мак Govern. The Early Empires of Central Asia. New-York, 1939, p. 400.

В социально-экономическом плане конец IV—V вв. н. э. — время перехода от античности к повсеместному процессу становления раннефеодальных отношений. В этот же период по археологическим данным как будто отмечается упадок городской культуры в старых городских центрах, сложившихся на самом раннем этапе в бассейне нижнего течения Ахангарана и правобережья Сырдарьи. Именно в это время начинается запустение старых городских центров Чардары, например, городища Актобе ⁵⁶. На Канке обживаемые и окруженные новой стеной площади сокращаются со 150 до 45 га⁵⁷, на городище Кендыктепа приходят в упадок южные кварталы города⁵⁸, площадь Кульата сокращается с 48 до 15 га. Сильные пожары, разрушение цитаделей и городских кварталов, резкое временное сокращение городской территории наблюдается и в других городах центра оазиса. На Шаштепа период временного запустения отмечен для второй половины III в. н. э. Но в целом для Ташкента это явление — не закономерность. В основном, как видно из археологических данных, на его территории продолжалось интенсивное освоение удобных для земледелия площадей правобережной террасы Чирчика. С первой половины I тысячелетия н. э. вводится в строй система каналов Заха, имевшего в районе Ташкента широкую разветвленную сеть. В это время не только продолжает жить город Мингурюк, оформляется в городской центр Кугайттепа, продолжают существовать поселения Бузгонттепа, Таукаттепа, но осваивается вторая очередь гидросети микрооазиса. В ней возникают новые пункты — Пазылтепа, Тарнауштепа, Актепа Юнусабадское, Тешник-купрюктепа, т. е. вокруг города на Мингурюке начинает оформляться обширная округа.

ТАШКЕНТ — СТОЛИЦА ЧАЧА

Наивысшего расцвета город на Мингурюке со всей его округой достиг в VII—VIII вв. н. э. В политическом отношении эта эпоха насыщена драматическими событиями столкновений государственных образований центральных районов Средней Азии, прежде всего эфталитов с новыми надвигавшимися с северо-востока политическими силами объединенных тюркских племен. Для V в. н. э. источники фиксируют зависимость территорий по средней Сырдарье от эфталитов, указывая на то, что Кангюй и многие ранее входившие в это государство области подчинены им. Ташкентский оазис одним из первых стал местом разорительных для него столкновений тюрков с эфталитами. В середине VI в. н. э. последние были разгромлены тюрками. В 555 г. тюркский каган Истеми назвал Чач западной границей своего владения.

Постепенно политическое положение стабилизировалось. Чач вошел в состав западно-тюркского каганата, в период междоусобиц тюр-

⁵⁶ Максимова А. Г., Мершнев М. С. и др. Древности Чардары, с. 79.

⁵⁷ Буряков Ю. Ф. Историческая топография древних городов Ташкентского оазиса, с. 190—191.

⁵⁸ Древности Туябугуза. Ташкент, 1978, с. 165.

рок он восстал и отделился, а в 605 г. вновь был присоединен с установлением правления тюркских наместников-тудунов. Источники отмечают, что «жители Чача воинственны и свободолюбивы, но когда поссорились с тюрками, то были покорены ими»⁵⁹. В 641 г. Чач участвовал в борьбе западного каганата с восточным и после разгрома последнего превратился в полузависимое владение; правитель его получил большую самостоятельность. Сведения дальневосточных источников о судьбах владений, возникших на развалинах государства Кангюй, туманны и отрывочны. Однако в V в. н. э. четко различают Чжешу (с уточнением, что это древнее владение Кангюй), Ши, владетель которого живет при реке Йоше, и другие владения на бывших землях Кангюя — Цас (Уструшана) и Хэ (Кушания). Чжешу здесь выступает как исконное родовое владение Кангюй, бывшее ядром некогда обширного государства.

Для начала VII в. источник уже не делает различия между Ши и Чжешу (Чжеше). Из описания явствует, что это одно и то же владение с главным городом Чжеси, или Ши, вблизи Йоша, лежащем на месте древнего города Юни малого владения Кангюя.

Учитывая хронологическую разницу описания, мы думаем, что произошло постепенное объединение исконно близких областей древнего ядра Кангюя и древнего его владения Юни, т. е. Чжешу и Ши, которые теперь все устойчивее называются только Ши. Во всяком случае в 609 г., во время последнего посольства в Китай, направленного из Ши, т. е. объединенной области, столица ее находилась на месте Юни.

Таким образом, в этом, как кажется, запечатлен процесс становления Чачского государства в оазисе и перемещения его центра с Канки на север бывшего владения Юни, т. е. на территорию Ташкента. Этот процесс подтверждают и археологические исследования оазиса. На их основании можно утверждать, что период вхождения в состав Тюркского Каганата был для Чача вообще временем расцвета урбанизированной культуры, но при общем росте городов основной их потенциал слагался в северной части оазиса, в районе Ташкента. Укреплению его ключевых позиций во всем оазисе немало способствовало продвижение в его северные пределы основных караванных путей, фокуса торговых отношений с кочевниками и северо-восточными странами, интенсивная разработка цветных и благородных металлов в горах Чача, где функционировал «серебряный рудник Чача».

В пределах Ташкентского микрооазиса формируется целый узел из четырех раннефеодальных городов, тесно связанных друг с другом, и до 20 замков и поселений. Центральное положение среди них продолжает занимать городище Мингурюк — городское ядро Ташкента этого времени, за которым теперь закрепились роль столицы Чача (мадина арабских источников). По сравнению с предшествующим периодом площадь его увеличилась. Перестроили систему укреплений, частично выросшую на месте древних стен и строений. Раннефеодальный Мингурюк обводится оборонительной стеной. Подпрямоугольная

⁵⁹ Бичурин Н. Я. Указ. соч., с. 282.

в плане цитадель, включенная в оборону южного фаса города, заняла половину его древнейшего укрепления. Рядом на древней стене возведен дворцовый комплекс с парадными культовыми, жилыми помещениями, богато украшенными интерьерами. Дворцовый комплекс Мингурюка — пока единственное столь масштабное престижное сооружение во всем Чаче. Шахристан города густо застроен монументальными домами.

Мадина Чача была топографическим фокусом, к которому тяготела обширная и густо заселенная округа. Степень изученности археологических памятников уже дает определенный материал к характеристике типологии и внутренней структуры пунктов округа раннефеодального города. Выделяются городки, укрепленные замки-кёшки с прилегающим поселением, обособленные храмовые хозяйства, крепости пограничного типа. На нескольких радиально расходящихся от Мингурюка направлениях, которые, судя по всему, совпадают с трассами караванных путей на юг, в Согд, а также на север, в Семиречье и Китай, в близком расстоянии от центра располагалось несколько довольно значительных городских пунктов. Наиболее изучены Кугаиттепа и Ханабад. Они членились по одному принципу на цитадель и шахристан (собственно город). Цитадель — укрепленное ядро города, местопребывание административной власти, гарнизона, арсенала, т. е. она выполняет функцию административного и военного центра. Однако на примере цитадели Ханабада видно, что может выдвигаться на первый план какая-то одна функция.

В основе планировки цитадели Ханабада лежит тот же планировочный принцип, что и на Актепа Юнусабадском, — прямоугольник, обведенный периметральным коридором с угловыми овальными башнями, однако основная ее функция — только военно-оборонительная. Стрелковые галереи, башни, узкие, идущие монотонными рядами аскетичные помещения-казематы, открытый двор-плац в середине свидетельствуют о ее военном назначении как крепости-казармы для большого гарнизона. Из всех исследованных городов Ханабад отличается также наибольшим количеством находок монет различных чеканов VII—VIII вв. н. э. Кроме монет правителя Чача, на его рынках обращались монеты вассальных владетелей, правителей сопредельных областей Согда, Уструшаны, тюргешские и китайские монеты. Обилие и разнообразие монет, как и находки привозных предметов, характеризуют Ханабадтепа не только как город прежде всего военный, но и торговый, что оправдано расположением его у переправы через Чирчик на караванном пути.

Территория шахристанов обычно примыкает к цитаделям или со всех сторон, или с трех, иногда отделяется от них рвом. В настоящее время она настолько поглощена и сnivelирована современной застройкой Ташкента, что точно определить бывшие границы, план шахристанов и трассу внешней стены затруднительно, как в случае с Кугаиттепа. Ханабадтепа предстает перед исследователем в первоначальных размерах шахристана — $530 \times 540 \text{ м}^2$ с четкими квадратными очертаниями; цитадель сдвинута в восточный угол.

Шахристаны городов тесно застроены домами, образующими массивы, среди которых выделяются ремесленные мастерские. Дом горожанина, судя по застройке Мингурюка и Куганттепа, включал жилые, иногда производственные помещения и домашние культовые комнаты.

Пример замка-кешка с поселением дает Актепа Юнусабадское. Сам замок с двором и дворовыми постройками окружен стеной и оборонительным рвом, ядро его составляет квадратное сооружение с башней-донжоном, опоясанное двумя рядами галерей. Главное здание, представляя собой интересный архитектурно-планировочный ансамбль, четко делится на парадно-жилую, культовую и хозяйственно-подсобную части. В общей системе замкового хозяйства удельный вес каждой примерно одинаков.

Застройка, тяготеющая к цитадели Актепа, носит характер отдельных массивов и, по всей видимости, еще не была обведена внешней стеной. Хотя этот пункт, как и другие, переживал в VI—VII вв. н. э. значительный экономический и культурный подъем и шел по пути окончательного оформления в город, процесс этот не успел завершиться, так как был прерван арабским завоеванием.

Таким образом, этнография Ташкентского микрооазиса демонстрирует не только бурно идущий процесс градообразования, но и его пути и формы. Последние особенно наглядно проявлялись во вновь рождавшихся в то время пунктах. Наиболее четко фиксируются три линии формирования городов; больше всего концентрация населения у замка-кешка, служившего цитаделью. Большинство этих городков остановились на стадии сложения компактной застройки вокруг кешка, еще не обнесенной крепостной стеной.

Есть пример формирования города у места переправы при торговле и, наконец, из пограничной крепости, — это Бузгонттепа, огромный фортификационный массив, цитадель которого следует отнести не к кешкам, а к мощной и вместительной крепости с назначением прикрывать мадину Чача со стороны кочевой степи. Мадина Чача вместе с городками округи являла центр ремесленного производства, сырьевые ресурсы для которого поставляли рудники чачских гор и животноводство кочевников. Ремесленники занимались первичной обработкой металла, изготовлением орудий труда, оружия, украшений, драгоценной утвари из металла, обработкой поступающих из степи (кожа, шерсть) продуктов животноводства и земледелия, керамической и стеклянной посуды, ювелирных изделий из драгоценных металлов и камней, хлопчатобумажных и шерстяных тканей. Часть горожан занималась торговлей. Подобно городам Согда и его колониям в Семиречье, о которых известно, что там землепашцев и тех, кто соблюдает выгоду⁶⁰, т. е. ремесленников, купцов, поровну, часть жителей столицы Чача обрабатывала землю в обширной прилегающей к городу округе. Что касается купеческого сословия, то по переписи населения в торговых колониях Восточного Туркестана купцы Чача занимали по численности третье место после купцов Самарканда и Бухары. Сама столица

⁶⁰ Кляшторный С. Г. Древнетюркские..., с. 125.

Чача была местом оживленных торговых сделок, о чем свидетельствуют найденные в Ташкенте предметы импорта, а главное большое количество денежных знаков — монеты различных близких и дальних государств и владений, от Византии на западе до Китая на востоке.

VII — начало VIII в. — время развития внутренней торговли, широкого распространения медной монеты. Собственную монету чеканил правитель Чача и зависимые от него удельные мелкие города (Кабарна, Фарнакет и др.). На монетах центрального чекана изображение правителя или царя и царицы даны в анфас или в поворот на $\frac{3}{4}$, тамга и надпись с именем правителя. Иногда портреты заменяли изображением хищного животного с разинутой пастью и поднятым хвостом. В этот период бурного развития раннефеодальных отношений в Чаче формировалась феодальная иерархическая структура общества, в котором существенную роль стало играть дихканское сословие — среднеазиатское рыцарство и землевладельческая знать. Она составляла часть населения столицы, окружение правителя; им принадлежали дворцы и многочисленные укрепленные замки-кешки в ее округе.

Несмотря на временную зависимость от Тюркского каганата, Чач сохранил свой язык, письменность и культуру. Официальным оставался диалект согдийского языка, знаками согдийского письма представляли титулы и имена правителей Чача на монетах (Артачака, Рочага, Щчаниябага, Тарнавча), на согдийском языке обменивался правитель официальными посланиями с соседними государствами, о чем можно судить по тексту на халате дапирпата Чача, изображенного среди посольства в Согд на стене афрасиабского здания. Только на одной группе монет известно тюркское имя правителя — Ильтегин. По письменным сведениям, внешним обликом чачцы были похожи на жителей Согда и Ферганы, что подтверждают портреты правителей на монетах ч на оттиске штампа из Актепа. В большинстве своем они представляют антропологический тип, лишенный монголоидных черт с овальными глазами, выступающим носом, густой бородой.

Иную картину можно наблюдать в изображениях человеческих лиц на навершиях крышек оссуариев. Наряду с лицами европеоидного облика здесь изображены монголоиды. Портреты на монетах как бы указывают на местное чачское происхождение большинства известных династов. Изображения же на оссуариях, видимо, отражают подлинную картину этнического состава жителей Чача, когда в среду автохтонного населения проникало значительное количество монголоидного типа.

Мадина Чача и городки ее округи демонстрируют высокое развитие архитектуры, строительного дела и искусства. Исследованные мощные цитадели — типичный пример чачской школы строительства, приемов фортификации, разнообразия способов выведения арок, сводов, знакомства строителей с инженерным расчетом.

Мадина Чача была крупным центром изобразительного и музыкального искусства. Здесь работали мастера по росписи интерьеров дворцов и богатых домов. Искусство монументальной настенной живописи, реалистично отражавшее образ жизни, мир образов эпическо-

го творчества и идеологические представления эпохи, процветало в Чаче, как и в других областях Средней Азии, о чем свидетельствуют остатки настенных росписей в цитадели города и пригородных сооружениях. Высокого мастерства достигло медальерное искусство, о сложности чачской школы этого искусства можно судить по портретным изображениям правителей на монетах, обладающим индивидуальностью и большой силой выразительности. Не меньшего мастерства и художественной силы достигали резчики штампов, подтверждением тому служит портрет на керамической плитке из Актепа. Далеко за пределами Ташкента славились его певцы, музыканты и танцоры, сложился особый стиль и ритм чачских танцев, очень популярных даже в таких отдаленных странах, как Китай. Особой популярностью пользовались энергичные танцы в исполнении ташкентских мальчиков и особый «танец Чача», исполнявшийся девушками. По описанию действий певиц из Чача можно составить представление о ритуальном характере их исполнения в честь богини плодородия⁶¹.

Столица Чача была также крупным культовым центром; среди ее жителей были распространены земледельческие культы плодородия, огнепоклонничество, почитание светил и обожествленных предков. Раскопки Мингурюка, Кугаиттепа, Актепа Юнусабадского и Чиланзарского дают представление о некоторых формах культового строительства этого времени. Выделены три типичных формы культовых помещений: храм в комплексе цитадельных построек, храм как автономный комплекс — характерный компонент топографии округа города и домашнее святилище в городских жилищах. Первый тип связан с возведением специальных построек, включающих наус для хранения урны с прахом предков правителя городка или родового кешка. В них входят и помещения поминального назначения: святилище огня с символическим перекрытием из жердей над алтарем, зал для жертвенных ритуальных трапез и собраний.

Отдельный храмовый комплекс округа представлен традиционно связанным с культовым местом Актепа Чиланзарским, где под открытым небом, но в обведенном стеной сооружении на платформе с постаментом проходили церемонии, возможно, с отправлением культа предков или умирающей и воскресающей природы. Источники приводят описание ежегодного проходящего в Чаче обряда в честь предков правителя с выставлением на престоле золотой урны с прахом и большого жертвоприношения в храме рядом со столицей⁶². Следовательно, выделение такого типа загородного храма вблизи столицы Чача зафиксировано не только археологически, но и письменно.

В VII—VIII вв. н. э. в Ташкенте еще продолжало бытовать поклонение животным, главным образом быку. Курильницы в форме головы быка еще не изжили себя. С этого же времени распространился оссуарный обряд погребения, в чем отчасти можно видеть влияние Согда и его духовной культуры. Примечательно, что единственная

⁶¹ Шефер Э. Золотые персики Самарканда. М., 1981, с. 84, 85.

⁶² Бичурин Н. Я. Указ. соч., с. 272.

связанная с местом находка оссуарного кладбища сделана на Ханабаде, где сильнее всего проявилось влияние культуры Согда. Изготовление этих погребальных глиняных ящичков, украшенных орнаментом с навершиями в виде скульптур, чаще всего баранов (фарн), птиц и человеческих лиц было особым видом ремесла и искусства.

В VII в. н. э. район Ташкента, как и вся территория Чача, постепенно превращался из района со стойкой консервативной каунчинской культурой, которой было свойственно влиять на формирование культурных комплексов Согда, Ферганы, в район оживленных контактов с согдийской и тюркской культурами, результатом чего явились сдвиги в облике материальной культуры памятников Ташкента. Проявились они неравномерно. Выделяется полоса пунктов более высоко-развитой урбанизированной культуры, куда входит мадина Чача, Актепа Юнусабадское, Ханабад. В их комплексах живо заметно воздействие согдийских культурных образцов, точнее они развивались в русле той же единой высокоразвитой городской культуры, что и Согд, Уструшана и др.

Немалую роль, видимо, в процессе культурной интеграции сыграла согдийская колонизация, однако это название не исчерпывает сути самого процесса. Не следует забывать, что в этом движении в Семиречье и Восточный Туркестан, кроме выходцев из Согда, участвовали уроженцы Чача и других областей.

Во время арабского завоевания Средней Азии в первой трети VIII в. правитель Чача вошел в антиарабскую коалицию вместе с Западно-Тюркским каганатом, Согдом и Ферганой. Однако усилие ее были тщетны, и с 713 г. города Чача, в том числе и столица, подвергались нескольким опустошительным походам, нанесям цветущему краю непоправимый урон. Мадина Чача, окружающие ее селения и замки погибли в огне пожара. Город так и не смог оправиться от разрушения. Разоренная область привлекла к себе внимание китайцев, однако в 751 г. чачцы обратились за помощью к арабам, китайские войска были разбиты на Таласе, а Чач подчинился арабскому халифату. Китайцы больше не предъявляли на Чач свои права. При халифах Чач считался пограничным форпостом ислама против тюрок, но в самом Чаче распространение новой религии шло очень медленно. В Ташкенте продолжали поклоняться огню, сохранились домашние святилища. Свободолюбие чачцев и нежелание принимать чуждую религию выражалось и в том, что на их территории находили убежище участники движения «людей в белых одеждах»⁶³ и долго не затухали очаги антихалифатской борьбы. Чач так и не был покорен арабами окончательно и управлялся собственным правителем.

Мадина Чача возродилась лишь в начале IX в., когда восстановили главный питающий ее канал. Город имел большое значение для халифата, поэтому правительство выделило для восстановительных работ 2 млн. дирхемов⁶⁴. Причем город возрождался не на старых руинах,

⁶³ Бартольд В. В. История культурной жизни..., с. 217.

⁶⁴ Макдиси. МИТТ, т. I. М.—Л., 1939, с. 202.

а, как убедительно показали археологические исследования, в 4,5 км северо-западнее их. Мингурюк, также впоследствии возрожденный, все же не достиг былого значения и размеров и продолжал жить как рядовой населенный пункт в конце X—XII вв. Вызванный экономическими причинами новый подъем городской жизни в Ташкенте связан, таким образом, не с Мингурюком, а с городищем под «старым городом» Ташкента — Бинкетом IX — начала XIII вв., сложившимся в системе водного протока Бозсу и его ответвлений. Как показали исследования, ядро города (шахристан) занимало площадь около 16 га, выявлен лишь небольшой участок его южной оборонительной стены. Следы его рабадов в виде вещественных находок, остатков культурного слоя и бадрабов IX, чаще X—XIII вв. фиксируются на большей части территории Сибзарской, Кукчинской, Бешагачской даха «старого города». Кроме того, в пределы современного Ташкента вошла обширная округа этого пункта с многочисленными неукрепленными селениями, многие из которых были центрами какой-либо отрасли ремесла.

Сделанное еще В. В. Бартольдом отождествление упомянутого арабскими источниками столицы Шаша X в. Бинкета с современным Ташкентом⁶⁵ и размещение его М. Е. Массоном под «старым городом» Ташкента⁶⁶ убедительно подтверждают все увеличивающиеся факты археологического порядка, и на сегодняшний день данное предположение не вызывает сомнений.

В описании арабских источников Бинкет — это крупный административный и торгово-ремесленный центр, в изобилии снабжавшийся водой⁶⁷. По описаниям авторов X в. в длину и ширину он имел по одному фарсаху и структурно делился на цитадель (кухендиз или арк), внутренний город (шахристан или мадина) и два пригорода — внутренний (рабад-дахиль) и внешний (рабад-харидж). Цитадель, обведенная особой стеной с двумя воротами, из которых одни выводили в шахристан, а другие — в рабад, вмещала дворец правителя и тюрьму. Под стенами цитадели располагалась соборная мечеть. В шахристан, обведенный своей стеной, можно было попасть через трое ворот, названия которых сохранились: Абул-л-Аббаса, Джунейда (выводившие на запад и восток) и Кешские (южные).

Известно, что внутри шахристана было много лавочек — мастерских городских ремесленников, в том числе железных дел мастеров, медников, торговцев асбестовыми фиталями и других, т. е. в нем были базары. Однако большая часть базаров располагалась во внутреннем рабаде, также окруженного стеной, в которой имелось, по одним данным, восемь ворот, по другим, десять. В названиях некоторых из них донесены до нас особенности внутренней топографии и топонимики рабадов и прилегающей к городу территории: ворота рабата Хадмин железные (Аханин или Худид), Эмира; Фархан (Ферганские?) Суркедэ, Кермандж (или Кармабадж), ворота степной улицы (Сах-

⁶⁵ Бартольд В. В. К истории орошения..., с. 219.

⁶⁶ Массон М. Е. Прошлое..., с. 110, 111.

⁶⁷ Абул-Касым ибн Хаукаль. Указ. соч., с. 23; Бартольд В. В. Туркестан..., с. 228.

ла), Рашиджак; ворота улицы Хакана, замка Дихкана (каср-ул дихкан или Кушки-дихкан). Во внешнем рабаде арабские географы называют семь ворот: Фарагкет (восточные), Хаскет (переправы Хас на Сырдарье), Сандиджак (или Секендиджак), Железные, Бакердиджак, Секрек и Саграбад.

Авторы источников отмечают, что город скрывается в зелени и принадлежит к самым здоровым городам Мавераннахра. Дома его выстроены из глины, обширны по размерам и во всех дворах течет вода. Все каналы протекают через шахристан и рабад, в котором много садов и протоков.

На всей территории Бинкета археологическими исследованиями не зафиксировано остатков города раньше самого начала IX в. н. э., что исключает тезис О. Г. Большакова о расположении мадины Шаша предшествующего периода на той же территории, что и города IX—XII вв.⁶⁸ Как показано выше, она может быть локализована только на Мингурюке. Внутри Бинкета археологический материал эпохи раннего средневековья отмечен лишь на развалинах былых замков кешков, поглощенных застройкой средневекового города (Шахнишин и Хиабантепа), ранее входивших в округу раннесредневековой мадины Чача, которая, может быть, еще в преарабское время называлась и Бинкетом, о чем молчат письменные источники. Об этом можно судить по бытованию обоих названий (мадина Шаша и Бинкет) в IX—X вв., представившихся на саманидских монетах региона⁶⁹.

Исходя из данных археологии, нумизматики и письменных источников, городище Мингурюк и городище под «старым городом» Ташкента — это руины столицы Шаша эпохи раннего и развитого средневековья. Если первое характеризует этот город на стадии наивысшего расцвета городской культуры, прерванного разрушительными арабскими походами, то второе представляет его крупнейшим торгово-ремесленным и культурным центром IX—XII вв. На обеих стадиях город именовался, видимо, равно Мадинай Шаша, Шашем и Бинкетом. Можно предположить, что встреченный впервые в источниках XI в. топоним Ташкент, прилагаемый к этому городу, вошел в обиход раньше XI в. и некоторое время употреблялся наравне с названием Шаш.

Границы Бинкета в пределах его двух рабадов можно наметить лишь с известной долей вероятности. Наиболее достоверные данные дает наблюдение за расположением культурных остатков, выявлением их скоплений и остатков слоев, что позволяет, совместив эти данные с естественным рельефом и прохождением гидросети, реконструировать территорию и отчасти структурное деление (табл. VII, 1).

Предпринятая О. Г. Большаковым вслед за В. Н. Куренным попытка реконструировать границы города на основании существующей планировки выглядит искусственным построением, так как основыва-

⁶⁸ Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г. Указ. соч., с. 195.

⁶⁹ Добровольский И. Г., Кочнев Б. Д. Указ. соч., с. 196.

ется на неверном представлении о стабильном сохранении уличной сети города на протяжении восьми веков⁷⁰.

В процессе археологических исследований убеждаешься в большой трансформации городской топографии за это время, когда погребенные русла каналов средневековой ирригации подчас пересекают улицы и арыки XIX в.

В определении границы города нельзя опираться на расположение кладбищ. Большинство их (Чигатайское, Кукчинское, Карасарайское, Аламбердарское) находятся за воротами стены XIX в., однако служить топографическим ориентиром для ранней эпохи не могут, так как сложились в позднем средневековье и, как в случае с Аламбердарским кладбищем, иногда располагались на культурном слое поселений X—XII вв. Кладбища, попавшие в черту стены XIX в., как показали исследования, также относятся к позднему средневековью. Единственным кладбищем, совпадающим с северной границей Бинкета, можно назвать кладбище вокруг мавзолея Мухаммеда Каффаль Шаши.

По данным археологических наблюдений можно говорить лишь об общем совпадении направлений артерий, ведущих из ворот Бинкета, с магистральями, замыкаемыми воротами стены XIX в., так как на этих лучах располагались основные поселения — спутники Бинкета, составлявшие его обширную округу.

В пределах современного города Ташкента расположено несколько небольших городков и городских поселений, сопоставляющихся с пунктами округа Бинкета, указанными в географических источниках; локализация их предложена в литературе.

Банункет помещен на Кугайтепа, Хатункет — на Аката⁷¹, Джабгукет В. В. Бартольдом в Ниязбеке,⁷² а последующими исследователями — на Тугайтепа⁷³.

Расположение этих городков X—XII вв. в пределах Ташкента не вызывает сомнений, однако данные археологических исследований вносят уточнения в локализацию Джабгукета. В «Худуд ал-алем» X в. он описан как цветущий городок, в котором в древности был военный лагерь Шаша. В дорожнике Кудама (начало X в.) указано расстояние от Шаша (Бинкет) до бывшего военного стана в 2 фарсаха. По Истахри от столицы до Джабгукета, расположенного на берегу Чирчика, также 2 фарсаха, исходя из чего В. В. Бартольд связал этот городок с крепостью Ниязбек⁷⁴. Следов городища в этом районе не обнаружено, поэтому утвердилось представление о тождестве этого пункта с Тугайтепа⁷⁵, которое, однако, представляет собой слабо выраженное в

⁷⁰ Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г. Указ, соч., с. 196, 197; Куренной В. Н. Градостроительная структура средневекового Ташкента. Архитектура. Материалы к VI конференции молодых ученых-строителей. Л., 1971.

⁷¹ Буряков Ю. Ф. Историческая топография, с. 63.

⁷² Бартольд В. В. Туркестан..., с. 230.

⁷³ Буряков Ю. Ф. Историческая топография древних городов Ташкентского оазиса, с. 63—64; Баишев И., Массон В. Археологические разведки в районе Ташкента, с. 134.

⁷⁴ Бартольд В. В. Туркестан..., с. 230.

⁷⁵ Баишев И., Массон В. М. Указ, соч., с. 134.

рельефе поселение с материалом X—XII вв. и расположено в 2 км от берега Чирчика. Исследования показали, что с Джабгукетом больше всего сопоставимо городище Ханабад вблизи р. Чирчик с его цитаделью-казармой для большого гарнизона, лучше всего отвечающее сведениям о раннесредневековом военном лагере и располагавшееся примерно в 2 фарсах от Бинкета. Предложенное ранее М. Е. Массоном его отождествление с Нуджкетом базировалось на устаревшем представлении о том, что Ханабад сформировался как город с X в.⁷⁶

В IX—X вв. Шаш входил в состав государства саманидов. Первым правителем из рода Самана, резидировавшим в нем еще в роли наместника Тахиридов, был Яхъя Бин Асад, чеканивший монету от имени Саманидов.

В X в. Шаш вошел в состав государства тюрок Караханидов, причем на первых порах его правитель чеканил свою монету, а в XIII в. — в государство Хорезмшахов. Период IX—XI вв. был для Ташкента не только временем общего подъема городской жизни в Бинкете и его обширной округе, но и временем дальнейших социально-экономических изменений, приведших к сложению характерной структуры города и формированию рабадов. Бинкет был крупным центром ремесла, следы которого зафиксированы и в шахристане, и за его пределами, в рабадах. Здесь производилось множество товаров — от луков и колчанов, палаток, плащей, дубленых кож, седел, изделий из металлов до тканей, ковров и конской упряжи, которыми снабжалась в основном степь.

Славился Бинкет также стеклянной и глазурованной посудой, сосудами из меди. Несомненно, выдающуюся группу ремесленных изделий Бинкета составляет высокохудожественная прекрасного качества глазурованная посуда (табл. VII, В—Ж). Широко распространены были белофонные сосуды с великолепно каллиграфически выполненными арабскими надписями строгого куфи IX—начала X в., затем стало популярным цветущее куфи и впоследствии надписеподобный графический орнамент. Большим разнообразием мотивов отличается растительная орнаментация посуды, подчиненная геометрическому ритму размещения. Уникальна по исполнению и богатству сюжетов керамика с изображением птиц, животных и фантастических существ. Школа шашских керамистов IX—XII вв. по праву занимала одно из ведущих мест в Мавераннахре.

Через Бинкет проходил один из двух транзитных путей международного значения. Развитие ремесленного производства Бинкета и его вклад в торговый оборот подтверждает вывод О. Г. Большакова о том, что этот путь перестал быть только транзитным и превратился во внутреннюю торговую артерию⁷⁷.

Кроме других видов торговли, в Шаше существовал и невольничий рынок. На нем, по сведениям источника, был куплен в частности Себуктегин, будущий основатель династии Газневидов⁷⁸.

⁷⁶ Массон М. Е. Ахангеран, с. 41.

⁷⁷ Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г. Указ. соч., с. 293.

⁷⁸ Bosword. The Cambridge history of Iran. v. 5, Cambridge, 1968, p. 6.

С конца VIII в. постепенно утверждается ислам, однако насколько положение его в Шаше было нестабильно можно судить по сообщениям историков о том, что жители Шаша составляли одновременно опору и предмет беспокойства саманидских правителей. Немало для распространения ислама сделал выходец из Шаша шафитский ученый-богослов Абу Бакр ал-Каффаль ал-Шаши (ум. в 975—977 г.), могила которого находится в Ташкенте.

Источники сохранили сведения о быте и культуре Ташкента. Как и все шашцы, они отнесены к числу красивых жителей Мавераннахра.

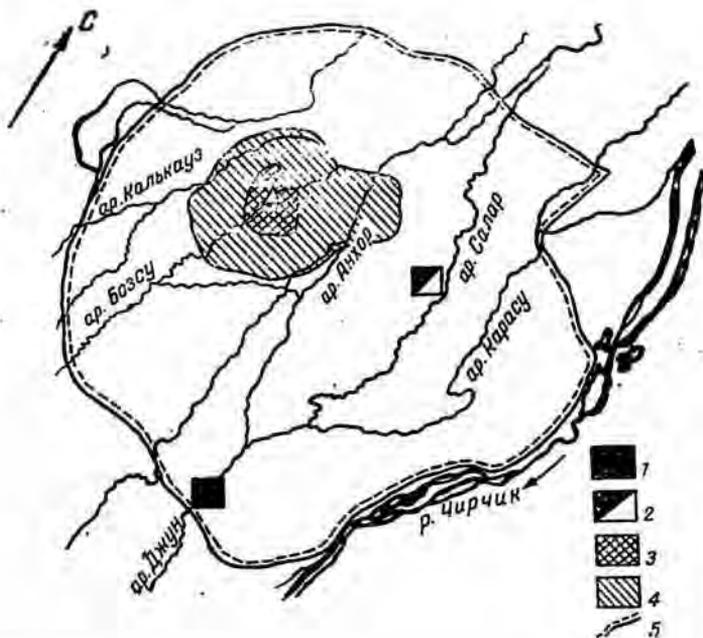

Рис. 15. Карта-схема перемещения основного городского ядра в ташкентском микро-оазисе:

1—раннегородское поселение; 2—город эпохи античности и раннего средневековья; 3—средневековый город; 4—позднесредневековый город; 5—граница современного города.

Они прекрасно говорили по-персидски, а шашский язык Макдиси называет «лучшим из языков хайтала»⁷⁹. При Караханидах в Шаше начинает широко распространяться тюркский язык, что можно заметить по появлению тюркских топонимов, в том числе в названии столицы — Ташкенте.

⁷⁹ Макдиси. МИТТ, с. 335, 336.

В XII в. в жизни городов Шаша происходят большие изменения: некоторые продолжали развиваться, другие же, особенно связанные с добычей и обработкой благородных металлов, начинают угасать, так как рудники Чача истощались.

Общая тенденция прослеживается и в столице региона. Со второй половины XII в. Ташкент переживает период постепенного упадка, выразившегося в уменьшении его производственно-ремесленного потенциала, сокращении городских территорий и уменьшении числа населения. Ташкент теряет экономическую и политическую роль, перестает чеканить монету. Способствовало этому и усилившаяся удельная раздробленность Караханидского государства, особенно политика хорезмшаха Мухаммада, в государство которого Шаш входил в начале XIII в. Правитель приказал разрушить ирригационные системы оазиса, чтобы преградить путь враждовавшим с ним найманам в центральные районы государства. Город, утративший производственный и политический потенциал, не оказал большого сопротивления монгольским войскам Чингизхана, и в 1220 г. был ими взят.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Результаты археологических исследований территории большого Ташкента, в основном таких опорных городищ, как Шаштепа, Кугаитепа, Таукаттепа, Мингурюк, Актепа Чиланзарское, Актепа Юнусабадское, Бинкет; позволяют проследить постепенное становление городской культуры в ташкентском микрооазисе от первых веков до нашей эры до начала XIII столетия и с XIV по XIX в. В данные немногочисленных письменных источников, по которым можно составить представление об обитании в этой зоне Ташкентского оазиса в середине I тысячелетия до н. э. лишь племен скотоводов-кочевников из группы заяксартских саков или саков-хаомаварга, результаты археологических исследований внесли существенные поправки. Они свидетельствуют о том, что с VI в. до н. э. этот район входил в ареал раннеземледельческой общности бургулюкской культуры, сложившейся в долинах Ахангарана и Чирчика подобно некоему островку среди мира скотоводов. Выделение первых общин земледельцев из массы скотоводов произошло здесь на окраине среднеазиатской ойкумены с некоторым запозданием по сравнению с южными и центральными районами Средней Азии. Оно было подготовлено внутренним развитием племен поздней «контактной» зоны, которой в середине I тысячелетия до н. э. можно считать правобережье р. Сырдарья. Вместе с тем процесс становления раннеземледельческих культур в этой зоне проходил под влиянием более ранних очагов оседлого земледелия культур расписной керамики типа Чуста—Саразма.

Устойчивые признаки последних, выраженные характерным комплексом керамики, строительными приемами и стандартами кирпича, воспринявшие в свою очередь многое от протогородских культур юга Средней Азии, стали эталонами формирования материальной культуры ранних земледельцев Ташкентского оазиса. Эти признаки трансформированно проявились и на более позднем этапе, в сложении на территории Ташкента раннегородской культуры.

Начало сложения ее в бургулюкском ареале можно отнести ко времени II—I вв. до н. э., когда на базе оседлых земледельческих общинных поселков здесь стали появляться пункты с признаками ран-

них городов, а сам ареал сопоставлять с названной источниками областью Юни, малым владением Кангюя.

Археологическим памятником на территории Ташкента, где удалось проследить эти этапы культурной эволюции и урбанизации, является Шаштепа на ар. Джун. С VI в. до н. э. здесь устанавливается четкая преемственность, или смена археологических комплексов. Комплекс нижнего горизонта (Шаш I) характеризует исходный этап урбанизации в Ташкентском микрооазисе — древнеземледельческое общинное поселение полуземляночного типа. В археологическом комплексе, наряду с сохранением всех основных признаков бургулюкской культуры, появляется ряд черт, свидетельствующих о некоторых изменениях в ней: снижение до минимума расписной керамики, предельная стандартизация и сокращение ее форм, преобладание железных предметов, что вкуче со стратиграфическим анализом позволяет выделить этот комплекс в заключительный этап развития культуры и датировать VI—IV вв. до н. э.

Переработка бургулюкских признаков, еще внешне не различимая и идущая как за счет естественной эволюции комплекса, так и за счет четко выделенных культурных инноваций, отражена в комплексе Шаш II. Наиболее отчетливо представлены в нем объекты материальной привнесенности культуры низовьев Сырдарьи и сарматского круга. Проникновение их в Ташкентский оазис, как и все больше фиксируемое материальными следами присутствие в Приаралье, на границах Хорезма, в низовьях Сырдарьи, делает участие племен сарматского круга существенным фактором влияния в сложении некоторых культур контактной зоны Средней Азии уже с III в. до н. э. С этого времени фиксируется присутствие сарматского элемента в культурных отложениях Шаштепа, комплексе Шаш II, охарактеризовать который с точки зрения культургенеза можно как переходный. Именно в нем начинают накапливаться признаки, составляющие первый этап перерастания бургулюкской культуры в последующую культуру Каунчи. Стратиграфия памятника убедительно показывает постепенный характер этого перехода без особых потрясений и перерыва в обживании, что означало мирные проникновения этнокультурных компонентов, участвовавших в сложении комплекса Каунчи.

Другую группу факторов влияния в этом процессе составили инновации из центральных районов Средней Азии, Согда, Ферганы — более ранних очагов развития городской культуры, а также из низовьев Сырдарьи и ареала Джетыясарской культуры, что подтверждают объекты импортной керамики в комплексе Шаш II. Свообразным ретранслятором урбанистических тенденций, исходящих из центральных оазисов Средней Азии в сырдарьинском регионе, выступает городище Канка, испытавшая в большей степени их влияние и сохранившая в архитектурно-строительном комплексе первых веков до нашей эры черты городской культуры эллинизированного типа, отразившейся в частности в стандартах строительного кирпича этого памятника. В других районах контактной зоны вдоль Сырдарьи аналогичные процессы развития урбанизированных раннеземледельческих культур шли

в близкие хронологические периоды. В ее низовьях слагались очаги оседлости и земледелия на северных границах Хорезма и в урочище Джетыасар, но помимо связей и контактов с кочевническим миром, они проявляли иные пути общения со сформировавшимися городскими культурами, исходившими в основном из Хорезма.

Джетыасарский очаг постоянно контактировал с Ташкентским. Сложение нового культурного комплекса Шаштепа, как это демонстрирует его стратиграфия, шло на фоне начавшихся массовых передвижений племен кочевнического круга, сокрушивших в итоге раннеантичное государство в Бактрии и проходивших через молодые земледельческие оазисы вдоль Сырдарьи, через территорию Ташкента, в своем стремлении на юг увлекая некоторую часть населения и, наоборот, частично оседа в их пределах. Итогом этих явлений, вместе с параллельно идущими внутренними изменениями общества бургулюкцев, стало рождение новой культуры Каунчи. Эти качественные изменения зафиксированы комплексом Шаш III (Каунчи I), датированным II—I вв. до н. э., который можно рассматривать как завершающий этап развития переходного комплекса к новой культуре — классическому комплексу Каунчи. На этом этапе бургулюкский материал перестает быть определяющим в процентном отношении, появляется фортификация и архитектурно-строительный комплекс Шаштепа.

Рождение центра с выделившимся укрепленным ядром административно-культурного характера, соответствующего «городу-храму», характеризует качественно новую ступень поступательного развития раннеземледельческого общества Ташкентского оазиса, вступившего в начальную фазу урбанизации, фазу раннегородской культуры. В результате изучения компонентов археологического комплекса Шаш III установлено, что в архитектурном сооружении ядра поселения продолжают развиваться черты культуры расписной керамики (стандарт строительного кирпича, характер планировки), наряду с влиянием строительных традиций, издревле сложившихся в низовьях Сырдарьи, и античных приемов градостроительства. С начала формирования культура Каунчи была раннегородской. Представляя собой новое качество, она несет черты той основы, на которой сформировалась, последующим развитием закрепив их и консервативно сохранив в течение многих столетий.

Исследование Шаштепа и родственных ему поселений бургулюкского ареала показывает, что раннеземледельческие оазисы контактной зоны Сырдарьи с формирующимися в них раннегородскими центрами составляли крайний северный пояс урбанизированных культур Средней Азии, образование которых, проходившее в самую последнюю очередь, приходилось на вторую половину I тысячелетия до н. э. Оно лишено ярких культурных достижений, свойственных протогородским культурам юга эпохи бронзы или раннегородским пунктам Согда эпохи железа, но в основе этого процесса лежали те же закономерности, связанные с концентрацией населения и производственной деятельностью, отделением от земледелия и специализацией ремесла, имущественной и социальной дифференциацией общества ранних зем-

ледельцев, отразившихся на городских элементах того же характера, что и в районах более развитых цивилизаций. Комплекс Шаш III с его поселением раннегородского типа демонстрирует истоки последующего развития городской культуры Ташкента, определив уже на этом начальном этапе характерные черты архитектурно-строительного комплекса и материальной культуры.

В плане сложения города в Ташкенте раннегородской пункт Шаштепа II—I вв. до н. э. следует рассматривать как предшествующую сложению города ступень.

Интенсификация градостроительного процесса на территории Ташкентского оазиса наблюдается с грани нашей эры, проявляясь в расширении сети поселений городского типа, восходящих по руслу водной системы Джун—Салар—Карасу по мере ввода их в орбиту хозяйственной деятельности, и интенсивном обживании первоначального центра Шаштепа, все больше приобретающего черты городского организма. С этого времени можно предполагать развитие здесь письменности и закрепление за ним роли пункта на ветви транзитного торгового пути.

На этом этапе роль лидирующего центра в микрооазисе берет на себя пункт на протоке Салар Мингурюк. Его довольно значительная площадь обведена городскими стенами, внутреннее пространство застроено монументальными зданиями. К нему можно отнести и те признаки, которые в силу лучшей сохранности обнаружены для синхронного этапа Шаштепа. Мингурюк был центром ремесла, международной торговли, культуры древнеташкентского оазиса. Его можно отнести к третьему этапу развития урбанизации на территории Ташкента, который не прошел пункт на Шаштепа, т. е. к городу. Этот город можно сопоставить с Чачем письменных источников, однако определить время, с которого к нему прилагалось это название, невозможно.

Взлет городской жизни на территории Ташкента отмечается с конца III—IV в. н. э., когда начала формироваться структура микрооазиса, внутри которого отдельные разобщенные поселки с цитаделями, благодаря выделению центра-лидера на Мингурюке и соподчиняясь ему, образуют тяготеющую к нему оживленную округу.

Город в Мингурюке, занимавший площадь более 30 га и включавший крепость-цитадель, окруженную оборонительной стеной, шахриваном, компактно застроенный жилыми и ремесленными массивами с формирующейся вокруг него округой, соответствует древнейшему ядру Ташкента I — первой половине VIII в. н. э.

Характер культурно-исторического процесса в рамках этого хронологического периода определялся интенсификацией развития местного производственного потенциала Чача и усилением процессов культурной интеграции за счет оживленных связей с соседним кочевым миром и формирующимся на юге ареалом согдийской культуры. Отмечаемое исследователями (В. М. Массон) смещение фокуса интенсивности процесса исторического развития Средней Азии с юга на север, из старых регионов цивилизации Бактрии в Согд, отразилось, видимо, и на Чаче, ускорило процесс выравнивания уровней материаль-

ного и духовного развития этой области молодой урбанизированной культуры.

Открытие и начало разработки залежей рудных ископаемых Чачских гор дали толчок к развитию всех видов ремесла, росту городов вообще и оживлению обменной торговли с кочевым миром.

В VI—VII вв. н. э. по всему обширному оазису Ангрена и Чирчика увеличивается общее количество городов, а фокус торговли и экономической жизни, по данным Ю. Ф. Бурякова, перемещается в северные районы. Для этого времени в стране «тысячи городов», как называют Чач арабоязычные источники, выделена Мадина Чача. По данным археологических исследований, она не только сопоставляется с Ташкентом, но и конкретно с городищем Мингурюк. Период наивысшего развития городской жизни и культуры этого центра, как и всех пунктов его округа, приходится на VII—начало VIII в. н. э. Действие процесса культурной интеграции, фиксируемой в пределах Ташкента этого периода, отличается примечательным своеобразием. Исследователи предложили считать согдийскую культуру эталонной, лучше всего отвечающей нормам раннефеодального общества и оказавшей громадное влияние на Чач¹. Следует отметить, что взаимоотношения культур этих двух регионов были сложными. В первых веках новой эры повсеместно отмечаемые в Согде явные признаки проникновения каунчинских элементов сильно повлияли на сложение самой согдийской культуры, можно сказать непосредственно участвовали в формировании ее керамического комплекса (в частности форм кружек, корчаг), т. е. наблюдалось распространение влияния с севера на юг. В раннем средневековье ощутим обратный процесс, но, как установлено в результате изучения памятников на территории Ташкента, степень влияния согдийских культурных образцов неравномерна.

Столичный центр Мадина Чача и входившие в его округу пункты наиболее урбанизированного типа действительно оказались под большим влиянием согдийской культуры, как о том позволяют судить архитектурные приемы, архитектурный декор и особенно керамический комплекс, однако при этом продолжали существовать традиции местной строительной школы и культуры. Сохранение местного каунчинского комплекса особенно заметно в культовом строительстве, наиболее консервативной области местной культуры, и в облике поселений сельского характера. Все это указывает на очень сложный характер процесса культурной интеграции, происходившей в масштабе всего Мавераннахра, в который, несмотря на присущую периоду раннего средневековья политическую раздробленность, были втянуты и старые и новые области городской культуры среднеазиатского региона.

Бурное развитие градостроительного процесса в Ташкенте было прервано в первой трети VIII в. н. э. жестокими походами арабских завоевателей, разоривших Мадину Чача, ее округу, нанеших урон его

---

¹ Массон В. М. Согдийская эпоха и культурная интеграция.— Тезисы конференции «Раннесредневековая культура Средней Азии и Казахстана». Душанбе, 1977, с. 6.

ирригационным системам. Лишь с начала IX в. наступает новый период оживления и последовавшего за ним небывалого взлета городской жизни Ташкента, приходящихся на X—XII вв., когда город, используя горнорудные богатства чачских гор и выгоды обменной торговли с кочевниками, превратился в один из крупнейших административных, экономических и культурных центров Мавераннахра.

Город послеарабского времени сложился и достиг расцвета не на старых руинах — городище Мингурюк, а на 4,5 км северо-западнее, в системе Бозсу—Калькауз, на территории старгородской части современного Ташкента. Со всей очевидностью его можно сопоставить с Бинкетом письменных источников X в., хотя это название вероятнее всего было известно уже в раннем средневековье и относилось к городу на Мингурюке. С конца X в. он известен по источникам как Ташкент. «Ташкент» и «Шаш» всей позднейшей исторической традицией наравне прилагались к городу вплоть до XVIII в., когда древнейшее название было наконец утрачено.

Город стал приходить в упадок в конце XIII в., и как бы он не возрождался в последующие эпохи позднего средневековья, несколько меняя территориальное расположение, никогда не достигал того производственно-культурного расцвета, каким блистал в X—XII вв.

Подытоживая разбор археологических источников по истории города Ташкента, следует подчеркнуть два обстоятельства. Уже имеющиеся результаты изучения городищ на его территории доказывают сложение древнегородской цивилизации со II—I вв. до н. э. Они также устанавливают, что исторический процесс развития города и его культуры, хотя и с кратковременными периодами упадка и застоя городской жизни, в целом шел поступательно с момента возникновения древнегородского поселения до наших дней.

В свете археологических источников вся история города есть диалектический процесс культурной эволюции со стадияльно зафиксированными устойчивыми комплексами материальной культуры, градообразующих форм и признаков. Ее поэтапное развитие на территории Ташкента отразилось в следующем перемещении городского ядра в пределах микрооазиса: а) раннегородское поселение Шаштепа на арыке Джун, б) городской центр эпохи античности и раннего средневековья Мингурюк на арыке Салар, в) город эпохи развитого средневековья — городище в «старом городе» в водной системе Бозсу, г) позднесредневековый Ташкент — в пределах «старого города» XIX в. (рис. 15).

Стадияльные миграции основной городской территории составляют закономерность, присущую древнему и средневековому городу Востока в целом, что связано главным образом с зависимостью от водообеспечения. Древний и средневековый Ташкент не составлял исключения. Перемещение с веками его ядра также стоит в связи с очередностью ирригационно-хозяйственного освоения гидросети микрооазиса, в свою очередь зависящего от ирригационно-технических возможностей общества.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Шашменд

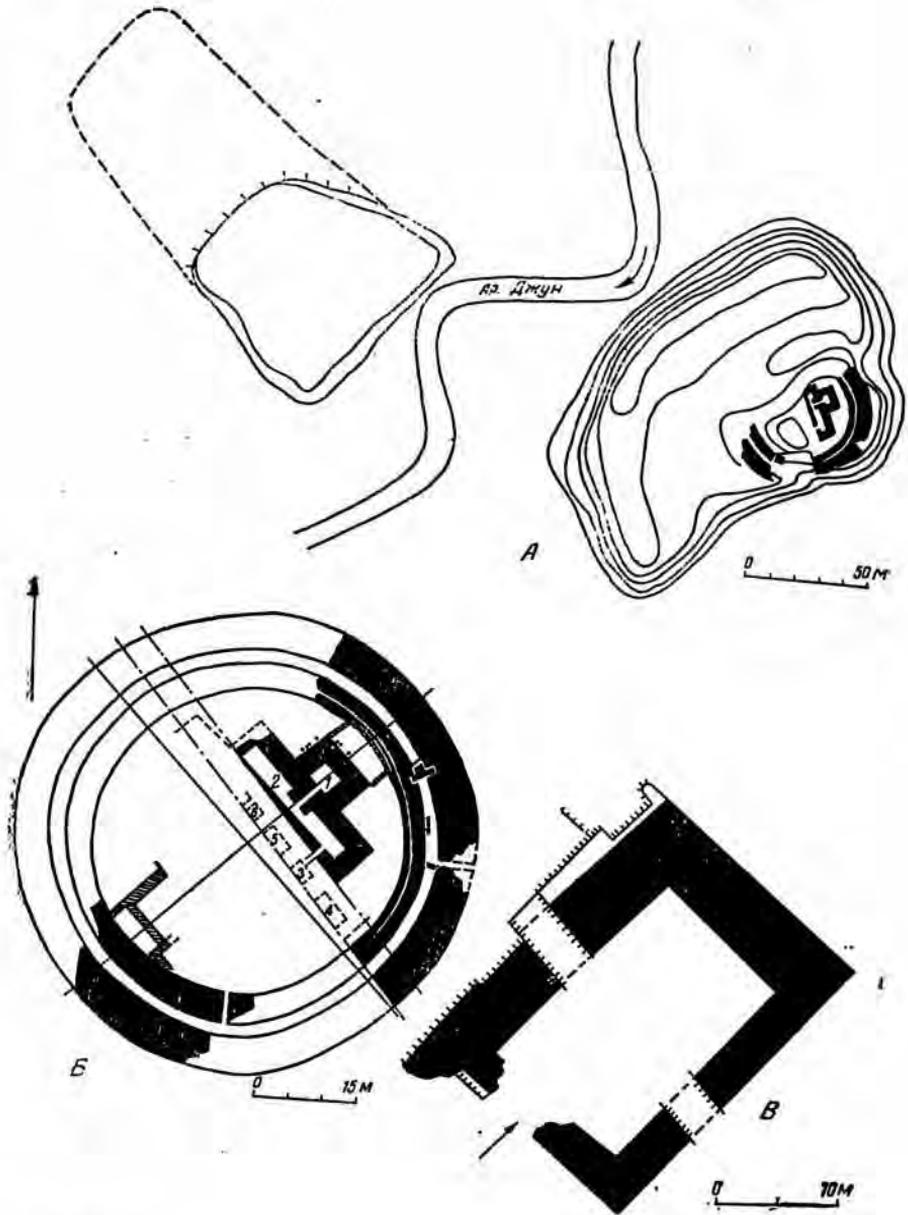

Таблица I.

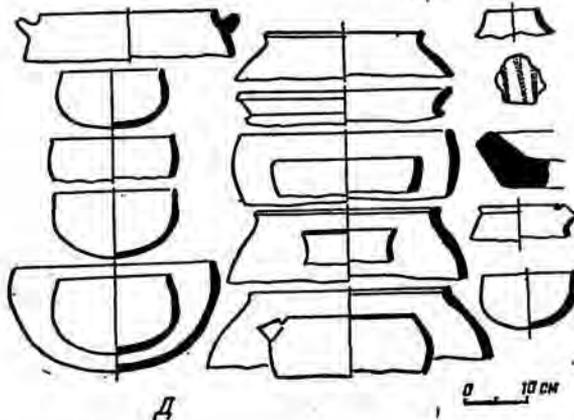
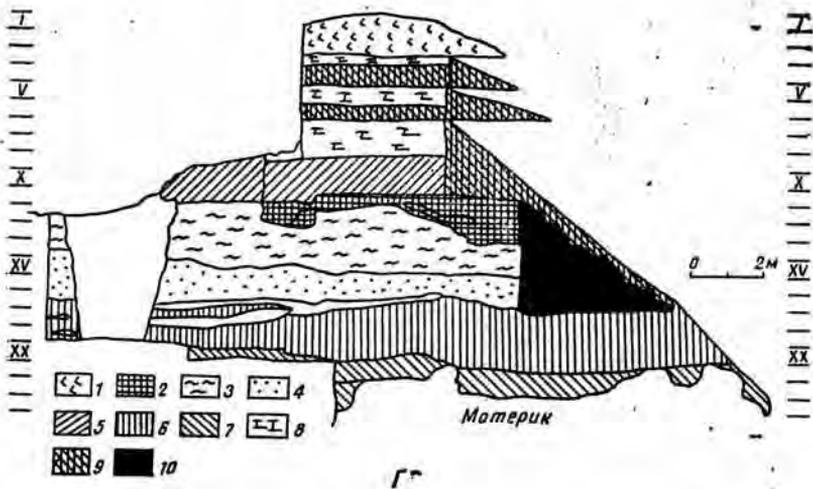

Таблица I (продолжение).

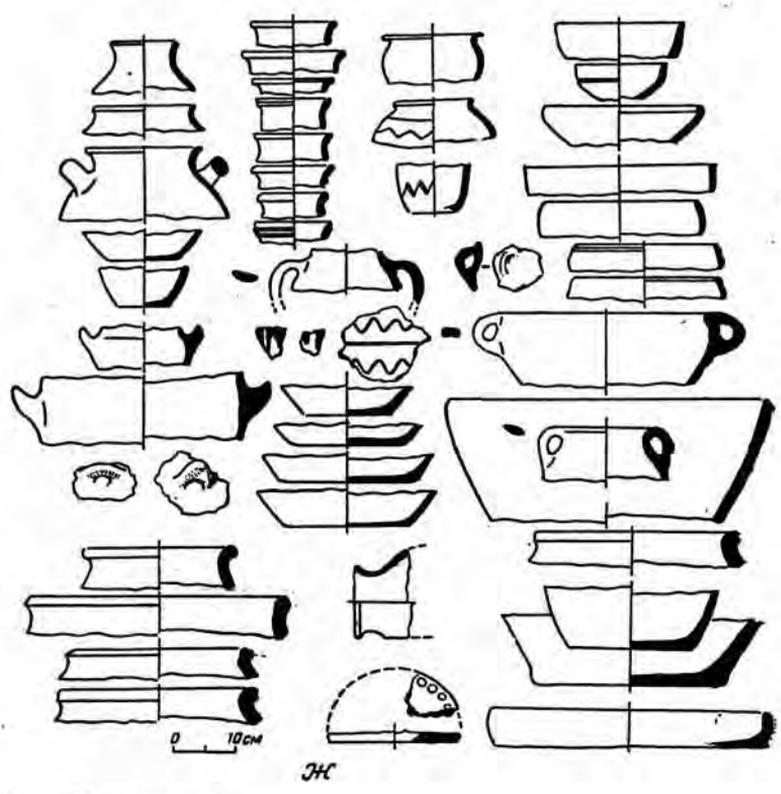
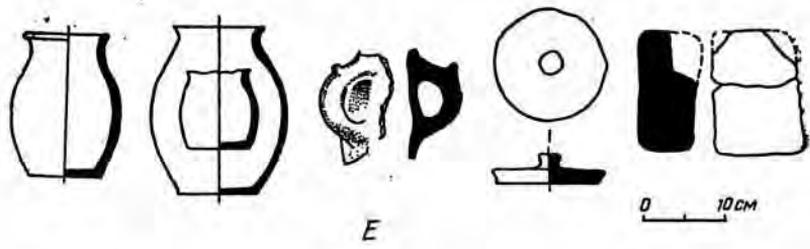

Таблица I (продолжение).

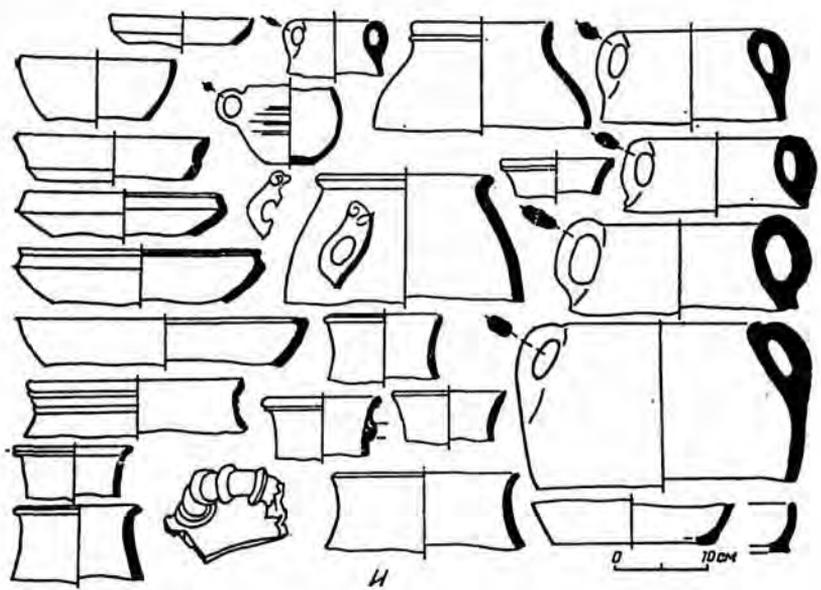
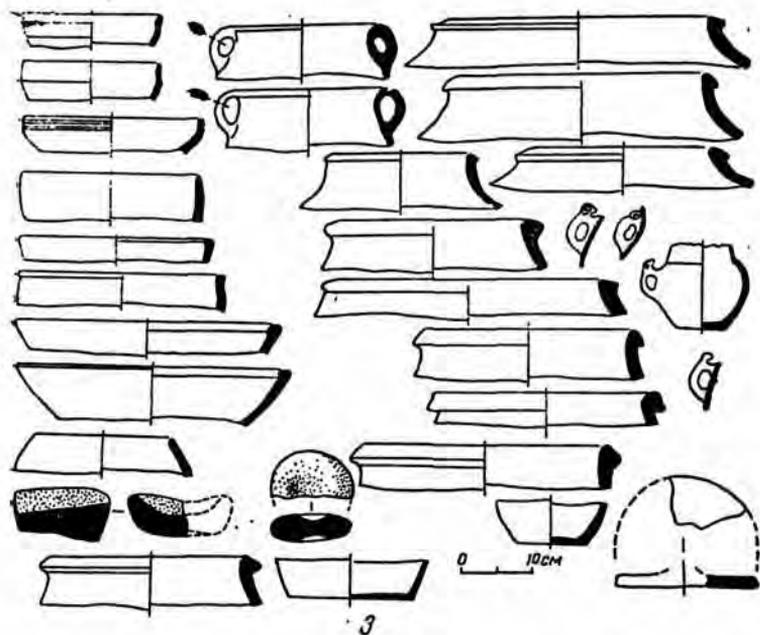

Таблица I (продолжение).

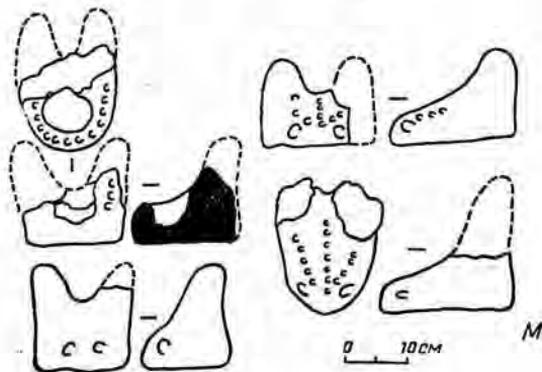
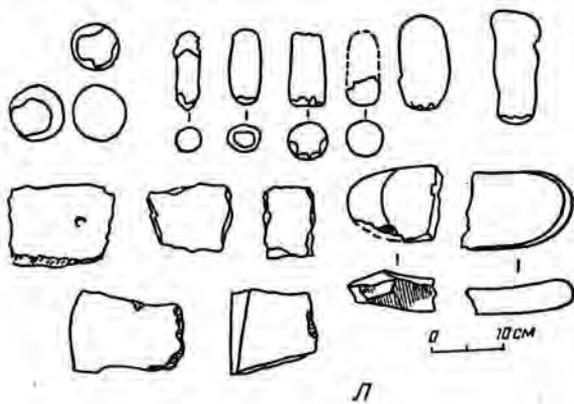
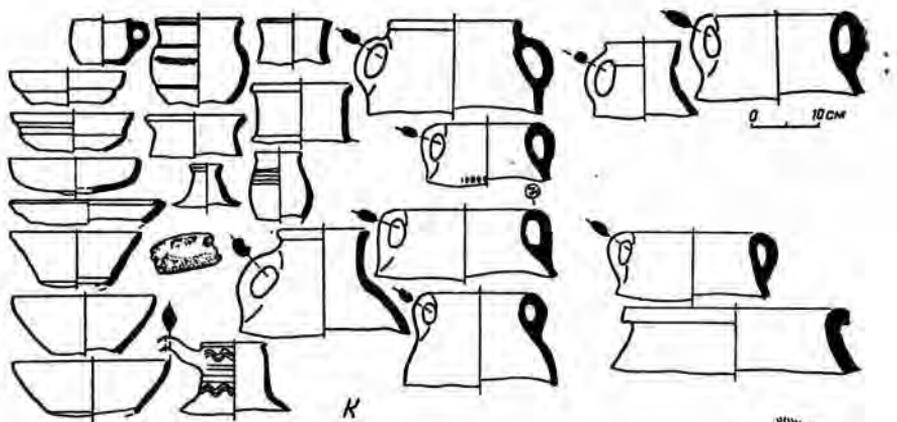

Таблица I (продолжение).

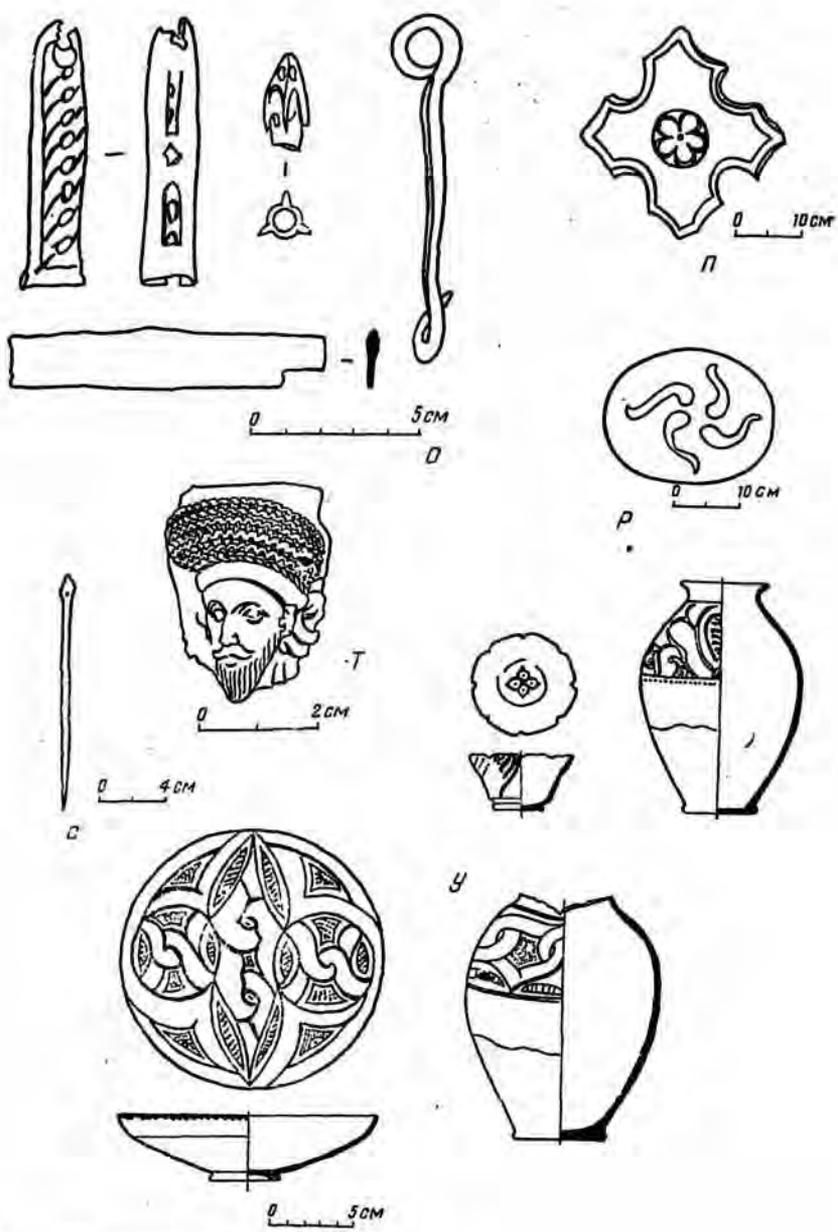

Таблица I (продолжение).

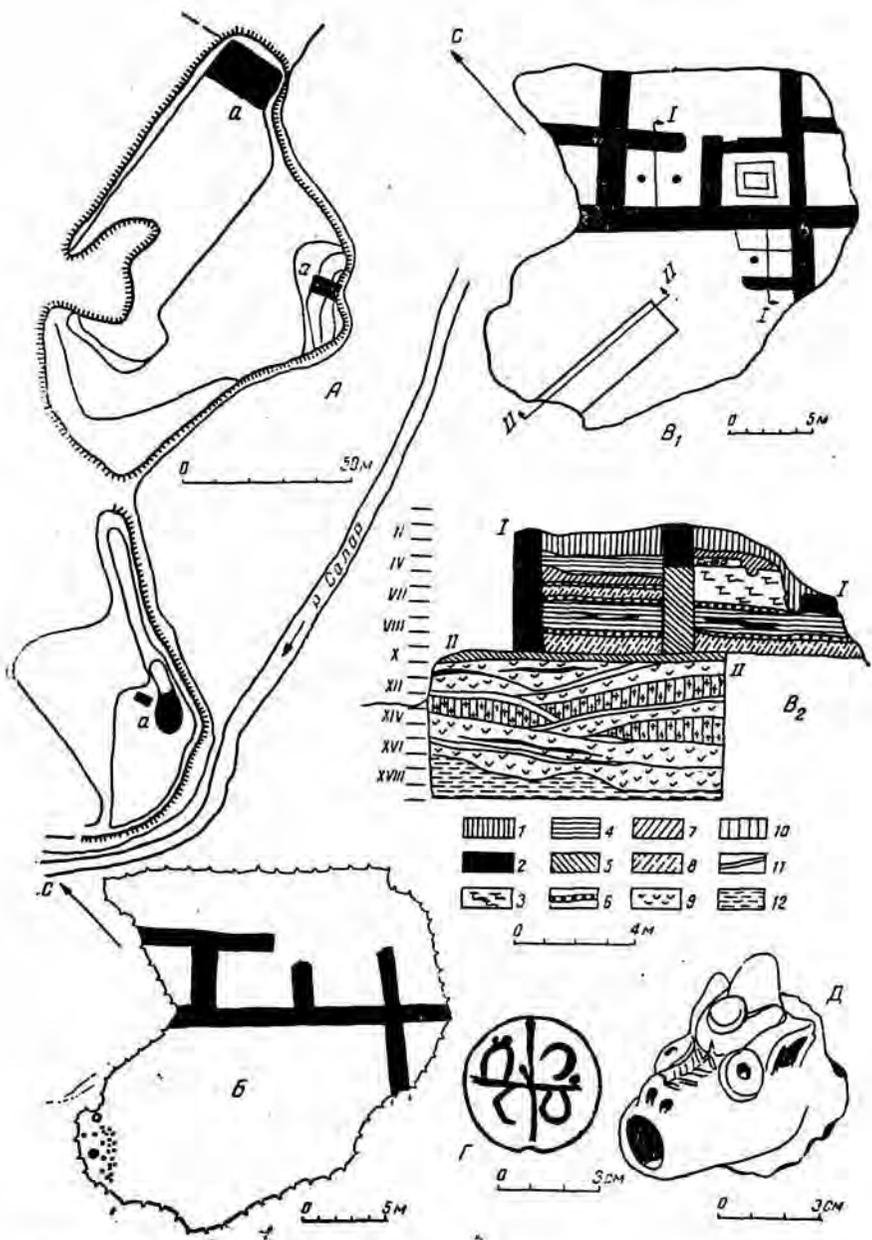
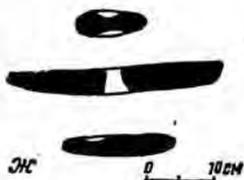
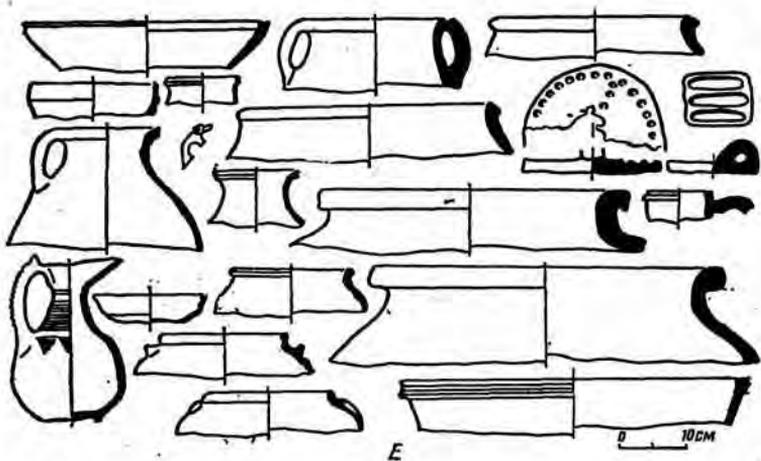
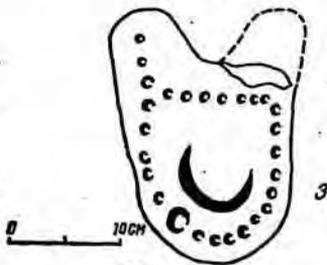

Таблица II.

Кизиларт

Ж

З

Таблица II. (продолжение).

Курганы

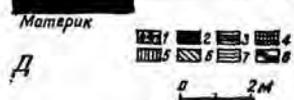
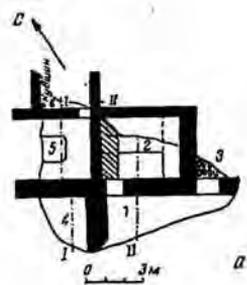
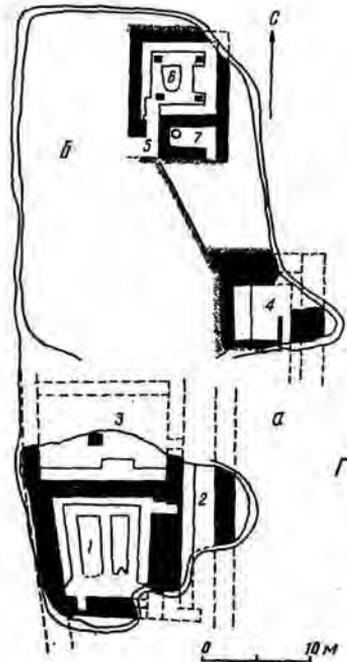
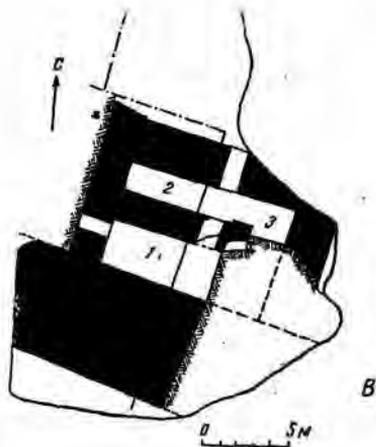

Таблица III (продолжение).

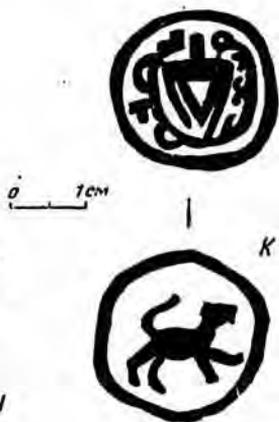
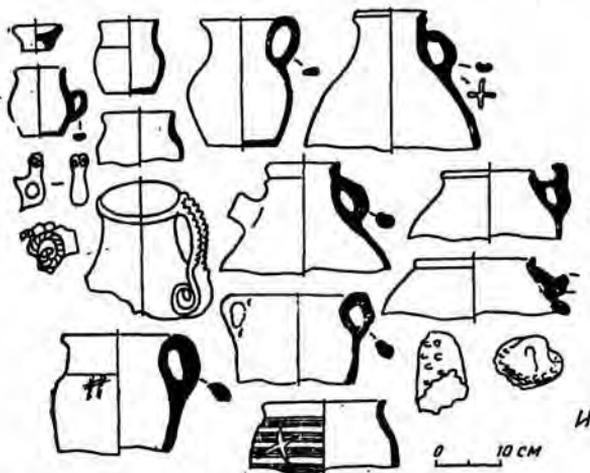
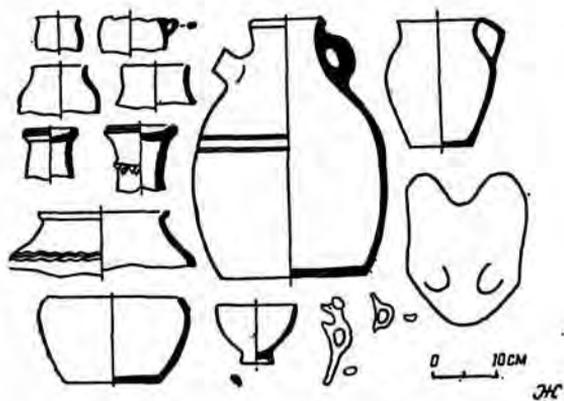
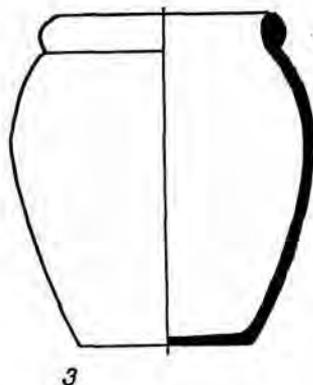
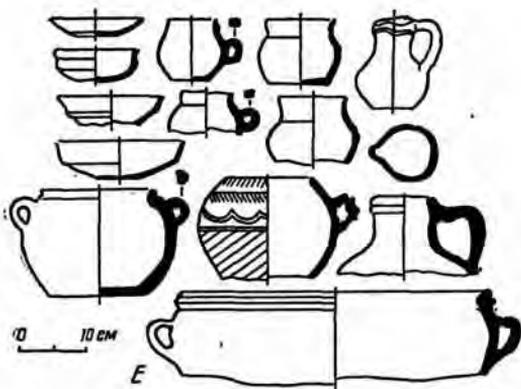

Таблица III (продолжение).

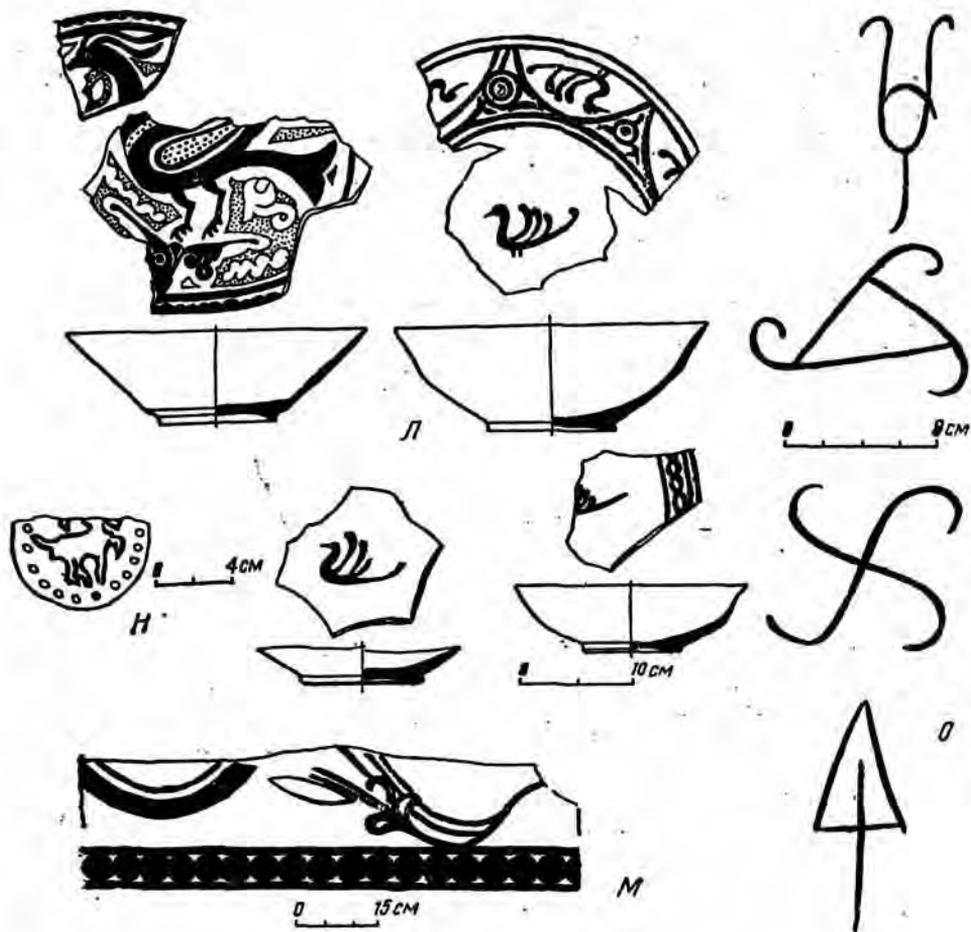

Таблица III (продолжение).

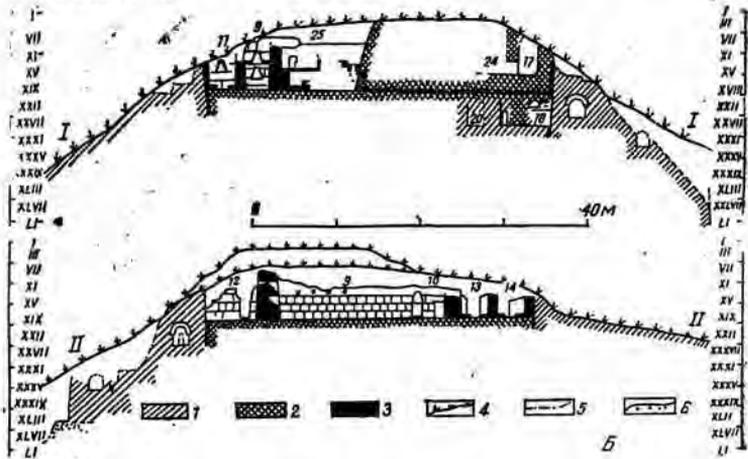
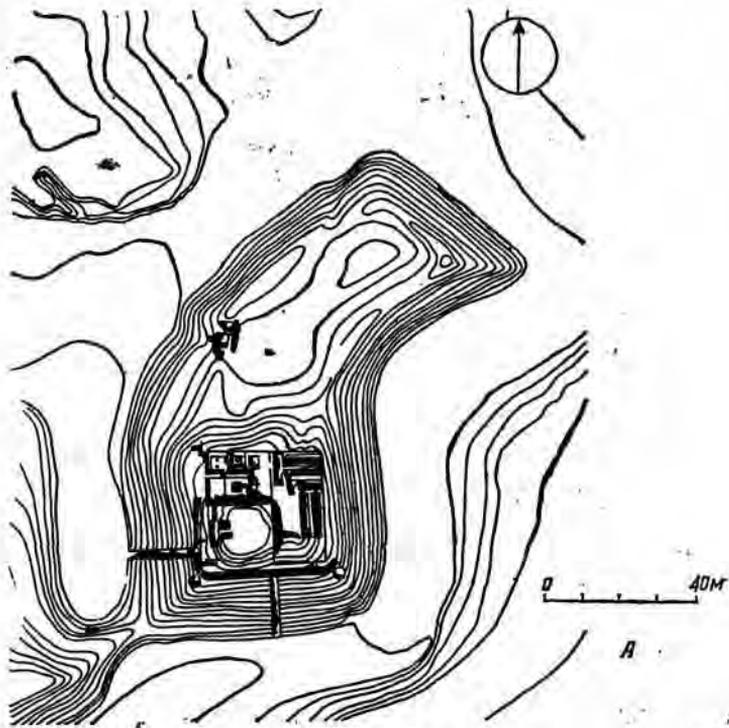

Таблица IV.

Ашмен Кенуобаденисе

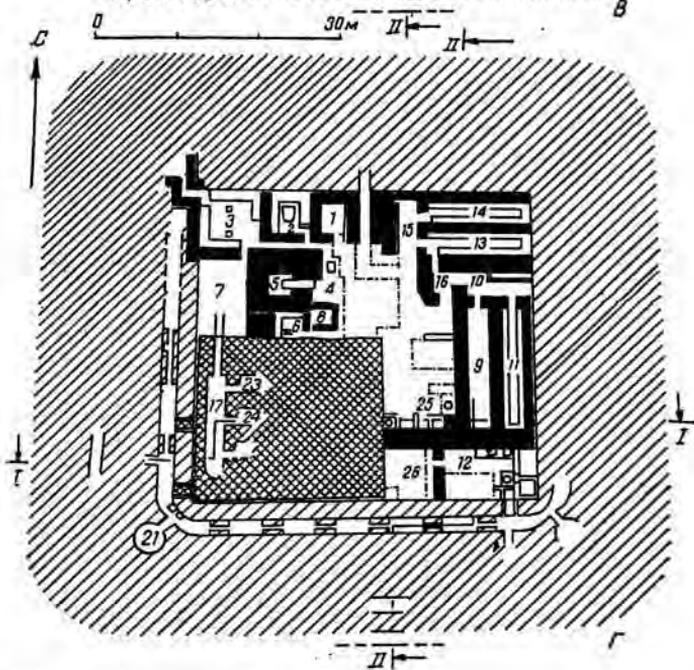
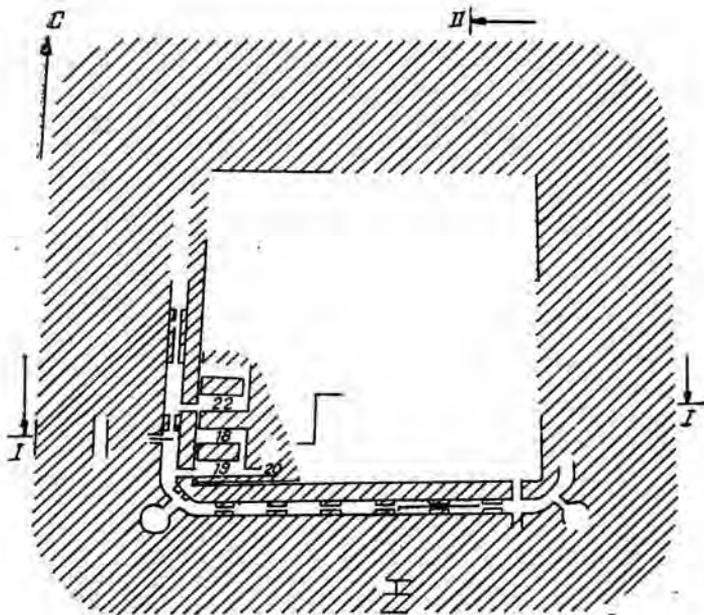

Таблица IV (продолжение).

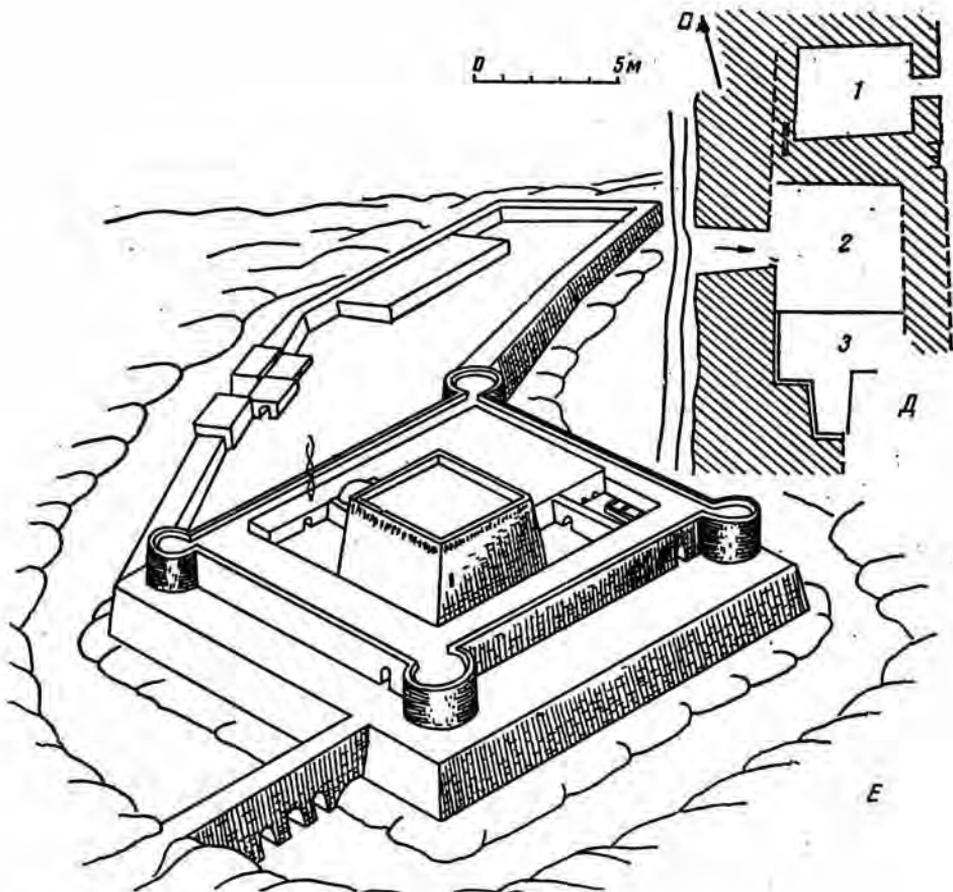

Таблица IV (продолжение).

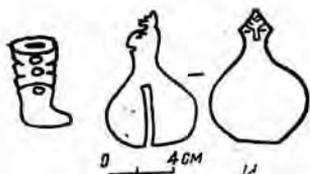
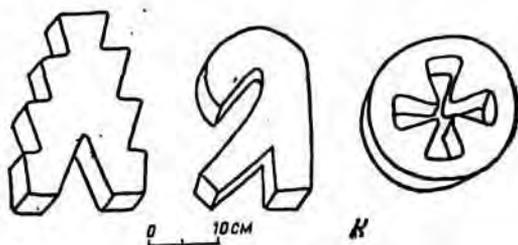
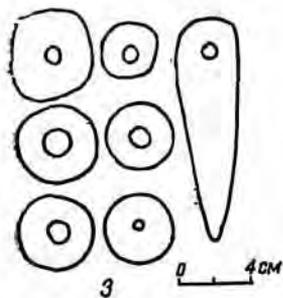
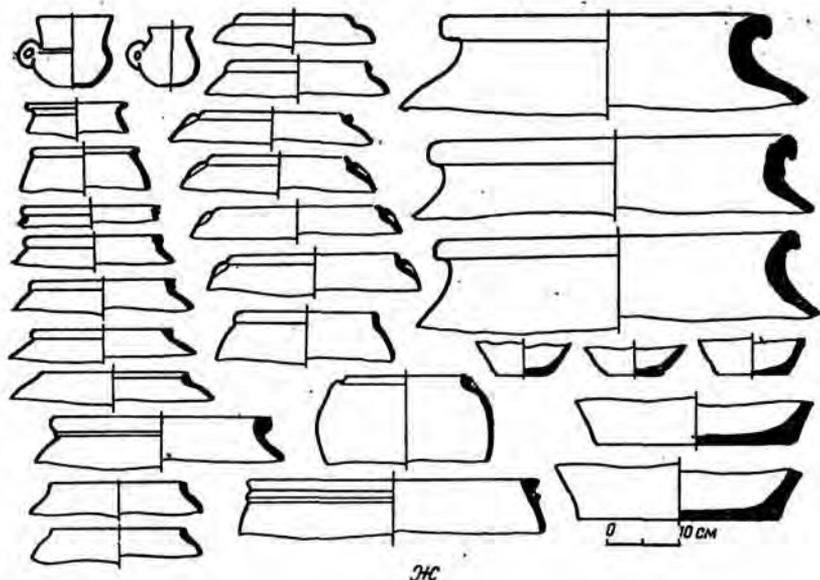

Таблица IV (продолжение).

•110

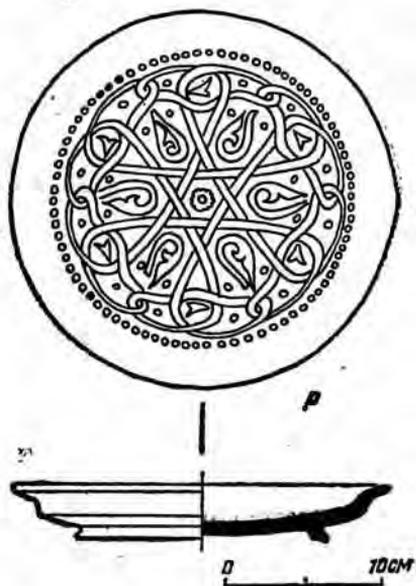
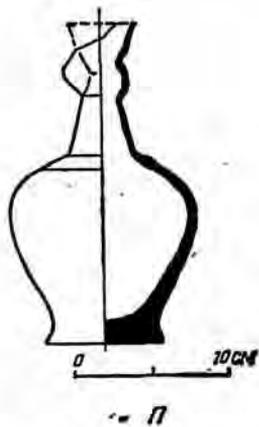
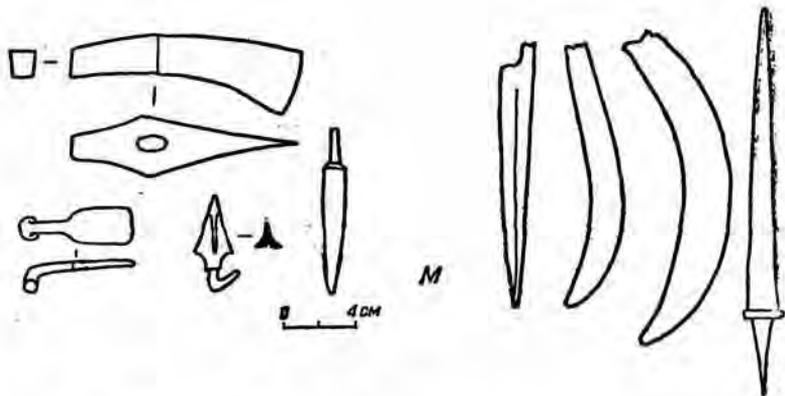

Таблица IV (продолжение).

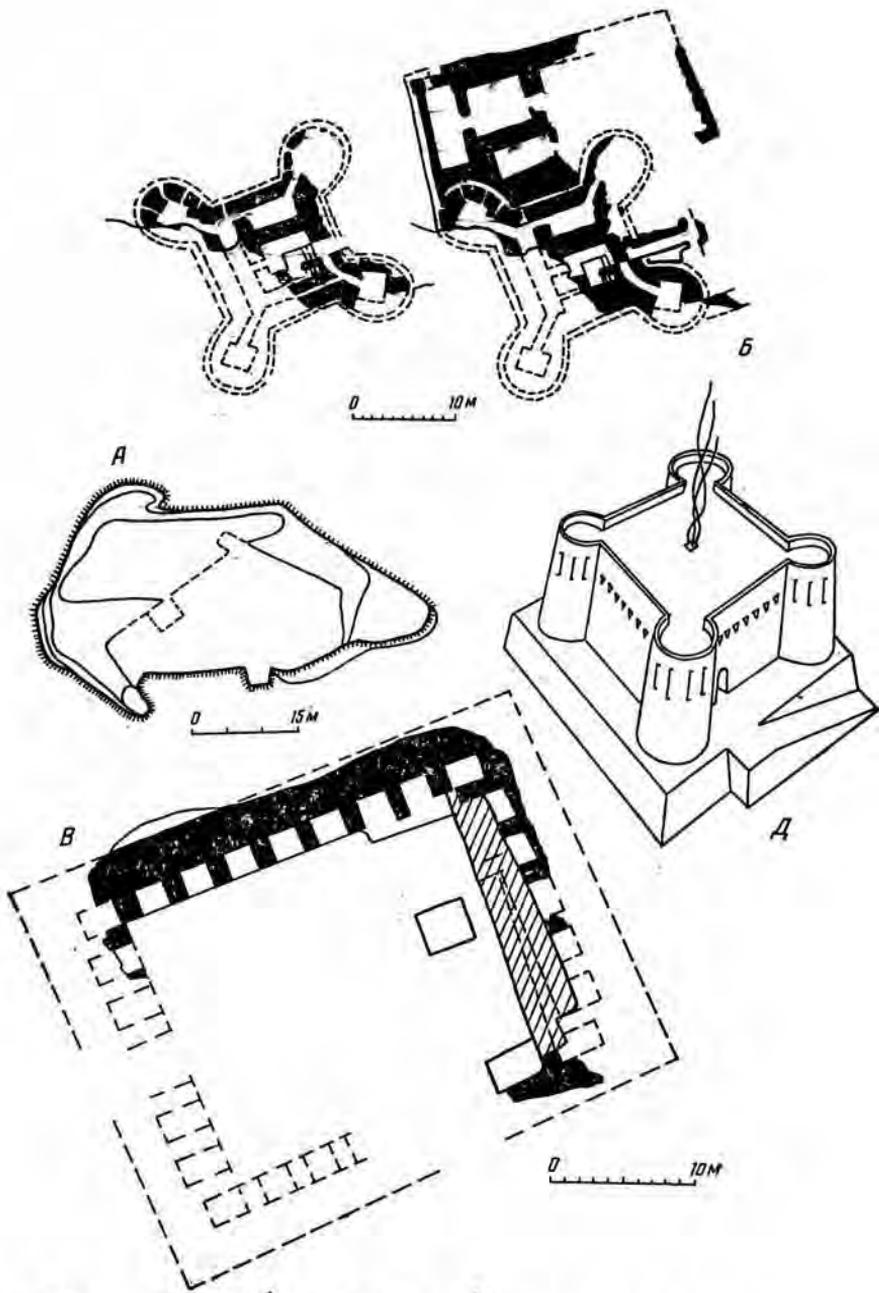

Таблица V.

Ашгата Чылаңзар сарайы

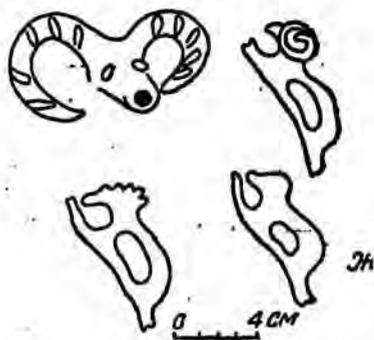
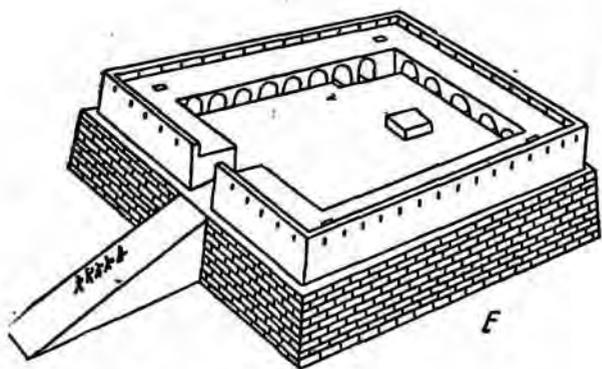
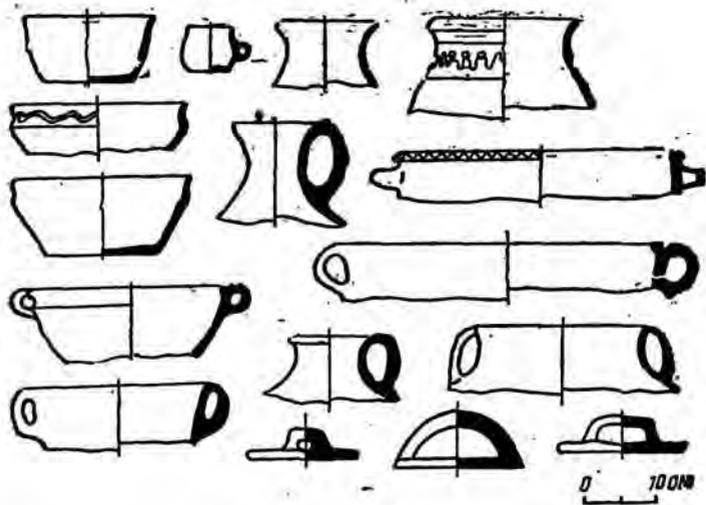

Таблица V (продолжение).

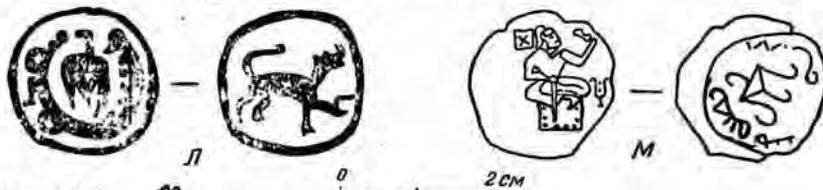
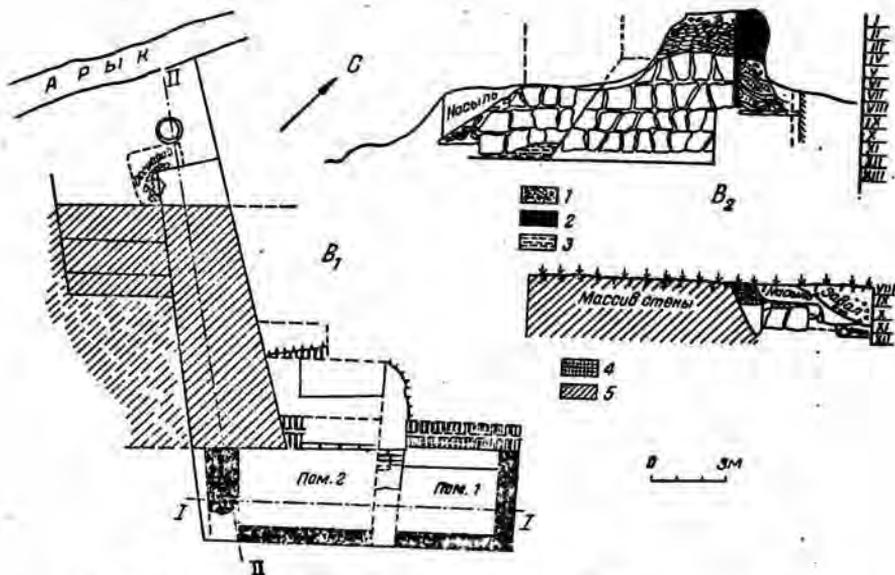
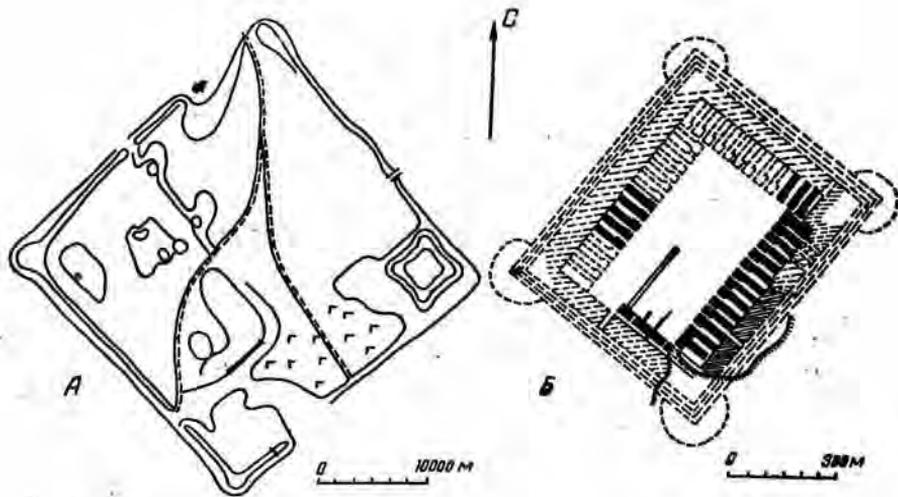
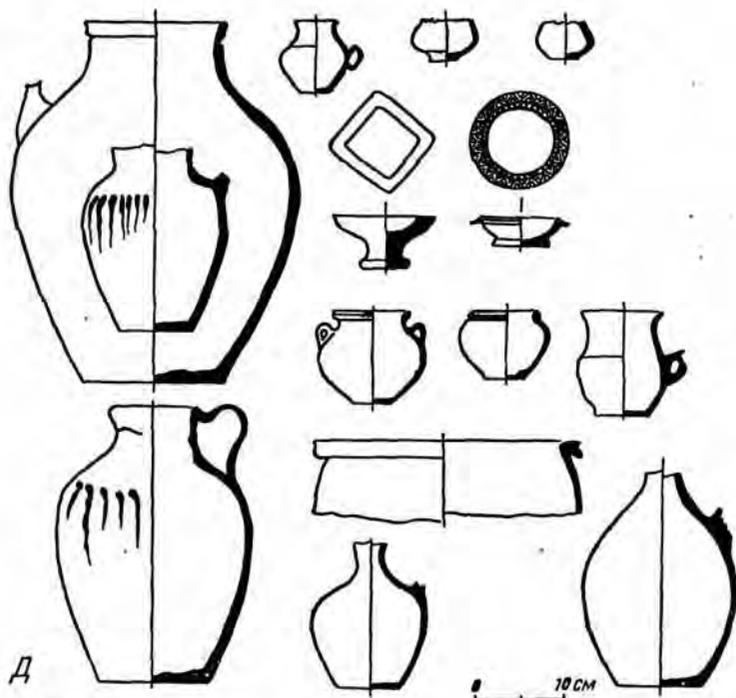
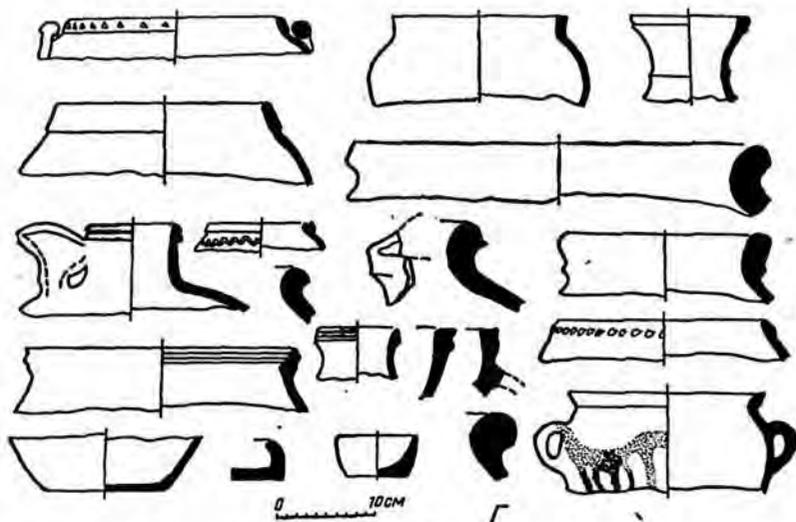

Таблица VI.

Самабаф

Д
Таблица VI (продолжение).

Таблица VI (продолжение).

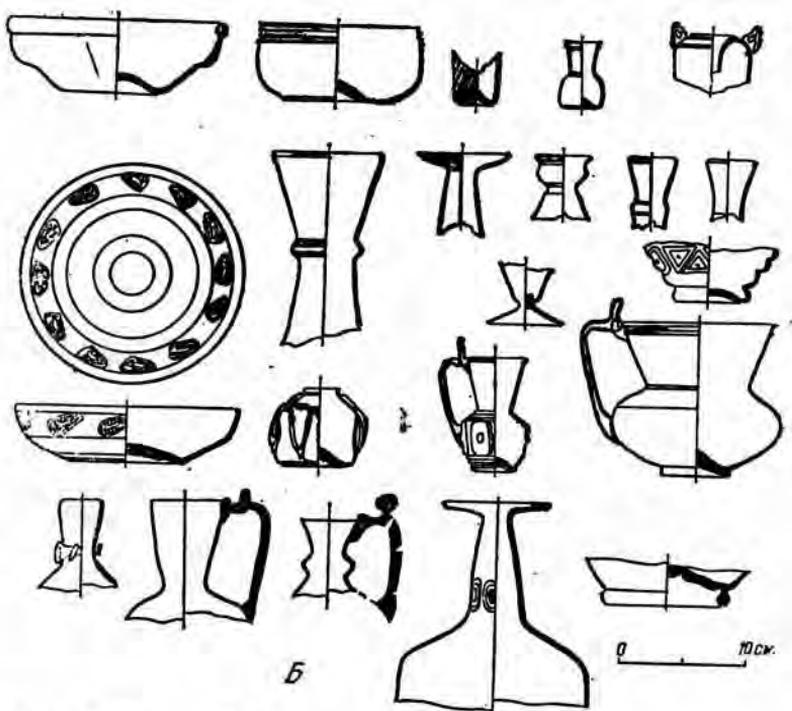
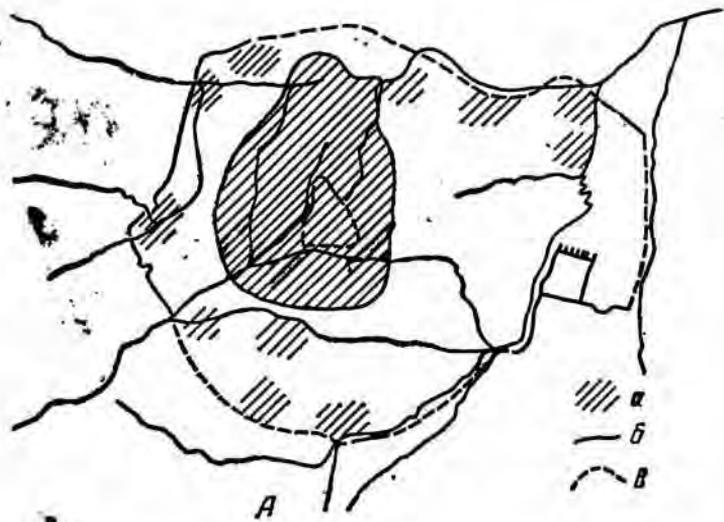

Таблица VII.

Биркет

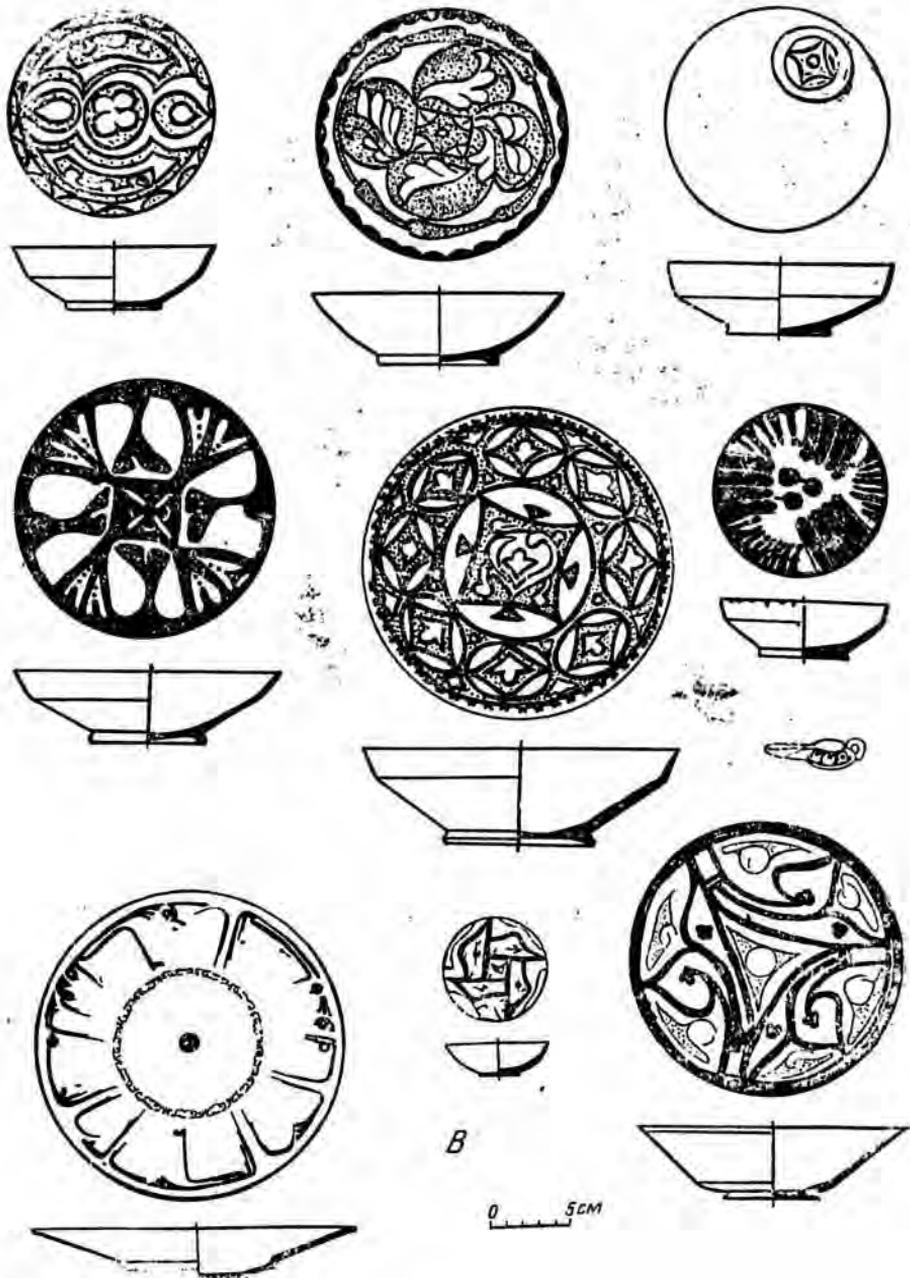

Таблица VII (продолжение).
15—110

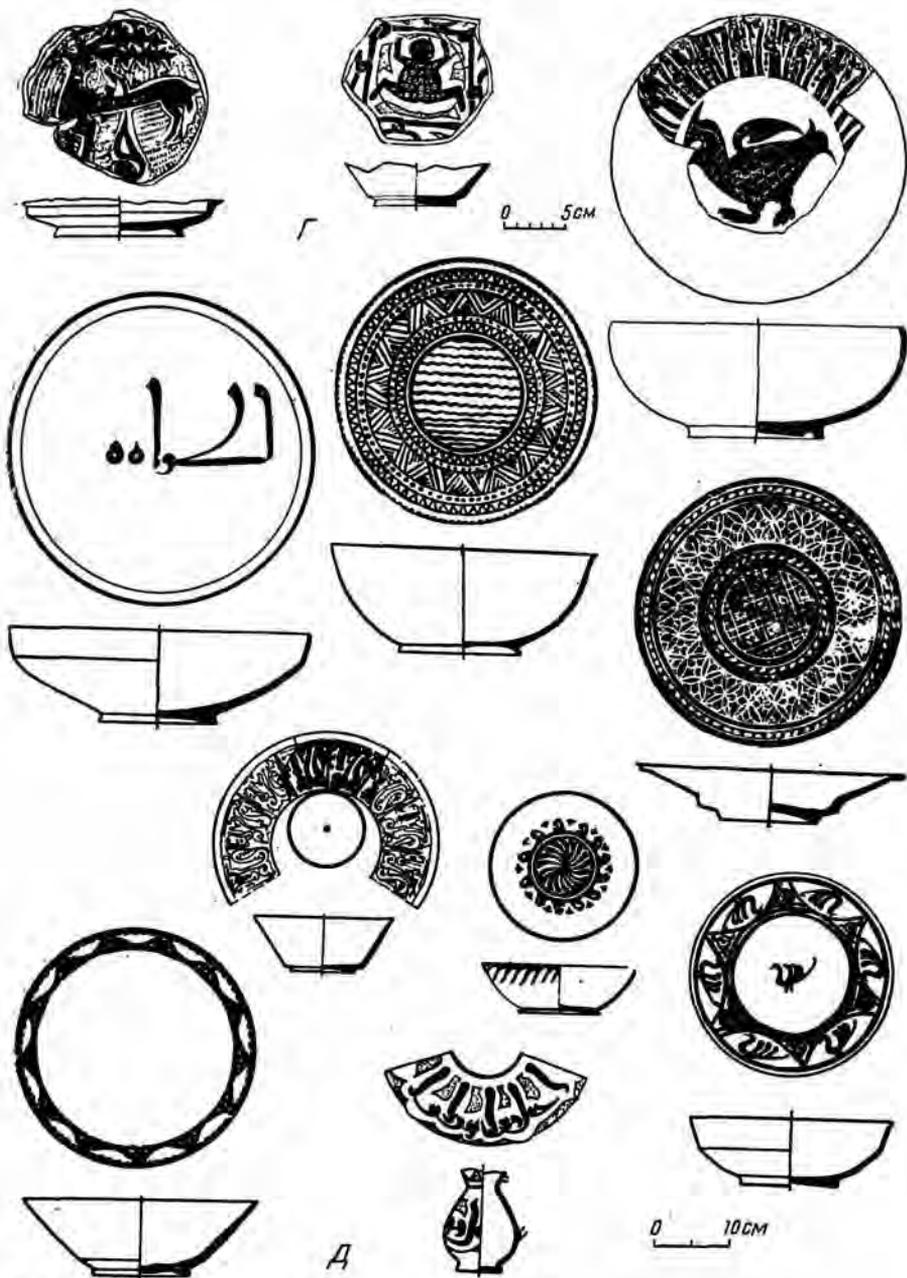

Таблица VII (продолжение).

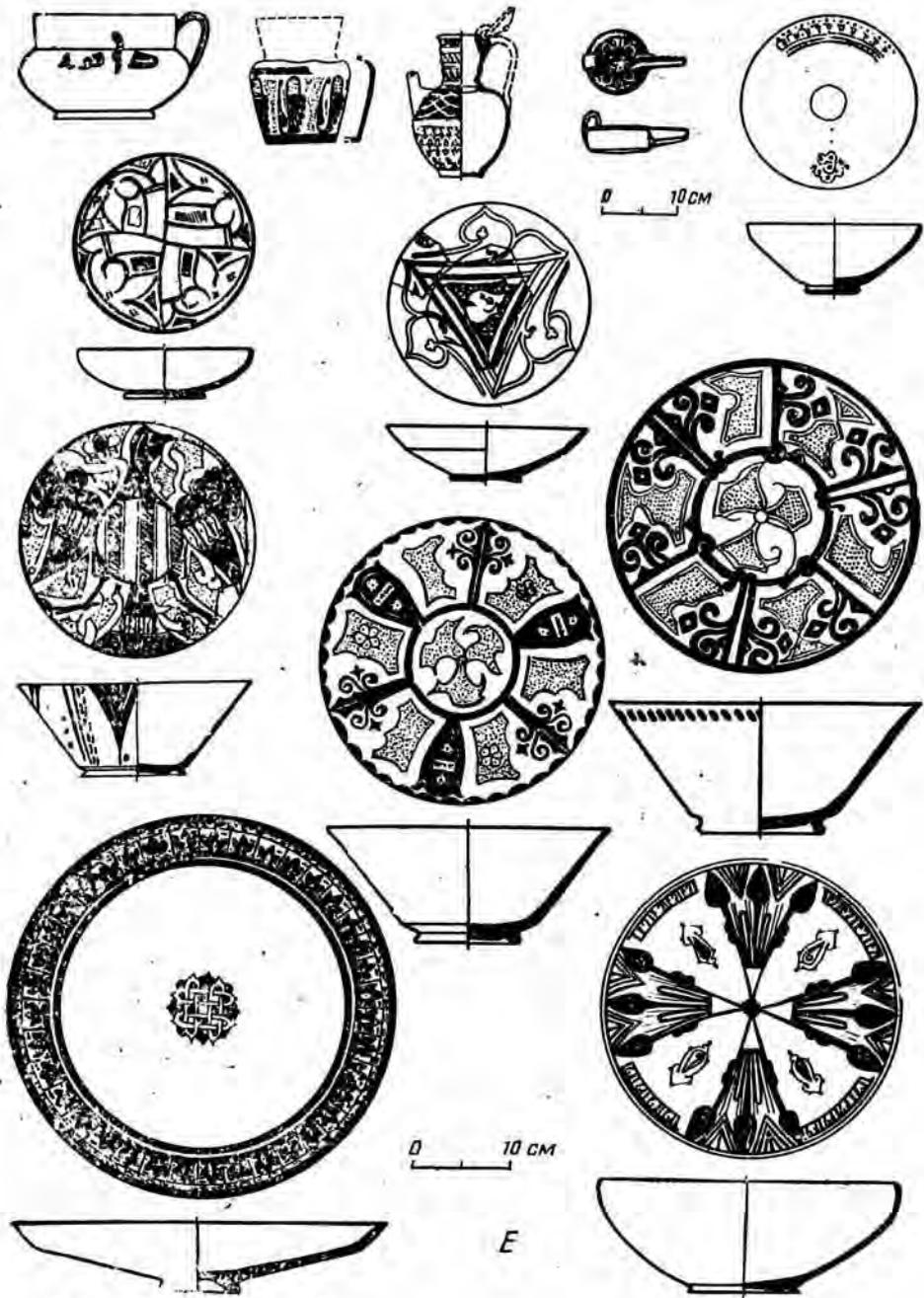

Таблица VII (продолжение).

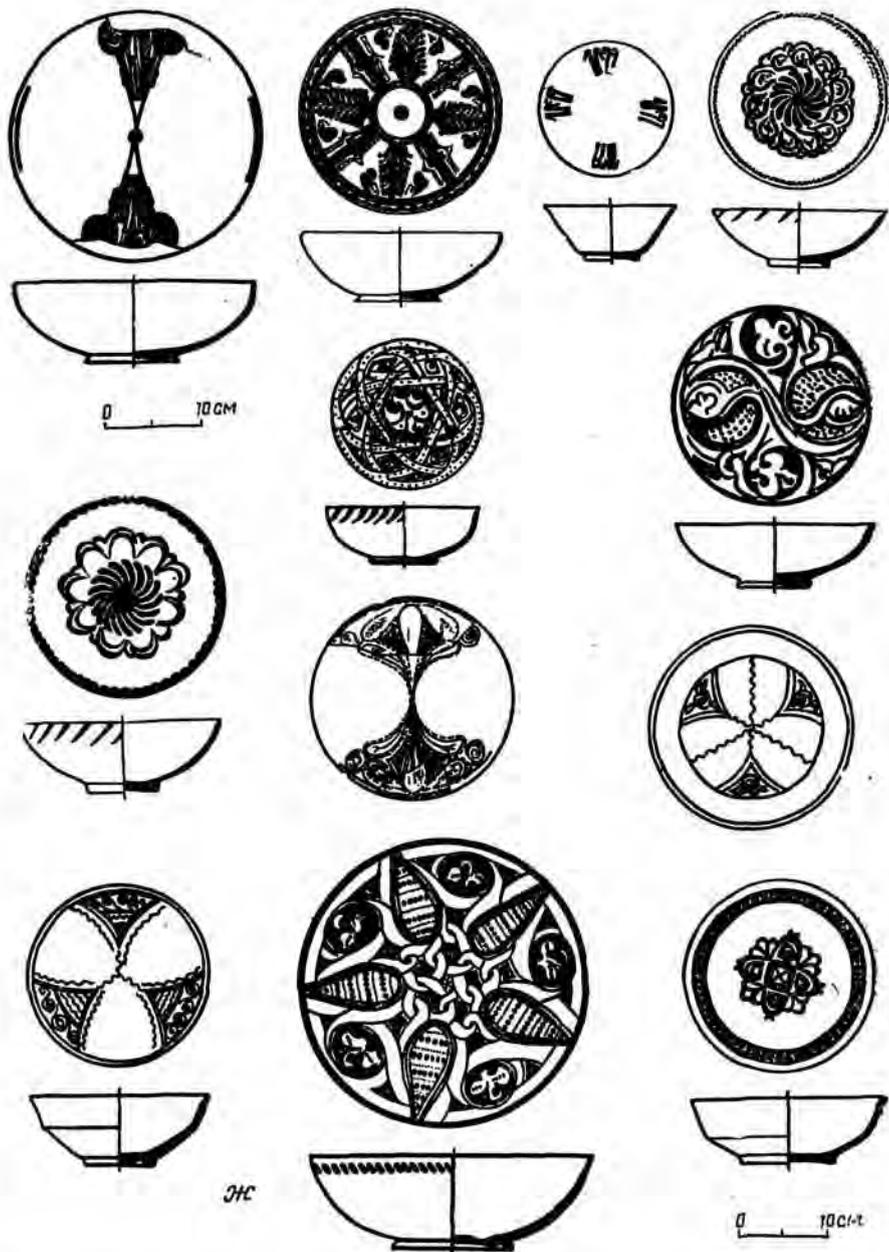

Таблица VII (продолжение).

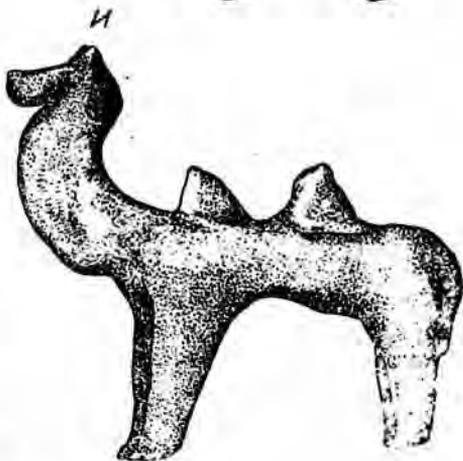
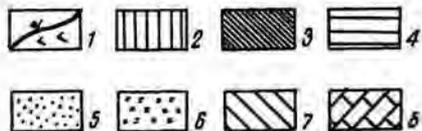
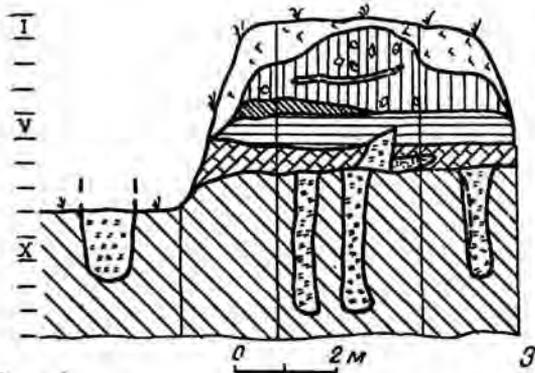

Таблица VII (продолжение).

Таблица I. Шаштепа. Археологический комплекс:

А — топографический план с контурами здания в цитадели; Б — план центрального здания II—I вв. до н. э. В — план цитадели конца III—IV в. н. э.; Г — разветка стратиграфического раскопа (Р I) в цитадели; 1 — опись; 2 — зольно-органические отложения; 3 — засыпка; 4 — слой лессовой структуры с керамикой комплекса Шаш III; 5 — пахсовая стена цитадели этажа Шаш V; 6 — лессовый слой с органикой и золистыми включениями с керамикой комплекса Шаш II; 7 — золотистый культурный слой с остатками полуземлянок комплекса Шаш I; 8 — сырцовая кирпичная стена; 9 — слой, насыщенный органическими остатками; 10 — кольцевая стена центрального здания II—I вв. до н. э.; Д — сводная таблица керамики комплекса Шаш II; Е — новые керамические формы (комплекс Шаш II); Ж — керамические формы комплекса Шаш III; З — керамика комплекса Шаш IV; И — керамика комплекса Шаш V; К — керамика комплекса Шаш VI; Л — комплекс Шаш I и II, камень; М — комплекс Шаш IV, терракота; Н — керамика комплекса Шаш I, отпечатки ткани на донцах сосудах; О — комплекс Шаш I—II; бронза и железный нож; П — настенное украшение из сырой глины XI—XII вв.; Р — отпечаток на хуме из комплекса Шаш III; С — костяной стиль из комплекса Шаш IV; Т — фрагмент ритона слоновой кости I—II вв. н. э.; У — керамика XII в.

Таблица II. Куганттепа. Археологический комплекс:

А — топографический план остатков городища: а — место раскопок; Б — план культовой площадки III—IV вв. н. э.; В₁ — план раскопа; В₂ — разрез (I—II) и северный профиль (II—II) траншеи; 1 — рыхлый лессовый слой с керамикой; 2 — стена из пахсы и сырцового кирпича; 3 — кирпичная забутовка; 4 — строительный сырцовый завал; 5 — кирпичная стена; 6 — уровень пола; 7 — слой пожара с обгорелыми балками; 8 — строительный и хозяйственный мусор; 9 — зольно-органический слой; 10 — земля с золой; 11 — лессовая прослойка; 12 — материковый лесс; Г — керамический амulet; Д — слив сосуда; Е — керамика; Ж — камень; З — культовая очажная подставка, терракота.

Таблица III. Мингюрюк. Археологический комплекс:

А — топографический план городища (съёмка 1871 г.). а — места шурфов и раскопок; Б — стратиграфический разрез «замка»: 1 — уровень дневной поверхности; 2 — рыхлый насыпной слой; 3 — лесс, пахса, кирпич в забутовке; 4 — стена из пахсы и кирпича; 5 — плотная забутовка; 6 — пахса; 7 — пахсовый завал; 8 — стены первоначального городского пункта; 9 — завал сырцовых кирпичей; 10 — кирпичная кладка; 11 — слой с включением угля; 12 — рыхлый слой зольно-органической структуры; В — фрагмент плана сооружений первоначального городского пункта (городская стена с примыкающими помещениями); Г — план строительных остатков VII—VIII вв. н. э.; а — дворец; б — святилище; Д — здание в шахристане: а — план; б — разрез; 1 — уровень дневной поверхности; 2 — пахсовые стены; 3 — промазка полов; 4 — слой с углем, керамикой, золой; 5 — слой лессового завала с фрагментами пахсы; 6 — слой завала с фрагментами кирпича, углем, золой; 7 — рыхлый лесс; 8 — обгорелый слой; Г — керамика из дворца и святилища; Ж — керамика нижнего слоя; З — хумы из дворцовых помещений; И — керамика из слоя над оборонительной стеной; К — монета правителей Чага первой половины VIII в. н. э.; Л — керамика X в.; М — фрагмент настенной росписи дворца; Н — штамп керамический; О — знаки на хумах.

Таблица IV. Актепа Юнсабадское. Археологический комплекс:

А — топографический план цитадели с контурами раскопок; Б — архитектурные разрезы раскопанной части замка: 1 — архитектурные остатки первого периода застройки; 2, 3 — второго периода застройки; 4 — уровень дневной поверхности; 5 — граница раскопа; 6 — уровень материка; В — план замка первого строительного периода; Г — план замка второго строительного периода; Д — план архитектурного комплекса ворот цитадели; Е — опыт реконструкция замка; Ж — сводная таблица керамики VII—VIII вв. н. э.; З — керамика и камень; И — терракота, VII—VIII вв. н. э.; К — детали архитектурного декора VII—VIII вв. н. э.; Л — оттиск на терракотовой плитке первой половины VIII в. н. э.; М — железзо; Н — серебряный перстень VII—VIII вв. н. э.; О — монета правителей Чага середины VIII в. н. э.; П, Р — керамика XI—XII вв.

Таблица V. Актепа Чиланзарское. Археологический комплекс:

А — топографический план; Б — план храма II и III строительных периодов; В — план храма верхнего горизонта; Г — таблица основных форм керамики; Д — храм первого строительного периода (реконструкция); Е — храм верхнего горизонта (реконструкция); Ж — зооморфные детали керамики.

Таблица VI. Ханабат. Археологический комплекс:

А — схематический топоплан (по М. Е. Массону); Б — план цитадели; В₁ — план городской стены; В₂ — разрезы городской стены; Г — заполнение примыкающих к стене помещений; 2 — стены помещений; 3 — материковый слой; 4 — слой заустения; 5 — обкладка башни; Г — керамика из крепостной стены; Д — керамика из помещений цитадели; Е — глазуфованная керамика IX—X вв.; Ж — оссуарий; З — керамический глазуфованный ритон; И, К, Л, М — монеты правителей Чага и удельных городов; Н, О — нашивка крышек оссуариев.

Таблица VII. Бинкет. Археологический комплекс:

А — схема распространения культурных отложений городища: а — культурные слои IX — нач. XIII в.; б — шахристан Бинкета; в — линия городской стены XIX в.; Б — набор стеклянных изделий; В — сводная таблица типов керамики IX в. — нач. X в.; Г — керамика с зооморфными орнаментом; Д — сводная таблица типов керамики X в.; Е — сводная таблица типов керамики конца X — XI вв.; Ж — сводная таблица типов керамики конца XI—XII вв.; З — стратиграфический разрез участка шахристана (стадион «Спартак»); 1 — уровень дневной поверхности и современных отложений; 2 — слой XV—XVI вв.; 3 — песчаная прослойка; 4 — слой XII в.; 5 — мелкая галька; 6 — бадрабы X и XI вв.; 7 — материковый слой; 8 — слой X—XI вв.; И — терракотовые игрушки X в.

Список принятых сокращений

- ТАН ТаджССР — Труды Академии наук Таджикской ССР.
СЭ — Советская этнография.
ТТУ — Труды Ташкентского государственного университета.
ТВОРАО — Труды Восточного отделения Русского археологического общества.
ИМКУ — История материальной культуры Узбекистана.
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР.
ОНУ — Общественные науки в Узбекистане
ТОВЭ — Труды отдела Востока Эрмитажа.
ВДИ — Вестник древней истории.
ТХЭ — Труды Хорезмийской археолого-этнографической экспедиции.
ТЮТАКЭ — Труды Южно-Туркменской археологической комплексной экспедиции.
ЗВОРАО — Записки восточного отделения Русского археологического общества.
СКСО — Справочная книжка Самаркандской области.
ПТКЛА — Протоколы Туркестанского кружка любителей археологии.
АО — Археологические открытия.
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР.
СА — Советская археология.
СЭ — Советская этнография.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Введение	9
История археологического изучения Ташкента и историография вопроса. Физико-географический и геоморфологический обзор Ташкентского микрооазиса	16
Глава I. Обзор письменных сведений	21
Глава II. Характеристика археологических памятников Ташкента	36
Объекты в зоне первичного освоения гидросети микрооазиса. Объекты второй очереди освоения микрооазиса	100
Синхронизация археологических комплексов и вопросы хронологии Каунчинской культуры.	135
Объекты третьей очереди освоения микрооазиса	152
Глава III. Исторические силуэты древнего Ташкента	164
Арханчский период	164
Древний этап развития градостроительства и городской культуры Ташкента. Ташкент — столица Чача	177
Ташкент — столица Чача	181
Заключение	194

Мargarита Ивановна
Филанович

ТАШКЕНТ ЗАРОЖДЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ГОРОДА И ГОРОДСКОЙ КУЛЬТУРЫ

*Утверждено к печати Ученым советом Института археологии АН УзССР,
Отделением истории, языковедения и литературоведения АН УзССР*

Редактор Э. Р. Торсыян
Художник Д. А. Файзрахманов
Художественный редактор А. М. Расулов
Технический редактор В. М. Тарахович
Корректор М. А. Саггарова

ИБ № 2444

Сдано в набор 3.05.83. Подписано к печати 7.06.83. P07718. Формат 70×90/16. Бумага типографская № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 16,96, Уч.-изд. л. 16,3, Тираж 1000. Заказ 110. Цена 3 р.

Адрес Издательства: 700047, Ташкент, ул. Гоголя, 70.
Типография Издательства «Фан» УзССР, Ташкент, проспект М. Горького, 79.